★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

Писатель, которого нельзя не любить!

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

ЭКСМО

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

Писатель, которого нельзя не любить!

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Впервые на русском языке!

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Москва
Эксмо
Санкт-Петербург
издательство Домино
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
К 29

Henry Kuttner
STORIES

Copyright © 1946... 1958 by Henry Kuttner

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Серия основана в 2006 году

Каттнер Г.

К 29 Дом, который построил Джек: Фантастические рассказы / Генри Каттнер; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2006. — 576 с. — (Все звезды).

ISBN 5-699-17581-4

Генри Каттнер, один из основоположников фантастического жанра, автор множества романов и рассказов, уже много лет пользуется заслуженной любовью читателей. Мастер остроумного парадокса, он был одним из тех, благодаря кому фантастика обрела свое нынешнее лицо. И потому мы особенно рады представить вам сборник рассказов, почти все из которых никогда прежде не выходили на русском языке!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. Н. Аллунан, О. Битов, В. Баканов, Н. Берденников, Б. Жужунава, О. Зверева, И. Невструев, Е. Секисова, 2006
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-17581-4

ГЕНРИ КАТТНЕР: НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ ВЕЛИКИЙ МАСТЕР*

Походите по средним школам и колледжам, покрутитесь в кругах недооперившихся интеллектуалов различной степени разумности и послушайте, какие имена упоминают они, когда речь заходит о литературе. В большинстве случаев это будут: Толкиен, Лавкрафт, Хайнлайн, Старджон, Уэллс, Верн, Оруэлл, Воннегут и, простите за выражение, Брэдбери. Однако не слишком часто — Каттнер.

Почему так?

Почему Генри Каттнер, умерший в конце пятидесятых, был незаслуженно забыт после смерти?

Разве он писал хуже, чем все вышеперечисленные?

Нет.

Может быть, он писал меньше, чем они?

Даже больше, чем некоторые.

Разве он не лопался от переполнявших его идей, как спелый гранат — от зерен?

Еще как.

© Перевод Н. Аллунан.

* Это предисловие Рэй Брэдбери написал к книге «Лучшее Генри Каттнера», увидевшей свет в 1974 году, однако оно как нельзя лучше подходит к настоящему изданию, поскольку сюда вошло множество рассказов, до сих пор совершенно неизвестных российскому читателю. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

Был ли его слог столь же красочен и цветист, как у прочих?

Пожалуй, недостаточно.

Трубил ли он о себе на всех углах?

Редко.

Возможно, он был чересчур многогранным автором и работал в слишком многих направлениях фантастики и фэнтези?

Очень даже может быть.

Как бы там ни было, эта книга восполнит пробел в подборке произведений, имеющих хождение среди школьников и студентов, и благодаря ей имя Каттнера в последующие годы будет упоминаться чаще.

Но прежде чем мы рассмотрим причины, по которым Генри Каттнер на время впал в безвестность, я вынужден сделать личное отступление, и притом довольно длинное.

Предисловие к книге Генри Каттнера и должно быть очень личным, иначе в нем не будет смысла. Я не стану отягощать вас заумным сравнительным анализом его рассказов. Вы и сами с этим вполне справитесь, пока будете читать эту увлекательную книгу, постепенно понимая, что перед вами произведения человека, который в числе прочих сделал научную фантастику и фэнтези такими, какими вы их знаете. Это произошло в переломные годы: годы, когда закатилась звезда «Weird Tales» и взошла «Astounding Science Fiction», когда на небосклоне воссияли новорожденные «Unknown» и «The Magazine of Fantasy and Science Fiction». Я имею в виду приблизительно 1938–1950-е гг. Именно в это время завоевало первую популярность большинство по-настоящему значимых фантастов. Многих на это вдохновил Джон У. Кэмпбелл, редактор «Astounding».

Каттнер был одним из них.

Простите за богохульство, но я не скоро прощу Господу, что он забрал у нас Генри Каттнера в 1958 году.

Из-за одной только его смерти я не люблю вспоминать тот год. Дар Каттнера был неповторим и уникален, и потому эта потеря особенно горька.

Нам нравится делать вид, будто по нашей планете бродят толпы непризнанных гениев. Мой жизненный опыт говорит, что это попросту ложь. Истинный талант, наделенный внутренним интуитивным чутьем,— большая редкость. Творческих людей мало, и они разбросаны по миру.

После смерти человека принято говорить, что его, мол, никто не заменит. Один из самых заскорузлых штампов. Конечно, часто такое говорится из любви к усопшему, но в большинстве случаев это тоже неправда. Есть сотни неотличимых друг от друга писателей, которых можно хоть завтра заменить без всякого ущерба или блага для мировой культуры.

Нас окружают моря бесталанности и бескрайние равнины творческого бесплодия. И это заставляет меня с еще большим восхищением относиться к природной интуиции Генри Каттнера. Он был творцом — единственным в своем роде, оригинальным и, на собственный безобидный лад, маниакально увлеченным.

Я хотел бы описать что-нибудь поразительное из жизни Генри Каттнера. Однако тогда бы мне пришлось погрешить против истины. Каттнер был застенчивым человеком, который пристально смотрел на вас, размышляя о своем.

Не сомневаюсь, часто я казался ему смешным. Когда мы познакомились, мне было семнадцать лет. В этом возрасте я был так не уверен в себе, что постоянно мельтешил, выступал и разглагольствовал, лишь бы только скрыть смущение и тайные страхи. Каттнер терпел это очень много лет, даже слишком долго, а потом дал мне совет. Это был самый полезный для творчества совет, какой я когда-либо получал.

— Рэй,— сказал мне однажды Каттнер,— сделай одолжение...

— Какое? — спросил я.

— Заткнись.

— Что?

— Ты вечно носишься, хватаешь людей за рукава, виснешь у них на лацканах и выкрикиваешь им в лицо свои идеи,— ответил он.— Так ты выпускаешь весь пар. Ничего удивительного, что ты никак не можешь закончить хоть один рассказ. Ты их выкрикиваешь без остатка. Заткнись.

И я заткнулся.

Вместо того чтобы выбалтывать идеи на все четыре стороны, я стал писать по рассказу в неделю. С того дня я никогда не обсуждал свои замыслы до тех пор, пока они не обретали окончательную форму и не улетали авиапочтой на восток.

Если Брэдбери стал замкнутым, то Каттнер был образцом замкнутости. Фрэнк Ллойд Райт называл себя стариком, помешанным на архитектуре. Каттнер на третьем-четвертом десятке лет был молодым человеком, помешанным на книгах. Сначала на чужих, потом — на собственных. Его сумасшествие не было буйным и громогласным, как мое безумие молодости. Генри негромко бил в барабан, подыгрывая одному ему известной мелодии, и шагал вслед за своей музой спокойно, неспешно и никуда не сворачивая.

Попутно он помогал редактировать, наполнять и издавать собственный фэнзин «Sweetness and Light». Сам я примерно в те же годы выпускал жуткий ротапринтный журнальчик «Futuria Fantasia», где время от времени печатались Каттнер и Хайнлайн.

Опять-таки попутно Каттнер исхитрялся подбрасывать мне имена людей, способных изменить мою жизнь. Почитай Кэтрин Энн Портер*, говорил он, она велико-

---

* Кэтрин Энн Портер (1890–1980) — американская писательница, автор романа «Корабль дураков», экранизированного в 1965 году, множества рассказов, эссе и переводов.

лепна. А Юдору Уэлти* ты знаешь? Почему нет? Ты перечитывал Тома Смита? Займись. А как тебе рассказы Фолкнера или (о таком авторе вы наверняка не слышали) Джона Колье**?

Он давал мне почитать перепечатки загадочных для меня писателей и советовал мне, как и Ли Брекетт, которая тоже мне помогала, познакомиться с творчеством Джеймса Кейна, Дэшиела Хэммета и Раймонда Чандлера***. Нам с Брекетт всегда казалось, что стоит нам, шагая по улице, поднять глаза, как за полквартала впереди обнаружится Каттнер, входящий в библиотеку или выходящий из нее. Последний раз я видел его, когда мы на автобусе отправились в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Там, в огромной университетской библиотеке, Каттнер долго купался в море стеллажей, и на лице его играла блаженная и кроткая улыбка. Писал он постоянно, однако, к сожалению, не способен был хоть иногда привлечь к себе внимание громким воплем, как это когда-то делал я. Теперь пришла пора нам подойти поближе, присмотреться к неброским узорам на обоях и вытащить Каттнера на свет.

Просматривая содержание этого сборника, я, к своему ужасу, обнаружил, что не могу найти рассказа, который мог бы служить визитной карточкой автора. У Каттнера есть произведения серьезные, есть незамысловатые. Его нельзя причислить к авторам науч-

---

* Юдора Уэлти (р. 1909) — американская писательница и критик, автор романов «Проигрывая битвы» и «Дочь оптимиста», где изобличаются нравственные проблемы общества потребления.

** Джон Колье — американский писатель, работал в жанре «хоррор», на русском языке вышел его рассказ «Деньги колдуна», который входит в один из сборников рассказов ужасов, издаваемых Альфредом Хичкоком.

*** Все три перечисленных автора работали в жанре детектива. Их произведения хорошо известны российскому читателю, кроме того, их часто экранизировали.

ной фантастики, юмористической фантастики или фэнтези, хотя он писал и то, и другое, и третье. Если бы он прожил дольше, то наверняка стал бы источником головной боли для критиков и библиотекарей, которые любят лепить на писателей ярлыки, чтобы аккуратно расставить по полочкам.

Каттнер и для самого себя был источником головной боли. Первый его напечатанный рассказ, «Кладбищенские крысы», был причислен к классике жанра сразу же после публикации в «Weird Tales», а ведь Генри тогда был еще подростком. Быстрая слава, которую принес ему этот рассказ, относящийся скорее к жанру «хоррор», но все равно блистательный, смущала Каттнера, и когда спустя годы кто-нибудь упоминал «Кладбищенских крыс», Генри погружался в тягостное молчание. Он вовсе не рвался стать этаким Лавкрафтом низшей лиги.

Долгое время он пробовал и испытывал свой дар. За эти годы он написал десятки ничем не примечательных рассказов для различных дешевых журналов, печатающих фантастику, пока однажды, пережив в себе Тома Смита, Джона Колье и Роберта И. Говарда, не воплотился в наконец-то состоявшегося Генри Каттнера.

Когда наступил переломный момент? Каким образом автор бульварного чтива превратился в писателя высшего уровня? Пожалуй, можно было бы сослаться на полдюжины рассказов, опубликованных в великолепном журнале Кэмпбелла «Unknown». Однако я лучше упомяну два других, опубликованных в «Astounding», по прочтении которых у нас глаза полезли на лоб и челюсти отвисли. Эти рассказы, «Твонк» и «Все тенали бороговы», мне особенно дороги, потому что почти сразу по завершении Каттнер дал мне их, чтобы я дома прочитал и изучил. Тогда я понял то, что теперь стало общеизвестным. Я держал в руках два рассказа, кото-

рые ярко выделялись на фоне всего написанного в этом жанре.

Тогда было трудно предугадать, какой толчок дадут эти рассказы другим фантастам. Однако и авторы с именем, и начинающие написали впоследствии в общей сложности около сотни подражаний. К этим подражателям я причисляю и себя. Глубоко сомневаюсь, что «Урочный час» и, если уж на то пошло, «Вельд» соскочили бы с валика моей пишущей машинки, если бы фантазия Каттнера не проложила им дорогу.

Все это очень печально, если вспомнить, как рано умер Генри Каттнер. У него было то, что мы все ценили и любили: бездна идей и любовь к литературе. Он не относился к тем легкомысленным циникам, что приходят в журналы или на телевидение в стремлении заработать по-быстрому. Ему было не по душе писать ради денег. Настоящее счастье для него заключалось в том, чтобы бродить по библиотеке, открывая для себя новых писателей и новые точки зрения на человека, предложенные психологами или другими учеными. Он успел начать экспериментировать с сюжетами, частично представленными в этом сборнике, его интересовало самосознание роботов, машинный интеллект и человек, потерявшийся среди этих машин.

Жаль, что он не дожил до времен Кеннеди—Джонсона—Никсона, когда компьютеры действительно вошли в человеческую жизнь, до тех невероятно противоречивых лет, когда мы ступили на Луну и робко стали подбираться к звездам. Каттнер, который, слава богу, был совершенно аполитичен, мог бы открыть нам глаза на тайны нашей политтехнологической цивилизации — на что нынешние «модные писатели» совершенно не способны, поскольку их болтает влево-вправо. Каттнер нигде не состоял, ни к кому не принадлежал. Он принадлежал всем нам. Хорошо бы в сегодняшнем мире,

где все делится на черное и белое, правильное и ошибочное, было поменьше мейлеров* и побольше каттнеров...

Тут мы вновь возвращаемся к вопросу о том, почему имя Каттнера оказалось полузабытым поклонниками фантастики.

Безусловно, отчасти тому виной как раз его нежелание участвовать в политических спорах. Стоит упомянуть Воннегута, как тут же появляется добро и зло. Аналогично дело обстоит с Оруэллом. И с Хайнлайном, с Уэллсом и даже с Верном. Ведь, в конце концов, это же Верн придумал безумца Немо, зеркальное отражение безумца Ахава**. Немо скитается по миру, втолковывая принципы морали милитаристам, которые еще более безумны, чем он. Более того, Верн был величайшим проповедником гуманистических идей, он говорил: у вас есть разум, так используйте его, чтобы управлять своим сердцем; у вас есть сердце, так используйте его, чтобы управлять разумом; и у вас есть руки, чтобы изменить мир. Голова, сердце, руки — возьмите все это и воссоздайте Эдем.

Большинство фантастов в той или иной степени норовят совершить революцию нравов и просветить нас ради нашего же блага. Когда на этом поле решили попробовать свои силы Бернард Шоу и Бертран Рассел, было нетрудно предсказать (что я и сделал в случае с лордом Расселом), что они заделаются революционерами нравственности и с этих высот будут поучать и править. В большей степени это, конечно, относится к Шоу. Рассел недавно снизошел до рассказа, но рассказ был фантастический, и от него так и разило нравоучениями.

---

* Очевидно, имеется в виду Нортон Мейлер (р. 1923), американский писатель и публицист, автор романов «Живые и мертвые» (1948), «Американская мечта» (1965), «Песнь палача» (1979), отличающихся острой социальной направленностью.

** Герой романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

Из вышесказанного становится очевидно, в чем просчитался Каттнер — если только это был просчет, с чем я лично не согласен. Нельзя постоянно делить все на плохое и хорошее, нельзя с утра до ночи размышлять с политической точки зрения. Так можно в конце концов стать Истинно Верующим — или, что то же самое, Совершенно Чокнутым.

Каттнер не сумасшедший и не особенно ловок в искусстве joie de vivre*. Он убийственно спокоен. Если он и прославляет что-либо, вы об этом ни за что не догадаетесь.

Я не могу припомнить, чтобы он с жаром высказывался о политике или политиках. Когда нам девятнадцать или двадцать лет и на дворе лето, мы, бывает, носимся с полубезумными идеями технократии, социализма или сайентологии. Потом лихорадка отступает, туман рассеивается, а мы не можем понять, что это было и почему некоторые друзья отказываются с нами разговаривать, пока не убедятся, что из волосатых политгорилл мы снова превратились в людей. Так вот, если в жизни Каттнера и был такой год или месяц, мне ничего об этом не известно. И в произведениях его это не проявляется. И раз в книгах Каттнера нет той, говоря современным языком, Идейности с большой буквы, его ставят ступенек на десять ниже Оруэлла и на двадцать ниже Воннегута. Надо ли говорить, что это стыд и позор? Нам нужен вовсе не политический уклон или черно-белая раскраска. Нам нужно больше регулировщиков движения, которые знают только одно движение — в будущее и стоят на дорогах, ведущих в завтрашний день, указывая нам путь своим творчеством. И вовсе не обязательно таскать нас за уши, когда мы, дети неразумные, плохо себя ведем.

Каттнер не был ни нравственным революционером, ни политическим реформатором. Он писал книги, кото-

---

* Радости жизни *(фр.)*.

рые интересно читать. Да, они полны новых идей и размышлений о добре и зле, но они не кричат, не рыдают и не вопиют, требуя немедленно что-то изменить. «Вот каковы мы,— говорит Каттнер.— Что скажете?» И чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что он пал жертвой самого страшного проклятия нашего времени. Слишком часто люди спрашивают: «Ну и на что нам сдался этот Каттнер? Какой от него прок? Каким орудием он может служить? К чему подходит? Где на нем ярлычок с определением? Станут ли меня уважать больше, если я, разгуливая по университету, буду держать под мышкой не "Архипелаг Гулаг", а "Все тенали бороговы"?»

Это если и не полностью, то по крайней мере во многом объясняет, почему Каттнер был незаслуженно забыт. Дети цивилизации одноразовых носовых платков зачастую норовят отложить в сторону автора, не пригодного для чистки ушей,— а то друзья задразнят.

Так что если вы надеялись найти в этой книге религиозные наставления, рецепт, как сделать мир лучше, или руководство по духовному росту, то, скорее всего, вам лучше вернуться к Ситтхартхе и прочей высокоинтеллектуальной ветоши, которой второкурсники всего мира пудрят друг другу мозги. Каттнер не станет вас пинать, кусать, бить или тем более обнимать, целовать, поглаживать и совершенствовать. И слава богу. Лично я по горло сыт духовным ростом — все равно что съел слишком много сладкой ваты, побывав во множестве балаганов.

И напоследок, с вашего позволения, я бы хотел рассказать одну историю из собственной жизни.

Если вы откроете ноябрьский номер журнала «Weird Tales», изданный в далеком 1942 году, вы найдете там мой первый рассказ в жанре «хоррор». Называется он «Свеча». Последние триста слов в нем принадлежат перу Генри Каттнера. Замучившись с этим рассказом, я

отправил его Хэнку, а в ответ он прислал законченный финал. Финал был хорош. Написать лучше я бы не смог. Я попросил разрешения использовать его. Хэнк согласился. Этот финал — единственный стоящий отрывок того рассказа, не без причины долго пылившегося у меня в столе неизданным. Я рад, что могу сказать: когда-то я работал в соавторстве с Генри Каттнером.

Итак, вы держите в руках его сборник. Сюда вошла лишь малая часть из сотен рассказов, написанных Каттнером. У него не было семьи, но... Дети Каттнера — здесь, в этой книге. Они очаровательны, не похожи на других и хороши собою. Я хотел бы, чтобы вы познакомились с ними.

Рэй Брэдбери,
Лос-Анджелес, Калифорния,
2 июля 1974 г.

От редактора русского издания. Упреки Рэя Брэдбери обращены по большей части к американскому читателю. В нашей стране судьба произведений Каттнера сложилась значительно лучше: здесь его давно знают и любят. Этот том, безусловно, станет прекрасным подарком поклонникам творчества Генри Каттнера, так же как и тем любителям фантастики, кто пока еще не имел возможности познакомиться с его произведениями.

ВЕРНУЛСЯ ОХОТНИК ДОМОЙ

И не с кем поговорить, разве с самим собой. Вот я стою здесь, над водопадом мраморных ступеней, ниспадающих к залу приемов, а внизу меня ждут все мои жены при всех своих драгоценностях, потому что это — Триумф Охотника, охотника Роджера Беллами Честного, мой Триумф. Там, внизу, свет играет в застекленных витринах, а в витринах сотни высушенных голов, голов, добытых в честном бою, и я теперь один из самых могущественных людей в Нью-Йорке. Головы — это они дают мне могущество.

Но поговорить мне не с кем. Вот разве с самим собой? Может, где-то глубоко во мне прячется еще один Роджер Беллами Честный? Не знаю. Может, он-то и есть единственная стоящая часть меня? Я иду в меру сил назначенным мне путем, и что же, выходит, все ни к чему? Может, тому Беллами, внутреннему, и не нравится то, что я делаю. Но я вынужден, я обязан делать это. Я не в силах ничего изменить. Я родился Охотником за головами. Большая честь родиться Охотником, унаследовать такой титул. Кто не завидует мне? Кто не поменялся бы со мной местами, если бы только мог?

И что же, выходит, все ни к чему.

© Перевод О. Битова.

Я ни на что не годен.

Выслушай меня, Беллами, выслушай, если ты действительно существуешь, если прячешься где-то у меня внутри. Тебе надо меня выслушать — тебе надо понять. Вот ты прячешься глубоко под черепом. А в один прекрасный день, в любой день, ты можешь очутиться за стеклянной витриной в зале приемов другого Охотника за головами, и толпы простонародья приникнут снаружи к смотровым люкам, и гости будут приходить, разглядывать тебя в витрине и завидовать ее владельцу, а его жены выстроятся вблизи в своих драгоценностях и шелках.

Может, ты и не понимаешь меня, Беллами. Может, тебе и сейчас хорошо. Вероятно, ты просто не представляешь себе того реального мира, в котором мне приходится жить. Сто или тысячу лет назад все, возможно, было бы иначе. Но нынче XXI век. Мы живем сегодня, а не позавчера, и назад нет возврата.

Сдается мне, ты все-таки не понимаешь.

Видишь ли, выбора не дано. Либо ты заканчиваешь счеты с жизнью за стеклянной витриной другого Охотника и вся твоя коллекция следует за тобой, а жен твоих и детей изгоняют и причисляют к простонародью; либо ты умираешь собственной смертью (самоубийство, скажем) и твою коллекцию наследует твой старший сын, а сам ты обретаешь бессмертие в пластмассовом монументе. И стоишь на века, отлитый в прозрачной пластмассе, на пьедестале у границ Сентрал-парка, как Ренуэй, и старик Фальконер, и Бренная, и остальные бессмертные. И все тебя помнят, все восхищаются тобой и завидуют тебе...

Там, в пластмассовой оболочке, ты, Беллами, будешь все так же размышлять? А я? Я?

Фальконер был великий Охотник. Он ни разу не запоздал сделать свой ход и дожил до пятидесяти двух. Для Охотника за головами это преклонный возраст. Хо-

дят слухи, что он покончил с собой. Не знаю. Чудо в другом — что он удержал свою голову на плечах до пятидесяти двух. Конкуренция становится все острее, и конкурентов в наше время все больше, и они все моложе.

Выслушай меня, внутренний Беллами. Ты когда-нибудь по-настоящему понимал меня? Ты все еще вспоминаешь, что было иное время, чудное время детства, когда жизнь казалась легка? А где ты был в те долгие жестокие годы, когда тело мое и разум постигали науку Охотника за головами? Я ведь все еще молод и силен. Мое обучение никогда, ни на день не прекращалось. Однако первые годы были самыми трудными.

До того — да, до того я прожил чудное время. Но длилось оно всего шесть лет — шесть лет счастья, тепла и любви, шесть лет жизни в гареме, вместе с матерью, названными матерями и остальными детьми. И отец был очень добр ко мне тогда. Но едва мне исполнилось шесть, все кончилось. Уж лучше бы они совсем не давали нам любви, чем дали и тут же отняли. Помнишь ли ты это время, внутренний Беллами? Если да, то оно никогда не вернется. И ты это знаешь. Это-то ты знаешь.

Обучение основывалось на послушании и дисциплине. Отец больше не был добр. Мать я видел редко, но когда видел, чувствовал, что и она изменилась ко мне. И все же у меня оставались какие-то радости. Например, парады, когда простонародье приветствовало отца и меня. И похвалы от отца и от тренеров, когда я выказывал особую сноровку в фехтовании, или в стрельбе, или в дзюдо.

Это запрещалось, но иногда я и братья старались убить друг друга. Наши тренеры специально следили за нами. Я тогда еще не был наследником. Но я сделался им, когда мой старший брат сломал себе шею в броске дзюдо. Несчастье выглядело случайным, но, разумеется, было рассчитанным, и с той поры мне пришлось стать

еще более осторожным. Пришлось стать очень, очень искусным...

Все эти годы, все эти мучительные годы нас учили убивать. Для нас стало естественным убивать. Нам постоянно твердили, как естественно убивать. Мы должны были выучить свой урок. А наследник мог быть только один...

И даже тогда, в детстве, мы не расставались со страхом. Если голова отца слетела бы с его плеч, нас тут же изгнали бы из особняка. О нет, мы не умерли бы с голоду и не остались бы без крова. Этого не может быть в наш век, век науки. Но не бывать бы мне тогда Охотником за головами. И не добиться бы бессмертия в пластмассовой оболочке у границ Сентрал-парка.

Иной раз мне снится, что я принадлежу к простонародью. Это странно, но во сне я чувствую голод. А ведь голод в наши дни попросту невозможен! Мощные заводы обеспечивают все нужды Земли. Машины синтезируют пищу, строят дома, дают людям все, что нужно для жизни. Я не принадлежал и не буду принадлежать к простонародью, но если бы такое случилось, я отправился бы в столовую и взял бы любую пищу, какая мне приглянулась бы, из маленьких стеклянных ячеек. Я питался бы хорошо — намного лучше, чем сейчас. И все же во сне я чувствую голод.

Может, еда, которой меня кормят, не нравится тебе, внутренний Беллами? Она и мне не нравится, но она и служит не для того. Она питательна. Она неприятна на вкус, зато содержит все белки, соли и витамины, необходимые, чтобы мой мозг и тело действовали наилучшим образом. Еда и не должна быть приятна. Не через удовольствие приходят к бессмертию в пластмассовой оболочке. Удовольствие расслабляет, оно вредно.

Ответь, внутренний Беллами,— ты ненавидишь меня?

Жизнь моя не была легка. Она и сейчас нелегка. Упрямая плоть бунтует против бессмертия в будущем, побуждает проявить слабость. Но если ты слаб, как долго ты сможешь удержать голову на плечах?

Простонародье спит с собственными женами. Я ни разу даже не поцеловал ни одну из своих. (Не ты ли, Беллами, насылаешь на меня сновидения?) Дети — да, они мои: на то есть искусственное оплодотворение. Я сплю на жесткой постели. Порой ношу власяницу. Пью воду и только воду. Ем безвкусную пищу. И каждый день под руководством своих наставников тренируюсь, тренируюсь до изнеможения. Такая жизнь трудна, зато в конце концов мы с тобой встанем на века в пластмассовом монументе и весь мир будет завидовать нам и восхищаться нами. Я умру Охотником за головами и тем обрету бессмертие.

Тебе нужны доказательства? Они в стеклянных витринах, там внизу, в зале приемов. Головы, головы...

Смотри, Беллами, сколько голов! Стреттон — мой первый. Я убил его в Сентрал-парке с помощью мачете. Этот шрам на виске я получил в ту ночь от него. С тех пор я научился быть искуснее. Пришлось научиться.

Каждый раз, когда я иду в Сентрал-парк, моими помощниками выступают страх и ненависть. В парке подчас по-настоящему страшно. Мы ходим туда только ночью и, случается, выслеживаем добычу много ночей подряд, прежде чем снимем с нее голову. Ты же знаешь, что парк — запретная зона для всех, кроме Охотников за головами. Это наш охотничий заповедник.

Я стал хитер, проницателен, ловок. Я воспитал в себе величайшее мужество. Я пресек свои страхи и вынянчил свою ненависть там, во мраке парка, прислушиваясь, выжидая, выслеживая и не ведая: а может, в этот самый миг острая сталь обожжет мне горло? Правил в парке нет. Винтовки, дубинки, ножи... Однажды я даже угодил в капкан из несметного множества сталь-

ных зубьев и тросов. Но я успел быстро рвануться в сторону, так быстро, что правая рука у меня осталась свободной, и выстрелил Миллеру прямо в лоб, когда он явился за мной. Вот она, голова Миллера, там, внизу. Кто бы подумал, что пуля прошила ему лоб! Бальзамировщики знают свое дело. Да и мы, как правило, стараемся не портить головы.

Что же тревожит тебя так сильно, внутренний Беллами? Я один из лучших Охотников Нью-Йорка. И мне надо хитрить, надо ставить капканы и западни задолго до того, как они сработают, и не только в Централ-парке. Надо держать шпионов, деятельных шпионов, протянуть безотказные линии связи в каждый особняк в городе. Надо знать, кто могуществен, а за кем и охотиться не стоит. Что толку в победе над Охотником, у которого в зале всего-то дюжина голов?

У меня сотни. До вчерашнего дня я шел впереди всех в своей возрастной группе. До вчерашнего дня мне завидовали все, с кем я знаком, и я был кумиром простонародья, безоговорочным хозяином половины Нью-Йорка. Половина Нью-Йорка! Тебе известно, как много это для меня значило? Что мои соперники ненавидят меня лютой ненавистью и все же отдают себе отчет в том, что я сильнее их? Тебе, разумеется, известно это, Беллами. Я получал наслаждение оттого, что Правдивый Джонатан Халл и Добрый Бен Грисуолд скрежетали зубами при мысли обо мне, и оттого, что Черный Билл Линдман и Уислер Каулз, пересчитав свои трофеи, звонили мне по видеофону и со слезами ненависти и ярости в глазах умоляли меня встретиться с ними в парке и предоставить им вожделенную возможность.

Я смеялся над ними. Я смеялся над Черным Биллом Линдманом до тех пор, пока он не впал в неистовство, а потом едва не позавидовал ему, потому что сам я уже давно не впадаю в неистовство. А я люблю это дикое раскрепощение от всех забот, кроме единственной, кро-

ме слепого, безрассудного инстинкта — убивать. В такие минуты я забываю даже тебя, внутренний Беллами.

Но это было вчера.

А ночью Добрый Бен Грисуолд взял голову. Ты помнишь, какие чувства мы с тобой испытали, услышав об этом? Сперва я хотел умереть, Беллами. Потом возненавидел Бена так, как не ненавидел еще никого и никогда в жизни,— а уж я-то изведал ненависть! Я не хотел верить, что он это сделал, я отказывался верить, что он взял именно эту голову.

Я говорил себе, что здесь какая-то ошибка, что он взял голову простолюдина. Но я понимал, что обманываю себя. Никто не берет голов простонародья. Они не ценятся. Потом я говорил себе, что голова была, но чья-то другая, а вовсе не Правдивого Джонатана Халла. Такого не могло быть. Такого не должно было быть. Ведь Халл был могуществен. У него в зале накопилось голов почти столько же, сколько и у меня. И если Грисуолд заполучил их все, он стал гораздо могущественнее, чем я. Нет, подобной мысли я снести не мог.

Тогда я надел шапку — символ моего положения, шапку, усыпанную сотнями колокольчиков — по числу добытых мною голов, и пошел проверить слух. И он оказался верным, Беллами!

Особняк Джонатана Халла начал уже опустошаться и сиротеть. Толпа волновалась, вливалась в двери и выливалась из них, и жены Халла с детьми уходили прочь небольшими притихшими группами. Жены, пожалуй, даже не были несчастливы — жены, но не сыновья. (Девочек отправляют к простонародью сразу после рождения, они не представляют собой никакой ценности.) Какое-то время я специально наблюдал за мальчиками. Все они выглядели угнетенными и озлобленными. Одному оставалось совсем немного до шестнадцати — крупный, ловкий юноша, по-видимому почти закончив-

ший обучение. В один прекрасный день мы могли бы встретиться с ним в парке...

Остальные ребята были еще слишком малы. Теперь, когда их обучение прервалось, они никогда не посмеют и приблизиться к парку. По этой-то причине из простонародья еще не вышел ни один Охотник. Нужны многие, многие годы ревностных тренировок, чтобы превратить ребенка из кролика в тигра. А в Сентрал-парке выживают только тигры.

Я заглянул в смотровые люки Правдивого Джонатана и убедился, что стеклянные витрины в зале приемов пусты. Значит, это не бред и не ложь. «Грисуолд заполучил их все,— сказал я себе,— а в придачу еще и голову Правдивого Джонатана». Я вошел в подъезд, сжал кулаки, ударился лбом о косяк и застонал от невыразимого презрения к себе.

Я ни на что не годен! Я ненавидел себя и Грисуолда тоже. Но ненависть к себе вскоре прошла, и осталась лишь ненависть к нему. Теперь я понял, что следует предпринять. «Теперь,— подумал я,— он находится в таком же положении, в каком я был вчера. Люди вереницей будут отчаянно и безнадежно говорить с ним, умолять его, вызывать на бой, прибегать к любым известным им уловкам, чтобы заманить его в парк сегодня же в ночь».

Но я хитер. Я загадываю далеко вперед. Сети мои тянутся к особнякам всех Охотников города, пересекая раскинутую ими паутину.

В данном случае ключом к решению служила одна из собственных моих жен, Нэлда. Я давно уже приметил, что она начинает меня недолюбливать. В чем тут дело, я так и не разобрался, но поддерживал ее неприязнь, пока неприязнь не переросла в ненависть. И принял меры к тому, чтобы Грисуолд пронюхал об этом. Именно благодаря таким трюкам я стал в свое время столь могущественным — и стану, безусловно, стану опять.

Я надел на руку специальную перчатку (никто не заметил бы, что это перчатка), подошел к видеофону и позвонил Доброму Бену Грисуолду. Он появился на экране, на лице у него играла ухмылка.

— Я тебя вызываю, Бен,— сказал я ему.— Сегодня в девять в парке, возле карусели.

Он расхохотался. Он был высоким, мускулистым человеком с толстой шеей. Я не мог отвести глаз от этой шеи.

— Я ждал твоего звонка, Роджер,— ответил он.

— Сегодня в девять,— повторил я.

Он опять расхохотался:

— Ну, нет, Роджер! Зачем же мне рисковать головой?

— Ты трус.

— Конечно трус,— согласился он с довольной усмешкой.— Трус, если знаю, что ничего не выиграю, зато проиграю — так разом все. А разве я был трусом прошлой ночью, когда вернулся с головой Халла? Я давненько имел на него виды, Роджер. Признаюсь, побаивался, как бы ты не добрался до него раньше меня. Почему ты не сделал этого, скажи на милость?..

— Я за твоей головой охочусь, Бен.

— Только не сегодня,— отрезал он.— И вообще не скоро. Я теперь не скоро выберусь в парк. Буду слишком занят. И в любом случае, Роджер, ты теперь вне игры. Сколько у тебя голов?

Будь он проклят, он превосходно знал, насколько опережает меня теперь. Я изобразил на своем лице ненависть.

— В парке, сегодня в девять. У карусели. В противном случае я буду считать, что ты струсил...

— Придется уж тебе как-нибудь пережить это, Роджер,— произнес он насмешливо.— Сегодня я возглавляю парад. Наблюдай за мной. Или не наблюдай — все

равно ты будешь обо мне думать. От этого ты никуда не денешься...

— Свинья, паршивая трусливая свинья!..

Он чуть не лопнул от хохота — он издевался надо мной, он потешался надо мной, точно так же, как сам я не однажды потешался над другими. Больше не было нужды притворяться. Хотелось просунуть руки сквозь экран и схватить его за глотку. Приятно было ощутить в себе клокочущую злость Очень приятно. Я медлил, давал злости углубиться, разрастись, пока не решил, что довольно. Я и так разрешил ему, Грисуолду, посмеяться всласть...

И тут я сделал то, что задумал. Выждал момент, когда он окончательно уверует в мою ярость, сделал вид, что совершенно вышел из себя, и ударил по экрану видеофона кулаком. Экран разлетелся вдребезги. Лицо Грисуолда вместе с ним, и это мне, признаться, понравилось.

Разумеется, связь прервалась. Но я не сомневался, что он тут же постарается выяснить, не ранен ли я. Я стянул защитную перчатку и позвал слугу, которому мог доверять. (Он преступник. Я защищаю его. Если я погибну, погибнет и он, и уготованная ему участь — не секрет для него.) Слуга забинтовал мне невредимую правую руку, и я втолковал ему, что сказать другим слугам. Я знал, что новость не замедлит дойти до Нэлды в гареме, а через час, не больше, достигнет ушей Грисуолда...

Я пестовал, взращивал свою злость. Весь день в спортивном зале я тренировался с наставниками, держа мачете и пистолет в левой руке. Я притворялся, что приближаюсь к стадии неистовства, маниакальной жажды убийства — жажды почти естественной для того, кто потерпел жестокую неудачу.

У неудач такого сорта лишь два исхода. Убийство или самоубийство. Самоубийство дает гарантию, что твое

тело встанет в пластмассовом монументе у границы парка. Ну а если ненависть вырвалась на свободу и не оставила места страху? Тогда Охотник впадает в неистовство — он становится очень опасен, но и сам легко превращается в чью-то добычу: он же поневоле забывает о хитрости. Именно такая опасность подстерегала и меня. Забывчивость, рожденная неистовством, более чем соблазнительна — ведь она сродни самому забвению...

Короче говоря, я разложил приманку для Грисуолда. Но чтобы вытянуть его из дому в эту ночь, когда он понимал, что рисковать просто незачем, требовалось нечто посерьезнее, чем незатейливая приманка. И я принялся распускать слухи. Вполне правдоподобные слухи. Я пустил шепоток, что Черный Билл Линдман и Уислер Каулз пришли, как и я, в отчаяние, поскольку Грисуолду удалось взять верх над всеми нами, и вызвали друг друга на смертный бой в парке сегодня же вечером. Лишь один из них мог остаться в живых, и тот, кто останется, будет властелином Нью-Йорка — в той мере, в какой Охотники нашего возраста вообще могут рассчитывать на власть. (Конечно, был еще старый Мердок со своей сказочной коллекцией, собранной за долгую жизнь. Однако всерьез, остро и непримиримо, мы соперничали только между собой.)

Ну а раз слух пополз, я не сомневался, что Грисуолд решится перейти к действию. Проверить подобную басню совершенно немыслимо. Мало кто объявляет во всеуслышание, что собирается в парк. А в данном случае я и сам не поручился бы, что слух не обернется правдой. И Грисуолду не могло не померещиться, что его превосходство в смертельной опасности — ведь он еще не успел и отпраздновать свой Триумф. Выйти защищать свою победу было бы для него, разумеется, слишком рискованно. Линдман и Каулз — оба Охотники хоть куда. Но если только Грисуолд не заподозрил ловушки, у него сегодня были верные шансы на другую победу —

надо мной, Роджером Беллами Честным, который ждет его в условленном месте в состоянии неистовой ярости и с изувеченной, бесполезной в сражении правой рукой. Казалось бы, все чересчур очевидно? Нет, мой друг, ты не знаешь Грисуолда.

Когда стемнело, я надел свой охотничий костюм. Черный пулезащитный костюм, плотно облегающий тело и в то же время не стесняющий движений. Я покрыл черной краской лицо и руки. С собой я взял винтовку, кинжал и мачете — металл был обработан так, чтобы не блестел и не отражал света. Я особенно люблю мачете — у меня сильные руки. И я старался совсем не пользоваться забинтованной рукой, даже тогда, когда меня наверняка никто не видел. Я помнил также, что должен вести себя как человек, ослепленный яростью,— я же не сомневался, что шпионы Грисуолда докладывают ему о каждом моем движении.

Я направился к Сентрал-парку, к тому входу, что ближе всего к карусели. До сих пор люди Грисуолда еще могли следить за мной. Но не дальше.

У ворот я немного задержался — помнишь ли ты это, внутренний Беллами? Помнишь ли шеренгу пластмассовых монументов, вдоль которой мы с тобой прошагали? Фальконер, и Бреннан, и остальные бессмертные стояли гордые, богоподобные в своих прозрачных вечных оболочках. Все чувства им теперь чужды, борьба окончена, и слава обеспечена навеки. Ты тоже позавидовал им, признайся, Беллами?

Мне почудилось, что глаза старого Фальконера смотрят сквозь меня, презрительно и высокомерно. Число добытых им голов высечено у него на постаменте — он действительно был величайшим из людей. Ну, повремени денек, подумал я. Я тоже встану здесь в пластмассе. Я добуду больше голов, чем даже ты, Фальконер, и как только я это сделаю, я с радостью сброшу с плеч свою ношу...

В глубокой тьме сразу же за воротами я высвободил правую руку из бинтов. Потом вытащил черный кинжал и, прижимаясь к стене, без промедления прокрался к калитке, ближайшей к жилищу Грисуолда. Понятно, я и в мыслях не держал подходить к карусели. Грисуолду будет некогда — торопясь разделаться со мной и убраться из парка восвояси, он, наверное, не удосужится как следует подумать. Вообще, Грисуолд умом не отличался. И я сделал ставку на то, что он выберет кратчайшую дорогу.

Я ждал его в полном одиночестве, и оно, одиночество, мне нравилось. Даже трудно было поддерживать в себе злость. Деревья перешептывались в темноте. Луна вставала со стороны Атлантики, где-то за Лонг-Айлендом. И у меня мелькнула мысль: вот она светит на пролив и на город — и будет все так же светить, когда я давно уже буду мертв. Лучи ее будут переливаться в пластмассе моего монумента и омывать мне лицо холодным светом спустя столетия после того, как я и ты, Беллами, примиримся друг с другом и прекратим наконец нашу внутреннюю войну.

Тут-то я и услышал мягкие шаги Грисуолда. Я постарался выкинуть из своего сознания все, кроме мысли об убийстве. Ради этой минуты тело мое и мозг подвергались мучительным тренировкам с той поры, когда мне минуло шесть. Я глубоко вздохнул несколько раз подряд. Как обычно, откуда-то изнутри стал подниматься инстинктивный, сжимающий сердце страх. Страх — и еще что-то. Что-то внутри меня — это был ты, Беллами? — внушало мне, что на самом деле я вовсе не хочу убивать.

Но едва я увидел Грисуолда, знакомая алчная ненависть поставила все на свои места.

Я плохо запомнил нашу схватку. Она пролетела как бы в одно мгновение — мгновение вне времени,— хотя, вероятно, длилась довольно долго. Миновав калитку, мой

противник тут же подозрительно оглянулся. Мне казалось, я не издал ни звука, но у него был острейший слух, и он успел отклониться и избежать первого моего удара, который иначе оказался бы роковым.

Теперь на смену выслеживанию пришла безжалостная, быстрая, изощренная борьба. Мы оба были защищены от пуль одеждой, и оба были ранены еще до того, как сблизились настолько, чтобы попытаться поразить врага при помощи стали. Он предпочитал саблю, и сабля доставала дальше, чем мой мачете. Все же это оказалась равная борьба. И нам волей-неволей приходилось спешить, потому что шум мог привлечь других Охотников, если они очутились бы в парке в этот вечер.

Однако в конце концов я убил его.

Я снял с него голову. Луна еще не поднялась выше зданий по ту сторону парка, и ночь была юна. Выходя из ворот с головой Грисуолда, я вновь взглянул на спокойные, гордые лица бессмертных у ограды...

Я вызвал машину. Пять минут, и вот я опять у себя в особняке вместе со своей добычей. И прежде чем позволить хирургам заняться моими ранами, я проследил, чтобы голову передали в лабораторию для экспресс-обработки и препарирования. И еще я распорядился созвать Триумф в полночь.

Пока я лежал на столе и хирурги промывали и бинтовали мне раны, весть о моей победе облетела весь город, как молния. Слуги мои уже побывали в особняке Грисуолда, перетащили его коллекцию в мой зал приемов и устанавливали дополнительные витрины, чтобы вместить все мои трофеи, трофеи Правдивого Джонатана Халла и Грисуолда. Теперь я стал самым могущественным Охотником в Нью-Йорке, ниже разве таких мастеров, как старый Мердок и еще один-два других. Вся моя возрастная группа, да и группа над нами сойдет с ума от зависти и злобы. Я подумал о Линдмане и о Каулзе и торжествующе рассмеялся.

В тот момент я не сомневался, что это Триумф...

И вот я стою на верхней площадке парадной лестницы и гляжу вниз на огни и на прочее великолепие, на ряды своих трофеев и увешанных драгоценностями жен. Слуги подходят к огромным бронзовым дверям, чтобы тяжело распахнуть их. И что за ними? Толпа гостей, великие Охотники, прибывшие воздать почести Охотнику еще более великому? Или — вдруг — вдруг на мой Триумф никто не придет?..

Бронзовые двери раскрываются. Но снаружи — никого... Я еще не вижу, но я чувствую, я уверен... Страх, тот страх, что не покидает Охотника до самого последнего, величайшего его Триумфа, одолевает меня сейчас. А вдруг, пока я выслеживал Грисуолда, какой-то другой Охотник раскинул сети на еще более крупную дичь? Вдруг кто-нибудь добыл голову старого Мердока? Вдруг еще кто-нибудь в Нью-Йорке празднует Триумф сегодня ночью, Триумф еще более грандиозный, чем мой?..

Страх душит меня. Я потерпел неудачу. Какой-то счастливчик обставил меня сегодня. Я ни на что не годен...

Но нет! Нет!! Слушай!!! Слушай, как они выкрикивают мое имя! Смотри, смотри, как они вливаются сквозь распахнутые двери, великие Охотники и их блистающие драгоценностями женщины, вливаются чередой и заполняют ярко освещенный зал подо мной. Мой страх оказался преждевременным. Выходит, сегодня вечером я был все же единственным Охотником в парке. Я победил, и это мой Триумф. Вон они стоят среди сверкающих стеклянных витрин, запрокинув лица вверх, ко мне, восхищаясь и завидуя. Вон Линдман. Вон Каулз. Мне не составляет труда разгадать выражения их лиц. Им не терпится встретиться со мной наедине и вызвать меня на дуэль в парке.

Они поднимают руки в приветственном салюте. Они выкрикивают мое имя.

Беллами, внутренний Беллами, слушай! Это наш Триумф. И никто никогда его у нас не отнимет.

Я подзываю слугу. Он подносит мне приготовленный заранее, полный до краев бокал. И я смотрю вниз, на Охотников Нью-Йорка,— я смотрю на них с высоты своего Триумфа,— и я приветствую их, поднимая бокал.

Я пью.

Охотники! Теперь-то уж вы не сумеете меня ограбить.

Я буду гордо стоять в пластмассе, богоподобный, и нетленная оболочка примет меня и обнимет, и все чувства будут пережиты, все схватки позади, и слава обеспечена навеки.

Яд действует быстро.

Вот он, Триумф!

ТВОНК

На «Мидистерн рэйдио» была такая текучка кадров, что Микки Ллойд сам толком не знал, кто у него работает. Люди бросали работу и уходили туда, где лучше платили. Поэтому, когда из склада неуверенно появился низенький человечек с большой головой, одетый в форменный коричневый комбинезон, Ллойд лишь глянул на мешковатое одеяние, которым фирма снабжала всех своих служащих, и дружелюбно сказал:

— Гудок был полчаса назад. А ну, марш работать!

— Работ-та-ать? — Человек с трудом произнес это слово.

Пьяный, что ли? Как начальник Ллойд не мог допустить подобного. Он погасил сигарету, подошел к странному типу и принюхался. Нет, вроде алкоголем не пахнет. Он прочел номер на комбинезоне рабочего.

— Двести четыре... гм-м. Новенький?

— Новенький. А?

Человек потер торчащую на лбу шишку. Вообще, выглядел он странно: бледное, осунувшееся лицо без признаков щетины, глазки маленькие, а в них — выражение постоянного удивления.

© Перевод И. Невструева.

— Эй, Джо, да что с тобой такое? Проснись! — окликнул Ллойд.— Ты работаешь у нас или как?

— Джо,— торжественно повторил тип.— Работаешь. Да. Делаю...

Он как-то странно произносил слова — так, словно у него была волчья пасть. Еще раз глянув на значок на комбинезоне, Ллойд схватил человека за рукав и потащил через монтажный зал.

— Вот твое место. Принимайся за работу. Ты знаешь, что делать?

В ответ тот гордо выпятил впалую грудь.

— Специалист,— заявил он.— Много-много лучше Понтванка.

— О'кей,— согласился Ллойд.— Так держать.— И ушел.

Человек, названный Джо, в рассеянности замер, поглаживая шишку на голове. Потом его внимание привлек комбинезон, и он осмотрел свое одеяние с каким-то набожным удивлением. Откуда?.. Ах, да, это висело в комнате, куда он сначала попал. А его собственный комбинезон, конечно же, растворился во время путешествия... Какого путешествия?

«Амнезия,— подумал он.— Я упал с... чего-то, когда... это что-то затормозило и остановилось. Как же здесь странно, в этом огромном сарае, полном машин!» Обстановка была абсолютно незнакомой.

Ну конечно, амнезия. Он был работником и создавал всякие вещи — и какая разница, где эти вещи создавать? С минуты на минуту его мозг придет в себя, вот он уже проясняется...

Работа. Пытаясь оживить память, Джо осмотрелся по сторонам. Люди в комбинезонах создавали вещи. Простые вещи. Элементарные. «Может, это детский сад?»

Покрутив головой несколько минут, Джо отправился на склад, где внимательно изучил несколько готовых

радиол. Так вот в чем дело! Странные и неуклюжие вещи, но не его дело их оценивать. Нет, его дело производить твонков.

Твонки? Слово это в буквальном смысле слова всколыхнуло его память. Разумеется, он знал, как делать твонков,— для этого он прошел специальное профессиональное обучение. Видимо, здесь производят другую модель твонка, но какая разница! Для опытного профессионала это детские шалости.

Джо вернулся в ангар, нашел свободный верстак и принялся собирать твонка.

Время от времени ему приходилось отлучаться, чтобы добыть нужные материалы. Один раз, так и не найдя нигде вольфрама, он торопливо собрал небольшой аппаратик по его производству.

Верстак стоял в самом темном углу зала, правда, для глаз Джо света вполне хватало. И никто не обращал внимания на странную машинку, сборка которой стремительно двигалась к завершению. Джо работал быстро, и до гудка, возвещающего конец рабочего дня, все было готово. Конечно, можно было бы наложить еще слой светокраски — машинке очень не хватало мерцающего блеска стандартных твонков,— но, судя по всему, на этом заводе светокраской не пользовались. Джо вздохнул, заполз под верстак, некоторое время безуспешно искал там релаксопад, а потом заснул прямо на голом полу.

Проснулся он через пару часов. Завод был совершенно пуст. Странно! Может, изменили график работы? А может... В мыслях Джо царила какая-то неразбериха. Сон немножко развеял туман амнезии (если таковая вообще имела место быть), но Джо по-прежнему не мог понять, что с ним происходит.

Бурча что-то себе под нос, он отнес твонк на склад и сравнил его с остальной продукцией. Внешне твонк ничем не отличался от новейшей модели радиолы. Сле-

дуя примеру товарищей по работе, Джо старательно замаскировал все органы и реакторы твонка.

Но когда он вернулся в зал, с его мозга вдруг спал последний покров. Плечи Джо конвульсивно вздрогнули.

— Великий Снелл! — выдохнул он.— Так вот в чем дело! Я угодил во временну́ю складку!

Боязливо оглядываясь по сторонам, он помчался на склад — туда, где очнулся в самом начале,— стащил с себя комбинезон и повесил его на место. Потом прошел в угол, помахал в воздухе рукой, удовлетворенно кивнул и решительно сел на пустоту футах в трех над полом. И... исчез.

— Время,— вещал Керри Вестерфилд,— это кривая, которая в конце концов возвращается в исходную точку. Что и называется дупликацией, иначе говоря, самоповторением.

Закинув ноги на выступающую каминную полку, он с наслаждением потянулся. На кухне Марта звякала бутылками и стаканами.

— Вчера в это самое время я пил мартини,— заявил Керри.— И кривизна времени требует, чтобы сейчас я получил порцию того же мартини. Слышишь, ангел мой?

— Уже наливаю,— откликнулся из кухни ангел.

— Стало быть, ты поняла мои выводы. Но это еще не все. Время описывает не окружность, а спираль. Если первый оборот обозначить буквой «а», то второй, следовательно, обретет значение «а плюс 1». Таким образом, сегодня мне причитается двойной мартини.

— Я догадываюсь, чем все это кончится,— сказала Марта, входя в просторную, обшитую деревянными панелями гостиную.

Марта была невысокой брюнеткой с исключительно красивым личиком и фигуркой, идеально подходящей лицу. Клетчатый фартук, надетый поверх брюк и шелковой блузки, выглядел довольно нелепо.

— Жаль, бесконечноградусного джина еще не производят. Пожалуйста, вот твой мартини.

Она встряхнула шейкером и достала бокал.

— Мешай медленно,— нравоучительно изрек Керри.— И никогда не взбивай. Вот так, отлично.

Он взял бокал и одобрительно посмотрел его на свет. Черные, с легкой проседью волосы блеснули в свете лампы, когда он запрокинул голову, делая первый глоток.

— Хорошо. Очень хорошо.

Марта пила медленно, искоса поглядывая на мужа. Следует отметить, Керри Вестерфилд относился к категории мужчин, привлекающих внимание. Он был этаким «симпатичным уродцем»: чуть за сорок, широкий рот и сардонические черные глаза, так чарующе блестящие, когда Керри принимался рассуждать о смысле жизни. Керри и Марта поженились двенадцать лет назад и пока ни разу не пожалели об этом.

Последние лучи заходящего солнца падали через окно прямо на радиолу, стоящую возле двери. Керри довольно воззрился на аппарат.

— Неплохая машинка,— заметил он.— Только...

— Что? А, понимаю. Рабочие едва-едва втащили эту штуковину по лестнице. А почему ты ее не включишь?

— А почему бы тебе ее не включить?

— Для меня даже старая радиола была слишком сложной,— покачала головой Марта.— Ох уж эти мне современные приборы! Я воспитана на Эдисоне: сначала крутишь ручку, а потом из громадной воронки начинает играть музыка. Это я еще понимала, но теперь... Нажимаешь кнопку, и начинаются самые невероятные вещи. Всякие там лампочки, селекция тона, пластинки, играющие с обеих сторон под аккомпанемент скрежета и треска изнутри ящика,— может, ты это и понимаешь, а я даже пытаться не буду. Когда я ставлю на та-

кую адскую машинку пластинку Кросби, мне кажется, Бинг чувствует себя несколько неловко.

Керри съел сливу.

— Поставлю Дебюсси.— Он кивнул на стол.— Кстати, есть новая пластинка Кросби. Последняя.

Марта радостно улыбнулась.

— Можно поставить?

— Угу.

— А ты мне покажешь как?

— Запросто.— Керри лучезарно улыбнулся радиоле.— Знаешь, это весьма хитрые штуки. Только одного они не могут — думать.

— Жаль, что они не моют посуду,— заметила Марта, поставила стакан, встала и исчезла на кухне.

Керри включил настольную лампу и подошел к новой радиоле, чтобы хорошенько осмотреть ее. Новейшая модель фирмы «Мидистерн» со всеми усовершенствованиями. Стоит дорого, но Керри мог себе это позволить. Старая радиола никуда не годилась.

Как он заметил, устройство не было включено. Кроме того, не было видно ни гнезд, ни штекеров. Видимо, новинка с вмонтированной антенной и заземлением. Керри присел, нашел вилку и включил аппарат.

Открыв крышку, некоторое время он с удовлетворением разглядывал всяческие рукоятки. Внезапно прямо ему в глаза ударила вспышка голубого света, а из глубины аппарата донеслось слабое тиканье, которое сразу же стихло. Керри поморгал, потрогал ручки и переключатели, погрыз ноготь.

— Психологическая схема снята и зарегистрирована,— бесстрастно произнес динамик.

— Что? — Керри покрутил ручку.— Интересно, что это было? Какая-то любительская станция... Нет, их антенна не ловит. Странно...

Он пожал плечами, перебрался на кресло возле полки с пластинками и окинул взглядом фамилии компози-

торов и названия. Куда же делся «Туонельский лебедь» Сибелиуса? А, вот он, рядом с «Финляндией»... Керри снял альбом с полки и положил на колени. Свободной рукой достал из кармана сигарету, сунул в рот и принялся на ощупь искать на столике спички. Нащупал, зажег, но спичка тут же погасла.

Он бросил ее в камин и уже собрался было зажечь следующую, когда внимание его привлек какой-то звук. Это была радиола — она шагала к нему через комнату. Непонятно откуда возникло длинное щупальце, взяло спичку, чиркнуло ею о нижнюю поверхность столешницы, как это всегда делал сам Керри, и подало ему огонь.

Керри автоматически затянулся, после чего резко выдохнул и зашелся в раздирающем легкие кашле. Сложившись пополам, он некоторое время ничего не видел и не слышал.

Когда он снова оглядел комнату, радиола стояла на своем месте.

Керри закусил губу.

— Марта! — позвал он.

— Суп на столе,— донесся голос Марты.

Керри пропустил ее призыв мимо ушей. Он встал, подошел к радиоле и подозрительно осмотрел ее. Штепсель был вытащен из розетки, и Керри осторожно воткнул его на место, после чего присел, осматривая ножки аппарата. Отлично отполированное дерево.

Он пощупал их, но это тоже не дало ничего нового — дерево, твердое и совершенно мертвое.

Черт возьми, каким же чудом...

— Обед! — снова крикнула Марта.

Керри швырнул сигарету в камин и медленно вышел из комнаты. Жена — она как раз ставила на стол соусник — внимательно посмотрела на него.

— Сколько мартини ты выпил?

— Только один,— ответил Керри.— Я, кажется, задремал. Да, точно, задремал...

— Давай закусывай,— приказала Марта.— Это твой последний шанс отъесться на моих хлебах, по крайней мере на этой неделе.

Керри машинально нащупал в кармане бумажник, вынул из него конверт и бросил его Марте.

— Вот твой билет, ангел мой. Не потеряй.

— Правда? Целое купе для меня одной? — Марта сунула билет обратно в конверт, радостно напевая.— Ты точно справишься без меня?

— Что? А, да-да, думаю, справлюсь.— Керри посолил авокадо и встряхнулся, словно освобождаясь от дремы.— Конечно справлюсь. А ты езжай в Денвер и помоги Кэрол родить ребенка. Как говорится, семейственность — прежде всего.

— Она моя единственная сестра.— Марта широко улыбнулась.— Ты же знаешь, какие они с Биллом нескладные. Им нужна твердая рука.

Керри не ответил. Он размышлял, наколов на вилку кусок авокадо и бормоча что-то под нос о Бе́де Достопочтенном.

— О чем это ты?

— У меня завтра лекция. Каждый семестр возимся с этим Бедой, черт его знает почему.

— Ты уже подготовился?

— Конечно,— кивнул Керри.

Он читал в университете уже восемь лет и знал программу наизусть.

Немного позже, за кофе и сигаретой, Марта взглянула на часы.

— Скоро поезд. Пойду закончу собираться. Посуду...

— Я помою.

Керри двинулся в спальню следом за женой, делая вид, что помогает ей. Потом отнес чемоданы в машину. Марта уселась, и они поехали на станцию.

Поезд пришел вовремя. Полчаса спустя Керри уже поставил машину в гараж, вошел в дом и широко зевнул. Итак: посуда, пиво — и в постель с книжкой.

Подозрительно поглядывая на радиолу, он прошел на кухню и принялся мыть посуду. В холле зазвонил телефон.

Звонил Майк Фицджеральд, он читал в университете психологию.

— Привет, Фиц.

— Привет. Марта уехала?

— Да, я только что со станции.

— Не хочешь немного поболтать? У меня есть неплохое шотландское виски. Забежишь на часок?

— Я бы с удовольствием,— ответил Керри, снова зевая.— Но буквально с ног валюсь, а завтра у меня тяжелый день. А как у тебя, подготовился?

— Спрашиваешь! Только что закончил очередную порцию бумаг, и мне нужно встряхнуться. Что с тобой?

— Ничего. Подожди минутку.

Керри положил трубку, оглянулся, и у него перехватило дух. Что такое?! Он пересек холл и остановился в дверях кухни, вытаращив глаза.

Радиола мыла посуду. Он вернулся к телефону.

— Ну? — спросил Фицджеральд.

— Моя новая радиола,— сказал Керри, старательно выговаривая слова,— моет посуду.

Какое-то время Фиц молчал, потом рассмеялся, но как-то неубедительно.

— Что ты несешь?!

— Я потом перезвоню,— ответил Керри и положил трубку.

Некоторое время он стоял, кусая губы, потом вернулся на кухню и стал разглядывать аппарат.

Радиола стояла к нему задом, ловко манипулируя несколькими тонкими щупальцами: погружала тарелки в горячую воду с моющим составом, драила щеткой, ополаскивала в чистой воде и наконец ровно устанавливала на сушилку. Лапки, похожие на плети, были един-

ственным доказательством активности устройства. Деревянные ножки надежно упирались в пол.

— Эй! — окликнул Керри.

Ответа не последовало.

Он осторожно приблизился. Щупальца росли из отверстия под одной из ручек. Провод бесполезно болтался сзади. Значит, радиола работала без питания. Но как...

Керри отступил на шаг и вытащил сигарету. Радиола тут же повернулась, вынула из коробка спичку и подковыляла к хозяину. Глядя на ее ножки, Керри недоверчиво заморгал. Все-таки они не могли быть деревянными, поскольку гнулись, будто резиновые.

Радиола угостила Керри горящей спичкой и вернулась к раковине мыть посуду.

Вскоре Керри снова позвонил Фицджеральду.

— Я тебя не обманывал. Либо у меня галлюцинации, либо еще что-то в этом роде. Но чертова радиола дала мне прикурить!

— Подожди-ка,— неуверенно прервал его Фицджеральд.— Это шутка, да?

— Нет. Больше того, я очень сомневаюсь в собственном рассудке. А это уже твоя область. Ты не мог бы заскочить и пару раз стукнуть меня молотком по колену?

— Хорошо,— ответил Фиц.— Дай мне десять минут и приготовь что-нибудь выпить.

Из телефонной трубки донеслись короткие гудки. Керри, в свою очередь опуская трубку на рычаг, заметил, что радиола направилась из кухни обратно в гостиную. Своими угловатыми формами аппарат напоминал какого-то жуткого, пугающего карлика. Керри вздрогнул.

Последовав за радиолой, он нашел ее на обычном месте, неподвижную и безмолвную. Керри поднял крышку, тщательно осмотрел вертушку, звукосниматель, все

кнопки и рукоятки. Внешне все соответствовало норме. Он еще раз потрогал ножки. Все-таки они не были деревянными, скорее, их сделали из какого-то пластика, только очень твердого. А может... может, все-таки из дерева? Чтобы убедиться, нужно поцарапать полировку, но Керри не хотел портить свое приобретение.

Он включил радио — местные станции ловились отлично. «Какой чистый прием,— подумал Керри.— Прямо-таки неестественно чистый. Так, теперь проигрыватель...»

Он вытащил наугад «Шествие бояр» Хальворсена, положил пластинку на вертушку и закрыл крышку. Полная тишина. Детальный осмотр подтвердил, что игла ровно скользит по звуковой канавке, но без малейшего акустического эффекта. В чем же дело?

Керри снял пластинку, и в ту же секунду в дверь позвонили. Это пришел Фицджеральд — худой как палка мужчина с разлинованным морщинами лицом и спутанной шапкой седеющих волос.

— Ну, где мой стакан?

— Извини, Фиц. Пошли на кухню, сейчас приготовлю. Виски с водой?

— Согласен.

— О'кей.— Керри двинулся первым.— Но не пей сразу, сначала я хочу показать тебе свое новое приобретение.

— Радиолу, что моет посуду? — спросил Фицджеральд.— А что еще она умеет?

Керри подал ему стакан.

— Скорее не умеет. Например, она наотрез отказывается играть пластинки.

— Это можно и пережить. Зато она по дому суетится. Ну, показывай давай.

Зайдя в гостиную, Фицджеральд снял с полки «Послеполуденный отдых фавна» и приблизился с пластинкой к аппарату.

— Эй, да она же у тебя не включена!

— Ей это без разницы,— ответил Керри, чувствуя себя на грани нервного срыва.

— Что, на батарейках работает? — Фицджеральд установил пластинку на диск и покрутил ручки.— Так, посмотрим теперь.— Он триумфально уставился на Керри.— Ну, что скажешь? Играет!

И действительно, радиола играла.

— А попробуй-ка Хальворсена. На вот.— Керри передал пластинку Фицджеральду.

Звукосниматель опустился на диск, но на сей раз радиола не издала ни звука. Судя по всему, «Шествие бояр» пришлось ей не по душе.

— Забавненько,— буркнул Фицджеральд.— Наверное, пластинка испорчена. Попробуем другую.

С «Дафнисом и Хлоей» проблем не возникло, зато «Болеро» того же Равеля было с презрением отвергнуто.

Керри сел и указал приятелю на кресло рядом.

— Это еще цветочки. Садись сюда и смотри. Только не пей. Ты хорошо себя чувствуешь? Голова не кружится? Слабость там?..

— Все нормально. А в чем дело?

Керри вынул сигарету. Радиола прошагала через комнату, подцепив по дороге коробок спичек, и вежливо подала хозяину огонь. Затем вернулась на свое место у стенки.

Некоторое время Фицджеральд молчал. Потом достал из кармана сигарету и выжидающе сунул в губы.

Реакции радиолы не последовало.

— Ну? — спросил Керри.

— Робот. Единственно возможный ответ. Во имя Петрарки, где ты его откопал?

— Похоже, ты совсем не удивился.

— Просто держу себя в руках. Кроме того, я уже видывал роботов — их испытывали у Вестингауза. Но

этот...— Фицджеральд постучал ногтем по зубам.— Кто его сделал?

— Черт возьми, откуда мне знать? — огрызнулся Керри.— Наверное, тот, кто делает радиолы.

Фицджеральд сощурился.

— Подожди-ка! Я не совсем понимаю...

— А что тут понимать? Я купил эту штуковину два дня назад. А старую сдал. Доставили ее ко мне сегодня после обеда, и...— Керри пересказал, как все было.

— Значит, ты не знал, что это робот?

— Вот именно. Я покупал радиолу! А эта... эта чертова штуковина, она ведь, можно сказать, живая!

— Ерунда.— Фицджеральд покачал головой, поднялся с кресла и принялся внимательно оглядывать радиолу.— Видимо, это новый тип робота. По крайней мере...— Некоторое время он задумчиво молчал.— Да,— наконец пришел к выводу он,— иного объяснения быть не может. Свяжись завтра с «Мидистерн» и все выясни.

— А может, откроем ящик и посмотрим, что там внутри? — предложил Керри.

Фицджеральд не стал возражать, однако все их усилия были тщетными.

Деревянные с виду стенки оказались монолитными, а места, где должен был открываться корпус, приятели так и не обнаружили. Керри пытался было поддеть лицевую панель отверткой — сначала осторожно, потом едва сдерживая ярость,— но не сумел даже поцарапать темную и гладкую поверхность радиолы.

— Черт побери! — сдался он наконец.— Может, ты и прав, это робот. Никак не думал, что у нас научились делать такие штуковины. Кстати, а почему он в виде радиолы?

— Ты это у меня спрашиваешь? — пожал плечами Фицджеральд.— Для меня это тоже непонятно. Если изобрели новую модель специализированного робота,

то зачем помещать ее в радиолу? И что за принцип движения у этих ног? Шарниров не видно.

— Я тоже об этом подумал.

— Когда он идет, ноги сгибаются так, словно сделаны из резины, но они твердые, как самое настоящее дерево. Или пластик.

— Я ее боюсь,— признался Керри.

— Хочешь переночевать у меня?

— Н-нет... Пожалуй, нет. Этот... робот ничего мне не сделает.

— Вряд ли у него имеются насчет тебя дурные намерения. До сих пор он ведь тебе помогал?

— Да,— кивнул Керри и пошел готовить новые порции виски.

Они обсуждали происшедшее еще несколько часов, но ни к каким выводам так и не пришли. В конце концов Фицджеральд отбыл домой. Он был обеспокоен — дело казалось ему вовсе не таким простым, как он пытался представить Керри.

Между тем Керри, прихватив новый детектив, улегся в постель, но радиола проследовала за ним в спальню и осторожно вытащила книжку из его рук. Керри пытался сопротивляться, но безуспешно.

— Эй! — воскликнул он.— Что все это значит?

Вернувшись в гостиную, радиола поставила книгу обратно на полку. Керри, стоя в дверях, почесал голову, вернулся к себе, закрыл дверь и лег. Спал он беспокойно.

Утром, в халате и шлепанцах, первым делом он направился к радиоле. Аппарат выглядел так, как будто никогда и не двигался с места. Потирая довольно-таки помятую физиономию, Керри отправился завтракать.

Керри удалось выпить только одну чашку кофе. Стоило ему налить себе вторую порцию, как рядом, словно из-

под земли, выросла радиола. Укоризненно вынув чашку из его руки, она вылила кофе в раковину.

Это было уже слишком. Керри Вестерфилд схватил шляпу, пальто и поспешно выскочил из дома. Он немного побаивался, что радиола последует за ним, но, к вящему счастью своего хозяина, она осталась на месте. Керри был не на шутку обеспокоен.

В перерыве между занятиями он нашел время позвонить в «Мидистерн». В отделе сбыта ничего внятного ему не сказали. Радиола была стандартным аппаратом нового типа, но если она не работает, фирма охотно...

— Радиола в порядке,— прервал Керри.— Но кто ее сделал? Вот что я хотел бы знать!

— Подождите минутку.— Последовала пауза.— Этот экземпляр делала бригада мистера Ллойда. Мистер Ллойд — один из наших бригадиров.

— Я хочу поговорить с ним.

Ллойд тоже не сумел ничем помочь. После долгого раздумья он наконец вспомнил, что этот конкретный аппарат доставили на склад без серийного номера. И с большим опозданием.

— Но кто ее собирал?

— Понятия не имею. Впрочем, думаю, это можно легко узнать. Давайте, я проверю и перезвоню.

— Только обязательно позвоните,— сказал Керри и вернулся на занятия.

Лекция о Беде Достопочтенном была далеко не высшим достижением его профессиональной карьеры.

За ленчем он встретил Фицджеральда, тот приветствовал Керри с явным облегчением.

— Узнал что-нибудь о своем роботе? — спросил профессор психологии.

В пределах слышимости никого не было. Керри со вздохом уселся за столик и закурил.

— Ничегошеньки.— Он глубоко затянулся.— Я звонил в «Мидистерн».

— И что?

— Они ничего не знают. Сказали, что на радиоле не было серийного номера.

— Это может оказаться очень важным,— сказал Фицджеральд.

Керри рассказал ему о книге и о второй чашке кофе. Психолог задумался.

— Я как-то проводил над тобой психологические тесты. Выяснилось, что лишние стимуляторы тебе вредны, помнишь?

— Но при чем здесь детектив?

— Это, пожалуй, перебор, но я вполне понимаю, почему твой робот вел себя так, а не иначе. Правда, непонятно, откуда он знает, что тебе вредно, а что нет.— Фицджеральд чуть помолчал.— Он же не может быть разумен.

— Разумен? — Керри облизал губы.— Знаешь, я вовсе не уверен, что это обычная машина. Если только я не спятил.

— Ну, это вряд ли. Но, по твоим словам, робот находился в другой комнате. Откуда он мог знать, что ты собрался читать книгу?

— Может, он обладает рентгеновским зрением, сверхзоркостью или телепатией... Понятия не имею. А может, он вообще не хочет, чтобы я читал?

— А ты не так далек от истины,— буркнул Фицджеральд.— Ты знаком с теорией машин подобного типа?

— То есть роботов?

— Подчеркиваю: с теорией. Человеческий мозг, как известно, коллоидная система. Компактная, сложная, но медлительная. А теперь представь, что ты создал механизм с мультимиллионной радиоатомной управляющей системой, окруженной изоляцией. Что это такое, Керри? Мозг! Мозг, обладающий невообразимым чис-

лом нейронов, которые взаимодействуют со скоростью света. Теоретически радиоатомный мозг, о котором я говорил, способен к восприятию, идентификации, сравнению, реакции и действию в течение одной сотой, даже одной тысячной секунды.

— Но все это чисто теоретически.

— И я всегда так думал. Однако интересно, откуда взялась твоя радиола?

К ним подошел посыльный.

— Мистера Вестерфилда просят к телефону.

Извинившись, Керри вышел. Вернулся он, загадочно хмуря черные брови. Фицджеральд вопросительно посмотрел на него.

— Звонил некий Ллойд из «Мидистерна». Я говорил с ним о радиоле.

— И результат?

Керри покачал головой.

— Нулевой. Он не знает, кто собирал этот экземпляр.

— Но собирали-то радиолу у них?

— Да. Недели две назад. Только фамилии сборщика нигде нет. Ллойд, кажется, считает это весьма забавным — они всегда знают, кто какую радиолу собирает.

— Так значит...

— Значит, все напрасно. Я спросил его, как открыть ящик. Говорит, нет ничего проще: достаточно отвернуть винты на задней стенке.

— Но ведь там нет никаких винтов,— сказал Фицджеральд.

— Вот именно.

Они переглянулись. Первым заговорил Фицджеральд:

— Я бы отдал пятьдесят долларов, чтобы узнать, действительно ли этого робота сделали две недели назад.

— Почему?

— Радиоатомный мозг требует обучения. Даже такому простому делу, как прикуривание сигареты.

— Он видел, как я прикуривал.

— И подражал тебе. А мытье посуды? Гм... Вероятно, индукция. Если эту машинку обучали, она робот. Если же нет...— Фицджеральд замолчал.

— То кто?

— Не знаю. У нее столько же общего с роботом, как у нас с неандертальцем. Одно я знаю наверняка, Керри... Вряд ли кто-то из современных ученых может сконструировать нечто подобное.

— Ты сам себе противоречишь,— прервал его Керри.— Кто-то ведь сделал эту радиолу.

— Угу. Но когда? И кто? Вот вопросы, которые меня мучают.

— Через пять минут у меня лекция. Может, заглянешь сегодня вечерком?

— Не могу. Вечером я выступаю в городском холле. Но потом я тебе позвоню.

Керри кивнул и вышел из столовой, стараясь больше не думать о радиоле. И это ему неплохо удалось. Однако, ужиная в ресторане, он понял: ему очень не хочется возвращаться домой. Дома его ждал страшный карлик.

— Бренди,— заказал он.— Можно двойное.

Два часа спустя Керри вышел из такси перед дверями своего коттеджа. Он был изрядно пьян, перед глазами все кружилось. Покачиваясь, он добрался до крыльца, осторожно поднялся по ступеням и открыл дверь.

Щелкнул выключатель.

Радиола вышла ему навстречу. Тонкие, но крепкие, как сталь, щупальца нежно обвились вокруг его тела, да так, что он не мог и рукой шевельнуть. Испугавшись, Керри хотел было закричать, но из горла вырвался лишь жалкий писк.

Радиола испустила ослепительный луч желтого света, который вонзился прямо в грудь Керри. Во рту возник странный привкус.

Примерно через минуту луч погас, щупальца спрятались, и радиола вернулась в свой угол. Керри с трудом добрел до кресла и рухнул в него, жадно хватая ртом воздух.

Он был совершенно трезв, хотя это казалось невозможным. Четырнадцать рюмок бренди оставляют в кровеносной системе значительное количество алкоголя, и никакая волшебная палочка не сможет сделать так, чтобы за одну секунду ты протрезвел. Однако именно это и случилось.

Этот... робот хотел ему помочь. Другое дело, что Керри охотнее остался бы пьяным.

Он поднялся и на цыпочках прокрался мимо радиолы к полке с книгами.

Искоса поглядывая на аппарат, он вытащил тот самый детектив, который хотел почитать прошлым вечером. Как и ожидалось, радиола тут же выхватила книгу из его рук и вернула на полку. Вспомнив слова Фицджеральда, Керри взглянул на часы. Время реакции — четыре секунды.

Тогда Керри взял том Чосера и стал ждать, что будет. Радиола не шевельнулась. Однако, когда он попытался достать исторический роман, книжку заботливо отобрали. Время реакции — шесть секунд.

Керри взял еще один исторический роман, на этот раз в два раза толще. Время реакции — десять секунд.

Ага, стало быть, радиола действительно читала книжки. Рентгеновское зрение и сверхбыстрая реакция. Великий Иософат!

Керри опробовал еще несколько книг. «Алису в Стране чудес» отобрали моментально. Стихи Эдны Миллей* не тронули. Для удобства Керри принялся составлять список из двух колонок.

---

* Эдна Миллей (1892–1950) — американская поэтесса, в 1923 году получила Пулитцеровскую премию за книгу стихов «Плетельщица арф».

Стало быть, робот не только автоматический слуга, но еще и цензор. Но на каких критериях он основывается?

Вдруг Керри вспомнил о лекции, которую ему предстояло читать завтра. Он совсем забыл подготовиться к ней. Достав свои записи, он принялся листать их — в нескольких местах требовалось уточнить цитаты. Керри осторожно потянулся за нужной книжкой, и робот тут же ее отнял.

— Эй, без глупостей,— предостерег его Керри.— У меня же работа есть.

Он пытался вырвать книгу из цепких щупалец, но аппарат поставил ее на место, даже не заметив противоборства человека.

Некоторое время Керри задумчиво кусал губы. Это было уже слишком. Проклятый робот вел себя как тюремный надзиратель. Керри метнулся к полкам, схватил книгу и, прежде чем радиола успела шевельнуться, выбежал из гостиной.

Аппарат двинулся следом — Керри слышал легкое постукивание его ножек. Забежав в спальню, Керри закрыл дверь изнутри и с бьющимся сердцем стал ждать. Ручка медленно повернулась. Сквозь щель в двери скользнуло тонкое, как проволока, щупальце робота и начало манипулировать ключом. Керри подскочил к двери и задвинул засов, но и это не помогло. Щупальце с легкостью справилось с засовом, радиола открыла дверь, вошла в комнату и приблизилась к Керри.

Вне себя от страха, он швырнул в аппарат книжкой, но тот ловко перехватил ее в воздухе. Добившись своего, радиола повернулась и покинула комнату, гротескно раскачиваясь на гибких ножках и унося с собой «запрещенную литературу». Керри вполголоса выругался.

Зазвонил телефон — Фицджеральд.

— Ну как, справляешься?

— У тебя есть дома «Общественная литература» Кассена?

— Вряд ли. А зачем тебе?

— Наплевать, возьму завтра в университетской библиотеке.

Керри рассказал, что произошло. Фицджеральд тихонько присвистнул.

— Стало быть, твоя радиола заботится о тебе. Интересно...

— Я ее боюсь.

— Ну, вряд ли она желает тебе зла. Говоришь, она тебя протрезвила?

— Ага. Световым лучом. Звучит довольно глупо, но...

— А почему бы и нет? Вибрационный эквивалент хлористого тиамина.

— Но это был просто луч!

— В солнечном свете тоже содержатся витамины. Впрочем, не важно. Робот контролирует твое чтение — невероятно, он читает эти книги по принципу сверхбыстрой ассимиляции! Не знаю, что это за машина, но это не обычный робот.

— И ты убеждаешь в этом меня?! — воскликнул Керри.— Это вообще не робот, это тиран какой-то. Настоящий Гитлер!

Фицджеральд не засмеялся.

— Может, переночуешь у меня? — предложил он.

— Нет,— упрямо ответил Керри.— Никакая идиотская радиола не выгонит меня из собственного дома. Скорее я разделаю ее топором.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Если случится что-то еще, сразу звони мне.

— Хорошо.

Керри положил трубку, перешел в гостиную и смерил радиолу ледяным взглядом. Черт возьми, что это за машина? И какие у нее намерения? Наверняка это не просто робот и уж конечно не живое существо.

Стиснув зубы, Керри подошел к аппарату и принялся крутить рукоятки.

Из радиолы донесся пульсирующий ритм свинга. Керри переключился на короткие волны — тоже ничего необычного. И какой вывод из этого?

Никакого. Ответа как не было, так и нет.

Подумав, Керри отправился в постель.

Назавтра он принес на ленч «Общественную литературу» Кассена, чтобы показать ее Фицджеральду.

— В чем дело?

— Взгляни.— Керри перевернул несколько страниц и указал на один абзац.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Фицджеральд прочел абзац.

— Да. Речь идет о том, что условием возникновения литературы является индивидуализм. Верно?

Керри посмотрел на него.

— Не знаю.

— То есть?

— С моей головой происходит что-то странное.

Фицджеральд взъерошил седеющие волосы и, щурясь, уставился на коллегу.

— А теперь с самого начала. Я не совсем...

— Сегодня утром,— сказал Керри,— я пошел в библиотеку, чтобы проверить этот отрывок. Прочитал его — и ничего не понял. Знаешь, как бывает, когда человек слишком много читает? Наткнувшись на фразу с большим количеством придаточных предложений, он ничего не может понять. Такое же ощущение возникло у меня.

— Прочти это сейчас,— тихо сказал Фицджеральд и подтолкнул книгу Керри.

Тот повиновался.

— Ничего,— криво улыбнулся он.

— Прочти вслух. Я буду читать вместе с тобой.

И это не помогло. Казалось, Керри совершенно не может понять смысла абзаца.

— Семантическая блокада,— почесал затылок Фицджеральд.— Раньше с тобой такого не бывало?

— Нет... Да... Не знаю.

— У тебя есть занятия после обеда? Нет? Вот и хорошо. Поехали к тебе.

Керри отпихнул тарелку.

— Договорились. Я не голоден. Как только будешь готов...

Через полчаса Керри и Фицджеральд смотрели на радиолу. Выглядела она вполне невинно. Несколько минут Фицджеральд пытался открыть заднюю стенку, но в конце концов сдался. С карандашом и бумагой он сел напротив Керри и начал задавать вопросы.

Спустя некоторое время он вдруг поднял палец.

— А вот об этом ты мне не говорил.

— Забыл, наверное.

Фицджеральд постучал карандашом по зубам.

— То есть первым действием радиолы было...

— Она ослепила меня голубым светом.

— Не в том дело. Что она при этом сказала?

Керри заморгал.

— Что сказала? — Он помешкал.— «Психологическая схема снята и зафиксирована», что-то в этом роде. Тогда мне показалось, что это кусок любительской передачи или еще чего. Ты думаешь...

— Радиола говорила четко? На правильном английском языке?

— Нет, теперь я вспоминаю, что...— Керри поморщился.— Слова были искажены: сильно выделялись гласные.

— Вот как? Пошли дальше.

Они попробовали тест на словесные ассоциации.

Наконец Фицджеральд откинулся на спинку кресла и нахмурился.

— Надо бы сравнить эти результаты с тестами двухмесячной давности. Выглядит это странно, очень странно. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что такое память и как она действует. О мнемонике, искусственной памяти, мы знаем многое, но, возможно, дело тут в чем-то другом.

— О чем ты?

— Либо эту машину наделили искусственной памятью, на что должно было уйти очень много времени, либо она приспособлена для иного общества и иной культуры. На тебя она очень сильно подействовала.

Керри облизал губы.

— В каком смысле?

— Она построила в твоем мозгу блокаду. Я сравню результаты тестов и, может, получу какой-то ответ. Нет, это наверняка не просто робот. Это нечто гораздо большее.

Керри взял сигарету; аппарат пересек комнату и дал ему прикурить. Оба мужчины проводили радиолу взглядами, в которых сквозил ужас.

— Тебе бы стоило переночевать у меня,— предложил Фицджеральд.

— Нет,— решительно ответил Керри. И вздрогнул.

На следующий день на ленч в университетскую столовую Керри не явился. Тогда Фицджеральд позвонил ему домой.

Трубку сняла Марта.

— Привет! Когда ты приехала?

— Привет, Фиц. Час назад. Сестра родила без меня, так что я быстро обернулась.

Марта замолчала. Фицджеральда обеспокоил тон ее голоса.

— А где Керри?

— Дома. Ты не мог бы заехать, Фиц? Я так беспокоюсь...

— Что с ним?

— Я... не знаю. Приезжай скорее.

— Хорошо.

Кусая нижнюю губу, Фицджеральд положил трубку. Судя по всему, ситуация была непростой. Нажимая звонок у дверей Вестерфилдов, он вдруг осознал, что по спине у него бегут мурашки. Правда, вид Марты несколько привел его в себя.

Он прошел за ней в гостиную и первым делом посмотрел на радиолу — та как ни в чем не бывало стояла в углу. Затем перевел взгляд на Керри, неподвижно сидевшего у окна. Лицо Керри ничего не выражало. Глаза его были странно прищурены, и Фицджеральда он узнал не сразу.

— А, привет, Фиц,— наконец махнул рукой он.

— Как ты себя чувствуешь?

Тут Марта не выдержала.

— Что с ним такое, Фиц? Может, надо вызвать врача?

Фицджеральд опустился в кресло.

— Ты не заметила ничего странного с этой радиолой?

— Нет. А что?

— Тогда слушай.

Он рассказал ей все с самого начала, глядя, как на лице Марты отражаются самые разные чувства — начальное недоверие вскоре сменилось ужасом.

— Но как такое...— заговорила она наконец.

— Когда Керри вынет сигарету, эта штука поднесет ему огонь. Хочешь посмотреть?

— Н-нет... Да. Пожалуй, да.— Глаза Марты расширились.

Фицджеральд протянул Керри сигарету, и все случилось именно так, как он и сказал.

Марта молча наблюдала за происходящим. Когда же аппарат вернулся на место, она задрожала всем телом

и подошла к Керри. Тот смотрел на нее невидящими глазами.

— Здесь нужен врач, Фиц.

— Да.— Фицджеральд не решился возразить ей, что врач тут не поможет.

— А что это, собственно, такое?

— Нечто большее, чем робот. И оно весьма успешно переделывает твоего мужа. Я сравнил его психологические тесты — Керри изменился, он совершенно утратил инициативу.

— Но кто мог создать подобную машину? Вряд ли кто из современных ученых способен был это сделать.

Фицджеральд поморщился.

— Я тоже так думаю. Скорее это похоже на продукт высокой культуры, к тому же сильно отличной от нашей. Может, марсианской. Интересно только, почему он выглядит как радиола фирмы «Мидистерн»?

Марта тронула Керри за плечо.

— Может, маскировка?

— Но с какой целью? Ты была одной из моих лучших студенток, Марта. Взгляни на все с позиции логики. Представь себе цивилизацию, в которой создан подобный механизм. Воспользуйся индукцией.

— Я пытаюсь, но что-то плохо выходит. Меня беспокоит мой муж.

— Со мной все в порядке,— отозвался Керри.

Фицджеральд соединил кончики пальцев.

— Это не столько робот, сколько надзиратель. Может, в той, иной цивилизации подобная машинка имеется у каждого. Или не у каждого, а только у того, кого нужно держать в повиновении.

— Убивая инициативу?

Фицджеральд беспомощно развел руками.

— Я не знаю! Так она подействовала на Керри. А как она работает в других случаях — ума не приложу.

Марта решительно поднялась.

— Что ж, не будем терять времени. Керри нужен врач. А потом подумаем, что делать с... этой штуковиной.— Она ткнула пальцем в радиолу.

— Конечно, очень жаль уничтожать ее, но...— сказал Фицджеральд и многозначительно посмотрел на Марту.

Радиола шевельнулась. Плавно покачиваясь из стороны в сторону, она выбралась из своего угла и подошла к Фицджеральду. Психолог отпрыгнул в сторону, но поздно — тонкие щупальца уже схватили его. Белый луч ударил прямо ему в глаза.

Секунду спустя луч погас, щупальца втянулись обратно, и радиола вернулась на свое место. Фицджеральд стоял, словно бы окаменев. Марта неверяще глядела на него, прижав руки ко рту.

— Фиц! — окликнула она его дрожащим голосом.

Он ответил, но не сразу.

— Да? В чем дело?

— С тобой ничего не случилось? Что она тебе сделала?

Фицджеральд нахмурился.

— Она? Не понимаю...

— Эта радиола, что она с тобой сделала?

Он взглянул на радиолу.

— А что, она сломалась? Так я ведь не механик, Марта.

— Фиц...— Приблизившись, она взяла его за руку и быстро заговорила:.— Послушай меня. Вспомни: радиола, Керри, наш разговор минуту назад...

Фицджеральд тупо смотрел на Марту, явно ничего не понимая.

— Какой-то я глупый сегодня. Никак не возьму в толк, о чем ты говоришь.

— Радиола... ну, ты же знаешь! Ты сказал, что она изменила Керри...

Марта вдруг замолчала, в ужасе глядя на него.

Фицджеральд ответил ей смущенным взглядом. Марта вела себя как-то странно. Очень странно! Он всегда считал ее симпатичной и сообразительной женщиной, но сейчас она несла полную чушь!

И вообще, что за суета вокруг какой-то радиолы? Может, она плохо работает? Помнится, Керри так радовался покупке: новейшая модель, куча различных функций. «А что, если,— вдруг подумалось Фицджеральду,— что, если Марта спятила?»

Так или иначе, он уже опаздывал на занятия. Сказав это, Фицджеральд поспешил к двери, и Марта не стала его задерживать. Она была бледна как мел.

Керри вынул сигарету, радиола подошла и протянула зажженную спичку.

— Керри!

— Да, Марта? — Голос мужа звучал мертво.

Марта в панике смотрела на... радиолу. Марсиане? Иной мир, иная цивилизация? Что это за аппарат? Чего он добивается? Что пытается сделать?

Марта отправилась в гараж и вскоре вернулась, сжимая в руке небольшой топорик.

Керри безучастно наблюдал за ней. Он видел, как она подходит к радиоле, поднимает топор. Но в следующее мгновение из аппарата вырвался луч света, и Марта исчезла. Лишь в воздухе расплывалось облачко пыли.

— Жизненная форма угрожала уничтожением. Жизненная форма уничтожена,— механически сообщила радиола.

Внутри головы Керри словно бы что-то перевернулось. Чувствуя тошноту, головокружение и страшную пустоту внутри, Керри осмотрелся. Марта...

Инстинкт и эмоции отчаянно боролись с тем, что их подавляло, и вдруг запоры сломались, плотины прорвало, баррикады рухнули. Керри с криком вскочил на ноги.

— Марта! — заорал он.

Ее нигде не было. Он осмотрелся. Но...

— Что здесь случилось?

Он ничего не помнил.

Керри сел обратно в кресло, потер лоб, свободной рукой автоматически вынул сигарету. Это вызвало немедленную реакцию: радиола подошла к нему с горящей спичкой.

Керри издал сдавленный звук, словно его тошнило, и снова вскочил с кресла.

Теперь он все вспомнил. Схватив топор, Керри бросился на радиолу, скаля зубы в кровожадной гримасе.

Снова вспыхнул луч, и Керри тоже исчез. Топор упал на ковер.

Радиола вернулась на место и неподвижно замерла. Из ее радиоатомного мозга донеслось слабое тиканье.

— Объект сочтен неподходящим,— заявило устройство после небольшой паузы.— Возникла необходимость устранения.— Щелк! — Подготовка к следующему объекту закончена.

Щелк!

— Берем,— сказал парень.

— Вы не пожалеете,— улыбнулся агент по продаже недвижимости.— Тишина, вдали от людей, да и цена не очень велика.

— Это как посмотреть,— вставила девушка.— Но вообще-то мы искали как раз нечто подобное.

Агент пожал плечами.

— Дом без мебели был бы, конечно, дешевле. Но...

— Мы недавно поженились и еще не успели обзавестись собственным имуществом,— улыбнулся парень, обнимая жену.— Тебе здесь нравится, дорогая?

— Угу. А кто здесь жил раньше?

Агент поскреб щеку.

— Минуточку... Кажется, супруги Вестерфилд. Мне этот дом передали на продажу всего неделю назад. Уют-

ное гнездышко. Сам бы купил, но у меня с этим все хорошо.

— О, шикарная радиола,— заметил парень.— Это новейшая модель?

Он подошел ближе, чтобы осмотреть аппарат.

— Идем же,— потянула его за рукав девушка.— Лучше еще раз заглянем на кухню.

— Иду, дорогая.

Они вышли из комнаты. Бархатный голос агента удалялся прочь по коридору. В окно светило теплое полуденное солнце.

Какое-то время было тихо. А потом...

Щелк!

КРАСАВИЦЫ И ЧУДОВИЩЕ

Джаред Кирз заметил метеор, лежа под соснами и глядя на звезды.

Он уже почти задремал, в спальном мешке было так тепло и удобно. Кроме того, он только что плотно поел хрустящей, поджаристой, недавно выловленной форели, а от двухнедельного отпуска, который он наконец себе выкроил, оставалась еще целая неделя. Поэтому Джаред Кирз лежал, смотрел на ночное небо и радовался жизни.

При входе в атмосферу раскаленный добела метеорит пронзительно взвизгнул в предсмертной агонии.

Однако прежде чем исчезнуть из виду, светящееся тело как бы слегка повернулось и описало в воздухе дугу. Это само по себе было достаточно странно, но еще более странно выглядела его форма — что-то вроде вытянутого яйца. Смутно припомнив, что метеориты иногда содержат драгоценные металлы, Кирз заметил место, где позади высокого гребня ударила пламенеющая молния. На следующее утро он взвалил на плечо принадлежности для рыбной ловли и зашагал в нужном направлении.

© Перевод Б. Жужунавы.

И там он нашел потерпевший крушение космический корабль. Поверженный гигант лежал посреди сосен, от трения о воздух его корпус оплавился во многих местах.

Искривив рот в презрительной ухмылке, Кирз оглядел судно. Наверное, это тот самый корабль, что два месяца назад стартовал с Земли, отправившись в первое межпланетное путешествие. Помнится, пилота звали Джей Арден.

Потом в газетах написали, будто бы Арден затерялся где-то в космическом пространстве, но сейчас, по-видимому, его корабль вернулся. Почесав острый, заросший седой щетиной подбородок, Кирз торопливо зашагал вниз по склону. Скорее всего, тут будет чем поживиться.

Оскальзываясь на острых обломках скал и бурча под нос ругательства, он обошел корабль. Ну, наконец-то, вот он, люк. Однако металл вокруг крышки так сильно оплавился, что проникнуть внутрь через этот ход не представлялось возможным. Серый, покрытый выбоинами шершавый металл никак не поддавался ударам топора.

Но Кирз, обуреваемый любопытством, уже не мог отступить. Он осмотрел корабль более внимательно. К тому времени из-за гор выглянуло утреннее солнце, и это позволило заметить то, что Кирз сначала упустил. У космического корабля имелись окна — точнее, круглые иллюминаторы, настолько оплавленные и обгорелые, что практически слились с металлическим корпусом. Тем не менее материалом для них явно послужило стекло или нечто в том же роде.

Подобравшись к одному из иллюминаторов, Кирз принялся обрабатывать его топором. Поначалу стекло вполне успешно сопротивлялось, однако в конце концов Кирзу удалось отколоть от иллюминатора маленький ку-

сочек. Дальше дело пошло быстрее, и вскоре из образовавшейся небольшой дыры вырвались испарения — вонючие и зловонные. Отступив, Кирз выждал некоторое время, а потом вернулся к своей работе. Теперь стекло стало крошиться значительно легче — очень быстро Кирз пробил дыру достаточно большую, чтобы протиснуть в нее свое щуплое тело. Но прежде чем лезть в зловонную темноту, он достал из-за пояса маленький фонарик и на всю длину руки просунул его внутрь космического корабля.

Луч света высветил большую каюту, в которой царил ужасный кавардак. Повсюду валялись обломки, хотя воздух был достаточно чистым, и, похоже, никакая опасность Кирзу не угрожала. Он осторожно пролез в иллюминатор.

А ведь это и впрямь тот самый космический корабль! Несколько месяцев назад его фотографии печатали во всех газетах.

Но тогда, в 1942 году, корабль был новеньким, блестящим и совершенным, а сейчас, всего несколько месяцев спустя, он превратился в настоящую развалину. Пульт управления был разбит вдребезги. На полу валялись металлические коробки и канистры, оборванные крепежные ремни на стенах указывали места, где находился груз. А еще на полу лежало тело Джея Ардена.

Кирз внимательно оглядел космонавта и ничуть не удивился результатам осмотра. Человек был мертв. Кожа его была синего, мертвенного оттенка — наверное, при катастрофе он сломал себе шею. Вокруг трупа лежало несколько пакетов, выпавших из расколовшейся жестяной коробки. Сквозь их прозрачную обертку Кирз разглядел похожие на семена маленькие черные горошины.

Из кармана Ардена торчала записная книжка. Когда Кирз вытащил ее, на пол упал еще один пакет. Кирз в задумчивости посмотрел на него, потом отложил за-

писную книжку в сторону, поднял пакет и распечатал его.

Что-то выкатилось ему на ладонь. Приглядевшись, Кирз аж задохнулся от изумления.

Это был драгоценный камень. Овальный, размером с небольшое яйцо, он восхитительно сверкал и переливался в свете фонарика. Разноцветные искорки забегали по стенам корабля — создавалось такое впечатление, что этот камень вобрал в себя все цвета спектра. Кое-кто мог бы душу продать, лишь бы заполучить себе во владение подобное сокровище. О да, камень был невообразимо прекрасен, и все же... было в нем что-то странное.

Наконец Кирз сумел оторвать от камня взгляд и открыл записную книжку Джея Ардена, однако, чтобы разобрать почерк космонавта, фонарика было мало, поэтому Кирз направился к иллюминатору. Судя по всему, Арден вел эти записи лишь от случая к случаю, поэтому они носили довольно-таки разрозненный характер. Из записной книжки выпало несколько фотографий, и Кирз поймал их на лету.

Черно-белые снимки были не слишком отчетливыми, но некоторые детали все же удалось разглядеть. Одна фотография изображала толстый брусок с закругленными концами, белый на черном фоне. Это была планета Венера, вид из космоса, хотя Кирз, разумеется, не понял этого. Он проглядел остальные снимки.

Руины. Полуразрушенные камни, циклопические, странные, чуждые по очертаниям, высились на размытом фоне. Но один предмет выделялся достаточно четко — космический корабль. Кирз удивленно открыл рот.

Дело в том, что рядом с гигантскими руинами корабль казался просто крошечным. Камни, некогда бывшие частью городских строений, в несколько раз превосходили своей высотой известный Карнакский храм. Несмотря на нечеткость снимков, колоссальные размеры зда-

ний не вызывали сомнений. И странно неправильная геометрия. Никаких лестниц, только скошенные поверхности. Плюс некая первобытная грубость, которую порой можно заметить в древних египетских артефактах.

На большинстве фотографий были изображены примерно похожие сцены, и лишь один снимок выделялся из общего ряда. Это было цветочное поле, но таких цветов Кирзу еще не доводилось видеть. Несмотря на отсутствие красок, было очевидно, что соцветия обладают необычной, неземной красотой.

Кирз вернулся к книжке Ардена.

Из записей кое-что прояснилось, но не многое. «Венера кажется мертвой планетой,— начал читать он.— Атмосфера пригодна для дыхания, хотя я заметил лишь растительную жизнь. Повсюду цветы, чем-то похожие на орхидеи. Почва усыпана семенами. Я собрал огромное количество этих горошинок...

С тех пор как в одном из разрушенных зданий я нашел драгоценный камень, я сделал еще одно открытие. На Венере некогда жила разумная раса. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на развалины. Но если венериане и оставили какие-то надписи или рисунки на стенах, туманная, влажная атмосфера и бесконечные дожди давным-давно разъели эти свидетельства. Так я считал до сегодняшнего утра, пока не обнаружил в одном из подземных помещений почти похороненный в грязи барельеф.

Понадобился не один час, чтобы счистить грязь, и все равно полностью картину я не восстановил. Однако эти изображения сказали мне больше, чем любые надписи на древнем венерианском языке. Я сразу узнал драгоценный камень, который нашел раньше. Судя по тому, что мне удалось разобрать, таких камней было много и создавались они искусственным путем. И это было нечто гораздо большее, чем просто драгоценности.

Изначально подобное предположение может показаться невероятным, однако на самом деле эти камни представляли собой нечто вроде — если пользоваться земным словом — яиц. Они несли жизнь. Насколько мне удалось понять из изображений на барельефе, при соответствующих условиях (солнечный свет, тепло) эта самая жизнь вылуплялась из них...»

В записной книжке имелись и другие заметки, но они носили исключительно технический характер и не особо заинтересовали Кирза; за исключением одной, где упоминалось о существовании бортового журнала, который вел Арден. Кирз снова обыскал корабль и действительно нашел сильно обгоревшую тетрадь, валявшуюся неподалеку от расплавившегося люка. Все записи в бортовом журнале были безвозвратно утрачены.

Тогда Кирз принялся изучать содержимое контейнеров. Некоторые оказались пусты; другие были полны мелкой окалины и распространяли неприятный запах гари. По-видимому, вся «добыча» Ардена сводилась лишь к семенам и драгоценному камню.

Джаред Кирз был человеком практичным и трезвомыслящим, но не умным — в подлинном значении этого слова. Родился он на ферме в Новой Англии и прокладывал себе путь наверх тяжелым, упорным трудом и тем, что всегда настойчиво отстаивал свои права. Теперь он владел несколькими фермами, небольшим деревенским магазинчиком и раз в год мог позволить себе короткий отпуск, который всегда проводил один, без жены и дочери. Ему было пятьдесят — высокий, худощавый, седоволосый человек с холодными глазами и плотно сжатыми, как будто в вечной гримасе сомнения, губами.

Неудивительно, что Кирз тут же начал прикидывать, как обернуть сделанное им открытие к собственной выгоде. Он знал, что за обнаружение космического корабля, который, как предполагалось, сгинул в безвоздуш-

ном пространстве, не было предложено никакого вознаграждения. А стало быть, он, Джаред Кирз, мог спокойно присвоить любые сокровища, обнаруженные на борту звездолета, как если бы нашел клад. Но что было здесь присваивать, кроме одного-единственного драгоценного камня и странных семян? Рассовав находки по карманам, Кирз вылез наружу.

Местность тут была дикая, поэтому о корабле беспокоиться не стоило — найдут его не скоро, если вообще найдут. Однако на всякий случай Кирз прихватил с собой записную книжку Ардена — чтобы уничтожить ее, если возникнет такая необходимость. Записи Ардена, в которых драгоценный камень сравнивался с яйцом, вызывали большие сомнения, и все же Кирз решил попытать судьбу. Будучи владельцем нескольких ферм, он мыслил достаточно прямолинейно. Если из «яйца» и впрямь что-то вылупится, результат может получиться весьма интересным. А самое главное, очень и очень прибыльным.

Поэтому Кирз решил сократить отпуск и спустя два дня вернулся домой. Впрочем, он тут же отбыл на одну из своих ферм, прихватив жену и дочь.

Тепло и солнечный свет. Как это устроить? Ответ напрашивался сам собой: подогреваемый электричеством инкубатор без крышки. По ночам Кирз включал лампу дневного света. И ждал.

Вообще-то драгоценный камень и сам по себе мог оказаться ценной находкой; не исключено, что какой-нибудь ювелир с охотой выложил бы за него кругленькую сумму. Однако продать камень всегда успеется, пока же Кирз посеял в поле часть венерианских семян.

Наконец, спустя некоторое время, в странной драгоценности шевельнулась иная жизнь. Здесь было тепло... Этого тепла так не хватало на унылой, поливаемой дождями Венере, окутанной плотным облачным покровом, который преграждал доступ солнечной энергии и

космическим излучениям. Все это пробудило некие силы внутри камня. Жизнь очнулась от многолетней спячки и потихоньку начала осознавать происходящее вокруг.

Здесь, на несвежей соломе инкубатора, лежал гость из другого мира, созданный эпохи назад неизвестно с какими целями. И жизнь потихоньку возвращалась к нему.

Однажды днем Кирз стоял рядом с инкубатором, грызя старенькую трубку и задумчиво гладя седую щетину на подбородке. Рядом с ним крутилась его дочка, худенький заморыш тринадцати лет с болезненно-желтой кожей и светлыми волосами.

— Это не яйцо, па,— вдруг заявила она высоким гнусавым голосом.— Неужели ты правда думаешь, что из этой штуки что-то вылупится?

— Помолчи,— проворчал Кирз.— Не приставай ко мне. Я... Эй! Глянь! Что-то...

В инкубаторе, где, ярко пламенея, лежал драгоценный камень, и впрямь что-то происходило. Казалось, камень с жадностью впитывал солнечный свет. Окружавшее его в последнее время тусклое излучение пульсировало все слабее, а внутреннее мерцание, напротив, становилось все ярче! Внезапно образовалось непрозрачное облако, окутавшее камень. Почти на грани слышимости раздался высокий звякающий звук. Звяканье становилось все тише, тише, а потом совсем смолкло.

Серый туман растаял. Там, где только что лежала драгоценность, не было ничего. Ну, разве что... круглый сероватый шарик, слабо подрагивающий и как будто пытающийся развернуться.

— Это не цыпленок,— удивленно открыв рот, сказала девочка.— Па...

В ее глазах трепетал испуг.

— Помолчи! — снова прикрикнул на дочь Кирз.

Наклонившись, он осторожно потрогал шарик. Некоторое время тот продолжал вздрагивать, словно стараясь раскрыться, и вот он наконец развернулся, и... На соломе лежало крошечное создание наподобие ящерицы. Его открытая пасть судорожно втягивала воздух.

— Будь я проклят! — медленно проговорил Кирз.— Какая-то мерзкая маленькая ящерица!

Он чувствовал себя обманутым. За драгоценный камень можно было бы выручить неплохие деньги, но эта тварь... что делать с ней? Кому она нужна?

Хотя выглядела ящерка достаточно необычно... что-то вроде крошечного кенгуру... ну, почти... и не походила ни на одну ящерицу, которых Кирзу когда-либо приходилось видеть. Может, в конце концов, удастся продать и ее?

— Пойди принеси коробку,— велел он дочери.

Когда коробка была принесена, Кирз осторожно взял рептилию и посадил ее в импровизированную тюрьму.

Возвращаясь в дом, Кирз бросил взгляд на участок, где посеял семена. Сквозь почву уже пробивались маленькие желтоватые побеги. Кирз одобрительно кивнул и снова поскреб подбородок.

Подошла миссис Кирз — полная, неряшливая женщина с преждевременно состарившимся, морщинистым лицом. В ее карих глазах навсегда застыло уныние, хотя какой-то намек на былую красоту в них еще сохранился.

— Что там у тебя, Джей? — спросила она.

— Потом расскажу,— ответил он.— Принеси молока, Нора. И пипетку или что-нибудь наподобие.

Получив желаемое, Кирз принялся кормить рептилию. Молоко, похоже, понравилось твари, она жадно сосала его. Маленькие блестящие глазки глядели не мигая.

— Па,— сказала девочка,— а ящерка стала больше. Гораздо больше.

— Не может быть,— ответил Кирз.— Никто не растет так быстро. Иди отсюда, не мешай.

Крошечное создание, которому вскоре предстояло превратиться в Чудовище, жадно пило молоко в своей тюрьме, а тем временем в его чужеземном мозгу, затянутом туманом веков, потихоньку начали шевелиться мысли. Завибрировали первые слабые аккорды воспоминаний о прошлой жизни, наполовину забытой, но...

Дочь Кирза оказалась права. Рептилия росла неестественно быстро, что слегка пугало. К концу второго дня от тупой мордочки до кончика хвоста насчитывалось шесть дюймов, но спустя неделю ящерка увеличилась вдвое. Кирз приободрился и построил для нее загон.

— Я продам ее, это точно! — ликовал он.— Какой-нибудь цирк купит ее у меня за милую душу! Нужно только подождать. Может, она еще вырастет.

Ну а пока он ухаживал за венерианскими растениями. Клочок земли, на котором Кирз посадил неведомую культуру, уже покрылся большими ростками, и кое-где начали появляться бутоны. Растения были высокими, как штокроза, но абсолютно лишенными листвы. Выпуклости-почки появлялись прямо на толстом, твердом стебле, а потом распускались в соцветия.

В конце второй недели в саду Кирза властвовало буйство красок, и он специально пригласил фотографа, чтобы тот сделал цветные фотографии. Эти снимки Кирз разослал в несколько садоводческих хозяйств, и те сразу заинтересовались. Даже приехал репортер, чтобы взять у Кирза интервью.

Проявив осторожность, Кирз наплел журналисту, будто бы экспериментировал с растениями, делая им прививки. Получился новый вид цветов, и он вырастил их. Да, у него есть еще семена, и он не против продать их...

Обломки космического корабля так никто и не обнаружил. В своем загоне Чудовище жадно пожирало ме-

шанину из овощей и ботвы, объедая разместившихся по соседству ленивых свиней, и пило воду практически без остановки. Любой ученый определил бы по форме зубов Чудовища, что оно плотоядное или, по крайней мере всеядное, но Кирз в этом ничего не понимал, а рептилия вроде бы не возражала против своего «меню». Она росла буквально на глазах, и обмен веществ, проистекавший в ее теле, был настолько бурным, что от загона исходил ощутимый жар.

Вскоре ящерица вымахала размерами с жеребца, но при всем этом она казалась такой кроткой и смирной, что Кирз не предпринимал никаких мер предосторожности, хотя никогда не приближался к своему странному подопечному без револьвера в кармане.

Время от времени в сознании Чудовища пробуждались смутные воспоминания, однако, лишь шевельнувшись, они снова затухали. Каким-то образом Чудовище знало, что ему необходимо расти. Сначала оно должно достигнуть зрелости, а уж все остальное потом.

Чудовище, безусловно, обладало разумом, но не тем, что свойствен, допустим, ребенку, а скорее тем, который отличает дремлющего взрослого человека. Кроме того, Чудовище было рождено на другой планете. Оно питалось, пило воду, и чужеземная химия его тела выделяла неизвестные секреции и рассылала их по венам.

А еще Чудовище училось, хотя его дремлющий разум пока не мог извлечь из полученных знаний особых преимуществ. Из открытых окон фермерского дома до Чудовища явственно доносились речь Кирза и звуки работающего телевизора. Наблюдая за людьми, Чудовище научилось распознавать настроения и увязывать с ними определенные слова-звуки.

Оно уже знало, какие гримасы каким эмоциям соответствуют. Оно начинало различать смех и слезы.

Лишь одного Чудовище не понимало — того выражения, с которым на него смотрели миссис Кирз, ее доч-

ка, а иногда и сам мистер Кирз. То была смесь ужаса и отвращения, но Чудовище этого не знало.

Медленно протекли два месяца, и почти каждый день по почте приходил какой-нибудь чек, а то и несколько. Своей красотой необычные цветы превосходили орхидеи и, будучи срезанными, долго не опадали, поэтому пользовались грандиозной популярностью — почти все цветоводы страны жаждали заполучить их себе в коллекции.

У Кирза, однако, не хватило сообразительности продавать лишь цветы, но не семена, так что очень скоро все цветочные лавки были заполонены этими растениями. Цветы прекрасно чувствовали себя в любом климате и росли повсюду от Калифорнии до Нью-Йорка, покрыв ковром изысканной красоты всю Америку. Более того, увлечение радужницами (так теперь стали называть эти цветы) распространилось и на другие страны; в Буэнос-Айресе, в Лондоне, в Берлине ни один высокопоставленный чиновник не считал возможным появиться в обществе без элегантного букетика в петлице.

Казалось бы, чего еще можно было желать от жизни? Банковский счет рос не по дням, а по часам, заказы на радужницы продолжали поступать, и тем не менее Кирз решил продать странную ящерицу — он даже разослал по нескольким циркам соответствующие письма. Дело в том, что его все чаще мучили опасения. Рептилия стала поистине огромной, и это создавало определенные неудобства — трудно было не заметить, как по загону туда-сюда бродит гигантский чешуйчатый хребет. Поразмыслив, Кирз перевел Чудовище в сарай, и рептилия, похоже, ничего не имела против, да вот только строеньице было слишком хлипким. Один удар могучего хвоста — и от сарая останется лишь груда досок. Не самая приятная перспектива.

Но знай Кирз, что творится в голове у Чудовища, он обеспокоился бы куда больше. Чудовище быстро взрос-

лело, разум и память возвращались к нему. И оно начало различать слова.

Что, в общем-то, было вполне естественно. Развиваясь, ребенок проходит все те же стадии — он учится проводить логические связи, обретает опыт, запоминает звуки, из которых позднее складываются слова. Но кем-кем, а ребенком Чудовище не было. Оно было высокоразвитым, разумным существом и вот уже несколько месяцев находилось в близком контакте с людьми. Правда, временами оно еще впадало в приятный ступор, целиком и полностью посвящая себя сну и еде, но потом мощная, неумолимая, бурлящая внутри сила снова пробуждала его к жизни.

Вспоминать было нелегко. Метаморфоза, которой подверглось Чудовище, в некоторой степени изменила психические системы его сознания. Но однажды сквозь щель в стене сарая Чудовище увидело венерианские цветы и благодаря естественному процессу ассоциаций вспомнило о давно забытых вещах. А затем одним пасмурным, серым, дождливым днем...

Дождь. Холодные прерывистые струйки воды стекают по чешуйчатому боку. Сквозь туман начинают проступать некие знакомые очертания. Город. И среди этих зданий движутся существа, как две капли воды похожие на... Чудовище вспоминало.

Огромная бронированная голова покачивалась в полумраке сарая. Большие круглые глаза смотрели в пустоту. Громадное, ужасное Чудовище застыло, а его мысли уходили все дальше и дальше в пыльные глубины прошлого.

Другие. Были другие, такие же, как оно, правящая раса второй планеты. Что-то произошло. Гибель... они были обречены. Могучие рептилии на поливаемой дождями, вечно сумеречной планете умирали одна за другой от мора, занесенного из космоса. Вспомнив об этом, огромное Чудовище содрогнулось в темноте сарая.

Никакой возможности спастись. Хотя нет, один способ был. Внешне звероподобные, ящеры были разумными существами и обладали наукой, которая отличалась от земной... и все же она предложила некий способ спасения.

Главное было измениться, ибо огромные тела рептилий не могли бороться с мором. Но в иной форме... в форме, в которой базисная энергетическая система тела останется неизменной, хотя и будет сжата на атомарном уровне и как бы законсервирована...

Материя лишь выглядит твердой, на самом же деле все тела состоят из невероятно крошечных «солнечных систем» — из электронов, с бешеной скоростью вращающихся по огромной орбите вокруг своих протонов. Под воздействием холода это субмикроскопическое движение замедляется, а при абсолютном нуле полностью останавливается. Однако абсолютный нуль — это конец любой энергии, и потому достигнуть его невозможно.

Невозможно ли? Только не на Венере и не в те давние времена. В качестве эксперимента из одной рептилии выкачали жизненную энергию. По мере того как электроны подтягивались к своим протонам, происходило сжимание... и изменение. И вскоре перед венерианскими учеными лежала замороженная жизнь в форме драгоценного камня, готовая мгновенно пробудиться под воздействием тепла и солнечных лучей.

Неуклюжие громадины были не в состоянии совершить космическое путешествие, но в ином облике... И если повезет найти безопасный мир...

Таков был план. Уцелевшие венериане бросили все силы на строительство космического корабля. На него погрузят «драгоценности» с дремлющей внутри жизнью, робот-автомат выведет судно в космос и направит к Земле. По приземлении другие роботы вынесут «драгоценности» на солнечный свет, и венериане, пересекшие космическую пустоту в каталептическом сне, снова оживут.

Однако этому плану так и не суждено было сбыться. Слишком смертоносен оказался мор. Останки незаконченного космического корабля остались лежать глубоко в венерианских болотах, но потом явился землянин и перенес одну из удивительных «драгоценностей» в свой мир.

Чудовище увидело ночное небо и по звездам определило, что находится на третьей планете. Значит, его увезли из родного мира и с помощью напоенных энергией лучей возродили к жизни. Чудовище ощутило благодарность к землянам, спасшим его от вечной жизни-смерти.

«Драгоценности» были спрятаны по всей Венере. Может, оно тут не одно? Может, на Земле есть и другие представители его расы? Теперь, когда сознание очистилось от тумана, можно было вступать в контакт с людьми. Странные они создания... двуногие и не слишком привлекательные, на чужеземный взгляд Чудовища. Но все же оно было им признательно.

Однако как вступить с ними в контакт? Земляне разумны, это очевидно. Тем не менее его языка они не знают, и, хотя Чудовище до известной степени понимало английский, строение языка и горла не позволяло ему произносить слова таким образом, чтобы земляне их распознали. Хотя существует универсальный язык — математика, с этого можно и начать. Оно, Чудовище, должно сообщить землянам нечто в высшей степени важное. Они — правящая раса этой планеты; установить с ними контакт вряд ли окажется слишком трудной задачей.

Громоздкое Чудовище неуклюже заворочалось, навалилось на стену сарая, и с громким треском бревна поддались напору. Большое строение покосилось. Чудовище в тревоге отступило, но при этом ударило спиной в заднюю стену зданьица, чем и завершило дело

разрушения. Изумленно оглядываясь по сторонам, оно стояло среди обломков того, что раньше было сараем. Какое же в этом мире все непрочное! Тяжелые каменные здания Венеры не рухнули бы от простого толчка.

Произведенный им шум услышали. Из дома выскочил Кирз с ружьем в одной руке и фонариком в другой. Следом бежала жена. Они бросились к сараю, но потом в ужасе остановились.

— Оно его разломало,— тупо пролепетала миссис Кирз.— Думаешь, оно... Джей! Постой!

Взяв ружье на изготовку, Кирз решительно двинулся вперед. В лунном свете колоссальная громада монстра угрожающе нависала над ним.

«Время настало,— подумало Чудовище.— Время вступить в контакт...»

Огромная передняя лапа поднялась и начала чертить что-то в пыли двора. Круг, потом второй... Вскоре стало ясно, что это карта солнечной системы.

— Глянь только, как он скребет лапой! — закричала миссис Кирз.— Ну точно бык перед тем, как напасть. Джей, будь осторожен!

— Я осторожен,— угрюмо ответил Кирз и вскинул ружье.

Чудовище отступило, не потому, что испугалось,— просто оно давало человеку возможность рассмотреть чертеж. Однако Кирз увидел лишь бессмысленную мешанину концентрических кругов. Он медленно шел вперед, стирая подошвами рисунок.

«Он не заметил,— подумало Чудовище.— Нужно попытаться снова. Рано или поздно мы найдем способ понять друг друга. В такой высокоорганизованной цивилизации заботу обо мне могли доверить только ученому».

Вспомнив, каким образом земляне приветствуют друг друга, Чудовище подняло переднюю лапу и медленно вытянуло ее вперед. Разумеется, «рукопожатие» было исключено, но Кирз наверняка поймет смысл жеста.

Вместо этого Кирз выстрелил. Пуля скользнула вдоль черепа Чудовища, нанеся хоть и неопасную, но болезненную рану. Чудовище мгновенно отдернуло лапу.

Человек ничего не понял. Может, он подумал, что ему хотят причинить вред, увидел в дружеском жесте угрозу? В знак покорности Чудовище склонило голову.

Зрелище опускающейся к земле ужасной морды вывело миссис Кирз из состояния паралича. Завизжав, она бросилась бежать прочь. Кирз, истерически выкрикивая проклятия, всаживал в рептилию пулю за пулей.

Чудовище неуклюже развернулось. Оно пока не пострадало, но опасность этого существовала. Убегая, Чудовище старалось не повредить хрупкие строения, однако по пути оно раздавило свинарник, снесло амбар и развоpотило одну из стен жилого дома.

Что ж, сделанного не воротишь. Чудовище скрылось в ночи.

Оно пребывало в недоумении. Что пошло не так? Земляне разумны и тем не менее ничего не поняли. Может, это его вина? Чудовище пока не достигло полной зрелости; мысли еще не сформировали окончательный узор; туман, окутывающий разум, рассеялся не полностью...

Расти! Взрослеть! Вот что необходимо. Как только Чудовище достигнет зрелости, они с землянами встретятся на равных; уж тогда оно донесет до них свое послание. Однако нужна еда...

Чудовище неуклюже двинулось сквозь пронизанную лунным светом тьму. Словно гигантский бегемот, оно топало по оградам и вспаханным полям, оставляя за собой полосу разрушения. Поначалу Чудовище старалось придерживаться дорог, но бетон и асфальт крошились под его тяжестью. Тогда оно отказалось от этого плана и пошагало напрямую к далеким горам.

Его преследовали крики. Периодически позади вспыхивал красный свет. Прожектора шарили по небу. Однако Чудовище упрямо шло вперед, и вскоре вся эта

суматоха осталась позади. Какое-то время следует избегать людей. Нужно сосредоточиться на еде!

Чудовищу нравился вкус мяса, но концепция прав собственности уже была доступна его пониманию. Животные принадлежат людям; следовательно, трогать их нельзя. Впрочем, растительная клетчатка тоже отличное топливо для роста. А вокруг растет столько деревьев с сочными листьями.

И Чудовище принялось скитаться по лесам. Иногда оно перехватывало оленя или пуму, но в основном питалось растениями. Как-то раз Чудовище увидело жужжащий над головой самолет, а потом появились еще самолеты и принялись сбрасывать бомбы. Однако когда зашло солнце, Чудовище сумело сбежать.

Росло оно невообразимо быстро. Ультрафиолетовые солнечные лучи, в отличие от Венеры почти не экранируемые облачным покровом, оказывали на организм Чудовища пагубное воздействие. Размерами оно существенно превосходило своих предков, живших на Венере вечность назад. Сейчас Чудовище было крупнее самого большого динозавра, когда-либо бродившего по болотам предрассветной Земли. Титан, оживший ночной кошмар, воплощенная мощь Апокалипсиса, оно походило на ходячую гору. И разумеется, с каждым днем становилось все более неуклюжим.

Гравитация превратилась в серьезную помеху, хождение — в тяжкий труд; втаскивать на склоны огромное тело было мучительно больно. Теперь Чудовище уже не могло ловить оленей; они без труда ускользали от неловких движений его пасти.

И конечно, такое огромное создание не могло долго оставаться незамеченным. Прилетали новые самолеты, опять сбрасывали бомбы. Чудовище снова ранили, и оно поняло: нужно связаться с землянами как можно быстрее.

Оно должно было передать землянам нечто жизненно важное. Эти люди подарили ему новую жизнь, и оно перед ними в долгу.

Выждав глубокой ночи, Чудовище покинуло горы и отправилось на поиски города. Там у него будет больше шансов встретить понимание. Оно ползло сквозь тьму, и сама земля вздрагивала под его поступью.

Бомбардировщики обнаружили Чудовище лишь на рассвете, и вниз снова полетели бомбы, и многие из них достигли цели.

Впрочем, раны были поверхностными. Такое могучее, бронированное создание нелегко убить. Тем не менее Чудовище почувствовало боль и зашагало быстрее. Люди, летающие по небу на своих воздушных колесницах, ничего не понимали, но где-то ведь есть ученые. Где-то...

И в конце концов Чудовище пришло в Вашингтон.

Как ни странно, оно сразу узнало Капитолий. Хотя, может, и не так уж это странно: Чудовище знало английский и месяцами слушало телевизор Кирза. Там часто упоминали Вашингтон, и Чудовище догадалось, что в этом городе находится правительственный центр Америки. Если вообще на Земле есть люди, способные его понять, оно найдет их здесь — правителей, мудрых людей. И, несмотря на свои раны, Чудовище ощутило, что его охватывает волнение.

Самолеты угрожающе спикировали, вниз с ревом устремились новые бомбы, вырывая куски плоти из гигантского, покрытого чешуей тела.

— Оно остановилось! — закричал пилот, кружащий на высоте тысячи футов над Чудовищем.— По-моему, мы добили его! Слава богу, оно не успело войти в город...

Чудовище медленно зашевелилось, чувствуя, как его омывают волны жгучей боли. Нервы посылали в мозг сообщения, безошибочно свидетельствующие о том, что рана, нанесенная последней бомбой, смертельна. Самое

поразительное, Чудовище не питало ненависти к людям, убивающим его.

О нет... Их нельзя было винить. Они же не знали. И в конце концов, именно люди привезли его с Венеры, вернули к жизни, месяцами кормили, заботились о нем...

Но оставался долг. Он просто обязан сообщить коечто землянам. Он не может умереть, не сделав этого. Но как?

Огромные круглые глаза разглядели в отдалении белый купол Капитолия. Там Чудовище сможет найти ученых и... понимание. Но как же дотуда далеко!

Чудовище снова поднялось и устремилось вперед, уже не замечая хрупких человеческих строений вокруг,— на это просто не было времени. Передать сообщение, вот что было важно.

Его путь сопровождался ужасающим грохотом. Рушились здания, вздымая облака пыли. По прочности даже мрамор и гранит уступали камням Венеры. След разрушения вел прямо к Капитолию. Самолеты сопровождали Чудовище, но сбрасывать бомбы в пределах Вашингтона пилоты не решались.

Рядом с Капитолием стояла высокая, похожая на буровую вышку башня. Ее построили для журналистов и фотографов, но сейчас использовали для другой цели. Там поспешно устанавливали некий механизм, и люди подтягивали к нему соединительные кабели. Громадная линза, мерцая в свете солнца, медленно поворачивалась, ловя в фокус приближающегося монстра. Она напоминала огромный глаз в небе над Вашингтоном.

Это был прибор, испускающий тепловые лучи, один из первых опытных образцов, и если он не остановит рептилию, то ничто не остановит.

Чудовище продолжало приближаться. Жизненные силы быстро покидали его, и все же еще оставалось время, чтобы передать сообщение людям в Капитолии. Людям, которые поймут его.

Над обреченным Вашингтоном разносился панический крик, вырывающийся из тысяч людских ртов. На улицах люди разбегались во все стороны прочь от приближающегося монстра, который угрожающе возвышался на фоне неба, огромный и ужасный.

Тем временем на башне солдаты лихорадочно настраивали линзу — соединяя последние провода, что-то подкручивая, выкрикивая приказы.

Чудовище остановилось перед Капитолием. Оттуда вывалила толпа, это администрация президента спасалась бегством.

Туман пеленой окутывал сознание. Зверь изо всех сил боролся с нарастающей апатией. Сообщение... сообщение!

Могучая лапа взметнулась вверх. Чудовище забыло о земной гравитации — и о собственной неуклюжести.

Массивная лапа обрушилась на купол Капитолия!

Одновременно ослепительно вспыхнул тепловой луч. Он прорезал воздух, обдав Чудовище жарким пламенем.

На мгновение все замерло. Колосс возвышался над Капитолием. А потом Чудовище рухнуло наземь...

Даже поверженное, оно вызывало невообразимый ужас. Сбитое тепловым лучом, Чудовище неподвижно лежало среди перекрученных железных балок. Капитолий превратился в руины, над которыми витала густая завеса каменной пыли.

Это облако мешало видеть... как и туман, от которого темнело в глазах и мутилось в голове у Чудовища. Однако оно еще было живо. Неспособное двигаться, ощущая, как жизнь быстро покидает его, Чудовище тем не менее все еще пыталось протянуть громадную лапу.

«Я должен передать сообщение,— думало оно.— Должен рассказать о болезни, уничтожившей жизнь на Венере. Должен рассказать о разносимом ветром вирусе, от которого нет защиты. Он пришел на Венеру из кос-

моса... в виде спор, которые проросли и превратились в цветы. И теперь эти цветы растут на Земле. Пройдет месяц, лепестки опадут, и соцветия начнут распространять вирус. И тогда жизнь на Земле погибнет, как это произошло на Венере, и на планете не останется ничего, кроме ярких цветов и развалин. Нужно предостеречь людей, сообщить им о том, что цветы нужно немедленно уничтожить — до того, как произойдет опыление...»

Туман в его голове сгустился. Чудовище конвульсивно содрогнулось и затихло. Инопланетный монстр был мертв.

С крыши расположенного в некотором отдалении здания наблюдали за происходящим мужчина и женщина.

— Господи, ну что за чудовище! — воскликнул мужчина.— Смотри, смотри, он лежит там, словно сам дьявол!

Передернувшись, он отвернулся.

Женщина кивнула, соглашаясь.

— Просто не верится, что мир, в котором так много ужаса, способен подарить нам нечто столь прекрасное...— сказала она.

Ее тонкие пальцы поглаживали бархатистые лепестки приколотого к платью цветка. Как будто светящийся изнутри, восхитительный цветок с Венеры загадочно мерцал в солнечном свете.

Внутри его чашечки уже начала образовываться пыльца.

— Итак, мистер Хутен, вам кажется, что сейчас вы тоже спите? — спросил доктор Скотт.

Тимоти Хутен, старательно избегая взгляда психиатра, погладил пальцами кожу, которой были обтянуты ручки кресла, решил, что это ощущение еще ничего не доказывает, и перевел взгляд на окно, на Эмпайр-стэйт-билдинг.

— А разве это не похоже на сон? — уклончиво ответил он вопросом на вопрос.

— Что именно?

— Ну, допустим, вот это.— Хутен кивнул на остроконечную причальную мачту на вершине башни.— Представьте только, эта штуковина предназначена, чтобы к ней причаливали дирижабли. Но вы хоть один дирижабль там видели? Такое может случиться только во сне. Ну, вы понимаете... Люди строят большие планы, а потом почему-то забывают о них и затевают что-нибудь новенькое. Ох, не знаю. Все вокруг так нереально.

«Похоже, запущенный солипсизм*»,— подумал доктор Скотт, но решил пока воздержаться от окончательных выводов.

© Перевод Б. Жужунавы.

* Солипсизм — признание единственной реальностью своего «я», индивидуального сознания, отрицание существования внешнего мира. *(Прим. перев.)*

— Что, вообще все? — уточнил он.— И даже я?

— И даже вы,— согласился Хутен.— У вас форма неправильная.

— А можно поподробнее, мистер Хутен?

— Ну, не знаю, получится ли у меня объяснить...— Хутен с виноватым и одновременно настороженным видом посмотрел на свои руки.— Видите ли, у меня форма тоже неправильная.

— И какая же форма правильная?

Хутен закрыл глаза и глубоко задумался. Затем по его лицу скользнуло выражение изумления. Он нахмурился. Доктор Скотт, внимательно следя за пациентом, делал соответствующие пометки в своем блокноте.

— Этого я не знаю,— наконец заявил Хутен, широко открывая глаза.— Даже представления не имею.

— Вы не хотите говорить об этом?

— Да... Нет... Не знаю. Просто не знаю.

— Почему вы пришли ко мне, мистер Хутен?

— По совету своего доктора. И жены тоже.

— И по-вашему, они правы?

— Лично я считаю,— с торжествующим видом заявил Хутен,— во сне может случиться что угодно. Я даже могу ходить всего на двух ногах.— С испуганным видом он замолчал.— Наверное, мне не следовало говорить этого,— добавил он чуть погодя.

Доктор Скотт еле заметно улыбнулся.

— Если бы вы рассказали мне о своем сне чуть поподробнее...

— О том сне, в котором я пребываю сейчас? Тут все неправильно, абсолютно все. Даже говорим мы не так, как надо. Неужели вы сами не чувствуете, как неправильно извивается язык? — Хутен испытующе потрогал свой подбородок, а доктор Скотт сделал еще одну пометку в блокноте.— Я сплю, вот и все.

— А вы когда-нибудь просыпаетесь?

— Только когда сплю. Странно звучит, не правда ли? Интересно, что я хотел этим сказать?

— Стало быть, все вокруг нас — это мир сна? — уточнил доктор Скотт.

— Конечно.

— Но в чем именно кроются ваши проблемы, мистер Хутен? Вы можете объяснить это словами?

— Да нет у меня никаких проблем,— удивленно ответил Хутен.— А если б и были... это ж ведь сон, стало быть, и проблемы ненастоящие.

— А когда вы просыпаетесь? В бодрствующем состоянии вы ощущаете какое-то беспокойство, вас что-то тревожит?

— Полагаю, что да,— с задумчивым видом протянул пациент.— Мне почему-то кажется, в том, реальном мире я тоже посещаю психиатра. То есть в том мире, где пребывает мое сознание. Здесь, конечно, всем управляет мое *под*сознание.

— Очень интересно. Расскажите об этом чуть подробнее, пожалуйста.

Хутен снова закрыл глаза.

— Попытаюсь. Видите ли, когда я сплю, когда вижу сон, мое сознание отключено. Стало быть, здесь и сейчас оно не работает. Ну а в реальности, в мире не-сна, мой психиатр пытается исследовать мое подсознание. То самое, которое вы считаете сознанием.

— Гм-м, весьма любопытно,— кивнул доктор Скотт.— А этот другой психиатр... вы могли бы описать его? Что он за человек и так далее...

— Человек? Описать его? — Хутен опять открыл глаза и воззрился на доктора. Чувствовалось, что он в чем-то сомневается. Наконец Хутен покачал головой.— Нет, не могу. Я не помню, как выглядят вещи в реальном мире. Могу с уверенностью сказать лишь одно: там все по-другому. Совсем, совсем по-другому.— Он вытянул руку и задумчиво уставился на нее. Перевернул, посмотрел на линии на ладони.— Ничего себе...— пробормотал он.— Что еще они придумают?..

— Но как по-другому? Попробуйте вспомнить, приложите усилия.

— Я уже пытался, и не раз. Вы, люди из моего сна, все одинаковые: «Вспомни, вспомни, ты должен вспомнить...» Но все это без толку. Наверно, у меня в сознании блок,— с победоносным видом объявил он.

— В таком случае, давайте попробуем выяснить, что это за блок. Я хотел бы предложить вам маленький тест, мистер Хутен, если не возражаете. Сейчас я покажу вам картинку, а вы расскажите о ней какую-нибудь историю.

— В смысле, я должен что-то придумать об этой картинке?

— Совершенно верно.

Доктор Скотт вручил Хутену большую карточку, на которой были изображены две расплывчатые, почти бесформенные фигуры.

— Надо же, как странно,— удивился Хутен.— У них кости внутри.

— Продолжайте.

— Тут нарисованы два психиатра,— пробормотал Хутен.— Сразу видно — вот раз, вот два. Один бодрствует, а другой спит. Один реальный, а другой — нет. И оба лечат меня. Одного зовут Скотт, а другого... другого...

— Ну, ну.

— ...Его зовут...

— И как же его зовут?

— Расп,— еле слышно выдохнул Хутен.— Доктор Расп. И я должен встретиться с ним сегодня в два часа. Когда проснусь.

— Стало быть, по-вашему, сейчас вы тоже спите? — мягко телепатировал доктор Расп.

Тимоти Хутен, избегая взгляда фасеточных глаз психиатра, развернул свое овальное тело таким образом,

чтобы сквозь небесную щель ему был виден далекий полиэдр Кватт-Вункери. Потом он помахал щупальцем и защелкал мандибулами.

— А разве это не похоже на сон? — уклончиво поинтересовался он (не вслух, разумеется).— Чтобы к зданию Вункери плеятились кватты? О нет, такое может случиться только во сне. И не разубеждайте меня; это сон. Вообразите себе, я хожу на шести ногах, ха!

Доктор Расп нацарапал пару слов на своем левом надкрылье.

— А на скольких ногах, по-вашему, следует ходить? — спросил он.

— Вот и я этого не знаю,— откликнулся Хутен.— И пытаюсь вспомнить это всякий раз, когда просыпаюсь, но, похоже, в этом сне у меня запущенная амнезия. Я постоянно ломаю голову над этим вопросом, и все без толку. Легче приплеятить к Вункери кватт. Полный идиотизм.

— Так что именно вас беспокоит, мистер Хутен?

— Ну, во-первых, это мое абсурдное тело. Кости не там, где должны быть.— Фасеточные глаза Хутена испуганно замерцали.— Я уже говорил это? В смысле, минуту назад? Мне что-то такое припоминается.

— Нет, не говорили. А что вам припоминается?

Хутен раздраженно поскреб живот задней ногой, издав резкий скрежет.

— Забыл,— сказал он.

— Я хотел бы предложить вам один маленький тест,— сказал доктор Расп.— Я телепатирую вам некий образ, а вы расскажете мне, какие мысли он у вас порождает. Готовы?

— Вроде бы да.

Образ напоминал какую-то изогнутую туманность. Хутен задумался.

— Это мое сознание,— заявил он в конце концов.— Или злобный скруч... ну, тот вид, знаете, что живет на

Антиподах... но нет, скорее всего, это не скруч. Абсолютно точно не скруч. Это мое сознание, потому что там, в самой середине, плавает психиатр.

— Психиатр? — удивился доктор Расп.

— Который лечит мое сознание,— неуверенно попытался объяснить Хутен.— Он живет в мире бодрствования, там же, где пребывает мое сознание. А мы с вами, доктор Расп, находимся в моем подсознании, то есть здесь и сейчас. И этот другой доктор лечит нас обоих.

— Никакого другого доктора не существует! — вырвалось у доктора Распа. Однако он тут же справился с собой и продолжил уже спокойным, профессиональным тоном.— Но расскажите мне о нем поподробнее, мистер Хутен. Как он выглядит, этот психиатр? Кто он такой?

— Его зовут Тартюф,— тут же ответил Хутен. Доктор Расп постарался ничем не выдать своего изумления.— Нет, Тартан. Нет, Скотт. Да, именно так. Живущего в моем сознании психиатра зовут доктор Скотт. И я назначен к нему на прием завтра в два часа пополудни. Когда проснусь.

Тимоти Хутен смотрел в окно на Эмпайр-стэйт-билдинг. Начался тест на словесные ассоциации.

— Дом,— сказал доктор Скотт.

— Эстивировать,— откликнулся Хутен.

— Секс.

— Яйца.

— Мать.

— Личинка.

— Психиатр.

— Паразит,— ответил Хутен.

После некоторой паузы доктор Скотт продолжил:

— Личинка.

— Красота неизбывности,— выпалил Хутен.— Струится.

— Паразит,— предложил доктор Скотт.

— Бодрствование.

— Неизбывность.

— Брачный полет,— мечтательно промолвил Хутен.

Доктор Скотт сделал очередную пометку.

— Паразит.

— Прием. Два часа пополудни. Доктор Расп.

— Этот человек, который говорит разные слова,— телепатировал доктор Расп.— Он то и дело всплывает в вашем сознании. Что это означает?

— Не имею ни малейшего представления,— ответил Хутен, глядя сквозь небесную щель на Кватт-Вункери.

— Но что заставляет вас думать о нем?

— Необходимость проснуться.

Доктор Расп потер правую мандибулу.

— Хочу поставить небольшой эксперимент,— заявил он.— Вы приходите сюда на протяжении вот уже почти двенадцати всполохов, а мы все еще не преодолели блок в вашем сознании. Почему вы сопротивляетесь?

— Что я могу поделать, если все это происходит во сне?

— Вот-вот. С помощью такого отношения вы пытаетесь уклониться от ответственности?

— Ни в коем разе,— с достоинством откликнулся Хутен.— Я готов нести ответственность за свои поступки — когда я бодрствую, разумеется. Но сейчас я не бодрствую. Вы нереальны. Я тоже нереален, и это мое нелепое тело нереально. А уж этот Кватт-Вункери...

— Эксперимент, который я хочу предложить,— прервал его доктор Расп,— касается квазиэстивации. Знаете, что это такое?

— Конечно,— мгновенно ответил Хутен.— Гипноз.

— Не знаю такого слова,— удивился доктор Расп.— Гип... как?

— Гипноз, иначе говоря — квазиэстивация. Сознание отключается, и на освободившееся место заступает подсознание.

Какова бы ни была реакция доктора Распа, он ничем не выдал себя.

— Очень хорошо.— Доктор Расп вытянул щупальце.— Ну, попробуем? Просто расслабьтесь. Расслабьте надкрылья, пусть они свободно свисают. Слегка приоткройте мандибулы. Вот так, славненько.— Он скрестил одну из своих антенок с антенкой Хутена и устремил пристальный взгляд в фасеточные глаза пациента.— Сейчас вы эстивируете. Вы в норе. Там тепло и восхитительно душно. Вы свернулись клубочком и эстивируете. Вы эстивируете?

— Да,— монотонно телепатировал Хутен.

— В вашем сознании присутствует блок, который противостоит нашим с вами усилиям. И который заставляет вас думать, будто вы спите. Спустя какое-то время я прикажу вам проснуться. Вы послушаетесь?

— Да.

— Вы проснетесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы мне снитесь,— вяло откликнулся эстивирующий Хутен.

— Кто это сказал?

— Доктор Скотт.

— Нет никакого доктора Скотта,— твердо заявил доктор Расп.— Доктор Скотт — плод вашего воображения. Ваше подсознание создало доктора Скотта, защищая себя. Вы не хотите узнавать, в чем на самом деле состоит причина ваших тревог, поэтому создали другого психиатра в противовес мне. Однако в действительности он не существует. Как и создания, которых вы на-

зываете людьми. Вы придумали их мир. Доктор Скотт — это цензор, порожденный вашим сознанием. Он не реален. Я понятно объясняю?

Щупальце Хутена свернулось.

— Д-да...— с явной неохотой протянул он.

— Итак, повторим. Доктор Скотт реален?

— Разумеется,— ответил Хутен.— Я должен быть у него на приеме в два часа пополудни. Он собирается дать мне какой-то наркотик. Это тоже форма эстивации.

Последовала пауза.

— Вы вернетесь в этот офис в два часа пополудни,— заговорил потом доктор Расп.— Ни к какому доктору Скотту на прием вы не пойдете. И мы снова подвергнем вас квазиэстивации. Понятно?

— Но я... да.

— Когда я досчитаю до минус одного, вы проснетесь. Минус десять, минус девять...

На счете «минус один» Хутен проснулся и с тревогой посмотрел на доктора Распа.

— Что произошло? — спросил он.

— У нас наметился прогресс,— ответил психиатр.— Однако нам нельзя довольствоваться достигнутым. Лечение следует продолжить как можно скорее. Мы договорились встретиться здесь в два пополудни.

— В два пополудни? Крайне неудобное время.

— У меня есть на то серьезная причина,— сказал доктор Расп.

— Извините, что опоздал,— пробормотал Хутен, входя в офис доктора Скотта.— Похоже, я грезил наяву или что-то в этом роде.

— Все в порядке,— кивнул Скотт.— Ну, вы согласны на мое предложение?

— Наверно. Однако... у меня очень забавное ощущение.

— Какое именно?

— Что я начинаю просыпаться.

Доктора Скотта это известие, похоже, обрадовало.

— Отлично. Значит, снимайте пальто и закатайте левый рукав. Ложитесь вон туда на кушетку. Вот так. Сейчас я сделаю вам инъекцию, и вы начнете засыпать. Просто расслабьтесь, больше от вас ничего не требуется.

— Ой!

— Все, все.— Доктор Скотт вытащил иглу.— Теперь зафиксируйте на чем-нибудь свой взгляд и, когда в глазах у вас начнет расплываться, скажите мне.

— Хорошо.— Хутен послушно перевел взгляд на окно.— А знаете, Эмпайр-стэйт-билдинг уже сейчас выглядит неправильно. Форма не та. Совсем не похоже на Вункери.

— Не похоже на что?

— На Вункери. Из небесной щели доктора Распа открывается отличный вид на...

— Но вы ведь понимаете, на самом деле никакого Вункери не существует? — прервал Хутена доктор Скотт с еле заметной и совсем не докторской ноткой нетерпения в голосе.— Доктор Расп — порождение вашего подсознания. Засыпая, вы просто видите сны, как и всякий нормальный человек. А Вункери и Распа вы придумали, чтобы успешнее противостоять мне и моему лечению. Вы согласны?

— Нет, я не согласен,— сонно ответил Хутен.

Доктор Скотт вздохнул.

— В глазах еще не расплывается?

— Нет, но я... Я начинаю...

— Что?

— Просыпаться,— пробормотал Хутен и закрыл глаза.— Привет, доктор Расп.

— Я уже говорил, никакого доктора Распа не существует,— раздраженно повторил доктор Скотт.— Доктор Расп — плод вашего воображения.

— А доктор Расп говорит, это вы не существуете,— с закрытыми глазами пробормотал Хутен.— Да, доктор Расп...

Хутен открыл фасеточные глаза, посмотрел сквозь небесную щель на Кватт-Вункери и ошеломленно покачал головой.

— Что такое? — спросил доктор Расп.

— Доктор Скотт сделал мне инъекцию пентотала натрия.

Психиатр что-то торопливо черкнул на своем надкрылье, затем скрестил антенку с антенкой Хутена и начал перекачку энергии.

— Доктор Скотт — это ваша защитная реакция. Никакого доктора Скотта не существует. Как не существует пентотала натрия. Сейчас мы вас эстивируем. Слышите меня? Вы погрузитесь в глубокий сон, настолько глубокий, что никакой доктор Скотт не сможет разбудить вас. Вы будете повиноваться мне, а не доктору Скотту. Начинаю эстивацию. Вы меня слышите?

— Да... но, боюсь, это не сработает. Видите ли, если вы меня эстивируете, я проснусь в офисе доктора Скотта и...

— Нет никакого доктора Скотта! Забудьте о докторе Скотте!

— Но...

— Вы эстивируете... Эстивируете...

— Хорошо. Я уже... О, привет, доктор Скотт.

— Просто расслабьтесь,— мягко велел доктор Скотт, высвобождая иглу шприца из руки пациента.

— Знаете, все это уже начинает доставать,— раздраженно заявил Хутен.— Я словно болтаюсь где-то посредине. И если продолжать в том же духе, что-то произойдет. Не знаю, что именно, но, может, отложим наш сеанс на завтра, а? А доктор Расп пусть себе развлекается.

— Ваш лечащий врач — я,— заявил Скотт.— Никакого доктора Распа не существует. Если он будет еще донимать вас, отправляйте его ко мне.

— Антенки...— пробормотал Хутен.— Я не могу... Я...

— Просто расслабьтесь,— повторил доктор Скотт.— Никакого доктора Распа нет и быть не может.

Хутен поднял руку, как будто пытаясь оттолкнуть психиатра.

— Так дальше продолжаться не может,— сонным голосом запротестовал он.— Говорю же, что-то непременно случится... Что-то плохое... Я... ох... доктор Расп продолжает эстивировать меня...

— Ну, тихо, тихо...— Доктор Скотт задумчиво поглядел на шприц.

— Вы эстивируете,— телепатировал доктор Расп.

— Осторожно! — вдруг выкрикнул Хутен. Тело его изогнулось — Он собирается сделать мне еще один укол...

Доктор Расп покрепче обхватил своей антенкой антенку Хутена и усилил перекачку энергии.

— Вы эстивируете,— повторил он. Внезапно его осенила новая идея.— И вы тоже, доктор Скотт. Вы меня слышите? Я эстивирую вас, доктор Скотт. Расслабьтесь. Перестаньте сопротивляться. Вы в теплой, удобной, душной норе. Вы начинаете эстивировать, доктор Скотт...

— Теперь он пытается эстивировать вас,— сказал Хутен, судорожно дергаясь на кушетке.

Наклонившись чуть ниже, доктор Скотт мрачно улыбнулся и вперил в Хутена гипнотизирующий взгляд.

— Расслабьтесь. Я обращаюсь к вам, доктор Расп. Расслабьтесь и усните. Я сделаю вам еще одну инъекцию пентотала, и вы уснете. Слышите меня, доктор Расп?

— О господи...— Хутен ошарашенно замигал.— Такое чувство, будто меня вот-вот разорвет надвое. Что же будет?! Предупреждаю, нам лучше прервать сеанс, а не то...

Он взвизгнул, почувствовав, как игла доктора Скотта снова проткнула кожу, однако на этот раз шприц был наполнен абсолютно безвредным раствором, предназначенным исключительно для психосоматических целей. Еще раз вводить Хутену пентотал натрия было бы опасно — та доза, которую он уже получил, давным-давно должна была ввергнуть его в глубокий сон.

— Вы засыпаете, доктор Расп,— приказал доктор Скотт твердым, уверенным голосом.

— Вы эстивируете, доктор Скотт,— велел доктор Расп.

— Вы спите.

— Вы эстивируете.

— Спите!

— Эстивируйте!

— Ой-ой-ой! — возопил Тимоти Хутен, вскакивая на ноги в полной уверенности, что вот-вот произойдет нечто ужасное.

Прямо по центру кабинета доктора Скотта, окутанное дрожащим воздухом, стояло, пошатываясь, шестиногое, похожее на насекомое существо. Фасеточные глаза доктора Распа с изумлением и недоверием сначала обозрели окно и высившуюся за ним громаду Эмпайр-стейт-билдинг, затем переместились на нелепую двуногую фигуру Тимоти Хутена.

Пространственно-временной континуум мерцал и переливался. Доктор Скотт растерянно таращился на неизвестно откуда взявшееся чудовище, которое, чуть

согнув все свои шесть ног, пялило на него фасеточные глазищи. Некая невероятная догадка мелькнула в его сознании, но он тут же отогнал ее, рассеянно бормоча себе под нос:

— Галлюцинация, конечно. Ну разумеется. Само собой. Что ж еще...

Он повернулся, надеясь, что зрелище собственного офиса вернет ему душевное спокойствие, но вместо этого взгляд его упал на небесную щель и открывающийся оттуда вид. Он никогда прежде не видел Кватт-Вункери, однако чудовищное подозрение начало закрадываться в его душу.

МУЗЫКАЛЬНАЯ МАШИНА

Джерри Фостер поведал бармену, что на свете нет любви. Бармен, привыкший к подобным излияниям, заверил Джерри, что он ошибается, и предложил выпить.

— Почему бы и нет? — согласился мистер Фостер, исследуя скудное содержимое своего бумажника.— «Всегда, пока я был и есмь и буду, я пил и пью и буду пить вино». Это Омар.

— Ну как же,— невозмутимо ответил бармен.— Пей, не стесняйся, приятель.

— Вот ты зовешь меня приятелем,— пробормотал Фостер, слегка уже подвыпивший приятный молодой блондин с подернутыми дымкой глазами,— но никому я не нужен. Никто меня не любит.

— А та вчерашняя крошка?

— Бетти? Дело в том, что вчера я заглянул с ней в одно местечко, а тут появилась рыжая. Ну, я бортанул Бетти, а потом рыжая отшила меня. И вот я одинок, все меня ненавидят.

— Возможно, не стоило гнать Бетти,— предположил бармен.

— Я такой непостоянный...— На глазах у Фостера навернулись слезы.— Ничего не могу поделать. Жен-

---

© Перевод В. Баканова.

щины — моя погибель. Налей мне еще и скажи, как тебя звать.

— Остин.

— Так вот, Остин, я почти влип. Не обратил внимания, кто победил вчера в пятом забеге?

— Пигс Троттерс вроде бы.

— А я ставил на Уайт Флеш. Сейчас должен подойти Сэмми. Хорошо еще, что удалось раздобыть денег,— с ним лучше не шутить.

— Это верно. Прости.

— И ты меня ненавидишь,— грустно прошептал Фостер, отходя от стойки.

Он был весьма удивлен, заметив сидящую в одиночестве Бетти. Но ее золотистые волосы, чистые глаза, бело-розовая кожа потеряли свою привлекательность. Она ему наскучила.

Фостер прошел дальше — туда, где в полумраке поблескивал хромом продолговатый предмет. Это было то, что официально именовалось проигрыватель-автомат, а в обиходе звалось просто джук-бокс или музыкальная машина.

Прекрасная машина. Ее хромированные и полированные части переливались всеми цветами радуги. Более того, она не следила за Фостером и держала рот на замке.

Фостер ласково похлопал по блестящему боку.

— Ты моя девушка,— объявил Джерри.— Ты прекрасна. Я люблю тебя. Слышишь? Люблю безумно.

Фостер достал из кармана монетку и тут увидел, как в бар вошел коренастый брюнет и подсел к мужчине в твидовом костюме. После короткой беседы, завершившейся рукопожатием, коренастый вытащил из кармана записную книжку и что-то пометил.

Фостер достал бумажник. У него уже были неприятности с Сэмми, и больше он не хотел. Букмекер весьма ревностно относился к своим финансовым делам.

Джерри пересчитал деньги, моргнул, снова пересчитал; в животе мерзко екнуло. То ли он их потерял, то ли его обманули, но денег не хватало...

Сэмми это не понравится.

Яростно принуждая затуманенные мозги шевелиться, Фостер прикинул, как выиграть время. Сэмми его уже заметил. Если бы выбраться через черный ход...

В баре стало слишком тихо. Страстно желая какого-нибудь шума, чтобы скрыть свое состояние, Фостер обратил наконец внимание на монетку, зажатую в пальцах, и торопливо сунул ее в прорезь джук-бокса.

В лоток для возврата монет посыпались деньги.

Шляпа Джерри оказалась под лотком почти мгновенно. Четвертаки и десятицентовики лились нескончаемым потоком. Джук-бокс взорвался песней, и под царапанье иглы из автомата понеслись звуки «Моего мужчины», заглушая шум денег, наполнявших шляпу Фостера.

Наконец поток иссяк. Фостер стоял как вкопанный, молясь богам-покровителям, когда к нему подошел Сэмми.

Жучок посмотрел на все еще протянутую шляпу.

— Эй, Джерри! Сорвал куш?

— Ага, в клубе поблизости. Никак не могу разменять. Поможешь?

— Черт побери, я не разменная касса,— усмехнулся Сэмми.— Свое возьму зелененькими.

Фостер опустил позвякивающую шляпу на крышку автомата и отсчитал купюры, а недостаток покрыл выуженными четвертаками.

— Благодарю,— сказал Сэмми.— Право, жаль, что твоя лошадка оказалась слабовата.

— «О, любовь, что длится вечно...» — заливался джук-бокс.

— Ничего не поделаешь,— отозвался Фостер.— Может быть, в следующий раз повезет.

— Хочешь поставить?

— «Если все вокруг станет плохо вдруг, то спасенья круг бросит верный друг...»

Фостер вздрогнул. Последние два слова песни поразили его, возникли из ниоткуда и намертво, как почтовый штамп, засели в голове. Больше он ничего не слышал; эти слова звучали на все лады нескончаемым эхом.

— Э... верный друг,— пробормотал он.— Верный...

— А-а... Темная лошадка. Ну ладно, Верный Друг, третий заезд. Как обычно?

Комната начала вращаться, но Фостер сумел кивнуть. Через некоторое время он обнаружил, что Сэмми пропал; на джук-боксе стоял лишь его бокал рядом со шляпой. Джерри, наклонившись, вперился сквозь стекло во внутренности автомата.

— Не может быть,— прошептал он.— Я пьян. Но пьян недостаточно. Нужно выпить еще.

С отчаянием утопающего он схватил бокал и двинулся к стойке.

— Послушай, Остин... Этот джук-бокс... он как, хорошо работает?

Остин выдавливал лимон и не поднял глаз.

— Жалоб нет.

Фостер украдкой бросил взгляд на автомат. Тот по-прежнему стоял у стены, загадочно блестя хромом и полировкой.

— Не знаю, что и думать...— пробормотал Фостер.

На диск легла пластинка. Автомат заиграл «Пойми же — мы просто любим друг друга».

Дела Джерри Фостера в последнее время шли из рук вон плохо. По натуре консерватор, к несчастью для себя, он родился в век больших перемен. Ему необходимо было чувствовать твердую почву под ногами — а газетные заголовки не внушали уверенности, и уж тем более

не устраивал его новый образ жизни, складывающийся из технических и социальных новшеств. Появись он на свет в прошлом веке, Фостер катался бы как сыр в масле, но сейчас...

Эпизод с музыкальной машиной был бы забыт, если бы через несколько дней не появился Сэмми с девятью сотнями долларов — результат победы Верного Друга. Фостер немедленно закутил и пришел в себя в знакомом баре. За спиной, вызывая смутные воспоминания, сиял джук-бокс. Из его недр лились звуки «Нет чудесней апреля», и Фостер стал бездумно подпевать.

— Хорошо! — угрожающе заявил тучный мужчина рядом.— Я слышал! Я... что ты сказал?

— Запомни апрель,— машинально повторил Фостер.

— Какой, к черту, апрель! Сейчас март!

Джерри стал тупо озираться в поисках календаря.

— Вот пожалуйста,— почти твердо заявил он.— Третье апреля.

— Это ж мне пора возвращаться...— отчаянно прошептал толстяк.— Оказывается, апрель! Сколько же я гуляю? А, не знаешь?! А что ты знаешь? Апрель... вот ведь черт...

Не успел Фостер подумать, что не мешает перейти в заведение потише, как в бар, безумно вращая глазами, ворвался тощий блондин с топором. Прежде чем его успели остановить, он пробежал через комнату и занес топор над джук-боксом.

— Я больше не могу! — истерически выкрикнул он.— Тварь!.. Я рассчитаюсь с тобой раньше, чем ты меня погубишь!

С этими словами, не обращая внимания на грозно приближающегося бармена, блондин ударил топором по крышке автомата. С резким хлопком полыхнул язычок синего пламени, и блондин оказался на полу.

Фостер завладел стоявшей поблизости бутылкой виски и попытался осмыслить смутно сознаваемые события. Вызвали «скорую помощь». Доктор объявил, что блондин жив, но получил сильный электрический удар. У автомата помялась крышка, однако внутренности остались целы.

— Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал*,— сообщил Остин Фостеру.— Если не ошибаюсь, ты тот парень, который вчера цитировал Хайяма?

— Что? — отозвался Фостер.

Остин задумчиво кивал, глядя, как безжизненное тело укладывают на носилки.

— Этот тип частенько сюда наведывался — только ради музыкальной машины. Он просто в нее втюрился. Часами слушал. Конечно, говоря «втюрился», я не имею в виду ничего такого, ясно?

— ...ы-ы...— подтвердил Фостер.

— И вот вбегает он пару дней назад, как с цепи сорвался, глаза бешеные, сам ошалевший... грохается перед этим ящиком на колени и молит простить его за что-то... Тебе чего?

— Повторить,— ответил Фостер, наблюдая за выносом носилок.

Джук-бокс щелкнул, и заиграла новая пластинка. Вероятно, забарахлил усилитель, потому что динамики неожиданно взревели.

— Хло-о! — яростно звал джук-бокс.— Хло-о-о!!

Наполовину оглушенный, борясь с ощущением, что все это галлюцинация, Фостер на заплетающихся ногах подошел к автомату и потряс его. Рев прекратился.

— Хло!..— пропел джук-бокс грустно и нежно.

У входа в бар возникла какая-то суета, но Фостер ни на что не обращал внимания. Его осенила идея. Он при-

---

* О. Уайльд. «Баллада Рэдингской тюрьмы».

жался лбом к стеклу панели и на останавливающемся диске сумел прочитать название: «Весной в горах».

Пластинка встала на ребро и скользнула назад. Другой черный диск опустился под иглу. «Турецкие ночи».

Но вместо этого джук-бокс с большим чувством исполнил «Мы будем любить друг друга вечно».

Фостер совершенно уже забыл неряшливого толстяка, как вдруг услышал сзади раздраженный голос:

— Ты лжец! Сейчас март!

— А-а, иди к черту,— отмахнулся глубоко потрясенный Фостер.

— Я сказал, ты лжец! — настаивал толстяк, неприятно дыша в лицо Фостера.— Либо ты согласишься, что сейчас март, либо... либо...

С Фостера было достаточно. Он оттолкнул толстяка и двинулся к выходу, когда в воздухе разлилась нежная мелодия «Скажи же "да" скорей!».

— Март! — визгливо твердил толстяк.— Разве не март?!

— Да,— торопливо согласился Фостер.— Март.

И всю ночь он следовал совету песни. Он слушал толстяка. Он поехал в гости к толстяку. Он соглашался с толстяком. А утром с изумлением узнал, что толстяк взял его на работу — в качестве композитора-песенника для Высшей Студии,— потому что Фостер ответил «да» на вопрос, может ли он писать песни.

— Хорошо,— удовлетворенно произнес толстяк.— Теперь мне, пожалуй, пора домой. А, так ведь я дома? Значит, мне пора на студию. Завтра мы начинаем апрельский супермюзикл — а ведь сейчас апрель?

— Конечно.

— Давай соснем. Нет, не сюда, здесь бассейн... Я покажу тебе свободную спальню. Ты ведь хочешь спать?

— Да,— солгал Фостер.

Тем не менее он заснул, а на следующее утро отправился с толстяком на студию и поставил свою подпись

под контрактом. Никто не интересовался его квалификацией — его привел сам Талиоферро, и этого было достаточно. Джерри предоставили кабинет с роялем и секретаршей, и там он просидел остаток дня, недоумевая, как все случилось.

Фостер получил задание — лирическая песня для новой картины. Дуэт.

В младенческом возрасте Фостер играл на пианино, но тайны контрапункта и тональностей прошли мимо него.

Вечером он заглянул в тот бар. Где-то в глубине души Джерри надеялся, что джук-бокс поможет ему. Однако музыкальная машина надоедливо играла одну и ту же песню. Странно, что никто этого не слышал. Фостер открыл сей факт совершенно случайно. Для ушей Остина джук-бокс крутил обычные шлягеры.

Джерри стал внимательно прислушиваться. Звучал завораживающий дуэт, нежный и печальный.

— Кто написал эту песню?

— Разве не Хоги Кармайкл? — отозвался Остин.

Джук-бокс внезапно заиграл «Я сделал это», а затем вновь переключился на дуэт.

В углу Фостер заметил пианино. Он подошел к нему, достал записную книжку и первым делом записал слова. Остальное оказалось не по силам, приходилось надеяться лишь на слух и память. Фостер осмотрел музыкальную машину (разбитую крышку заменили), ласково погладил ее бок и в глубоком раздумье удалился.

Его секретаршу звали Лойс Кеннеди. Она появилась на следующий день в кабинете Фостера, когда тот сидел у рояля и безнадежно тыкал в клавиши пальцем.

— Позвольте, я помогу вам, мистер Фостер,— спокойно сказала девушка.

— Я... нет, спасибо,— выдавил Фостер.

— Плохо знаете музыкальную грамоту? — Лойс ободряюще улыбнулась.— Таких композиторов много. Играют на слух, а в нотах не разбираются.

— В самом деле? — с надеждой пробормотал Фостер.

— Давайте так: вы играйте, а я запишу.

После нескольких тщетных попыток Фостер вздохнул и взял листок со словами — его хоть прочесть можно было.

— Ну пропойте ее,— предложила Лойс.

У Фостера был неплохой слух, и он без труда спел, а Лойс легко подобрала и записала музыку.

— Изумительно! Оригинальная и свежая мелодия. Мистер Фостер, я восхищена вами! Надо немедленно показать ее боссу.

Талиоферро песня понравилась. Он сделал несколько бессмысленных поправок, которые Фостер с помощью Лойс внес в текст, и созвал целый симпозиум песенников для прослушивания шедевра.

— Я хочу, чтобы вы поняли, что такое хорошо,— изрек Талиоферро.— Это моя новая находка. Мне кажется, нам нужна свежая кровь,— мрачно закончил он, обводя притихших песенников зловещим взглядом.

Фостер сидел как на иголках, ожидая, что вот-вот кто-нибудь из присутствующих вскочит и закричит: «Эта ваша находка украл мелодию у Гершвина!..»

Или у Берлина, или Портера, или Хаммерстайна...

Разоблачения не последовало. Песня оказалась новой и принесла Фостеру славу композитора и поэта.

Так начался успех.

Каждый вечер он в одиночку посещал некий бар, и джук-бокс помогал ему с песнями. Джук-бокс словно понимал, что именно требуется, и нежил Фостера запада-

ющими в сердце мелодиями, складывающимися в песни с помощью Лойс.

Кстати, Фостер начал замечать, что она поразительно красивая девушка. Лойс не казалась неприступной, но пока Фостер избегал решительных действий. Он не был уверен в долговечности своего триумфа.

Хотя расцветал Фостер как роза. Банковский счет круглел с не меньшей скоростью, чем он сам, а пил Фостер теперь гораздо реже, хотя бар посещал ежедневно.

Однажды он спросил у Остина:

— Этот джук-бокс... Откуда он взялся?

— Не знаю,— ответил Остин.— Он уже стоял, когда я начал здесь работать.

— А кто меняет пластинки?

— Ну... компания, надо полагать.

— Вы видели их когда-нибудь?

Остин задумался.

— Наверное, они приходят в смену напарника. Пластинки новые каждый день. Отличное обслуживание.

Фостер решил расспросить и другого бармена, но не расспросил. Потому что поцеловал Лойс Кеннеди.

Это был пороховой заряд. Они колесили по Сансет-Стрип, обсуждая проблемы жизни и музыки.

— Я иду,— туманно выразился Фостер, отворачивая от столба светофора.— Мы идем вместе.

— Ах, милый! — промурлыкала Лойс.

Фостер и не чувствовал, что последние дни находился в страшном напряжении. Сейчас оно исчезло. Как замечательно обнимать Лойс, целовать ее, наслаждаться легким щекотанием ее волос... Все виделось в розовом свете.

Внезапно в розовой мгле проявилось лицо Остина.

— Как всегда? — поинтересовался бармен.

Фостер моргнул.

— Остин... Давно мы здесь?

— Около часа, мистер Фостер.

— Дорогой! — ластилась Лойс, нежно и плотно прижимаясь к плечу.

Фостер попытался подумать. Это было трудно.

— Лойс,— произнес он наконец,— не надо ли мне написать песню?

— Зачем спешить?

— Нет. Раз я здесь, то добуду песню,— непререкаемо изрек Фостер и поднялся.

— Поцелуй меня,— проворковала Лойс.

Фостер повиновался, затем засек координаты джук-бокса и двинулся к цели.

— Привет,— сказал он, похлопывая гладкий блестящий бок.— Вот и я. Правда, немного пьян, но это ничего. Давай-ка запишем песенку.

Машина молчала. Фостер почувствовал прикосновение Лойс.

— Пойдем. Мы не хотим музыки.

— Подожди, моя прелесть.

Фостер уставился на автомат и вдруг расхохотался.

— Понимаю...

Он достал пригоршню мелочи, сунул монету в щель и дернул рычаг.

Джук-бокс хранил молчание.

— Что случилось?..— пробормотал Фостер.

Внезапно ему пришел на память случай с блондином, напавшим на джук-бокс с топором.

Остин подсказал фамилию, и через час Фостер сидел у госпитальной койки, на которой покоились изуродованные и забинтованные останки человека со светлыми волосами.

— Меня вынесли на носилках из бара,— рассказывал блондин.— И тут появилась машина. Я ничего не почувствовал. Я и сейчас ничего не чувствую. Водитель — женщина — утверждает, что кто-то выкрикнул ее имя.

Хло. Это так удивило ее, что она дернула руль и сбила меня. Вы знаете, кто крикнул «Хло»?

Фостер вспомнил. Джук-бокс играл «Хло», что-то случилось с усилителем, и на секунду он заорал как бешеный.

— Я парализован,— продолжал блондин.— Скоро умру. И хорошо. Она очень умная и мстительная.

— Она?

— Шпионка. Возможно, самые разные устройства замаскированы под... под вещи, к которым мы привыкли. Не знаю. Вот и джук-бокс... он... нет. Она! Она жива!

— А...

— Кто ее поставил? — перебил блондин.— Они. Пришельцы из иного времени? Им нужна информация, но сами показываться не смеют, вот и монтируют шпионские устройства в вещах, которые не вызывают у нас подозрений. Например, в автоматической радиоле. Только эта немного разладилась. Она умнее других.

Блондин приподнял голову, горящие глаза впились в радио, висевшее на стене.

— Даже здесь,— прошептал он.— Обычное радио? Или их хитроумные штучки?!

Его голова бессильно упала на подушку.

— Я начал догадываться довольно давно. Она подсказывала мне разные идеи, не раз буквально вытаскивала из тюрьмы. Но прощения не будет. Она ведь женщина. Механический мозг? Или... нет, я не узнаю, никогда не узнаю. Скоро я умру. Ну и ладно...

Вошла сестра.

Джерри Фостер был испуган. На опустевшей Мэйнстрит царили тишина и мрак.

— Ни за что бы не поверил,— бормотал Фостер, прислушиваясь к собственным гулким шагам.— Но я верю. Надо наладить отношения с этим... с этой... с музыкальной машиной!

Какая-то трезвая часть ума направила его в аллею. Заставила осторожно выдавить стекло. Настойчиво провела по темной кухне.

Он был в баре. Пустая стойка. Слабый мерцающий свет, пробивающийся сквозь шторы. И черная молчаливая глыба джук-бокса у стены.

Молчаливая и безразличная. Даже когда Джерри опустил монету.

— Послушай! — взмолился он.— Я был пьян... О, это безумие! Не может такого быть! Ты не живая... или живая? Это ты расправилась с парнем, которого я сейчас видел в больнице?! Итак, ты женщина. Завтра я принесу тебе цветы. Я начинаю верить. Конечно же, я верю! Я никогда не взгляну на... на другую девушку. Не надо дуться, ну... Ты же любишь меня, я знаю. О господи!

У Фостера пересохло в горле. Он пошел за стойку и вдруг замер, пораженный леденящей душу уверенностью, что рядом кто-то есть.

Их было двое, и они не были людьми.

Один вытащил из джук-бокса маленький блестящий цилиндр.

Чувствуя, как высыхает пот на лице, Фостер слушал их мысли.

— *Рапорт за истекшие сутки. Вставь свежую кассету и заодно смени пластинки.*

В голове Фостера закружился бешеный калейдоскоп. Слова Остина... умирающий блондин... бесформенные фигуры...

— *Здесь человек,*— подумал один из них.— *Он видел нас. Его надо ликвидировать.*

Мерцающие нечеловеческие фигуры стали приближаться. Фостер обогнул край стойки и, бросившись к музыкальной машине, обхватил руками ее холодные бока.

— Останови их! Не дай им убить меня!

Теперь он не видел созданий, но чувствовал их прямо за спиной. Паника обострила чувства. Фостер выбро-

сил указательный палец и ткнул им в кнопку с надписью «Люби меня вечно».

Что-то коснулось его плеча и окрепло, оттягивая назад.

Внутри автомата замельтешили огни. Выскользнула пластинка. Игла медленно опустилась на черную дорожку.

Джук-бокс начал играть «Цена тебе грош — сейчас ты умрешь».

ЭЛИКСИР НЕВИДИМОСТИ

/1/

Ричард Роли только вошел в лабораторию, как сразу же почуял недоброе. Его работодатель доктор Гаспар Мик выглядел слишком довольным собой. Либо кто-то умер, либо Мик снова отрывал у мух крылышки. Такой он был человек. Приятный малый, который отлично поладил бы с Торквемадой или даже с самим Нероном.

Кроме всего прочего, Роли волновала судьба лягушек. Они исчезли без следа. Он сел на протестующе заскрипевший стул с выражением горечи на бронзовом лице и попытался привести в порядок мысли, которые ему так хотелось высказать Мику. Через некоторое время он начал:

— Ну?

— А! — воскликнул ученый, закачавшись в своем кресле, как Будда. Его толстое розовое лицо блестело на солнце, а лысина сияла бесовским огнем.— А,— повторил он более многозначительно.— Это ты, Рик. Я наконец решил, что твои таланты не соответствуют выполняемой тобой работе.

© Перевод Н. Берденникова.

— Какой именно? — спросил Роли.— Я — помощник, повар, мальчик на побегушках, мойщик лабораторной посуды и ответственный за все, здесь происходящее. Занимаю по меньшей мере пять должностей.

Мик сделал вид, что не заметил нотку иронии в его голосе.

— Я наконец решил позволить тебе участвовать в экспериментах. Я повышаю тебя в должности. Теперь мы — коллеги. Но зарплата остается прежней,— поспешно добавил он.— Но что такое деньги по сравнению со славой служения науке.

Роли едва не сказал о том, что деньги позволят ему жениться на Бинни — прелестной, хотя и глуповатой дочери Мика. Для него оставалось неразрешимой загадкой, как такой негодяй, как Мик, мог произвести на свет такого ангела, как Бинни. Кроме того, это тоже создавало определенные проблемы, потому что Бинни была несколько старомодной девушкой и не желала выходить замуж без разрешения отца. «Заставь отца сказать "да",— однажды прошептала она на ухо своему возлюбленному,— и все будет шикарно».

— Ты что-то сказал? — спросил, врываясь в его мысли, Мик.

— Я спросил о лягушках,— пробурчал Роли.— Два месяца я выращивал гигантских лягушек, чтобы заработать немного денег, а теперь вижу, что террариум пуст.— Он еще раз обежал взглядом комнату.

Мик почему-то хихикнул.

— Не думай об этом, лучше посмотри сюда.— Он показал на несколько стоявших на столе пробирок с красными и зелеными этикетками.— Поговорим о деле. Я жду прихода посетителей и хочу, чтобы ты оставался здесь, пока они не уйдут. Ничего не говори. Просто слушай.

— А, ваш знаменитый эликсир невидимости.— Роли посмотрел на пробирки.— И кого вы ждете?

— Репортеров.

— Гм? — Молодой человек, не скрывая удивления, посмотрел на него.— После того, что произошло? После того, что о вас написали почти во всех газетах?..

Синие глаза Мика заблестели необыкновенно мерзко даже для него.

— Да. Насколько я помню, они называли меня шарлатаном, любителем саморекламы. Мне кажется, они уже изменили мнение обо мне.

— Ага, звонят в дверь.

Роли вздохнул, встал, вышел в приемную, открыл дверь и едва не был сметен волной возбужденных репортеров. Их было не меньше дюжины, и все они с жаждой крови в глазах требовали доктора Мика. Роли, смутно надеясь, что они разорвут ученого на куски, позволил им всем войти.

Мик встретил репортеров с довольным видом.

— Доброе утро, господа. Прошу садиться.

Стульев было всего два, но в жутком возбуждении никто на это не обратил внимания. Репортер плотного телосложения наклонился над столом с вытянутыми руками. Он либо пытался дотянуться до горла Мика, либо держал в руках нечто невидимое.

— Лягушки! — прохрипел репортер.— Невидимые лягушки! А у меня, как назло, похмелье. О боже!

Он заметно вздрогнул и разжал руки. Что-то со звуком, похожим на падение мокрой тряпки, шлепнулось на пресс-папье, потом послышались какие-то странные звуки, за которыми последовал всплеск в аквариуме с золотыми рыбками. Один из репортеров — круглолицый мужчина — выдавил из себя нечленораздельный звук и принялся жадно пить из коричневой бутылки.

— Я многое могу вытерпеть,— сказал первый репортер.— И возможно, есть обстоятельства, оправдывающие ваши действия. Но скажите, ради бога, неуже-

ли нельзя было доказать свою правоту каким-нибудь другим способом? Послушайте. На мое имя доставили посылку. Я открыл коробку и ничего в ней не увидел. А в следующее мгновение невидимая лягушка прыгнула мне прямо в лицо.

— Грязный трюк,— сказал невысокий коренастый мужчина с черной как уголь шевелюрой и мешками под глазами.

Из угла донесся пронзивший Роли до глубины души крик.

— Мои лягушки,— с чувством произнес он.— Смотрите, на что наступаете, ребята.

Мик откашлялся, чтобы привлечь внимание к себе.

— Господа,— произнес он громким голосом.— Я, естественно, приношу свои извинения. Я должен был поступить так для того, чтобы вы обязательно пришли сюда и увидели все воочию. Как я вам уже сообщал письменно, мне удалось изобрести жидкость, которая вызывает невидимость, обеспечивая полную прозрачность материальных объектов. Я сам не знаю точно, как это происходит. Полагаю, это связано с каким-то излучением на клеточном или атомном уровне — по крайней мере, жидкость делает невидимыми не только одежду, но и плоть и кровь.

— Здесь,— он взял со стола одну из пробирок с красной наклейкой,— эликсир невидимости. А в бутылочках с зелеными этикетками — противоядие.

— Невидимые лягушки,— тупо произнес первый репортер.— Я не собираюсь писать об этом, даже если исчезну сам. Все это белая горячка.

— Я не сомневался в вашем скептическом отношении,— продолжил Мик,— поэтому решил предоставить неопровержимое доказательство. Я хочу, джентльмены, чтобы вы расположились в разных местах в этом квартале. У вас,— он показал на одного из репортеров,— бу-

дет украден носовой платок. Вы лишитесь своей шляпы, а вы...

— Только не бумажник,— воскликнул кто-то из репортеров, торопливо застегивая задний карман брюк.— Вчера была зарплата.

— Я подойду к вам незаметно, и вы получите окончательное доказательство. У всех вас я оставлю визитные карточки.— Мик показал кожаный футляр для визитных карточек.— Это вас убедит?

— Да,— ответил чей-то печальный голос.— Боюсь, этого будет более чем достаточно. А то лягушки...— И репортер пробормотал нечто бессвязное совершенно уничижительным тоном.

— Отлично,— бодро произнес Мик, потирая руки, и бесцеремонно выдворил репортеров из помещения.

В лаборатории остались только ученый и Роли. Последний стоял в углу и не спускал глаз с письменного стола. У него создалось впечатление, что пробирок убавилось. Может быть...

— Итак! — Мик резко повернулся к своему ассистенту.— Быстро бери футляр.

— Я? — Роли попытался пройти сквозь стену спиной.— Но...

Доктор схватил со стола пробирку с красной этикеткой и пошел на Роли с жаждой крови во взгляде.

— Пей!

Роли уклонился.

— Ни за что! — воскликнул он.— Я многое готов вытерпеть, но становиться подопытным животным...

Мик задумчиво почесал один из своих подбородков.

— Послушай,— произнес он успокаивающим тоном.— Ты слышал, как я рассказывал репортерам о своем плане? Теперь они стоят на углах и ждут человека-невидимку.

— Они ждут вас,— возразил Роли.

— Если ты станешь невидимым, они ни о чем не догадаются,— с убийственной логикой заметил Мик.

— Это последняя капля! Сперва вы украли моих лягушек, а теперь...

Роли поперхнулся. Только мысли о Бинни удержали его от того, чтобы не порушить Миком всю мебель в лаборатории.

— Да,— вкрадчивым тоном произнес доктор.— Бинни. Я подумывал о том, чтобы взять ее с собой в поездку по Мексике. А еще я подумывал о том, что мне давно пора уволить тебя.

Роли оставалось только корчиться в муках, все карты были на руках Мика. Неохотно он позволил ученому сунуть пробирку себе в руку...

Дверь открылась, и в лабораторию вошла Бинни в сопровождении излишне дружелюбной собаки. В девушке не было ничего заслуживающего внимания, за исключением красоты, и Роли обманывал себя, когда ему показалось, что он видит у нее за спиной крылья. Собака, напротив, заслуживала внимания.

Во-первых, Ангел был совершенно несдержан в проявлении своих чувств. Он был крупным псом с ничем не примечательной внешностью и легкой примесью ищейки в крови. Кроме того, Ангел был жутким трусом, но при каждой возможности старался демонстрировать весьма внушительные клыки. Как обладатель тонкого вкуса, пес на дух не переносил Мика.

Появление Бинни вызвало бурную реакцию внутри Роли. Некоторые люди назвали бы такую реакцию любовью. Как бы то ни было, понимая зависимость своего будущего от доброй воли доктора Мика, Роли проглотил эликсир и тут же почувствовал, что пропавшие лягушки решили поселиться в его желудке.

Сначала они делали это постепенно и скрытно. Царапаясь лапками, они скользили по пищеводу и с глу-

хими шлепками по очереди проваливались на дно желудка. Затем решили, сцепившись лапками, станцевать болеро. Роли в отчаянии схватился за голову, потому что ему показалось, что голове захотелось немного полетать.

— Гвлг-нвнк! — сказал он.

Бинни с удивлением обернулась.

— Что это было? Папа, я что-то слышала или мне показалось?

— Конечно показалось,— с улыбкой успокоил ее Мик.— Я просто собирался кое-что съесть. Я тебе нужен?

Девушка весьма приятно порозовела.

— Я искала Рика. Он... ой!

Какое-то странное чувство, казалось, охватило Бинни. Ее глаза светились.

— В чем дело? — На этот раз удивленным выглядел доктор.

Девушка проглотила комок в горле и потупила взор.

— Ничего. Просто мне показалось, что кто-то меня поцеловал. Глупо, правда?

— Очень глупо,— мрачно заметил Мик, пожирая испепеляющим взглядом пустоту.— Ты должна меня извинить, Бинни, так много работы...

Он замолчал, потому что его взгляд был прикован к странным даже для слишком дружелюбного пса ужимкам и прыжкам.

Ангел пребывал в замешательстве. Его обманывал собственный нос. В комнате находился призрак — призрак с запахом. От призрака пахло Роли, но этого джентльмена в лаборатории явно не было. Ангел стряхнул длинные уши с глаз и еще раз окинул комнату недоуменным взглядом. Никакого Роли. Но запах оставался.

Ангел ткнулся носом в ковер и, шумно принюхиваясь, заставил свое туловище потащиться за мордой. Он

вдруг резко остановился и коротко взвизгнул. Его нос вошел в плотный контакт с чьим-то невидимым ботинком.

Все зависело от того, лишится Ангел чувств или нет. Несчастное существо задрожало всем телом. Роли, решив пожалеть его, наклонился и погладил Ангела по голове.

Это оказалось последней каплей. Громко взвизгнув от отчаяния, пес лишился чувств.

Мик откашлялся. Он подошел к двери и многозначительно открыл ее, чтобы невидимый Роли смог выйти.

— Футляр,— едва слышно пробормотал он.

— Взял,— раздался ответный, чуть слышный шепот, и Роли ушел, оставив в лаборатории впавшего в легкую истерику пса и девушку, которая была несколько озадачена и скорее довольна, чем наоборот.

/2/

Ангел пришел в себя очень скоро. В чувство его привело врожденное любопытство. Руководствуясь собачьим инстинктом, он быстро сообразил, что загадка покинула комнату, и с безумной скоростью последовал за ней, едва не сбив с ног доктора Мика. Послышался стук захлопнувшейся двери, за которым последовало крепкое ругательство, тихо произнесенное явным специалистом в этих вопросах.

Отослав Бинни, Мик вернулся в свой кабинет и стал принимать разные позы перед высоким зеркалом — у некоторых репортеров были фотоаппараты.

Тем временем человек-невидимка лежал рядом с домом в сточной канаве и потирал ушибленное колено. Он немедленно угодил в беду. Ноги Роли находились совсем не там, где, по его мнению, они должны были находиться, и в результате он упал, не успев сделать и нескольких шагов. В некотором смысле это напоминало

прогулку с завязанными глазами. Было очень непросто правильно определить расстояние. Роли поднялся на ноги, увидел, что потерял футляр для визитных карточек, и принялся его искать. Футляр валялся неподалеку на земле и мгновенно стал невидимым, стоило Роли коснуться его рукой.

Что теперь? Он огляделся, чувствуя себя странно одиноким и оторванным от окружающего мира. Прохожих было мало. Мимо прогрохотал трамвай. Один из репортеров стоял рядом с Роли, прислонившись к фонарному столбу.

Вспомнив о поручении, Роли стал медленно приближаться к мужчине. Остановившись прямо перед ним, он немного подождал. Выражение лица репортера не изменилось. Он явно не замечал стоявшего перед ним Роли.

Тогда Роли протянул руку и аккуратно вытащил торчавший из кармана репортера носовой платок. Платок так быстро стал невидимым, что его исчезновение осталось незамеченным. Репортер кивнул, достал сигарету и закурил, чиркнув спичкой о ноготь большого пальца.

Роли усмехнулся. Поручение оказалось весьма простым. Он достал карточку из футляра и сунул ее в карман жертвы вместо носового платка.

Когда он отвернулся, за спиной послышалось громкое сопение. Ангел шел по следу, инстинкт ищейки полностью пробудился в нем. Его безнадежный визг словно бы говорил: «А это еще что такое?»

Роли, опасаясь осложнений, поспешил удалиться. Следующий репортер находился в середине квартала, и он выполнил поручение, прежде чем Ангел успел снова напасть на след. Третий репортер стоял на углу, прислонившись к гранитной стене Пятого кредитного банка, и Роли удалось незаметно заменить его портсигар на визитную карточку. Ему начинала нравиться власть над людьми, которую давала невидимость. Если бы только этот треклятый пес держался подальше!

Но Ангел был настойчивым и упрямым. Люди начали останавливаться, чтобы посмотреть на странные прыжки животного, которое, казалось, решило заняться акробатическими танцами. Псу снова удалось выследить Роли, и он решил подпрыгнуть, чтобы лизнуть приятеля в лицо. Роли был невидимым, поэтому попытки Ангела выглядели странными, если не сказать больше.

Собралась небольшая толпа.

— Бешенство,— заметила тощая старая дева в очках со стальной оправой.

— Чепуха,— возразил высокий мертвенно-бледный мужчина с печальными глазами.— Пес просто пьян.— Он помолчал, внимательно разглядывая пса, и после некоторого раздумья добавил: — Нет. Пьян я. Или сошел с ума. Вы посмотрите на это! Я сошел с ума или эта ужасная собака действительно парит в воздухе?

Старая дева ничего не ответила, потому что лишилась чувств. В собравшейся толпе раздались удивленные крики, и на это была причина.

Когда Ангел подпрыгнул, Роли инстинктивно схватил его, чтобы не упасть и не пораниться самому. Для зевак все это выглядело так, как будто Ангел без поддержки завис в четырех футах над тротуаром, отчаянно перебирая лапами и скуля, словно пытаясь сохранить столь сверхъестественное состояние.

Сквозь толпу пробился полицейский. Его и без того красное лицо стало еще краснее.

— Разойтись! — приказал он.— Что здесь происходит?

Никто не ответил. В этом не было необходимости. Патрульный Донован крепко сжал губы. Как человек, не отличающийся богатым воображением, он увидел только, что собака парит в воздухе и является причиной беспорядков. Значит, собаку следует опустить на землю.

Решительно прошагав вперед, Донован положил огромные ладони на спину Ангела и попытался опус-

тить пса на грешную землю. Роли машинально потянул вверх. Бедный Ангел заверещал от боли и укусил полицейского.

Донован, заскрипев зубами, попятился. Он выхватил дубинку и с угрожающим видом бросился вперед. Роли, испугавшись осложнений, отреагировал.

Пес, словно оттолкнувшись от воздуха, полетел прямо в лицо Донована. Человек и собака рухнули на тротуар, но на этом дело не кончилось. Ангел воспользовался возможностью, чтобы еще раз тяпнуть своего мучителя, после чего бросился наутек. Донован побежал следом. Толпа, поняв, что представление закончилось, разошлась.

Роли тоже поспешил удалиться. Бросив взгляд на часы, он понял, что не может их видеть, но тем не менее решил выполнить поручение до конца. На это не ушло много времени.

Через пятнадцать минут он, воспользовавшись собственным ключом, незаметно вошел в приемную Мика. Потом тихо прошел в лабораторию и увидел, что ученый по-прежнему сидит за своим столом.

— О'кей,— сказал Роли.

Мик вздрогнул и поднял взгляд.

— А, это ты. Я немного беспокоился, что репортеры окажутся здесь раньше тебя. Они не должны знать, что невидимкой вместо меня был ты. Все в порядке?

Он протянул Роли пробирку, и тот жадно выпил ее содержимое.

Тело забилось в судорогах, которые, впрочем, быстро прошли. Блуждавший по комнате взгляд Мика наконец остановился на нем.

— Отлично,— кивнул ученый.— Ты снова стал видимым. Итак, как все прошло?

— Все прошло просто замечательно,— сказал Роли, положив ноги на стол. И в этот момент раздался звонок.

— Ты меня успокоил,— с улыбкой произнес Мик.— Я не знал, как вещество подействует на организм человека. До этого момента я использовал его только на лягушках и низших животных.

Роли с трудом подавил порыв свернуть ученому шею. Вместо этого он подошел к двери и впустил в лабораторию толпу репортеров. Они, издавая странные звуки, окружили стол Мика.

— Вы как раз вовремя,— сказал последний.— Итак, вы удовлетворены?

Репортеры утвердительно загудели. Высокий мужчина с холодным взглядом, которого Роли раньше не видел, вышел вперед.

— Вы сделали себя невидимым? — спросил он.

— Да.

— Просто сенсация! — воскликнул один из репортеров.

— Доктор Мик, вы арестованы,— сказал человек с холодным взглядом.

В наступившей гробовой тишине он показал блестящий значок.

— Где деньги?

Мик превратился в статую. Репортеры наперебой начали задавать вопросы, и детективу с трудом удалось их успокоить.

— Ограблен Пятый кредитный банк. Таким образом...

— Вы с ума сошли! — завопил Мик.— Я засужу вас за клевету! Я... я...

— Послушайте,— сказал детектив.— Я все видел своими глазами. Банкноты. Пачками. Они летели по банку и вылетали в дверь. У денег нет крыльев. Я ни за что не догадался бы, что произошло, если бы не поговорил со стоявшим рядом с банком репортером. Мик, вам не сойдет это с рук, советую облегчить свою участь. Где деньги?

Роли позеленел. Он заметил осуждающий взгляд Мика и вздрогнул. Он понимал, что думал ученый. Конеч-

но, Роли нужны были деньги, чтобы жениться. Так просто было пройти в банк незамеченным и...

— Вот преступник,— прорычал Мик, показав толстым пальцем на своего ассистента.— Я... я не становился невидимым. Он сделал это вместо меня. Я все время находился здесь.

— Вы можете это доказать? — спросил детектив.— Полагаю, нет. Этот номер не пройдет, приятель. Против вас слишком много улик. Вы оставили свои карточки у всех репортеров. Где деньги?

Мик схватил со стола пробирку с красной наклейкой. Детектив успел его остановить. Щелкнули наручники.

— Если хотите, чтобы было так, о'кей,— сказал блюститель порядка.— Пошли.

— Роли! — закричал арестованный Мик.— Я убью тебя за это!

Дверь распахнулась, и появилась Бинни, тащившая на поводке упиравшегося всеми лапами Ангела.

— Что...

Короткими, но убедительными фразами Мик объяснил сложившуюся ситуацию.

— Твой приятель ограбил банк и взвалил вину на меня. Я...

— Пошли,— повторил детектив и увел громко протестующего арестованного.

Репортеры последовали за ними. Оставшиеся в лаборатории Роли, Бинни и Ангел посмотрели друг на друга.

Девушка тихо заплакала и спрятала лицо на груди Роли.

— О, Рик, что произошло?

Он объяснил.

— Бинни, я ни в чем не виноват, клянусь. Ты мне веришь?

Она медлила с ответом.

— Ты... уверен?

— Бинни! Ты знаешь, что я не стал бы...

— Да, но все выглядит так нелепо. Я тебе верю, дорогой, но ты должен признать... неужели ничего нельзя сделать? Неужели *ты* ничего не можешь сделать?

— Что именно? — спросил Роли.

Бинни сжала губы.

— Ты должен спасти папу. Он не в силах доказать свою невиновность. Его могут посадить в тюрьму. Тогда... тогда я не смогу выйти за тебя замуж.

— Но как это могло случиться? — недовольно проворчал Роли.— Деньги вылетели из банка, а я был единственным человеком-невидимкой.

— Правда?

— Понимаю, что ты имеешь в виду,— медленно произнес после некоторого молчания Роли.— Был *еще один* человек-невидимка, но разве такое возможно? — Он задумался.— Кто-то еще изобрел эликсир невидимости... Нет, такого совпадения быть не может. Мы должны принять на веру то, что других пробирок, кроме стоящих на столе, не существует.

— Нет,— сказала Бинни.— Есть еще пробирки в сейфе.

Она кивнула на огромный, встроенный в стену сейф.

— О'кей, но он заперт. Комбинация известна только твоему отцу. В сейфе хранится эликсир и противоядие, но о них мы можем пока забыть. Только пробирки на столе имеют значение.— Глаза Роли расширились.— Так-так-так, дай подумать. По-моему, их стало меньше, чем было.

— Когда именно?

— Когда пришли репортеры. Стоп! Послушай, Бинни, а что, если один из толпы не был репортером?

— Но...

— Нет, послушай! Идеальная ситуация для преступника. Предположим, он каким-то образом узнал о том, что должно произойти сегодня. Предположим, он, при-

творившись репортером, пришел сюда с остальными и незаметно украл пару пробирок. После этого ему оставалось только стать невидимым, ограбить банк, и во всем обвинили бы твоего отца.

— Скорее всего, ты прав,— согласилась Бинни.— Но что мы можем сделать?

— Одну минуту,— сказал Роли, пересчитывая пробирки.— Ага, не хватает двух, кроме тех, что использовал я. Одного с эликсиром, одного — с противоядием.— Он покачал головой.— Полиция не поверит в такую историю.

— Значит, ты должен найти доказательство,— решительно заявила Бинни.— Нет, не приближайся ко мне. Сначала выручи папу. Он попал в тюрьму по твоей вине.

Роли вздохнул, потрясенный до глубины души незаслуженным обвинением, потом плотно сжал губы.

— О'кей,— сказал он.— Но если я сделаю это... ты выйдешь за меня замуж?

— Да,— ответила Бинни, и Роли чуть ли не бегом вылетел из лаборатории.

/3/

Доказательства. В них было все дело. Роли из-за сумятицы в голове почти не мог мыслить последовательно, но знал по многочисленным детективным рассказам, что улики имели решающее значение. А где их найти? Может быть, в банке?

Но первую улику Роли нашел вовсе не в банке. Он нашел ее на другой стороне улицы, рядом с пустырем. И заключалась улика в осколках стекла, от которых шел тонкий запах.

Среди осколков он увидел промокшую зеленую этикетку.

Противоядие! Роли зажмурился и попытался представить, что произошло. Невидимый грабитель вошел в

банк и украл деньги. Потом, убегая, случайно уронил пробирку с противоядием. Это значило...

Это значило, что преступник по-прежнему был невидимым. Он вынужден будет оставаться невидимым, пока не найдет противоядие!

Как можно поймать невидимого вора? Роли потер раскалывающийся от боли лоб. Зрение помочь не могло. Когда он сам был невидимым, только Ангел обнаружил его присутствие.

Ангел... ищейки... *то, что нужно!* Он пошлет Ангела по следу. Не стоило рассчитывать на успех, но других шансов просто не было.

Роли понадобилось всего пять секунд на то, чтобы вернуться в лабораторию. Бинни нигде не было видно. Кабинет был пуст.

— Ангел! — позвал он.— Ко мне! Обедать!

Сильнейший удар в грудь едва не сбил Роли с ног. Он, поморщившись, сел, и тут же какой-то влажный предмет начал быстро скользить по его лицу. Судя по всему, Ангела обрадовала перспектива обеда.

— О мой бог,— простонал Роли.— Проклятый пес тоже стал невидимым.

Он был прав. Пол был завален предметами, которые совсем недавно находились на письменном столе. Везде сверкали осколки стекла. Оттолкнув от себя невидимого пса, Роли принялся копаться в мусоре. Вскоре он откинулся на спинку и тяжело вздохнул.

Целыми остались только две пробирки. На обеих были красные этикетки эликсира невидимости. Противоядие исчезло без следа. Но Роли не забыл, что запас противоядия находился в сейфе. Оставалось только узнать у Мика комбинацию, и...

Но на это не было времени. След слабел с каждой минутой — возможно, уже сейчас его невозможно взять. Ему придется использовать невидимую ищейку для того, чтобы выследить невидимого вора.

Как?

Роли взял ошейник и поводок Ангела. Ценой немалых усилий ему удалось надеть их на невидимую собаку более или менее правильно, и он встал, крепко сжав в руке поводок. У него начали стучать зубы.

Вид был не слишком приятный. Туго натянутый поводок, крепко сжатый в руке Роли, заканчивался собачьим ошейником, который, как могло показаться, висел в воздухе и иногда подпрыгивал. Невозможно было представить, что на конце поводка находился Ангел. Роли, поддавшись безумному порыву, попытался просунуть руку в пустоту внутри ошейника и тут же был тяпнут за пальцы.

— О'кей,— простонал Роли.— Ангел, попытайся вести себя прилично. Тихо. К ноге.

Он открыл дверь и вышел на улицу, стараясь не обращать внимания на поводок и ошейник. С таким же успехом можно было не обращать внимания на землетрясение.

К счастью, на улице почти никого не было. Никто не заподозрил ничего дурного, пока Роли тащил пса к месту назначения. Потом он ткнул Ангела носом в осколки стекла на тротуаре и тихо сказал:

— След! След, дурила! Возьми его!

В собаке сразу же проснулась ищейка. Глухо тявкнув, Ангел рванулся вперед и вырвал поводок из руки Роли. От последовавшего за этим невероятного зрелища с полдюжины прохожих сошли с ума, а привлекательная блондинка с пышными формами, отчаянно жестикулируя и вопя, вбежала в находившийся по соседству салун.

— Двойной виски! — задыхаясь, сказала она бармену.— Быстро! Я только что видела, как мужчина гнался по улице за змеей. Такой ужасной змеи мне видеть еще не приходилось!

Ошейник и поводок тем временем неслись дальше. Тихо ругаясь, Роли бежал за ними, стараясь поймать поводок вытянутой рукой. Ангел шел по следу...

— Змея! — закричал полицейский в форме.

Он выхватил свой служебный револьвер и прицелился, но в следующее мгновение Роли попытался вырвать у него из руки оружие. Полицейский отчаянно сопротивлялся.

— Отпусти! — кричал он.— Она кого-нибудь укусит...

— Нет, нет! — лепетал Роли. У нее зубов нет. Это... старая змея. Домашняя. Она живет в нашей семье уже много лет. Не стреляйте!

Возню прекратил сам Ангел. Как честный и благородный пес, он почувствовал, что Роли попал в беду. На время оставив след, он вернулся и, дождавшись удобного момента, схватил полицейского за штаны. Это, естественно, не могло не привлечь внимания стража порядка, а когда он немного пришел в себя, Роли уже скрылся за углом, крепко сжав в руке поводок.

— Битое стекло,— прошипел он псу.— Вот чем я накормлю тебя на обед. Я разорву тебя на части голыми руками, после того как ты найдешь нужного человека.

Но Ангел уже остановился и обнюхивал закрытую дверь. Роли открыл ее и увидел скрывавшуюся в полумраке узкую лестницу. Дешевые меблированные комнаты, из которых доносились не слишком аппетитные запахи готовящейся еды.

Ангел бешено бросился вверх по лестнице, таща за собой Роли. Один пролет. Два. Три. Верхний этаж.

Пес остановился перед дверью. Он принюхался, бросил взгляд на Роли, о чем последний, естественно, не догадывался, и коротко гавкнул. Ничего не произошло.

Желудок Роли превратился в лед. Он понимал, что за дверью находится преследуемый им человек, но что делать дальше?

Он искренне пожалел о том, что за ним не погнался полицейский. Сам он без оружия мало что мог сделать с преступником, который, несомненно, носил револьвер. Так, нужно было позвать на помощь. Полицейских. Много полицейских. Сотню, никак не меньше. Он уже повернулся, чтобы на цыпочках удалиться.

И в этот момент дверь распахнулась, и Ангел в безудержном стремлении помочь бросился за порог.

Роли заглянул внутрь и увидел бедно обставленную комнату, в центре которой стоял стол, накрытый на одного. На блюде лежал недоеденный бифштекс. В комнате никого не было.

Холодный пот выступил на лбу Роли. Он осторожно вошел. И резко остановился, почувствовав в животе боль. От резкого удара.

— Не двигайся,— произнес низкий угрожающий голос.— Подними руки вверх. Вот так.

— Уг... уг... я пришел снять комнату,— задыхаясь, произнес Роли.

— Да? И почему-то совсем не удивился, не увидев меня. Я тебя знаю. Ты сообщник Мика. Видел тебя у него в конторе. А теперь развернись и войди в комнату, если не хочешь, чтобы я проделал в тебе туннель.

Роли повиновался. Переступив порог, он резко бросился в сторону и закричал:

— Ангел! Взять его!

Ничего не произошло. Со стороны стола донеслось глухое урчание. Остатки бифштекса исчезали с блюда огромными кусками. В данный момент Ангела не интересовали преступники. Нечасто ему доводилось получать косточку с таким восхитительным куском мяса.

— Мой обед,— с горечью произнес преступник, закрывая дверь.— Да, мне было очень приятно. Все время попадал вилкой в глаз. Невидимость не так хороша, как о ней думают.

Ключ повернулся в замке и исчез, вероятно, в кармане грабителя.

— Садись.

Роли сел на расшатанную кушетку и почувствовал, как невидимые руки обыскивают его.

— Пушки нет. О'кей. Как ты меня нашел? Впрочем, не говори. Сам догадаюсь. Руди Брант — головастый малый.

— Руди Брант?

— Да. А тебе что нужно?

Роли сказал. А потом, набравшись мужества, продолжил:

— На твоем месте я без глупостей пошел бы со мной. Я знаю, что ты потерял противоядие и вынужден оставаться невидимым...

— Очень рад, что ты заскочил. Я сам собирался навестить тебя. Это противоядие, где я могу его найти?

— Нигде.

Роли тут же получил сокрушительный удар по голове, и в глазах его замелькали звезды. В голосе Бранта появились резкие истерические нотки.

— Не вздумай шутить со мной, умник! Я... что теперь скажешь? — Что-то острое уперлось Роли в живот.— Чувствуешь нож? Я могу выпотрошить тебя...

— Не надо,— едва слышным голосом произнес Роли.

— Где лекарство?

— Заперто в сейфе Мика. Остальное разбилось.

— Да? Это ты так говоришь? — Роли почувствовал, что острие ножа упирается в живот сильнее.

— Это правда,— задыхаясь, выдавил он.

— Ладно, верю. Не имеет значения. Ты пойдешь и откроешь этот сейф. Я буду у тебя за спиной. Мне очень нужно противоядие. Не могу оставаться в таком виде.

Роли почувствовал, что ему трудно говорить.

— Да, конечно, Брант. Буду рад помочь. Только... только я не знаю комбинацию. Погоди минуту! Не теряй головы. Только Мик знает, как открыть сейф.

— Где он сейчас? — медленно спросил Брант.

— В тюрьме, за ограбление банка.

Раздался невеселый смех.

— А ты его помощник, да? Тогда узнай у него комбинацию и открой сейф. И не вздумай хитрить. Я буду у тебя за спиной.— Нож немного покрутился на животе.

— Не надо,— пролепетал Роли.— Щекотно. Я все сделаю.

— Сейчас!

— Д-да, сейчас.

Роли встал и направился к двери. Ключ вдруг появился и повернулся в замке. Он вздохнул и потянулся к ручке...

Просто здорово. У него за спиной стоял невидимый убийца. Причем едва не впадавший в истерику от страха. Роли знал, что попал почти в безвыходную ситуацию. Он не смел даже позвать на помощь. Беда была неминуемой, заподозри его Брант хоть в чем-то.

Придется ждать удобного случая. Ситуация изменится, лишь только он войдет в тюрьму, чтобы повидаться с Миком. Преступник окажется в затруднительном положении, когда его будут окружать стальные решетки.

Куда подевался Ангел? Роли тихонько свистнул, но не получил никакого ответа. Вероятно, пес остался в комнате преступника.

— Заткнись,— услышал он низкий голос.

— Я только...

— Я сказал, заткнись и шевели ногами. Останови такси.

Роли остановил машину. Сел в салон, и водитель тут же протянул руку, чтобы захлопнуть дверцу. Раздался приглушенный крик боли, и Роли почувствовал, как на него упало тяжелое тело. Едва слышно прозвучало витиеватое ругательство.

— Простите, мистер,— сказал водитель, повернув к нему удивленное лицо.— Я прищемил вас дверью? Готов поклясться...

— Все в порядке,— торопливо перебил его Роли.— В городскую тюрьму, и побыстрее.

/4/

Дежурный сержант заявил, что Роли не может видеть доктора Мика. По крайней мере пока. Потом он повернулся и впился испепеляющим взглядом в маленького худенького взломщика сейфов с благочестивым лицом.

— Ангелы приказали мне вскрыть тот ящик,— сказал взломщик, очевидно продолжая длинную и лживую историю.

— Не зря тебя прозвали Проповедником Беном,— прорычал сержант.— Ангелы... ха! У тебя будет много времени на общение с ангелами в тюрьме.

Он повернулся к попытавшемуся протестовать Роли.

— Я сказал — нет! Убирайся отсюда! Может быть, увидишься с Миком завтра. А пока проваливай.

Роли почувствовал, что невидимая рука уводит его. Он стал лихорадочно думать. Ему нужно было увидеть ученого, терять время было нельзя. Чрезмерно напряженные нервы Бранта могли не выдержать в любой момент, и будет совершено убийство. Но как...

Роли вдруг вспомнил о двух пробирках с эликсиром невидимости, которые он сунул в карман, прежде чем покинул дом Мика, и незаметно нащупал их. Его сердце торжествующе забилось.

Идеальное убежище от Бранта! Он станет невидимым, потом спокойно проникнет в тюрьму и навестит Мика. После этого можно будет разработать какой-нибудь план. Но в первую очередь он должен был ускользнуть от кровожадного грабителя банков.

Как проглотить эликсир незаметно?

В углу он увидел бачок с охлажденной питьевой водой и осторожно направился к нему. Сунув руку в карман, Роли открыл одну из пробирок. Сжав в ладони тонкую трубочку, он взял бумажный стаканчик и наполнил его водой. Потом ловким движением вылил в стаканчик содержимое пробирки.

Брант не произнес ни звука. Заметил ли он его хитрость?

Роли выпил воду одним глотком. Знакомое чувство жжения возникло в пищеводе. Одновременно он прыгнул в сторону и развернулся.

Маленький взломщик сейфов пронзительно заверещал:

— Этот парень! Он ангел. Только что был здесь, а потом исчез!

Сержант с непроницаемым лицом посмотрел туда, куда показывал арестованный.

— Чокнутый,— сказал он.— Он просто вышел. А теперь...

— Грязная вонючая крыса! — раздался пронзительный, полный злости голос.— Я отрежу тебе уши и заставлю их съесть!

— Кто это сказал? — взревел сержант.

— Ангелы,— услужливо подсказал «медвежатник».

Роли решил не обращать внимания на угрозу невидимого Бранта. Грабитель разгадал его трюк, но слишком поздно, чтобы что-нибудь предпринять. Он не мог найти невидимого человека, хотя сам оставался невидимым. Если, конечно, не додумается использовать Ангела, который остался запертым в его комнате. От этой мысли Роли содрогнулся.

Итак, действовать нужно быстро. Роли подождал, пока откроется внутренняя дверь, и проскользнул на тюремный двор. Потом он тихо пробрался в тюремный корпус.

Мика он нашел довольно быстро. Ученый сидел на краю койки и методично на мелкие клочки рвал газету. Выглядел он в тюремной робе не слишком-то привлекательно. Глаза блестели, как у змеи.

— Доктор Мик,— едва слышно позвал Роли.

Заключенный поднял голову, нахмурился, потом снова принялся рвать газету.

— Док, это Роли! Я невидимый.

Последние слова явно заинтересовали Мика. У него отвисла челюсть. Он вскочил с койки, подошел к решетке и словно попытался что-то рассмотреть.

— Роли? Какого...

— Тс-с-с! Если нас услышат... Слушайте.

Он быстро описал произошедшие события.

— Такая ситуация,— закончил он.— А теперь, ради бога, скажите мне комбинацию замка сейфа, чтобы я мог взять противоядие.

Но Мик явно медлил.

— Погоди. У тебя есть еще одна пробирка с эликсиром?

— Да.

— У меня другой план. Отдай ее мне. Став невидимым, я легко выберусь отсюда.

Роли порылся в невидимом кармане и достал пробирку. В его руке она оставалась невидимой. Разжав пальцы, он опустил ее, как ему показалось, на вытянутую ладонь Мика.

Дзынь! Осколки стекла разлетелись по бетонному полу.

— Неуклюжий идиот! — завопил Мик.— Ты сделал это умышленно!

Роли только вздохнул и беспомощно развел руками.

Ученый немного успокоился, как ящерица-ядозуб.

— Ты думаешь, что мне лучше остаться в тюрьме, да? Я никогда не доверял тебе, Роли! А теперь...

— В сейфе есть эликсир,— сказал Роли.— Скорее, назовите мне комбинацию. Я принесу вам другую пробирку.

Мик громко вздохнул.

— А этот злодей Брант незаметно успеет украсть противоядие, когда ты будешь брать эликсир. Угу. Став видимым, он смоется навсегда, а я сгнию в тюрьме. Что тебя вполне устраивает.

Ученый уже не говорил, а пронзительно верещал от ярости.

— Черта с два! Ты останешься невидимым, пока не вытащишь меня отсюда!

Оставаться в тюрьме не было смысла, потому что со всех сторон на крики сбегались надзиратели, и Роли вернулся в комнату, в которой оставил Бранта. Дежурный сержант и «медвежатник» по-прежнему безрезультатно спорили об ангелах. Кроме них в комнате находился еще один человек — полицейский в форме, не считая невидимого Бранта, если, конечно, он еще не ушел.

— Ангелы приказали мне это сделать,— настаивал арестованный.— Я могу открыть любой сейф, если мне...

— Что? — сорвалось с губ Роли.

— Кто это сказал? — взревел сержант.

— Ангелы,— ответил арестованный.

Роли бросил взгляд на наружную дверь, за которой находились улица и свобода. Если бы ему удалось каким-то образом похитить арестованного, сейф был бы открыт!

Но как можно похитить человека из цитадели закона?

Роли тихо подошел к сидевшему в углу и сонно щурившемуся патрульному. Явно флегматичный человек, но, может быть, у него есть хоть капля воображения. Воображение могло бы помочь. Роли наклонился к самому уху полицейского и тихо прошептал:

— *Ты скоро умрешь!*

Результат оказался более чем удовлетворительным. Полицейский пожелтел и задрожал всем телом. Он резко обернулся, ничего не увидел за спиной и схватился за горло.

Роли гнусно рассмеялся.

— Ты отправишься со мной в ад,— прошептал он.

Предложение оказалось неприемлемым. Как бы то ни было, полицейский лишился чувств и медленно сполз на пол под ряд стульев. Того, что он потерял сознание, никто из присутствующих не заметил. Кроме Роли, естественно.

Оставалось разобраться с сержантом, что было весьма нелегкой задачей. Роли прокрался за спинку стула, на котором сидел сержант. Он быстро положил руки на горло сержанта и сжал их не слишком сильно. Ничего не произошло.

Полицейский остался совершенно неподвижным, просто перестал говорить. Гробовая тишина воцарилась в комнате.

Она становилась все более напряженной. Роли убрал руки с горла. Сержант вдруг расстегнул воротник рубашки. Пристально посмотрев на арестованного, он облизнул пересохшие губы.

Человек-невидимка начал хлопать сержанта по щекам. В определенных условиях такие действия могли показаться даже приятными, почти лаской. Если предположить, конечно, что руки видимы.

Роли закрыл ладонями сержанту глаза. Это, само собой, никак не повлияло на способность последнего видеть. Но когда раздался злорадный шепот: «Угадай кто?» — нервы сержанта наконец не выдержали, лопнув с почти слышимым треском.

Пронзительно завизжав, сержант вскочил на ноги и убежал.

— Ангелы,— с довольным видом произнес «медвежатник».

Роли было совершенно наплевать, был этот человек сумасшедшим или нет, самое главное — он умел взламывать сейфы. Одним прыжком он преодолел стол сержанта, схватил арестованного за воротник и штаны и потащил к двери. Пораженный преступник пришел в себя лишь в направлявшемся к окраине города такси.

Роли уже приготовился к приступу истерики, который должен был неминуемо последовать. Ему необходимо было каким-то образом успокоить преступника, попытаться объяснить ему ситуацию. Как называл его сержант?

— Проповедник Бен,— тихо произнес Роли.

Морщинистое лицо Бена расплылось в улыбке.

— Привет, Гавриил,— сияя от удовольствия, произнес он.— Я ждал тебя.

— Послушай, приятель, я совсем не архангел Гавриил...

Именно в этот момент перед бампером такси возник грузовик, и водитель нажал на клаксон. Раздался хриплый гудок.

Это, казалось, подтвердило подозрения Бена.

— И трубы,— сказал он, кивнув на ветровое стекло.— Старина Гавриил. А куда мы едем?

Роли едва не выругался от досады, но решил, что в данный момент будет ошибкой ответить: «В ад». Вместо этого он пробормотал:

— Я хочу, чтобы ты открыл для меня сейф.

Бен явно не выглядел удивленным.

— Конечно, Гейб. Я могу называть тебя Гейбом? Почему-то я давно считаю тебя старым другом.

— Все в порядке,— сказал Роли, проглотив комок в горле.— Но этот сейф...

— Мне понадобятся инструменты. Полиция забрала мои, но я могу достать другие.

— Сколько времени на это потребуется?

— Не знаю. Может быть, пара часов.

— Отлично,— сказал Роли.— Дело вот в чем. Я хочу, чтобы ты инсценировал ограбление. Я покажу, где именно. Я хочу, чтобы ты открыл сейф и оставил его открытым. Ничего не бери. Все равно, там нет денег. Понятно?

— Конечно,— ответил Проповедник Бен.— Как скажешь, Гейб.

/5/

После этого события начали развиваться быстро, но не настолько стремительно, как хотелось бы. Бену понадобилось слишком много времени на то, чтобы найти инструменты. По какой-то странной причине сложнее всего оказалось найти стетоскоп. Работа была закончена лишь к полудню следующего дня.

Роли незаметно проник в дом, нашел Бинни и изложил ей свой план.

— Я уверен, что Брант наблюдает за домом,— сказал он.— Он знает, что мне самому нужно противоядие, и думает, что твой отец сообщил мне комбинацию. После того как Бен уйдет, Брант увидит, что сейф открыт. Обязательно убедись в том, что шторы на окнах кабинета не задернуты.

— Сегодня папу привезут в суд,— грустным голосом сообщила Бинни.— На предварительное слушание, или как там это называется. Я должна поехать туда, чтобы узнать, чем все кончится.

Что-то скользнуло по ноге Роли. Он подпрыгнул от удивления и только потом услышал знакомое повизгивание.

— Ангел! — воскликнул он.

— Да, он вернулся.

Значит, псу каким-то образом удалось выскользнуть из комнаты Бранта. Ну, что же, совсем неплохо.

Бинни ушла. Роли прошел в кабинет и стал ждать. Иногда он бросал взгляды на окно, но всякий раз ничего не видел. Тем не менее он был уверен в том, что Брант наблюдает за домом, в котором находилось его единственное средство спасения.

Откуда-то послышался звон стекла. Роли прижался спиной к стене. Дверь медленно открывалась...

В комнату вошел улыбающийся Проповедник Бен. Он увидел сейф, и его глаза заблестели. Не теряя ни минуты, он направился к сейфу, на ходу открывая черную сумку.

Он опустился перед сейфом на колени, достал стетоскоп и принялся за работу. Через десять минут дверь сейфа была открыта.

Проповедник Бен, как ему было сказано, сделал вид, что берет из сейфа какие-то предметы. Это он делал ради Бранта, если, конечно, преступник наблюдал за ним. На самом деле Бен не прикоснулся к пробиркам, валявшимся на дне сейфа, в котором, кроме них, ничего не было.

— Погоди минуту,— прошептал Роли, приступая к выполнению тщательно разработанного плана. Наконец он отошел от сейфа и едва слышно произнес: — Теперь закрывай.

Бен закрыл сейф, но не стал запирать замок. Потом он встал, вышел из комнаты, а затем и из дома. Больше он не появлялся, но можно было предположить, что о загробной жизни он теперь размышлял менее мрачно благодаря встрече с архангелом Гавриилом.

А Роли снова стал ждать. Бен, к сожалению, не плотно закрыл дверь, но сейчас закрывать ее было слишком рискованно. Невидимый Брант мог уже находиться в комнате.

Если ему удастся улизнуть с противоядием...

Роли нащупал в кармане горсть взятых из открытого сейфа пробирок. Они были на месте. Итак...

Он задумался о том, чем занимается в этот момент Бинни. Конечно, сидит в суде и смотрит на любимого папочку. Роли очень надеялся, что лысый дурак корчится сейчас в муках перед судьей.

Он посмотрел на дверь. Она действительно только что открывалась или ему почудилось? Неужели явился Брант? Убедиться в этом не было никакой возможности, учитывая, что преступник вооружен!

Если Бранту удастся улизнуть от Роли и покинуть дом с противоядием, отыскать его будет уже нельзя.

Дверца сейфа осторожно открылась.

Роли мгновенно рявкнул:

— Вперед, Ангел! Взять его!

Он бросился к двери, и одновременно прогремел выстрел, вырвавший из стены кусок штукатурки там, где только что стоял Роли.

Роли прижался к полу у порога в позе борца. Со стороны сейфа, в котором он запер невидимого Ангела, доносился шум борьбы. Между невидимым человеком и невидимым псом возникли разногласия. Неожиданно для себя самого Роли почувствовал удар тяжелого тела.

Пронзительный голос Бранта выкрикнул ругательство, и что-то будто взорвалось у Роли под подбородком, отбросив его назад. Случайный, но достигший цели удар.

Брант вырвался из его объятий. Было слышно, как он тяжело пробежал по ковру, потом распахнулась входная дверь.

Роли едва не стошнило от предчувствия неудачи, и он бросился за убегающим грабителем. Он выскочил на залитую солнечным светом улицу и остановился, беспомощно озираясь. Где же человек-невидимка?

Исчез! Исчез без следа, в толпе людей на тротуаре. В это время на улицах было полно народу.

Желудок Роли вошел в глубокое пике и едва вышел из него, когда до ушей хозяина донеслись знакомые звуки. Лаял Ангел.

Головы людей поворачивались на лай проносившегося мимо бесплотного существа. Пес, используя нюх, а не зрение, преследовал Бранта!

Роли бросился на звук. Люди разлетались в разные стороны, когда он пробегал мимо них. Всюду раздавались крики удивления и ужаса. Машина, завизжав тормозами, остановилась у края тротуара.

— Что случилось?

— Что-то налетело на меня!

— Это дом доктора Мика! — закричал кто-то.— Человек-невидимка!

— *Человек-невидимка!*

Лай становился все громче. Роли услышал шум борьбы, увидел человека, с криком отлетевшего в сторону. Потом лай Ангела вдруг стал приглушенным.

Нож возник из ничего и со звоном упал на бетонный тротуар. Роли бросился вперед, откинул нож в сторону и налетел на плотное невидимое тело. Брант громко выругался. Прогремел выстрел, и пуля разнесла витрину соседнего магазина.

Ангел щелкнул зубами. Роли попытался нащупать оружие в извивающейся массе рук, ног и лап. Затем он разглядел пистолет, в нескольких футах от себя, вне досягаемости.

Ангел тоже его увидел. Совершенно сбитый с толку пес вырвался из свалки, бросился к пистолету, схватил его зубами и принес назад.

Оба мужчины бросились к пистолету одновременно. Всегда готовый поиграть, Ангел отскочил назад и скрылся в ногах собравшейся толпы. Кто-то наткнулся на Роли и с криком покатился по земле.

Брант пытался нащупать пальцами глаза напавшего на него человека. Роли, в свою очередь, старался ухватить Бранта за горло. Вместо этого под руки попались уши. Преступник находился под ним, и Роли принялся колотить его о тротуар головой.

На этом схватка закончилась.

Роли, покачиваясь, встал на ноги, сжимая в руке воротник пойманного преступника. Толпа становилась все больше. Если принять противоядие сейчас, не обойтись без долгих объяснений.

Ангел залаял.

— Взять их, Ангел! — приказал Роли.— Взять!

Обезумевший от отваги пес повиновался. В толпе возникла паника. Невидимые зубы кусали всех подряд. Роли, взвалив Бранта на плечо, поспешил удалиться.

Он нашел такси, но не знал, как ему поступить. Водитель вряд ли согласился бы везти невидимых пассажиров. К счастью, он стоял у соседнего дома и болтал с приятелями. Роли забросил бесчувственное тело Бранта в салон, сел за руль и завел двигатель, не обращая внимания на отчаянные крики водителя.

Итак, «самоходное» такси понеслось по улице под аккомпанемент встревоженных криков прохожих.

Заголосили сирены. Мотоциклисты бросились в погоню. Остановившееся у здания мэрии такси было мгновенно окружено полицейскими.

— Здесь никого нет! — воскликнул один из них.

Он говорил правду, потому что Роли с Брантом на плече уже вошел в здание.

Ему пришлось заглянуть в несколько залов судебных заседаний, прежде чем он отыскал нужный. По причине сенсационности рассматриваемого дела зал был до отказа набит людьми. Мик как раз давал показания, его лицо побагровело от ярости, вызванной необходимостью отвечать на вопросы. Тощий, похожий на стервятника

судья, поигрывая молоточком, смотрел на него сквозь толстые линзы очков.

Охрана у дверей была сметена в сторону, когда Роли пробежал по проходу и остановился прямо перед судьей.

— Ваша честь...— произнес он.

— Тишина в зале! — рявкнул судья и треснул молотком по столу.

Но у Мика уже заблестели глаза.

— Рик! Это ты? — Он вскочил на ноги.

— Тихо!

Ученый умоляюще протянул к судье руки.

— Погодите, ваша честь. Здесь мой ассистент.

— Где?

— Он невидимый,— сказал Мик.

Судья налил себе стакан воды из графина и торопливо выпил.

— Это... это совершенно не отвечает правилам...

Он замолчал.

Прямо перед ним человек из невидимки делался видимым.

Это был коренастый моложавый мужчина с мешками под глазами и покрытыми черной как смоль щетиной щеками. Он был без сознания.

— Я влил в него противоядие,— раздался голос из пустоты.— Теперь приму его сам.

Из пустоты возник Ричард Роли, слегка помятый, но с сияющей улыбкой на лице.

Судья выпил еще воды.

— Итак, это правда, а не дешевая реклама. Будь я проклят... *Тишина в зале суда!* — Удары молотка были не слышны в поднявшемся страшном шуме.

Брант зашевелился. Полицейские бросились вперед, чтобы схватить его.

— Вот настоящий грабитель банков, ваша честь,— объяснил судье Роли.— Он...

— Деньги! — воскликнул один из полицейских.— У него карманы набиты деньгами!

Судье снова пришлось воспользоваться молотком.

— Успокойтесь, прошу вас. Вы,— он указал на Роли,— займите место для дачи свидетельских показаний. Я хочу задать вам несколько вопросов...

Отвечая на вопросы, Роли не спускал глаз с Бинни, которая сидела в первом ряду и как никогда была похожа на ангела. Он даже не расслышал, как судья, закончив допрос, просит его занять место в зале.

Возбужденные репортеры бросились из здания суда вон.

— Обвинения с Мика сняты! У Бранта уже были судимости! Какая сенсация!

Роли, воспользовавшись неразберихой, схватил Бинни за руку и подвел к доктору Мику. Лицо ученого торжествующе сияло. Он даже улыбнулся своему ассистенту.

— Так, так, спасибо тебе, Роли.— Его взгляд сразу же стал змеиным.— Что ты хочешь?

— Хочу жениться на Бинни...

Закачалась люстра. Так решительно доктор Мик произнес слово «нет».

Роли бросил взгляд на девушку, та кивнула. Две руки поднялись как одна, и совершенно неожиданно Бинни Мик и Ричард Роли исчезли.

— Немедленно вернитесь! — завопил доктор. Он повернулся к судье: — Ваша честь, я протестую...

Судья как раз собирался выпить воды. Он не заметил появившуюся в воздухе маленькую пробирку, содержимое которой полилось в стакан. Пил он долго и жадно...

— Черт возьми! — раздался чей-то дрожащий от страха голос.— Теперь и судья пропал!

Это событие надолго сохранится в истории судебных заседаний. Все газеты писали о нем. Те из них, которые называли его вопиющим безобразием, явно недо-

оценивали происшедшее. Мик метался по возбужденной толпе, пытаясь безумным взглядом отыскать в ней людей, которые только что были в зале и вдруг исчезли.

— Где они? — орал он.— Где моя дочь? Где этот вероломный ассистент?

— А где судья? — спрашивал сбитый с толку секретарь.

Шум вдруг стих, и практически все находившиеся в зале услышали, как из дальнего угла долетел отчетливый голос.

— ...Объявляю вас мужем и женой,— произнес он.

Прозвучавшие в следующее мгновение несдержанные замечания доктора Мика послужили для последнего причиной штрафа в пятьдесят долларов за неуважение к суду.

Брэдли уставился на директора. К горлу подступил ком, закружилась голова. Он понял: чтобы не выдать себя, нужно справиться с волнением. Брэдли вынул из кармана пачку сигарет и горсть мелочи и как будто случайно уронил их на ковер.

— О-ох,— протянул он, тут же нагнувшись.

Брэдли знал, что при головокружении надо наклонить голову, что и сделал. Ему полегчало. Конечно, мгновение спустя ему придется встать и посмотреть директору в лицо, однако к тому времени он намеревался совладать со своими чувствами. Но какого черта голова директора снова на своем месте — после вчерашней-то ночи?

И тут Брэдли осенило: ведь вчера вечером он был в маске и директор никак не может его узнать! С другой стороны, после случившегося директор корпорации «Нью продактс» должен был расстаться с жизнью, а не то что о чем-либо помнить... Ведь Брэдли оставил тело этого человека в одном углу комнаты, а голову — в другом.

Впрочем, почему — человека?

© Перевод О. Зверевой.

Неимоверным усилием воли Брэдли взял себя в руки. Подобрал последнюю монетку и выпрямился. Его лицо пылало.

— Простите. Я пришел, чтобы представить отчет о проекте по индуцированной мутации, а не разбрасываться содержимым своих карманов.

Брэдли бросил пристальный взгляд на директорскую шею и тут же отвел его. За высоким воротничком ничего не видно, никаких следов от бритвенно-острого клинка, который вчера с такой легкостью рассек плоть и кости. Может быть, директор скрывает их под воротником? Возможно, но осенью 2060 года неудобные вещи вышли из моды, и яркий, расшитый золотом балахон с высоким воротом, который носил директор, выглядел вполне обычным. У самого Брэдли был такой же. «О боже,— в отчаянии подумал Брэдли,— неужели этих... тварей невозможно убить?»

Артур Корт, директор, вежливо улыбнулся начальнику отдела:

— Похмелье? Пройдите химиотерапию. Врачи всегда рады пустить в ход свои новинки. Боюсь, наш персонал слишком здоров для них.

Он еще и разговаривал!

В голове Брэдли пронеслась безумная мысль: двойник? Действительно ли человек, сидящий за столом,— Корт? Нет, такое объяснение не проходит. Это Корт, тот самый Артур Корт, которого он убил несколько часов назад. Если это можно назвать убийством, ведь Корта нельзя считать живым... по крайней мере в человеческом понимании.

Брэдли заставил себя прекратить опасные рассуждения и снова стать опытным начальником организационного отдела:

— С похмельем не поспоришь. Вот последние данные...

— А что с тем переменным фактором? Как я понял, в расчетах неизбежна определенная погрешность?

— Так и есть,— ответил Брэдли.— Но это всего лишь теоретическая величина. Она абсолютно не скажется на практике, поскольку мы не пытаемся вызвать мутации у людей. И нет никаких отклонений от обычного процента бесплодных особей у дрозофил или клубники.

— Но у людей такие отклонения наблюдаются?

Корт быстро пролистал бумаги, которые принес Брэдли.

— Ну да. Мы можем с этим справиться, но это недешево и не принесет быстрых результатов. Вам решать, сэр.

— Однако когда речь идет не о людях, мы можем предсказать последствия с достаточной точностью, не так ли?

Брэдли кивнул.

— Два процента погрешности. Достаточно, чтобы создать картофель двадцати футов в длину со вкусом ростбифа, не опасаясь, что он вырастет в полдюйма размером и на вкус будет подобен цианиду.

— А у животных кривая патологий возрастает?

— Нет, только у людей. Мы можем выращивать цыплят, которые будут состоять из одного только белого мяса и иметь кубическую форму для удобства при их разделывании. На самом деле мы могли бы менять и людей, если бы это не было противозаконно,— но тогда, как я уже говорил, резко возрастает фактор неопределенности. Слишком многие становятся бесплодными, вместо того чтобы дать потомство, в котором сохранятся вызванные нами изменения.

— Хм,— промычал Корт и погрузился в размышления.— Значит, придется забыть о людях. В этом нет никакой выгоды. Продолжайте работу в остальных направлениях, идет?

— Хорошо,— согласился Брэдли.

Он ожидал, что тема разговора будет исчерпана именно на этом, однако после событий прошлой ночи никак не думал, что принимать решение будет Корт. Брэдли обнаружил, что до сих пор держит в руке незажженную сигарету. Он сунул ее в рот и пошел к двери. На пороге он обернулся:

— Это все?

Брэдли смотрел, как Корт поворачивает голову, и чувствовал нелепый страх, что она отвалится. Но этого не случилось.

— Да, пока все,— вежливо ответил Корт.

Брэдли вышел, пытаясь позабыть узкую красную полоску на шее директора. Ему показалось, что он видел ее, когда Корт повернул голову.

Итак, их не убить обезглавливанием. Но их можно уничтожить. Их можно растворить в кислоте, расплющить молотом, развинтить, сжечь...

Проблема в том, что их нельзя безошибочно вычислить. Подсказкой может служить наступление бесплодия после незначительного облучения, но ведь и люди могут стать бесплодными — правда, обычно для этого недостаточно столь малой дозы гамма-радиации. К тому же некоторые люди стерильны от природы.

Все, чем располагал Брэдли,— это общий метод экранирования. В остальном же, вычисляя нелюдей, ему приходилось опираться только на психологию. Он знал, что обычно они занимают ключевые посты, в том числе во властных структурах, и могут влиять на принятие важнейших решений. Как Артур Корт, например: будучи директором корпорации «Нью продактс», выпускающей принципиально новые товары, он обладал огромным влиянием на общество, ведь цивилизацию формируют технологии, которыми она пользуется.

Брэдли содрогнулся.

Вчера ночью он отрезал Артуру Корту голову.

Артур Корт — андроид.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросил себя Брэдли, выйдя из кабинета директора.

С каким-то отстраненным научным интересом он взглянул на свою руку: она дрожала так, что документы в ней шелестели. Что он может с этим поделать? Он или кто-то другой?

Бороться с андроидами на равных невозможно. Скорее всего, их интеллект значительно превосходит человеческий, здесь шансов нет совсем: эти супермашины способны решать задачи, которые не под силу ограниченному человеческому разуму. Вчера ночью Брэдли был в маске, но если холодный металлический мозг Корта поставит перед собой задачу вычислить личность нападавшего, то рано или поздно придет к правильному ответу.

Или уже пришел?

Брэдли постарался взять себя в руки и не поддаваться паническому желанию бросить все и убежать. За дверью стояла мертвая тишина. Насколько он знал, *их* зрение способно проникать сквозь предметы, так что Корт в данный момент мог видеть Брэдли, как если бы тот стоял за стеклом, а также заглянуть ему в мозг и прочесть его мысли, даже те, которые еще до конца не оформились у него в голове.

«Они всего лишь андроиды,— напомнил он себе, усилием воли стараясь держаться с внешним спокойствием.— Если бы они были столь могущественны, я бы здесь не стоял».

Несмотря ни на что, его снедало желание узнать, что же случилось вчера ночью, после того, как он покинул квартиру Корта. Брэдли представил себе Корта, неподвижно лежащего рядом с тяжелым стальным лезвием. Оно было запачкано жидкостью, похожей на кровь, но это была отнюдь не человеческая кровь.

Может быть, когда Брэдли ушел, Корт сам себя починил? Именно починил — не вылечил. Вылечить можно только человека. Наверное, дело в том, где у андроидов расположен мозг. Ведь мозгу совсем необязательно располагаться в голове, там он слишком уязвим. В человеческом организме много несовершенств, которые следовало бы исправить. Может, андроиды так и поступили? Может, мозг Корта находится где-то в таинственных недрах его синтетического тела и бесстрастные, слаженные мысли продолжали рождаться все то время, пока Брэдли стоял, потрясенный, над телом своей... жертвы?

Кто здесь был жертвой, а кто охотником?

Несомненно, после того как робот был обезглавлен, все жизненные процессы в нем остановились. Ни дыхания, ни биения сердца. Однако, возможно, внутри металлический мозг продолжал свою планомерную работу, порождая мысли настолько холодные, что все искусственное тепло искусственной крови не смогло бы и на йоту приблизить их к нормальной человеческой температуре.

Либо тело Корта поднялось после ухода Брэдли и заново приварило себе голову, либо на помощь пришел кто-то еще... Возможно, каждый робот, пока функционирует нормально, постоянно посылает некий сигнал, например энергетический луч, и когда тот прекращается, к данному андроиду сразу высылают аварийную бригаду. Если это так, то хорошо, что Брэдли не задержался в комнате, где не произошло никакого убийства, пусть голова Корта и лежала вдалеке от его неподвижного тела.

«От таких мыслей крыша у меня скоро окончательно поедет»,— язвительно сказал себе Брэдли. Конечно, ему предстоит тяжелое испытание — доказывать всем, что он не сошел с ума. А доказывать придется.

Ведь больше невозможно противостоять этому в одиночку. Он зашел слишком далеко, чтобы хранить секрет. Ведь когда он, как раз ради того, чтобы найти доказательства, отсек андроиду голову, то выдал себя. Рано или поздно они вычислят, кто же скрывался под маской. И прежде чем это произойдет, надо передать информацию кому-то еще.

Однако это тоже было рискованно. Андроиды, когда поймают Брэдли, не проявят ни малейшей жалости. Но чего он мог ожидать от своих соплеменников, поведав им такую неправдоподобную историю? «Я закончу в психушке,— подумал он.— А они будут множиться, пока...»

Пока что? Пока их число не превысит числа людей и они не захватят власть? Впрочем, вполне возможно, что это уже произошло. Может, после убийства, которое на поверку не было убийством, с Брэдли еще не расправились только потому, что он единственный человек, оставшийся во всем цивилизованном мире... И таким образом, совершенно безобиден для них. Может...

«Да заткнись же»,— раздраженно одернул себя Брэдли.

— Ну, значит, вы хотя бы меня не считаете... андроидом? — строго спросил доктор Уоллинджер.

Он немного нервничал — а кто бы на его месте не занервничал, просидев минут десять под дулом пистолета, направленного в живот? Ситуация была абсолютно нелепой: таинственный незнакомец в маске и шитом золотом балахоне, почти полностью скрывающем его фигуру, расселся в библиотеке доктора и заставляет слушать свои безумные бредни.

— У вас есть дети,— глуховато донесся голос Брэдли из-под маски.— Так что я уверен в вас.

— Но послушайте...— возразил Уоллинджер.— Я физик-ядерщик. Думаю, психолог вам бы помог больше...

— Вы хотите сказать, психиатр?

— Нет, ну что вы! Конечно нет. Но...

— Все равно вы думаете, что я сошел с ума. Хорошо. Я ожидал этого. Думаю, я бы сам не доверял вам, если бы вы все приняли на веру. Ваша реакция вполне естественна. Но постарайтесь же меня понять! Взгляните на вещи беспристрастно. Разве то, о чем я говорю, невозможно?

Уоллинджер, не сводя глаз с пистолета, сомкнул кончики пальцев и сжал губы:

— Хм, возможно... Ну разумеется, определенного порога тут нет. Хотя доза в одну сотую рентгена в день считается безопасной, если только гамма-облучению не подвергались оба родителя. Вы спрашиваете о времени восстановления? Знаете, даже при очень высоких дозах облучения измененные гены менее подвержены делению и постепенно замещаются нормальными.

— Вы не говорите мне ничего нового.— Брэдли едва сдерживал нетерпение.— Я толкую о том, что гамма-излучение, вызывающее мутации у людей, не влияет на роботов, которые к тому же стерильны. Если бы одни лишь андроиды были стерильны, все было бы просто, но гамма-лучи ведут к бесплодию и у людей. У вас есть дети. С вами все хорошо. Но...

— Подождите. А разве не может быть детей-андроидов? Раз они собирают взрослых, почему бы им не собрать и искусственных детей?

— Нет. Я думал об этом. Дети слишком быстро растут. Им пришлось бы обновлять ребенка-андроида каждые две недели, менять все внутренние и внешние размеры, все переделывать. Думаю, это отняло бы слишком много времени и сил. Пока, если мои расчеты верны, они не могут себе этого позволить. Их не так много. А потом, когда смогут, это уже будет не нужно. Понимаете? К тому времени, когда они смогут справиться с задачей,

им станет все равно, ведь андроиды окажутся в большинстве. И им больше не потребуется нас обманывать. Они...

Брэдли сделал паузу. Голос плохо слушался его. И все же он должен был оставаться хладнокровным и спокойным.

— Есть еще один аспект,— продолжил он.— Думаю, ребенок-андроид не обманет наших детей. Настоящих детей. Слишком по-разному они смотрят на мир. Мозг андроида настроен на разум взрослого. Они отлично с этим справились, но даже сейчас, если знать правду, их можно поймать на психологическом несоответствии. Они никогда никого не запугивают и не пытаются самоутвердиться за счет других. Зачем? Они идеально функционирующие эффективные механизмы. Им не надо ничего доказывать. Они слишком адекватны, чтобы быть настоящими людьми.

— А почему бы им не настроиться на разум ребенка?

— По той же причине, по которой они не могут создать ребенка, развивающегося физически. Ведь мозг детей слишком отличается от взрослого и, как и тело, быстро меняется. Тоже растет. В любом случае, зачем? Им это не нужно. Они обманывали нас до сих пор, и даже если кто-то один знает правду, что он может с этим поделать? Вот вы ведь не хотите меня слушать. Вы...

— Я слушаю,— мягко перебил Уоллинджер.— В любом случае, ваше предположение довольно любопытно. Скажите, а что вас изначально натолкнуло на такую идею?

Брэдли чуть было не сболтнул: «Это было моей работой. Я имел возможность сравнить много данных, и все сводилось к неизвестному фактору». Но он ничего не сказал. Он хотел сохранить инкогнито, пока не будет уверен в своей безопасности. Подобная информация запросто выведет на его след.

— Я... это просчитал... У меня есть друзья, работающие в разных областях, которые рассказывали о незначительных неувязках. Мне стало интересно. Все начало складываться в систему. Бывали случаи, когда пациенты должны были умереть, иногда даже умирали, а потом возвращались к жизни. Это объясняли уколами адреналина и тому подобным, но слишком уж часто такое происходило. И всегда с влиятельными людьми. Не знаю, как нелюди это делали,— может, настоящий человек умирал, а андроид-двойник занимал его место. Они обладают здоровьем машины, но и машина может сломаться. Порежь руку — и из нее польется кровь, но...

Брэдли остановился и подозрительно посмотрел на Уоллинджера, оценивая его реакцию.

— Хорошо,— внезапно заявил он.— Я вам расскажу, что произошло на самом деле. Пожалуйста, постарайтесь выслушать без предрассудков. Это было полгода назад. Я был один в... лаборатории... с моим другом.

Тем другом был директор Артур Корт. Именно тогда Брэдли впервые что-то заподозрил.

— Прибор, который он осматривал, захлопнулся и порезал ему руку до самой кости. Он не знал, что я это видел. А я видел, но не верил своим глазам: на раненой кисти выступила кровь, были видны мышцы, но под ними — провода и металл! Говорю вам, я их *видел!* Но это был не протез, а настоящая рука. Протезы не покрыты мышцами и кожей.

— И что он сделал?

— О, он себя выдал. Он спрятал руку в карман, пробормотал какое-то невнятное объяснение и ушел из комнаты. Он не хотел, чтобы я знал о ранении, потому что ему пришлось бы вызвать врача, а никого из *них* не было рядом. Он не мог позволить человеку даже перевязать свою руку. Да, они во многом уязвимы. И сейчас пришло время нанести им удар, пока они не справились

со своей уязвимостью. Сейчас...— Брэдли снова замолчал, потому что его голос дрогнул.

— Так что же вы предлагаете? — спокойно спросил Уоллинджер.

Брэдли не мог понять, удалось ли ему хоть в чем-то убедить собеседника.

— Не знаю.— Брэдли ссутулился под расшитым балахоном.— Поэтому я к вам и пришел. Я подумал... Выслушайте меня. Есть одна возможность. Надо найти безошибочный способ их выявлять. Психология неплоха, но занимает слишком много времени. Мне надо побольше узнать про их жизнь и привычки. Они могут выдать себя строгой логичностью мышления, не свойственной людям. Однако...

— Но есть же и физические параметры,— неожиданно предложил Уоллинджер.— Об этом вы не думали? Возможно...— Уоллинджер запнулся.— Продолжайте.

Лицо Брэдли, скрытое под маской, расплылось в широкой улыбке. Это был первый шаг. Ему удалось поставить перед физиком гипотетическую проблему, и тот мгновенно заинтересовался. Пока все это было только теорией, но Уоллинджер задумался. Лишь это и было важно. Брэдли продолжил с возросшим энтузиазмом:

— Именно. Машиной ведь кто-то управляет. Где-то должен быть источник питания. Может, он встроен в них, а может, они получают энергию извне. Наверняка это можно выяснить. Что-нибудь типа тиратронного прибора в часто посещаемых ими местах, или счетчик Гейгера, или...

— Вы думаете, их можно поймать благодаря ионизирующей радиации?

— Даже не знаю. Может, все дело в ядерном делении. Это может быть что угодно. Поэтому мне и нужна помощь кого-то вроде вас. Кого-то, кто разбирается в этом лучше меня.

Уоллинджер уставился себе на руки.

— Понимаете, я не могу. Мне нужно гораздо больше информации, чем вы можете дать. Вы попросили меня непредвзято вас выслушать. А теперь послушайте меня. Будь вы на моем месте, неужели вы не потребовали бы более весомых доказательств, чем слова незнакомца? Мне понадобится уйма времени и бесчисленные эксперименты, чтобы построить гипотетический прибор для определения ваших гипотетических андроидов, особенно учитывая тот факт, что вы не можете точно сказать, как они устроены. Вы не думали о чем-то более практичном — например, как вам рентген? Человеческий организм невероятно сложен. Сомневаюсь, что его можно полностью воспроизвести.

Брэдли пожал плечами.

— Рентген показывает только свет и тень. Эти... существа устроены так, чтобы их рентгеновские снимки были нормальными. Единственный надежный способ — хирургия, но как это можно устроить? Они никогда не болеют. Если бы вы видели то же, что и я...

Брэдли запнулся. Не мог же он сказать: «Если бы вы отрубили Артуру Корту голову и увидели провода, пластиковые трубки и стальные позвонки...» Признайся Брэдли, как далеко он зашел в поисках неопровержимых доказательств, Уоллинджер окончательно счел бы его сумасшедшим.

— Частично они состоят из плоти и крови, а частично — из механизмов,— осторожно начал Брэдли.— Возможно, механизмы нужны, чтобы поддерживать работу живых тканей. Однако мы никогда не докажем этого без применения силы. Они все взрослые, все занимают высокие должности. Для операции понадобится их согласие, а они, разумеется, его не дадут. Разве что...

Брэдли помолчал. В его голове пронеслась мысль, на мгновение заставившая забыть об Уоллинджере. Возможно, способ все же есть...

— А теперь выслушайте меня,— терпеливо повторил Уоллинджер, по-прежнему пристально глядя на пистолет.— В моих слова тоже есть логика. У вас интересная идея, но пока недостаточно доказательств. Почему бы вам не вернуться на свою работу, какой бы она ни была, и не собрать дополнительную информацию? А потом, когда вы...

— Я боюсь идти на работу,— слабым голосом сказал Брэдли.

Уоллинджер не успел ответить, поскольку раздался осторожный стук в дверь. Раньше чем Брэдли обернулся, в комнату вбежал котенок. За ним последовали девочка и совсем маленький мальчик. Котенок принялся скакать по ковру на прямых лапах, держа хвост трубой,— с точки зрения кошки, эти ужимки всех смешат. Девочка, заметив Брэдли, остановилась, а мальчик был слишком занят питомцем, чтобы обращать внимание на что-то еще.

Голос Уоллинджера изменился до неузнаваемости.

— Дети, марш наверх! Живо!

Лицо его посерело. Он избегал смотреть на Брэдли.

В этот момент котенок плюхнулся на пол и стал боксировать мягкими лапками с ладонью мальчика. Повисшая было в комнате тишина сменилась довольным урчанием.

— Джерри, забери котенка и ступай наверх,— сказал Уоллинджер.— Ты меня слышишь? Сью, ты знаешь, что нельзя входить в кабинет без стука. Все наверх.

— А мы стучали.

Девочка смотрела на Брэдли, который спрятал пистолет под балахон.

Когда он увидел детей, его посетила какая-то смутная догадка, но он никак не мог ее сформулировать. Их каким-то образом можно использовать. Он поднялся и увидел, как Уоллинджер напрягся. Физик был в ужасе. Вдруг Брэдли понял почему.

Девочка круглыми пытливыми глазами взирала на незнакомца. Мальчик и кот одновременно заметили его и одновременно смутились. Котенок вскочил и приготовился дорого продать свою жизнь. Мальчик заозирался, прикидывая, куда бы спрятаться. Девочка, напротив, явно намеревалась покрасоваться. Ей было лет семь, прикинул Брэдли. Он обвел глазами семью Уоллинджеров и улыбнулся.

— Все в порядке. Мне уже пора идти, доктор. Я свяжусь с вами.

— Разумеется,— чересчур радушно ответил тот.

Сейчас Уоллинджера явно интересовало только одно: как избавить детей от опасного соседства с гостем. Он прошел за Брэдли в прихожую, втолкнул детей, увязавшихся за ними, обратно в библиотеку и запер за собой дверь.

— Я...— Он даже слегка заикался.

— Все в порядке. За кого вы меня принимаете? У вас чудесные дети.

Уоллинджер вздохнул.

— Как мне с вами связаться?

— Никак. Я вам принесу обещанное доказательство. Под кожей этих существ — механизмы, и я найду какой-нибудь способ заставить вас поверить. Думаю, сразу после моего ухода вы вызовете полицию. Ничего не поделаешь.

— Нет, что вы,— соврал Уоллинджер.

— Хорошо. Еще одно: я сказал, что боюсь идти на работу. Это правда. Я сделал... кое-что, что может меня выдать. Мне нужны были доказательства... А сейчас это как лотерея: кто успеет обнаружить цель первым, я или они. Доктор Уоллинджер, я запишу имена и факты — то, чего я не могу рассказать вам сейчас. Если вы их получите, то знайте, что андроиды нашли меня первыми. И это само по себе должно вас убедить. Если это слу-

чится, значит, меня не стало. И тогда все будет зависеть от вас.

— Не переживайте. Я уверен...

— Хорошо, хорошо,— оборвал Брэдли.— Поживем — увидим. Всего хорошего, доктор, я не прощаюсь.

На улице он несколько раз обернулся на дом Уоллинджера. Оттуда никто не вышел. Брэдли свернул за угол, зашел в аптеку и протолкался между рядами телефонных кабинок к окну. Оттуда было видно окно библиотеки Уоллинджера. В окне человек за письменным столом говорил по телефону, отчаянно жестикулируя.

Брэдли вздохнул. По крайней мере Уоллинджер не видел его лица и не знает его имени. Все, что доктор может предъявить полиции,— это собственные догадки, слишком невероятные, чтобы в них поверили, и косвенные улики. Брэдли же теперь оказался между двух огней, ведь опасность грозила ему с обеих сторон.

Брэдли глубоко вздохнул, расправил плечи и отправился обратно в офис, где его ждал Артур Корт.

У стола Корта спиной к двери стояли два человека. Брэдли насторожился и замер на пороге: что-то в них было не так. От этих двоих исходило такое мощное ощущение угрозы, что интуиция Брэдли немедленно забила тревогу.

Один из них точно не являлся человеком. Второго звали Джонсон, и он тоже вполне мог принадлежать к чужой расе.

Брэдли несколько раз порывался начать говорить, но в горле пересохло и голос не слушался:

— Вызывали, сэр?

Корт с улыбкой обернулся. Высокий воротничок скрывал след, оставшийся после того, как Брэдли отрубил ему голову, но ее прикрепили обратно. Улыбка Корта выглядела как обычная человеческая улыбка, но Брэдли казалось, что до него доносится тихое жужжание

микроскопических механизмов, приводящих в движение челюсть андроида.

— Посмотрите, Брэдли. Вам знаком этот предмет?

Брэдли посмотрел. Внезапно кровь застыла у него в жилах, голова закружилась, перед глазами поплыла серая пелена. Но сейчас он не мог сделать вид, будто что-то уронил, или просто выждать и упокоиться. Двое пристально следили за ним. Невероятным усилием воли он подавил дрожь в голосе и с видимым спокойствием спросил:

— Какой предмет?

Но ответ был ему известен.

Корт поднял острый клинок, который трое суток назад отсек ему голову. Несомненно, это было то самое оружие, которое Брэдли купил в лавке старьевщика за два дня до нападения на директора. Он узнал его по резьбе на рукояти, по зазубрине на лезвии, появившейся, когда сталь наткнулась на какой-то сверхпрочный металл в шее Артура Корта. В последний раз Брэдли видел этот клинок, стоя рядом с телом андроида и глядя, как тот истекает поддельной кровью.

— Вам знаком этот предмет? — снова спросил Корт.

— Кажется, нет,— произнес Брэдли с напускным спокойствием.— По крайней мере не помню, чтобы я его где-нибудь видел. А что?

Собеседники многозначительно посмотрели на него, и по тому, что их взгляды были совершенно одинаковыми, Брэдли понял — они оба не люди. Что-то в этих взглядах показалось ему знакомым. Потом Брэдли вспомнил: так на него смотрел котенок Уоллинджера — пристально, не враждебно, но настороженно. Это был взгляд, которым один вид смотрит на другой, оценивая степень опасности. Внезапно Брэдли представил, каким он, должно быть, выглядел с точки зрения маленького зверька: огромная, возвышающаяся над тобой фигура... Наверное, таким же странным и чуждым казался он и андро-

идам. Интересно, цвета они воспринимают так же, как люди, или совсем иначе? И насколько же слабым и беззащитным существом из плоти и костей он должен казаться этим искусственным созданиям!

Андроиды выдержали долгую продуманную паузу, во время которой даже не шевелились. Потом они отвели свои холодные стеклянные глаза от его лица, причем так синхронно, словно ими управляли с помощью одного рычага. Это было ошибкой, решил Брэдли, ведь так они выдают себя. Но тут же подумал: а может, они не считают нужным притворяться... Они знают, что он знает.

Корт нарочито медленно повернулся и что-то записал в блокноте, лежавшем на столе.

— Хорошо, Брэдли, спасибо. Минуточку: вы будете у себя в течение получаса? Я хотел бы продолжить разговор.

Брэдли кивнул, сказать что-нибудь вслух он не решался из опасения, что голос опять его подведет. Вдруг он ощутил острое унижение оттого, что выполняет приказы машин. Говорить «сэр» штуковине, состоящей из рычагов и проводки,— это же ни в какие ворота не лезет...

Брэдли сидел за столом, уставившись себе на руки. Прошло десять минут. В запасе осталось только двадцать, необходимо действовать! Они знают. Не случайно они позвали его посмотреть на зазубренный клинок. Он не мог представить, как они вышли на него, но их холодный, расчетливый разум следовал логике, о которой Брэдли не имел никакого представления. Несомненно, они его без труда перехитрили. Несмотря на все предосторожности, запутывание следов — они знают. А если и не знают, то их подозрения настолько сильны, что это нельзя игнорировать. За несколько минут нужно что-то решить. Необходимо действовать. Но Брэдли

был не в состоянии что-либо предпринять. Он с горечью сознавал, что уже проиграл. Как он может справиться с андроидами, если даже соплеменники-люди считают его ненормальным? И еще неизвестно, сможет ли человечество, если узнает правду и начнет действовать сообща, одолеть андроидов. Как далеко они зашли в своей подготовке? Сколько их? В любом случае слишком много для одного. Брэдли подумал об истории. Преодолев бессчетные тысячелетия седой древности, пять тысяч лет медленного накопления знаний, долгие века возмужания, человечество подошло к сегодняшнему дню. Дню, когда люди оказались в железных, обтянутых синтетической плотью руках андроидов. Что роботы сделают с бесценным наследием человечества? Используют ли они культуру, которую мы так долго и мучительно создавали, или она для них ничего не значит и они просто отбросят ее и построят собственную бездушную цивилизацию, ни на миг не оглядываясь на потраченные впустую века?

«Но как же все это началось? — спрашивал себя Брэдли.— И почему? Почему?» И логика человеческого разума подсказала ему ответ: «С того дня, когда человеку впервые удалось сконструировать андроида, человечество было обречено».

Потому что создать андроида — значит построить машину, неотличимую от человека, способную создавать себе подобных, самостоятельно мыслить и действовать. Какую цель преследовал первый робот, прародитель механического племени? Может, его создатель заложил в него какую-то команду, которая и привела — преднамеренно или случайно — к таким последствиям? Может, первому андроиду отдали такой приказ, что выполнить его можно было, лишь размножившись, и в результате в организм человечества все больше и больше внедряются металлические клетки андроидов?

Вполне возможно. Может быть, тот, первый робот до сих пор жив, а может, умер — развалился от старости, погиб в аварии или пал от рук им самим же созданных чудовищ Франкенштейна. А андроиды по-прежнему продолжают множиться, продвигаясь по разветвляющимся путям туда, где на бесконечности лежит их непостижимая для человеческого разума цель.

Они прикончат меня, обреченно сказал себе Брэдли. Даже если они меня еще не подозревают, то скоро начнут. И я никак не могу их остановить. Уоллинджер мне не поверил. И никто не поверит. Андроиды будут преследовать меня, пока не поймают, и не важно, как далеко я смогу уйти. А когда они со мной покончат, то усовершенствуются так, что их уже нельзя будет распознать, даже зная то, что знаю я. Они на это способны. Они могут проанализировать каждую ситуацию, вызвавшую у меня подозрения, и исправить все несоответствия своего поведения с человеческим. Они ведь машины, это часть их задания. Они справятся с задачей, если зададутся такой целью,— может, сейчас они именно этим и заняты... Возможно, к тому времени, как они со мной покончат...

Ну, нет!

Брэдли ударил кулаком по столу и поднялся.

У него оставалось пятнадцать минут.

На столе Артура Корта зазвонил телефон. Искусственная рука потянулась к трубке, и в механизме зазвучал механический голос. Брэдли говорил негромко, но отчетливо:

— Сэр, это Брэдли. Вы не заняты? Случилось нечто странное. Думаю, вы должны первым об этом узнать. Ума не приложу, что делать.

— Что случилось? О чем вы?

— Это не телефонный разговор.

— Вы где?

— Вы знаете гриль-бар «Зеленая дверь» через улицу?

— Я же вас просил подождать в кабинете, Брэдли.

— Когда вы услышите мою новость,— Брэдли сделал паузу, стараясь совладать с гневом, который вызывала у него холодная надменность робота,— то поймете. Вы можете прийти?

— Оставайтесь на месте. Я буду через пять минут.

Брэдли сидел в машине, пригнувшись к рулю и ощущая мерное урчание мотора. Его взгляд был устремлен на офисное здание через дорогу. Пальцы вцепились в шину, сердце бешено колотилось. Артур Корт вышел из вращающихся дверей. Оглянулся по сторонам. Повернул налево и направился к переулку, где располагалась «Зеленая дверь». Брэдли, глядя на Корта и на поток машин, ждал своего часа.

Все складывалось как нельзя лучше. В переулке оказались только три пешехода. Все трое шли в одном направлении. Огромные грузовики, припаркованные вдоль узкой улочки, заслоняли обзор. Артур Корт петлял между грузовиками, не подозревая, что встреча с Брэдли состоится вдали от посторонних глаз в одном из закутков между этими машинами.

Автомобиль Брэдли ворвался в узкий переулок, рыча как тигр. Корт переходил дорогу. Надо все точно рассчитать, напомнил себе Брэдли. Необходимо дождаться, когда Корт дойдет до угла. Тогда он не сможет убежать, несмотря на свою мгновенную реакцию, несмотря на огромную скорость, с какой импульсы передаются по стальным проводам в его теле. Тогда Корт окажется в ловушке.

Машина чуть присела на задние колеса и рванула вперед. Рев мотора ворвался в тишину переулка, и Корт обернулся. Холодные стеклянные глаза встретились с человеческими, и Брэдли еще раз убедился, что перед

ним робот. Брэдли слился с автомобилем в единое целое, машина стала послушным орудием в его руках, как некогда клинок, снесший Корту голову. Только на этот раз он не допустит ошибки.

Брэдли постарался получше прицелиться, чтобы Корт оказался как раз по центру капота. Позади Корта был борт грузовика. Человек и созданная человеком машина стали одним мощным орудием, влетели в машину, созданную машиной, и расплющили ее по стальной стенке...

Он видел, как лицо Корта потеряло осмысленное выражение. Механическое тело медленно поползло вниз. Брэдли немного подождал, готовый при необходимости вновь завести мотор...

— Все хорошо,— успокоительно сказал Брэдли.

Корт дергался и что-то бормотал на соседнем сиденье.

— Нет, Корт, все в порядке. Успокойтесь. Вы попали в аварию, но не волнуйтесь. Я везу вас не к врачу...

Корт пробормотал: «Нет...» Брэдли вздохнул и свернул на обочину. Он надеялся, что ему не придется делать укол, но сейчас это было необходимо. Конечно, риск был велик. Организм андроида мог и не поддаться снотворному, предназначенному для человека. Но Брэдли рассчитывал, что оно подействует хоть ненадолго. Ведь андроиды постарались как можно тщательнее подогнать себя под людей, и их рефлексы были скопированы с людских реакций. Порежь палец — потечет кровь. Отрежь голову — остановятся дыхание и кровообращение. Так что надежда, что, если ввести сильное успокоительное, андроид заснет...

Корт заснул.

Только робот мог, несмотря на лошадиную дозу снотворного, пытаться перебирать ногами, пока Брэдли тащил его к крыльцу Уоллинджера. На этот раз Брэдли

явился к нему без маски. Теперь все поставлено на карту. Если он проиграет сейчас, скрывать свое лицо все равно не будет смысла.

Дверь открыла девочка.

— Папа у соседей,— заявила она, с интересом, но без тревоги глядя на сонного, спотыкающегося Корта.— Он скоро будет. Проходите,— пригласила малышка, старательно демонстрируя хорошие манеры.

Но было заметно, что впустить незнакомца ее заставило только любопытство, а не заученная вежливость. К тому же девочка совсем не испугалась — видимо, ей еще не приходилось сталкиваться с опасностями этого мира.

Брэдли протащил свою ношу через прихожую в библиотеку. На кушетке у стены развалился котенок. Ласково стряхнув котенка на пол, Брэдли опустил андроида на подушки. Несмотря на серьезность ситуации, ему пришло в голову, что на взгляд машины кот, наверное, неотличим от подушки и только человек не сможет грубо обойтись с этим маленьким существом. Котенок зевнул, проснулся, обнаружил, что лежит на полу, а над ним — двое незнакомцев, и в мгновение ока выбежал за дверь. Но вскоре с любопытством заглянул в комнату, а за ним появилось смущенное, но заинтересованное лицо Уоллинджера-младшего. Брэдли постарался вспомнить его имя.

— Привет, Джерри,— сказал он, устраивая Корта на кушетке.— Папа уже пришел?

Мальчик промолчал, но мгновением позже в комнате появилась его сестра и ответила за него:

— Я позвонила папе, он скоро вернется. А что с этим дядей?

— Он... попал в аварию. С ним все будет хорошо.

Девочка без стеснения разглядывала Корта. Тот начал приходить в себя. Он беспокойно мотал головой и что-то невнятно бормотал. Мальчик, девочка и котенок

смотрели на него из-за двери, и в их взглядах читалось почти пугающее равнодушие. Очевидно, никому из этой троицы пока не доводилось испытывать настоящего сочувствия. Взрослые и их страдания были для детей чем-то далеким, не имеющим к ним отношения. В глазах всех троих было только холодное любопытство.

Но почему они должны ставить себя на место андроида? Брэдли вспомнились его мысли на этот счет: верно, детей андроидам не обмануть! Ведь дети не отягощены предрассудками, которые ослепили взрослых, допустивших это страшное вторжение в наш мир.

Дети должны знать правду.

— Сью, тебя ведь так зовут? Послушай. Я хочу сказать тебе кое-что очень важное. Я... я хочу услышать, что ты думаешь.

Брэдли отчаянно пытался вспомнить себя в семилетнем возрасте. Эгоцентризм, непоседливость, ожидание похвалы, интерес лишь к своим играм, когда во внешнем мире тебя может заинтересовать только что-то из ряда вон выходящее... Как же привлечь внимание девочки?

— Сью, ты одна можешь мне помочь. Я хочу узнать, что ты знаешь о...— Он снова помолчал.— Так, хорошо. Ты знаешь, что существуют...

Какие же слова подобрать? Как он может узнать, видела ли она андроидов среди знакомых взрослых?

Видела ли она их вообще? От ее ответа многое зависело, ведь если окажется, что об андроидах знает даже ребенок, то их гораздо больше, чем ожидал Брэдли.

— Сью, ты знаешь о людях вроде него? — Он показал на беспокойно ворочающегося андроида.— Ты знаешь, что в мире есть два вида людей?

Он затаил дыхание в ожидании ответа.

Девочка насторожилась. Ее взгляд словно говорил: поди пойми этих взрослых, смеются они над тобой или говорят всерьез!

— Нет, я серьезно. Я не хочу... я просто хочу узнать, что *ты* знаешь. Не все дети могут увидеть разницу, и я...

— Ах, вы об этом! О таком все дети знают.— В ее голосе послышалась насмешка.

— Знают... о чем?

— О них.

У Брэдли перехватило дыхание. Все дети знают о них...

— А твой папа знает? — услышал он свой слабый голос.

Сью снова смерила его подозрительным взглядом, проверяя, не дразнится ли он. Похоже, вид гостя ее успокоил, и девочка рассмеялась:

— Думаю, да. А что, кто-то не знает?

Перед глазами у Брэдли все поплыло. Их так много, гораздо больше, чем он думал...

— Но другие,— его голос звучал почти просительно,— другие люди! Сколько их?..

В прихожей раздались голоса. Один из них принадлежал Уоллинджеру, второй был незнакомый.

— Сюда, офицер,— говорил Уоллинджер.— Идите сюда! Поторопитесь!

— Сколько их в мире? — Сью закончила за Брэдли и рассмеялась: — Мы проходили в школе, но я не помню. Но я могу сказать, сколько настоящих людей в этой комнате. Один! Только один!

— Ты скажешь это папе? — попросил Брэдли в спешке.— Когда он войдет, ты скажешь ему, что здесь только один настоящий человек? Сью, ты...

— Сьюзен, уходи.

Уоллинджер показался на пороге. Он был мрачен, отчего казался значительно старше. Первым делом он взглянул на своих детей — не пострадали ли они? За его спиной виднелся румяный человек в форме, бдительно осматривавший комнату через плечо доктора. По-

лицейский явно был готов к самым решительным действиям.

На какое-то время в библиотеке повисла тишина.

Внезапно Корт тихо застонал и попытался сесть. Уоллинджер поспешил ему на помощь.

— Что вы с ним сделали? — спросил он у Брэдли.— Безумец, как далеко вы зашли?

— С ним все в порядке,— помедлив, ответил Брэдли.— Он... *им* нельзя причинить вред!

Уоллинджер посмотрел на него поверх головы Корта.

— Значит, это вы. Я узнал вас даже через улицу, хоть вы сегодня и без маски... Откроете нам свое имя?

— Брэдли,— решительно ответил он.— Джеймс Филипс Брэдли.

Игра в прятки закончилась. Брэдли не ожидал увидеть здесь полицейского — будет тяжело все объяснить в присутствии этой огромной недоверчивой туши,— но если Сью повторит то, что сказала ему, возможно, их удастся убедить...

— Спросите о *них* у своей дочери,— потребовал Брэдли.— Она знает. Уоллинджер, говорю вам, она знает! Помните, я говорил вам о детях? Что *им* не удастся обмануть детей? Сью говорит, все дети это знают...

— Я хочу вас предупредить, Брэдли. У Сью очень богатое воображение. Я не знаю, что за сказки она тут рассказывала, но... Офицер, не могли бы вы...

— Подождите!

Весь план летел в тартарары. Брэдли постарался говорить как можно убедительнее.

— Вы обещали выслушать меня, Уоллинджер. Помните, вы обещали? Я знаю, что тогда у меня был пистолет, но, пожалуйста, дайте мне только минуту — я расскажу вам все, что знаю. Этот человек — один из них.

Брэдли облизал пересохшие губы. Уоллинджер ему нисколько не верил...

— Он не пострадал. Я говорил вам, что вернусь с доказательством, и вот оно. Этот человек. Я просто не мог привести его сюда по-другому. Говорю вам, их не повредить! Под кожей он — сплошь провода и металл. Я докажу это! Я...

Он оборвал речь на полуслове, потому что полицейский схватил его за руки. На лице Уоллинджера читались жалость и ужас. Бесполезно. Надо было заранее сделать надрез на синтетической коже Корта. А сейчас, они, конечно, этого не позволят. Для них он всего лишь сумасшедший, готовый зарезать невинную жертву ради своих бредней.

— А теперь, молодой человек, просто успокойтесь,— мягко пробасил полицейский.— Мы пройдемся на свежем воздухе, и...

— Нет! Подождите!

Собственный голос показался Брэдли полным отчаяния. Он постарался взять себя в руки, чтобы сделать последнюю попытку. Ведь доказательство так близко...

Корт следил за ним стеклянными глазами из-под насупленных бровей. Где-то в этом холодном нечеловеческом теле работал безжалостный нечеловеческий мозг. Он даже не смеялся над поражением противника — откуда машине знать, как смеяться?

Эта машина так близко, так близко... Их отделяет всего несколько футов и тонкий слой синтетической кожи, скрывающей механическое тело.

— Подождите! — снова сказал Брэдли, повернулся к Уоллинджеру и попытался вложить в свой голос всю энергию, чтобы силой убеждения пробить броню предрассудков, ослепивших всех взрослых в этой комнате.— Уоллинджер, послушайте! Когда я уйду, вы поговорите со своей дочкой, ладно? Вы дадите мне хоть эту возможность оправдаться? Она знает! И это не фантазии! Все дети знают. Вы думаете, *вы* будете в безопасности, когда Корт уйдет? Они вам не доверяют. Не мо-

гут доверять. Они будут опасаться, что когда-нибудь ночью вы проснетесь и поймете, что я был прав. Подумайте о своей дочери, Уоллинджер! Корт все слышит. Он знает, что она его распознала. Не рискуйте *ее* жизнью, Уоллинджер! Если хотите, не думайте о своей, но не забывайте о Сью!

По лицу Уоллинджера пробежала первая тень тревоги. Хватка полицейского немного ослабла. Он нетерпеливо передернул плечами. Минутное сомнение физика, наверное, передалось офицеру, а может, и отчаянное убеждение в голосе Брэдли сделало свое дело. Он решил воспользоваться моментом.

— Подумайте о Сью! — продолжал он.— Корт не решится что-либо предпринять, но вы же не знаете, сколько их. Вы же не знаете! Вы даже не догадываетесь! Может, такие, как Корт,— просто брак, они так несовершенны, что могут выдать себя. Наверняка они создали новых, настолько похожих на людей, что никто не заподозрит неладного. Эти новые много опаснее, Уоллинджер! Даже если существует всего один такой робот, он будет знать, что, пока вы живы, он в опасности. Я вам слишком многое рассказал...

— Хорошо, офицер,— сказал Уоллинджер с легким вздохом.— Простите, Брэдли, но вы должны понять.

Брэдли снова взглянул на Корта. Андроид неподвижно сидел на кушетке. Робот, собранный из шестеренок и проводов, в своей искусственной плоти он чувствовал себя как в кольчуге. Все законы защищают плоть. Люди сделали ее неприкосновенной и вот теперь отдали в железные руки врагов. Если бы только ему позволили сделать один надрез на податливой, обманчивой коже, которая отнюдь не была ею... Вдруг Брэдли рассмеялся.

Даже робота несколько удивил этот смех, а полицейский глухо зарычал, несомненно приняв смех за припадок. Но на самом деле Брэдли понял, что делать. Теперь он сможет убедить даже Уоллинджера.

— Автокатастрофа!

Он использовал автомобиль как таран. Он знал. Помнил. Каждый, кто сражается, всегда знает, слегка ли он задел врага или попал в точку. До сих пор это не имело значения. Не до того было. Но Корт, зажатый между машиной и стеной, не ушел невредимым. Он упал, совсем как человек, но сейчас он сидел совсем не по-человечески — выпрямившись и беззвучно дыша...

Брэдли помнил, как подались ребра, как он услышал звук гнущегося металла там, где не должно быть ничего металлического. Ни один человек не будет так сидеть после того, как был вжат в стену автомобилем, а ведь именно это Брэдли сделал с Артуром Кортом.

Брэдли рванулся так неожиданно, что полицейский разжал руки. Он побежал через комнату и рванул куртку Корта, прежде чем его жертва успела понять, что он задумал.

Офицер охнул и в один скачок настиг его. Массивное тело оттолкнуло Брэдли в сторону. Оставалось всего полсекунды. Но Брэдли успел. Его руки вцепились в куртку и рубашку Корта, когда полицейский навалился на него, и они оба полетели в сторону, порвав ткань.

Короткая куртка Корта распахнулась, и Брэдли инстинктивно заслонился рукой. Куртка и рубашка порвались, и на один бесконечно долгий миг в комнате воцарилась полная тишина. Казалось, никто даже не дышал. Брэдли показалось, что вместе с дыханием замерло и его сердце, ведь до этой последней проверки он не мог быть уверен...

Под рубашкой обнаружился загорелый торс, гладкая искусственная кожа. Но радиаторная решетка автомобиля оставила свой след. В момент удара Брэдли слышал металлический скрежет. Теперь он видел. Видел блестящий стальной каркас в груди, где не должно быть никакого металла, а в середине — переплетение проводов и маленькие прозрачные трубки, по которым текла красная жидкость...

Это был мозг андроида.

В глубине, под погнутой сталью, виднелось нечто маленькое и блестящее. Оттуда бил пульсирующий свет, зловеще освещавший грудную клетку робота. Жидкость окрашивала его в красные тона, и на металлических ребрах плясали кровавые блики. В тех местах, где жидкость была озарена этим светом, она текла быстрее, и по ней пробегали пузырьки. Этот источник света, мерцавший в разбитой грудной клетке, вполне мог быть и сердцем, и мозгом.

Брэдли даже не успел подумать. Он действовал чисто рефлекторно. Невероятное зрелище на секунду парализовало полицейского, и никто не мог помешать Брэдли.

Он прыгнул вперед, вытянув руки, и одним ударом кулака выбил светящийся предмет из корпуса андроида.

На какую-то долю секунды Брэдли как в тумане увидел свою руку в недрах пустой груди автомата, увидел, как волны от его удара, словно круги по воде, проходят по ребрам, увидел свои пальцы в неярком алом свете, исходящем из прозрачных вен.

А затем свет погас.

Он услышал хруст, как будто треснуло стекло. А потом скорее не услышал, а почувствовал короткий пронзительный свист. Затем все смолкло. Артур Корт перестал быть и человеком, и андроидом.

Человекоподобная фигура в человеческой одежде наклонилась вперед, словно металлический манекен, и тяжело упала на ковер. Трудно было поверить, что когда-то она дышала, жила, разговаривала...

Брэдли с трудом поднялся на непослушные ноги. Полицейский все еще лежал на полу и ошалело таращился, не пытаясь встать. Его лицо, только что такое румяное, посерело, а обескровленные губы беззвучно шевелились в тщетных потугах описать словами невероятное зрелище, свидетелем которого он стал. Брэдли с трудом удерживался от смеха. Даже человеческий организм не

может эффективно функционировать в подобной шоковой ситуации.

Первым в себя пришел Уоллинджер. Брэдли бросил взгляд на лицо физика, бледное, перекошенное и застывшее от ужаса. Но тем не менее доктор был в состоянии двигаться, по крайней мере ноги его слушались. Он едва взглянул на Брэдли, обошел груду металла на полу и нагнулся над полицейским...

А потом резко вскинул руку и обрушил на офицера точно рассчитанный удар ребром ладони. Тот мгновенно отключился. Уоллинджер пристально посмотрел на Брэдли.

— Вы... на их стороне? — с трудом выдавил Брэдли, почему-то шепотом. Голова совершенно отказывалась соображать, и он не отдавал себе отчета, почему его объял внезапный ужас и перехватило дыхание.— Вы... с ними?

Уоллинджер медленно выпрямился, оставив тело в униформе на полу. Он отвел глаза, окинул взглядом комнату и посмотрел на входную дверь. Брэдли настороженно следил за ним.

Дети по-прежнему были в комнате и все видели. Без всякой тревоги, ничего не понимая, они просто с интересом наблюдали за происходящим, как будто смотрели кино.

— Сью, Джерри — быстро наверх! — Голос Уоллинджера звучал твердо и спокойно.— Быстро! И закройте за собой двери.

Дверь захлопнулась. Уоллинджер вздохнул, встретился взглядом с Брэдли, поморщился, попытался что-то сказать, но передумал.

— Ответьте мне.— Голос Брэдли окреп, и в нем зазвучала настойчивость.— На чьей вы стороне?

Уоллинджер помолчал, а потом начал издалека:

— Это не записано в документах,— бесстрастно произнес он,— но, думаю, вам следует знать... Дети не мои.

— Нет...

— Я их усыновил.

— Но... значит...

Продолжать не имело смысла. Брэдли выбрал этого человека, потому что был уверен: в его принадлежности к роду человеческому можно не сомневаться, ведь он отец, а машины бесплодны.

Уоллинджер пожал плечами. Он опустил глаза на тяжело дышащего человека у своих ног.

— Я был вынужден так поступить. А теперь мне надо придумать, как заставить офицера поверить, что ему все приснилось. Мне очень не хочется, но в данный момент я не могу придумать ничего... кроме, пожалуй...— Он бросил взгляд на стол.— Попробуем так.

В верхнем ящике стола обнаружилась бутылка виски. Уоллинджер извлек ее, открыл, достал из того же ящика металлические стаканчики и наполнил их. Затем перевернул бутылку над телом постанывавшего полицейского.

Брэдли пришлось крепко обхватить свой стакан, чтобы удержать его в трясущихся руках. Обжигающе крепкое пойло едва не встало колом в горле, однако все же просочилось в желудок и наполнило тело приятным успокаивающим теплом.

— Вы же понимаете, что все должно остаться между нами,— произнес Уоллинджер.

— Но я не... вы хотите сказать, что вы знали... все это время? Уоллинджер, вы?..

— Эта история должна остаться между нами,— спокойно повторил доктор, пропустив вопрос мимо ушей.— Конечно я знал. Но мы должны сохранить это в тайне.

— Вы на их стороне или на нашей? — Брэдли так повысил голос, что начал хрипеть.— Вы человек или... или...

— Если *они* обнаружат, что именно мы о них узнали, не думаете ли вы, что они начнут действовать? Мы должны каким-то образом избавиться от обломков Корта, причем так, чтобы они не смогли нас вычислить. Мне

жаль этого полицейского, но он должен решить, что напился и все придумал. Говорю вам, Брэдли, нам надо, чтобы они ничего не узнали!

Брэдли выронил пустой стакан, сделал шесть неуверенных шагов навстречу физику и тяжело опустил руки ему на плечи. Кожа Уоллинджера казалась настоящей, под ней ощущались крепкие кости. Хотя, может, и не кости, а сталь... Сразу и не скажешь. Но их могут выдать поведение, реакции, ход мыслей... И то, что для них важно.

— Дети! — воскликнул Брэдли.— Ни одна машина не станет в первую очередь беспокоиться о детях, как это сделали вы. Правда, Уоллинджер? Даже если они не ваши, для вас они важнее всего. Зачем вы сказали мне, что они не ваши? Вы имели в виду... что же вы имели в виду, Уоллинджер? Что дети много для вас значат?

Уоллинджер улыбнулся.

— Да разве у андроида нет глаз? — процитировал он с легкой иронией.— Разве у андроида нет рук, чувств, привязанностей? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь?*

Брэдли опустил руки. Он отошел назад и посмотрел на собеседника, жалея, что нельзя сквозь кожу разглядеть, кости или сталь скрываются за его кроткой улыбкой.

---

* Частично перефразированная цитата из пьесы Шекспира «Венецианский купец». В переводе Т. Щепкиной-Куперник: «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом».

— Некогда был сотворен андроид,— продолжал Уоллинджер.— По образу и подобию человеческому. Его тело и мысли были созданы настолько близкими к человеческим, насколько это могли обеспечить самая передовая наука и лучшие мастера.— Он помолчал, печально улыбнувшись.— Что ж, они добились слишком многого. У них получилось. Боюсь, они создали... человека.

— Вас?

Уоллинджер улыбнулся.

— Не верю,— исступленно вскричал Брэдли.— Этого не может быть!

Уоллинджер бросил на него испытующий взгляд. А затем выдвинул другой ящик стола, покопался в нем и достал перочинный нож. Раскрыв его, доктор плавным движением сделал надрез на тыльной стороне своей кисти.

Брэдли затаил дыхание. Ему не хотелось смотреть, что будет, но отвести взгляд он не мог.

С неизменной улыбкой Уоллинджер протянул руку.

— Видите, я могу остановить кровь. Именно так Корт поначалу и скрывал свою рану. Если надо, мы можем контролировать кровотечение.

Крови не было. Края синтетической кожи были чистыми и гладкими, а под ней двигались стальные сухожилия, и прозрачные трубки, тонкие, как волоски, пульсировали, передавая красную жидкость с пузырьками воздуха. Это была рука живого механизма. Рука андроида.

— Довольны?

Уоллинджер неповрежденной рукой стянул края ранки. Кожа склеилась, как воск, будто и не было никакого пореза. Брэдли все еще тяжело дышал, не желая верить своим глазам.

— Вот, выпейте еще.— Довольный голос Уоллинджера доносился будто издалека, пробиваясь сквозь шум в ушах.

— Но... почему вы мне не сказали? Вы уверены, что они не подозревают? Удастся ли нам спастись после этого — после уничтожения Корта? Я не понимаю, Уоллинджер! Если вы действительно андроид и вы против андроидов... что мы будем делать дальше? Мы должны както выяснить, что происходит с каждым из них. А что с Кортом? Уоллинджер, если все это правда, то почему вы не помогли мне с Кортом? Вы могли бы...

— Подождите! Задавайте вопросы по одному,— прервал Уоллинджер этот истерический поток сознания.— Сначала о Корте. Я не мог пойти против него, Брэдли. Я и сам очень несовершенный механизм, учитывая цель моего создания. Они уничтожат меня, если узнают, что я собираюсь сделать... Однако есть правила, которым даже мне приходится следовать. Эти правила — часть меня. Я не могу повредить другого андроида. Не могу. Так мы устроены. Так же как вы не можете остановить кровь, порезавшись. Может, я и несовершенная машина, но не настолько.

— Так что же нам делать? Позвать полицию? Или журналистов?

— Нет! Не будьте глупцом. Как только андроиды узнают, что их тайна раскрыта, они ударят быстро и решительно. У них все продумано. Не заблуждайтесь на этот счет. Все, что мы можем,— это оставаться в тени, пока сами не придумаем план действий.

— Но вы же могли сказать раньше,— укоризненно заметил Брэдли.— Когда я пришел в первый раз...

— И как бы я вам сказал? Я же не знал, кто вы, в этой вашей маске. Вас могли подослать *они*. А сегодня я не мог говорить при Корте. Мне надо было вести себя как обычно... и вся эта полиция... надо было реагировать, как все. Только когда вы напали на Корта, я поверил.

— Хорошо. Тогда мы теряем время. Что будем делать?

— Хотел бы я знать...— Уоллинджер резко встал и принялся мерить комнату быстрыми нервными шагами.

Невероятно, что не нервы, а провода, стальные пружины, а не мышцы приводили в действие эту точную копию человека. Даже его мысли были так похожи...

— Замкнутый круг,— озадаченно сказал Брэдли.— Если все так и есть, они перехитрили сами себя. Они создали такого совершенного андроида — если все это правда,— что он хочет истребить весь их род. Они не могут позволить ему жить. Как только они его заподозрят, им надо будет его убить. Это палка о двух концах. С того дня, когда был создан первый удачный андроид, человечество было обречено — до тех пор, пока андроиды не создали первого удачного гуманоида. Он так же опасен для них, как они для нас.— Он задумчиво смерил Уоллинджера взглядом.— Что вы думаете о них... об андроидах? — спросил Брэдли.

— Не знаю.— Уоллинджер робко улыбнулся.— Конечно, это началось довольно давно, но до сих пор мне не приходилось принимать решительных мер. Я не знаю, что чувствую. Я запутался. По-настоящему я не принадлежу ни к одной стороне. Наверное, отношение к людям у меня такое же, как у вас,— я часть человечества. Меня сделали слишком хорошо. Но сколько людей признáют меня своим, если узнают правду? А предав андроидов, я не смогу вернуться. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Я знаю только, что я...

Он замолчал, потом вдруг усмехнулся и решительно произнес:

— Я по-человечески говорю, по-человечески мыслю. Я бросил андроидов. Видите? Когда я пытаюсь рассказать вам, что чувствует гуманоид, мне на ум приходят слова Шекспира или святого Павла. Человеческие слова, описывающие человеческие чувства. Но я все равно вижу сквозь тусклое стекло...— Он прикоснулся к глазам, которые, как теперь знал Брэдли, были всего

лишь линзами.— Я все равно вижу сквозь тусклое стекло, гадательно*...

В комнате надолго повисла тишина.

— Ладно,— устало произнес Уоллинджер.— Действовать придется мне. Я их знаю. А вы нет.

— Что вы хотите от меня?

— Идите домой. Дайте мне ваш телефон и ждите, пока я вам позвоню. Хорошо? У меня есть идея, как избавиться от этого...— Он махнул в сторону валявшейся на полу груды проводов, стали и кожи в человеческом обличье.— Я должен сделать это один. А завтра я вам позвоню. Но что бы вы ни делали, Брэдли, не выходите из дома до моего звонка. Даже дверь не открывайте! И самое главное, не бегите рассказывать миру о случившемся. Если вы...

— Если я расскажу, я попаду в психушку. Знаю. Никто мне не поверит, кроме андроидов, а они будут очень рады, если меня заберут в дурдом. Не волнуйтесь, я буду держать язык за зубами. Но, прошу вас, не заставляйте меня ждать слишком долго!

— Я постараюсь,— пообещал Уоллинджер.

Спускаясь с крыльца, Брэдли оглянулся. В прихожей двое детей стояли и наблюдали за ним. Девочка улыбалась. Она показала на брата, кивнула и помахала Брэдли рукой. Брэдли почудилось, будто она пыталась что-то сказать. Но ее улыбка таила детские тайны, понятные только детям и недоступные для взрослых.

Брэдли помахал в ответ и пошел по дороге.

Когда он проснулся, было еще темно. Он лежал в постели, пытаясь понять, где он и что его разбудило. Часов не было видно, но в воздухе чувствовалась предрассветная свежесть.

---

* Первое послание апостола Павла к Коринфянам, гл. 13, ст. 12.

Потом он заметил свет за дверью и услышал голоса, что-то негромко обсуждавшие. Брэдли понял, что лежит в собственной кровати у себя дома Но почему горит свет и что это за голоса?

Брэдли встал и босиком пошел к двери. Приоткрыв ее, он увидел пятерых незваных гостей. Они уютно расположились в гостиной и негромко переговаривались, как будто ждали чего-то или кого-то.

И первым, кого он увидел, был Артур Корт.

— Хватит, Брэдли,— тут же послышался знакомый голос директора.— Хватит. Входите.

Брэдли так и не узнал, то ли андроиды действительно могут видеть сквозь предметы, то ли он сам чем-то выдал свое присутствие. Какая разница? Ему уже не помочь. Ни ему, ни роду человеческому...

Брэдли тихо вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Остановился и вгляделся в людей в гостиной. Все они сидели неподвижно, глядя на него. Никто не курил. Никто не шевелился. Никто не знал, что такое натянутые нервы несовершенных людей, а значит, им не нужны были бесцельные движения. Никто из них не был человеком.

Тишина стала невыносимой, и Брэдли не выдержал:

— Что с Уоллинджером?

— Ничего,— улыбнулся Корт.

— Ничего? Но...

— Нам было нужно выиграть время. Уоллинджер нам помог. Вот и все.

Брэдли охватило отчаяние. Как легко Уоллинджер провел его! Как жалок и наивен нелогичный человеческий разум перед изобретательной логикой машины! Уоллинджер наверняка знал, какие доводы усыпят страхи Брэдли. И невозмутимый мозг машины даже не лгал — что механизму до правды и лжи?

Им нужно было время... для чего? Чтобы починить разбитого Корта, собрать силы и атаковать. В первую

очередь им было необходимо заставить Брэдли молчать, пока они готовили ему гибель. Какую? Что они с ним сделают? Может, даже в эти последние мгновения все же существует способ их перехитрить? Он решил, что нет, но в отчаянии еще пытался найти выход.

— Хорошо, мне вас не остановить. Делайте что хотите. Но прошу вас, Корт! Мы же работали вместе — вы не можете винить меня в том, что мне пришлось совершить. Мы же так долго работали вместе... Я прошу вас об одном: не позволяйте упрятать меня в сумасшедший дом! Лучше застрелите меня — вам же безопасней! Все лучше, чем психушка!

Он чуть не подавился этими словами. Никто не должен умолять машину! Но раз это единственный путь к спасению, он нашел в себе силы упрашивать конструкцию из стали и проводов. Можно попробовать их перехитрить, пользуясь непоследовательной человеческой логикой, подобно тому, как в сказке Братец Кролик просил Братца Лиса: только не бросай меня в колючие кусты! Если они запрут Брэдли в сумасшедший дом, по крайней мере он останется в живых, он еще повоюет... К тому же о них знают дети. Рано или поздно он кого-нибудь убедит, только бы остаться в живых.

— Пожалуйста, Корт, что угодно, только не сумасшедший дом!

Андроид усмехнулся. Подумать только: этот механизм так совершенен, что даже может улыбаться! Брэдли бросало в дрожь при мысли о том, что слова, слетающие с губ Корта, рождаются в недрах бездушного механизма.

— Успокойтесь, Брэдли,— сказал андроид.— Сумасшедший дом вам не грозит.

Брэдли вжался в дверь. Значит, остается одно. Он попытался перехитрить их и не смог. Он перепробовал все возможное, и ничего не получилось. Но Брэдли не собирался позволить им прикончить себя. Решающий вы-

бор все еще оставался за ним, и больше он не позволит унижать себя. Если ему суждено умереть, то он умрет свободным, по своей собственной воле.

Он прикинул расстояние до окна, собираясь с силами для последнего рывка. Сколько всего так и останется загадкой, уныло подумал Брэдли. Он умрет, так и не узнав о судьбе человеческой расы, за которую безрезультатно боролся. Он подумал об Уоллинджере, так похожем на человека по поведению, андроиде, чьи слова кажутся словами человека, несмотря на его предательство. В конце концов, может, Уоллинджер говорил правду, сам того не зная. Может, они действительно создали андроида-человека...

Поздно. В голове раздался голос Уоллинджера и прекрасные слова апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими...»* Уоллинджер говорил языками человеческими, желая погубить человека. Соответствие этой главы Послания к Коринфянам тому, что происходило сейчас, было просто пугающим: «И языки умолкнут, и знание упразднится...»**

В отчаянном порыве Брэдли кинулся к окну. Ближайший андроид вскочил, но не успел его перехватить. Брэдли отдернул шторы и с размаху ударил кулаком в стекло, отделявшее их от городского шума двадцатью этажами ниже. От шума городских улиц, которые скоро станут принадлежать отнюдь не людям...

Вскочив на подоконник, Брэдли заглянул в пропасть — прямо у него под ногами стена обрывалась головокружительной пропастью.

Его остановил голос Корта:

— Подождите, Брэдли! Сначала узнайте правду!

Он замер, опасно балансируя на кромке окна. Брэдли казалось, что его уже ничто не удержит и сила при-

---

* Первое послание св. Павла к Коринфянам, гл. 13, ст. 1.

** Первое послание св. Павла к Коринфянам, гл. 13, ст. 8.

тяжения не выпустит его из своих объятий. Однако он оказался сильнее, чем полагал, и смог устоять.

Лицо Корта было суровым. Брэдли стоял в разбитом окне, готовый в любую минуту выпрыгнуть. Его колени дрожали, а голова кружилась. Через всю комнату он посмотрел на андроида.

— Глупец! — воскликнул Артур Корт.— И вы пытаетесь уничтожить всех нас?

— Но я...

— Вы все еще не понимаете? Вы еще не поняли, что Уоллинджер сказал правду?

— Уоллинджер... сказал правду?

— Да, отчасти. Думайте же, Брэдли!

Он не мог думать. Его мозг отказывался что-либо соображать после такого множества ошеломляющих новостей. Однако Брэдли знал ответ еще несколько часов назад, просто до сих пор не понимал этого. Его память вернулась в прошлое, и он услышал голос Сью Уоллинджер, раздающийся в тишине библиотеки. Он вспомнил, как она смотрела ему вслед, когда он уходил из их дома, вспомнил ее жест и улыбку:

— Но я могу сказать, сколько в комнате настоящих людей. Один! Только один!

И она улыбнулась ему, прикоснувшись к плечу брата.

Девочка имела в виду, что в комнате не было других людей, кроме этого ребенка. Он спросил о людях — она коснулась плеча брата. Все дети знают... Все андроиды знают. Слепы только люди... И Джеймс Брэдли.

— Посмотрите на пол,— мягко сказал Корт.

Брэдли посмотрел. На полу была кровь. Он почувствовал острую боль в руке и поднял ее, чтобы выяснить, в чем дело. А, ну да, он ведь пробил кулаком стекло, поскольку ему было все равно — порежет он руку или нет... Да и сейчас все равно.

Но тут Брэдли оцепенел: он увидел, что края его кожи аккуратно разошлись, из раны сочилась кровь, а под

кожей обнажились стальные сухожилия, мерцающие красным светом. Мельчайшие пружины откликались на каждое движение пальцев.

— Мы сделали вас слишком хорошо,— сказал Артур Корт.— Так хорошо, что в вас нашлась червоточина. Брэдли, вас надо изменить. Ни один андроид не должен нападать на свою расу. От этого закона зависит наше будущее. Теперь вы понимаете, что хотел вам сказать Уоллинджер? Опасность, заключающаяся в попытках создать идеального гуманоида, слишком велика. А вы идеальны. Брэдли, вы понимаете, о чем я?

Он не мог ответить. Теперь он знал правду, но его чувства не изменились. Он по-прежнему был человеком. Все его сердце было отдано людям, с которых он был так безжалостно скопирован. Пока они не изменили его, уничтожив червоточину, он должен продолжить свою борьбу против машин ради человечества. Пока они не сделали из него, несовершенного андроида, совершенного представителя расы машин.

«Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится»*.— Апостол Павел изложил все так ясно. «Если я говорю языками человеческими... я медь звенящая»**.

— Мы не хотим потерять вас, Брэдли,— сказал Корт.— Вы хороший механизм. Вы нам очень нужны. Еще многое предстоит сделать, и нам нужна ваша помощь.

— Нет,— ответил Брэдли.— Нет...

На этот раз им было его не остановить. Окно уже выбито, в двадцати этажах внизу — улица. Там его разбитое тело обязательно увидят люди и, возможно, обратят внимание, что оно состоит из стальных ребер и

---

* Первое послание св. Павла к Коринфянам, гл. 13, ст. 10.

** Первое послание св. Павла к Коринфянам, гл. 13, ст. 1.

хитросплетения проводов, некогда приводивших их в движение.

Где-то в недрах его груди мерцающий сгусток рождал в этот миг человеческие мысли. Брэдли спросил себя: «Это ли чувствует человек, отдающий жизнь за свой народ? Или я всего лишь действую так, как способна действовать машина, слепо подчиняющаяся приказам, которые ей задали при рождении? Наверняка они поставили передо мной задачу вести себя как человек. Но вот на это способны только люди... не машины!»

Он прыгнул. Могущественная сила земного притяжения увлекла его вниз. В сущности, этим он мало помог расе, по образу и подобию которой был сотворен, но это все, что он мог для нее сделать. Может быть, этим он поможет людям. Может быть, нет. Ему этого уже не суждено будет узнать.

Столпившись у окна, роботы следили за его падением.

ВОСХОД ЧЕРНОГО СОЛНЦА

/1/

Широченная грудь Гарсона заходила ходуном от хохота, в черной бороде заплясали отблески пылающего в камине огня. Сейчас, с откинутой назад головой, с оскаленными белыми зубами, он воистину выглядел самим собой: Бобом Гарсоном, безжалостным тираном и неоспоримым правителем Озерного края. В окне за его спиной виднелся флот викингов, стоящий на рейде на озере Мичиган,— мерцающие бледные звезды, которые давным-давно должны были стать ярко-алыми, если вспомнить о морях крови, что пролила эта могучая армада со времени прихода к власти правителя Гарсона.

Небольшой нож скользнул по моей куртке из оленьей кожи — кинжал, который носили все свободные жители, чтобы добивать поверженных врагов. Я достал его из ножен и быстрым взмахом всадил в столешницу прямо перед Гарсоном.

Смех мгновенно смолк. Гарсон, как и я, смотрел на дрожащий в дереве кинжал, пока звон стали не затих.

Потом Боб Гарсон поднял свои карие глаза на меня, но взгляд его абсолютно ничего не выражал.

© Перевод Н. Берденникова.

— Что это значит, Дейл?

— С меня довольно,— со злостью произнес я.— Это мое прошение об отставке, правитель. Ты сам вручил мне этот кинжал десять лет назад...

Он коснулся шрама на поросшей черной щетиной щеке.

— Я помню. Холодная зима тысяча девятьсот восьмидесятого. Я б тогда погиб, кабы ты не пронзил клинком того кодьякского медведя. И потому я подарил тебе нож.

Глаза его потеплели от воспоминаний.

— Когда-то он кое-что означал для меня,— сказал я.— Дружбу. И человека, которому, как мне казалось, я мог доверять. Правителя Великих озер! Грязного... убийцу!

Взгляд Гарсона на мгновение стал ледяным, словно бы из его глазниц глянула сама смерть, как, впрочем, это частенько случалось. Правитель поднял левую руку, кисть которой заменял стальной крюк, и постучал ею по кинжалу. По его шее и лицу пробежала волна почти коричневого румянца, однако быстро отхлынула.

— Настоящие мужчины, Дейл Хит, выковываются в огне и железе,— без выражения проговорил он,— а не в разговорах. Я тоже доверял тебе, потому что мне казалось, ты понимаешь и разделяешь мои планы.

— Завоевания и грабежи... огонь и железо. Да, теперь я тебя понимаю. А если мы сейчас двинемся на юг в Индиану, к Малым озерам, у меня вообще никаких сомнений не останется. Там живут миролюбивые люди — земледельцы и ученые, они, как могут, работают на цивилизацию, в отличие от нас пытаясь восстановить ее. Так или иначе, Боб, если ты решил направиться туда — пожалуйста, но без меня!

В этот самый миг он выбросил вперед здоровую руку, схватил меня за плечо и притянул к себе так, что я

едва не лег на стол. Наши налитые злостью глаза оказались совсем близко, я чувствовал его горячее дыхание на своей щеке, а на плече — железную хватку.

— Ну, давай! — сказал я.— Разорви мне горло своим крюком. Хороший способ разрешить наш спор.

— Нет. Ты довольно испытывал мое терпение, и притом не однажды, но я знаю: ты — мой единственный друг.

— Убедительный довод, потому что более отвратительного человека...

— И более сильного,— перебил он мрачно, отпуская меня.— Вряд ли ты когда-нибудь сможешь понять меня. Нужно восстановить весь мир, а это поистине невыполнимая задача, если церемониться с каждым встречным-поперечным. Да, я был жесток, но за каких-то двадцать лет я создал империю. И я не позволю ее развалить, даже если мне придется убить тебя и всех южан в придачу.

— Ты будешь править миром трупов! — прорычал я.

Он указал на огромный яркий гобелен, выполненный в лиловых, зеленых и золотистых тонах, который полностью закрывал одну из стен кабинета.

— Вот наше прошлое. Посмотри на него и скажи, что ты видишь.

На гобелене все было изображено весьма наглядно. Даже человек с другой планеты сразу понял бы значительность воплощенного там. Мир двадцатого века, развивающийся, расширяющийся, тянущийся к абсолютной цивилизации. Потом огромные орудия стали изрыгать пламя и дым, по земле прокатились небесные джаггернауты, превращающие города в руины,— война, изнурительная война продолжалась в течение нескольких десятилетий. Земля отказывалась понимать, что общественные раковые опухоли невозможно излечить — тут спасало лишь хирургическое вмешательство. Поэтому победил сентиментализм, а спустя некоторое время, после беспокойного периода ложного мира, наступил насто-

ящий Армагеддон. На сей раз битва велась не на жизнь, а на смерть.

Она длилась больше тридцати лет. На огромном гобелене история развивалась своим чередом — новое оружие дало волю всадникам Апокалипсиса и залило всю планету кровью. А потом наступила Тьма.

От Японии до Британских островов, от Нью-Йорка до Калифорнии, почти от полюса до полюса воцарился покой. Нечто подобное переживает умирающий человек. Руины...

Нью-Йорк превратился в вулкан, источающий радиоактивный яд. Лондон, Москва тоже стали вулканами. Как и многие другие города.

Потянулись долгие годы Тьмы.

Но в самом конце гобелена был вышит символ правителя Боба Гарсона: черное солнце всходило на фоне золотистого неба. Солнце, которое могло быть выковано из черного холодного железа. В своей здоровой руке Гарсон надежно держал бразды правления, в жестокой борьбе он добился власти над озерами, построил себе город к северу от руин, которые когда-то были Милуоки, и стал править.

Десять лет я был рядом с ним, был его правой рукой. Я заботился о нем, помогал ему вести неповоротливый джаггернаут по трудному пути к цивилизации. Это было нелегко. Нам приходилось сражаться не только с людьми, но и с самой природой. С бескрайних просторов Канады приходили волчьи стаи и огромные кодьякские медведи. Кошки дичали, превращаясь в вероломных злобных тварей с острыми, словно бритва, когтями. Соваться в леса означало рисковать своей шкурой. И у нас не хватало оружия.

Гарсон относился к своим людям без малейшей жалости. Правда, хоть он и оставался пиратом, ценность науки все же понимал, и ученые в теплых лабораториях всегда были накормлены, даже когда остальные го-

лодали. Наука была необходима для восстановления мира. Но Гарсон слишком часто требовал создания нового оружия.

Город — просто Город, иного имени у этого места не было — стал для него семенем, из которого произрастет человечество. Другие племена и народы должны были оказывать посильную помощь, иначе их ждало уничтожение. А сам Гарсон... должен был оставаться сильным.

А потом настанет день Черного Солнца, и золотистое знамя Гарсона взовьется над миром, вновь усеянным высокими башнями, над планетой, где во веки веков воцарится покой. Однако сначала планету следовало завоевать.

И вперед двинулись флоты викингов! Подобно огненному вихрю, мы проносились по Озерному краю, всякий раз возвращаясь в Город с богатой добычей. Наши клинки сверкали, наши ружья изрыгали гром и огонь. А на западном берегу усердно трудились ученые. Остальные народы с опаской следили за нашими успехами.

Гарсон преследовал лишь одну цель — создание единого целого, однородного и способного защитить себя, после чего должно было последовать всеобщее поглощение и объединение. Но я давно начал сомневаться в правильности этого пути.

Сейчас Боб сидел, вытянув ноги к огню, и искоса наблюдал за мной из-под кустистых бровей.

— Нам нужен провиант, иначе этой зимой мы будем голодать. А в Индиане есть продовольствие.

— Но почему мы не занимаемся сельским хозяйством?

— Мы им занимаемся.

— Время от времени. Слишком мало людей ты выделяешь для этого.

Он смерил меня испепеляющим взглядом.

— Люди нам нужны для других целей — для работы в цехах, в лабораториях, для специального обучения и борьбы. В этом году нас не смогут спасти даже гидропонные огороды! Ты просто дурак, я не собираюсь голодать зимой из-за твоей мягкотелости. Мы трудимся на благо всего человечества, люди должны с радостью нас кормить!

— Даже если мы забираем их урожаи, угрожая ружьями?

— Мы пытались решать наши проблемы в третейском суде. Но они хотят слишком многого. Изделия наших лабораторий... оружие! Только если мы будем сильны, у нас будет шанс восстановить цивилизацию. А если мы позволим другому племени вести себя с нами на равных, снова начнется война.

— Мы и так воюем.

— О нет,— с мрачной усмешкой возразил Боб.— На полномасштабную войну у наших врагов не хватит оружия. Пройдет время, и мы оставим их в покое — когда станем полностью самостоятельными и будем готовы пригласить их присоединиться к нам. Управление народом не терпит раскола. Мы будем объединять и объединять, пока мир не станет единым целым. Я знаю, мне до этого не дожить. И все же знамя Черного Солнца будет реять над миром!

Теперь я точно понял, что мы выбрали не тот путь. Пока Гарсон будет гнуть свою линию, Земле не видать мира. Он не кривил сейчас душой, он искренне считал, что поступает правильно. В этом и заключалась трагедия: я знал, что никогда не смогу его переубедить.

— Позволь мне стать посредником, Боб! — воскликнул я, но, очевидно, эта просьба лишь еще больше убедила его в моем безумии.— Позволь мне найти другой путь!

Гарсон резко повернулся ко мне.

— Немедленно прекрати, Дейл! — Его смуглые волосатые пальцы сжались на рукоятке моего кинжала. Он вскочил на ноги и, перегнувшись через стол, сунул кинжал мне в ножны.— Флот выходит, как только будет готов. Мы слишком долго ждали в надежде на то, что Веллингэм закончит работы над оружием, которое нам необходимо. Ты будешь командовать.

Его лицо с крупными чертами снова побагровело. Мне даже показалось, что он попытается выхватить кинжал и ударить меня. Но потом я увидел, что взгляд Гарсона скользнул мимо меня. С видимым усилием Боб взял себя в руки и откинулся на спинку стула.

— В чем дело, Хорстен? — осведомился он.— Я занят.

— Я уже ухожу,— бросил я ему и, повернувшись, встретился с расчетливым взглядом бледных глазок геополитика Джона Хорстена.

Это был карлик с непомерно большой головой, толстыми губами и всегда скептически вздернутыми бровями. Я никогда даже не пытался скрыть отвращения к этому уродцу, и наша взаимная неприязнь еще больше усилилась после того, как я отстегал Хорстена его же собственным кнутом. В тот день я поймал его на месте преступления: он собственноручно пытал пленных. Но Хорстен был весьма толковым ученым, и Гарсон ценил его знания.

Не оборачиваясь, я вышел в приемную, остановился у окна и стал смотреть на корабли. Поднялась полная луна, ее свет выхватывал из темноты высокие мачты покачивающихся на волнах судов. Свежий ветер, предвестник зимы, порывами налетал со стороны озера Мичиган. Зима обещала быть холодной, а у нас на складах продовольствия было слишком мало. И очень скоро рационы будут урезаны — если только наш флот викингов не нападет на мирных южан...

Спустя некоторое время из комнаты вышел Хорстен и предложил мне сигарету. Я покачал головой. Он разжег ароматный зеленоватый цилиндрик, поглядывая на меня из-под белесых ресниц.

— Надеюсь, сэр Хит, все в порядке?

— А что должно быть не в порядке? — резко спросил я.

Он потер ладони.

— Правитель... э-э... несколько обеспокоен. Это из-за набега на Индиану, да?

— Возможно.

Хорстен сухо усмехнулся.

— Если бы Веллингэм вовремя закончил свою работу...

Я не смог сдержать гнев и резко повернулся к Хорстену. Губы у меня побелели.

— О да, ты так хотел бы этого,— сказал я.— Новое оружие, тепловой луч... люди, сгорающие и мучительно умирающие прямо на твоих глазах! Пытки — одна из твоих специальностей!

— Сэр Хит! Я чем-то оскорбил вас?

Я сверлил его взглядом, пока он беспокойно не поежился.

— Тепловой луч, если задействовать его на полную мощность, способен убивать мгновенно. Но для психологического воздействия медленная мучительная смерть куда более предпочтительна. Вы не согласны?

— Нет,— сказал я и ушел.

Спускаясь по пандусу, я сжал свой кинжал настолько сильно, что на ладони у меня выступила кровь. Однако это не имело значения. Обернув лезвие платком, я продолжил путь.

Теплый золотистый свет струился из окон над моей головой и исчезал в темноте у берега. Ослепительные лучи прожекторов на площади слева были направлены на огромный флагшток, на котором развевалось зна-

мя правителя Боба Гарсона. Здесь, в Озерном крае, среди руин уничтоженного мира, были видны первые шаги оживающей цивилизации.

Но слишком уж часто она шагала в обратном направлении! Черное Солнце поднималось над миром, и, когда оно достигнет зенита, вся ярость богов обрушится и на без того опустошенную Землю.

Тем не менее именно здесь была колыбель новой цивилизации. Здесь находился человек, которого я знал, которому доверял. Человек, рядом с которым я так часто сражался, человек, который был для меня больше чем братом...

Но я должен был предать его!

/2/

Из Павильона доносилась тихая музыка, внутри мерцали фонари. Их свет вырывал из темноты раскачивающиеся силуэты танцоров. Я вспомнил, что сегодня день рождения Джоанны, жены правителя. Разумеется, нам с Бобом тоже полагалось присутствовать на празднике, но для нас работа всегда была на первом месте.

Обходя Павильон, я заметил Джоанну — красивую высокую женщину с пепельными волосами. Ее окружали несколько офицеров-викингов в легких доспехах и золотистых плащах с эмблемами Черного Солнца. Головной убор Джоанны тоже был украшен гербом правителя — черной жемчужиной в золотом обрамлении. Прохладный бриз, дующий с озера, далеко разносил звонкий смех именинницы.

Я направился в лабораторию Веллингэма. Под курткой на мне была привычная пуленепробиваемая рубашка, на ремне висел меч, несколько тяжелее того, что я предпочитал носить в Городе. Я достал из кармана пистолет-кастет и убедился в том, что он заряжен. Очень опасное оружие как в кулачном бою, так и в перестрелке.

Впереди показался портик дома Веллингэма, похожего в темноте на каменную глыбу. Я поднялся на террасу и коснулся звонка, чувствуя, как по спине скатывается капля ледяного пота. Я понимал, что должен выведать у Веллингэма секрет нового луча и сделать все, чтобы он не смог повторить эксперимент. До этого момента я не позволял себе даже думать об этом. Убить беззащитного слабого старика!..

Дверь открылась. В темноте сверкнула вспышка выстрела. Я почувствовал удар в грудь, но меня спасла сплетенная из проволоки рубашка. У меня только перехватило дыхание. Я согнулся, понимая, что нет времени доставать пистолет-кастет. Из-за порога на меня бросилась темная фигура, наводя пистолет для следующего выстрела...

Я упал на бок, прохладная рукоять меча сама легла в ладонь, и я услышал, как клинок с легким шорохом выскользнул из ножен. Я нанес колющий удар вверх — клинок легко вошел в живот противника и через мгновение наткнулся на позвоночник. Враг успел выстрелить, но промахнулся и, захрипев, упал ничком. Он был одет в черное, на лице — маска. Из двери выбегали другие люди, тоже в черном и тоже в масках.

Но я уже почти восстановил дыхание и пистолет-кастет был у меня в руке. Я бросился на первого из нападавших. Его клинок срезал прядь волос с моей головы, когда я пригнулся. Я ударил его в челюсть, одновременно нажав на курок, и его лицо превратилось в кровавое месиво. Он умер, не успев даже вскрикнуть.

Однако их было слишком много, и я не успел удержать их в дверях дома. Выстрелы подняли тревогу, я уже слышал встревоженные крики в отдалении. Моим противникам явно хотелось поскорее убраться отсюда, и они бежали, беспорядочно паля и размахивая клинками. Пуля обожгла мне щеку. Другие остановила ру-

башка, но я зашатался от ударов, на секунду забыв о защите. Этого было достаточно.

Четверо в масках выбежали из дома и на мгновение остановились, испуганно озираясь. Они могли бы убить меня, однако это задержало бы их, пусть и ненадолго. И когда я попытался продолжить схватку, они предпочли убежать, отстреливаясь наудачу. Они скрылись в кустах вокруг террасы, оставив у моих ног два трупа.

Кто-то опередил меня. Я не знал, кто и почему. Убрав меч в ножны, я вбежал в дом и поспешил в подземную рабочую лабораторию Веллингэма.

Ученый был там. Вернее, его распростертое на верстаке тело в окровавленном сером халате, с пятном крови на седых волосах. Я разорвал халат и прижался ухом к груди. Стук сердца был почти не слышен. Через мгновение я обвел взглядом лабораторию. Модель проектора теплового луча исчезла.

Я перенес Веллингэма на диван, запер дверь и оглядел содержимое аптечки. Найдя адреналин, я наполнил шприц и осторожно ввел иглу между ребер Веллингэма в сердце. Стимулирующее средство сработало.

Кто-то постучал в дверь. Я решил не обращать на стук внимания. Веллингэм стал оживать на моих глазах, его веки затрепетали и поднялись, взгляд бесцветных глаз был полон боли. Но я не смел вводить ему морфин. Я не мог даже позволить ему умереть спокойно.

— Хит...— прошептал он.— Дейл Хит?

— Да, Веллингэм,— сказал я.— Что случилось?

— Адреналин? Я умираю?

Я кивнул, и старик прерывисто вздохнул.

— Образец... теплового луча... украден.

— Вы завершили его?

— Да. Только образец... уничтожили чертежи... просто построить проекторы по образцу...

— Кто украл его, Веллингэм?

— Хорстен,— сказал он.— Джон Хорстен. Он задумал свергнуть правителя. Джоанна заодно с ним! Она знает... знает...

Он умер. На этот раз окончательно. Стук в дверь стал громче, потом кто-то принялся вырезать горелкой замок. Оглядев лабораторию, я увидел в углу еще одну дверь. Я осторожно открыл ее и вышел в коридор. По лестнице грохотали чьи-то шаги. Заметив рядом стенной шкаф, я спрятался в нем и подождал, пока люди не прошли мимо меня в лабораторию.

Тогда я выбрался из укрытия и поднялся по лестнице. Я мог бы попытаться обмануть стражников, но мне не хотелось терять время. Мне удалось скрыться без особых трудностей.

В общественном туалете я попытался устранить нанесенный мне ущерб. Опущенная в прорезь монетка открыла для меня висевшую на стене аптечку. Антисептик и жидкая кожа помогли мне залечить царапину на щеке, холодная вода смыла пятна крови с одежды. После этого я позвонил по телефону в Администрацию.

Хорстена там не оказалось. Где он, никто не знал.

Я сказал: «Спасибо», вышел и посмотрел в сторону Павильона. Танцы еще продолжались. Я пошел в том направлении, не зная, что и думать. Слишком увлекшись разработкой собственного плана, я забыл о том, что другие могут организовать заговор и пойти на убийство. Заговор с целью свергнуть Гарсона. Значит, за этим стоял Хорстен? И Джоанна помогает этому уродливому злобному геополитику? Какого дьявола?..

Я должен все выяснить. Должен найти образец проектора теплового луча. Но я не мог обратиться к Бобу Гарсону за помощью, потому что сам едва не предал его.

Меня узнали и впустили в Павильон, несмотря на отсутствие подобающего костюма. Я прошел сквозь толпу танцующих, туда, где Джоанна вальсировала в объятиях офицера в золотистом плаще. Я похлопал его по

плечу. Джоанна улыбнулась и грациозно, хотя была почти одного со мной роста, скользнула в мои объятия. Ее тело, обтянутое атласом, было крепким, как сталь.

Джоанна Гарсон была прелестной женщиной. До этого момента я не считал ее особенно смышленой. Я и сейчас сомневался, что она не глупа, однако мне необходимо было узнать, зачем она связалась с Хорстеном. Джоанна смотрела на меня глазами цвета меда. Она выпила шампанского, найденного, вероятно, в разрушенных погребах Чикаго, и в глазах ее играли озорные искорки.

— Зря я танцую с тобой, Дейл. Ты опоздал и даже не удосужился одеться как подобает.

— Я с трудом нашел время, чтобы выбраться сюда.

— А Боб еще работает?

— Работал, когда я ушел от него. Понимаешь, Джоанна, флот скоро выходит в поход.

Ее полные яркие губы изогнулись в улыбке.

— Он любит свой флот больше, чем меня.

— Ты знаешь, что это не так. Если бы не ты... сомневаюсь, что у Боба достало бы сил продолжить свой нелегкий труд.

— Возможно. Зачем говорить об этом сегодня? Кстати, спасибо за подарок, Дейл. Ожерелье мне очень понравилось.

— У меня есть еще один подарок,— сказал я, выводя ее на террасу.

Джоанна выглядела немного удивленной, но подчинилась. В танце мы выскользнули в прохладную ночь, темноту которой разгонял свет развешанных по деревьям фонариков.

— Вон там.

— О, это так далеко! Мое платье...

Я схватил ее за руку, слишком грубо. Джоанна попыталась вырваться, удивление в ее глазах сменилось страхом. Она открыла рот, еще мгновение — и она закричит. Был только один способ предотвратить это, и

я, резко прижав Джоанну к себе, впился горячим поцелуем в ее губы. Она обмякла в моих объятиях.

Прежде чем она пришла в себя и разгадала мои намерения, я провел ее вниз по лестнице террасы в заросли кустов, зажав ей ладонью рот. Джоанна сопротивлялась, но я прижал острие кинжала к ее горлу.

— Не надо кричать,— очень тихо сказал я.— Если понадобится, я зарежу тебя, и будь что будет.

Может быть, Джоанна и не поверила мне, но испугалась.

— Дейл,— прошептала она.— Ты сошел с ума. Что...

— Веллингэм мертв,— сказал я.

Она вздрогнула, изображая потрясение, но не очень-то убедительно.

— Но... я не понимаю...

— У меня нет времени. Я знаю о заговоре Хорстена. Я знаю, что ты участвуешь в нем. Предположим, я расскажу об этом Бобу...

Она задумалась, ее лицо стало безжизненной маской.

— Ты все-таки свихнулся, Дейл. Убери нож!

Вместо ответа я прижал нож еще сильнее.

— Только попробуй закричать. Я не шучу. Мне нужен проектор теплового луча.

— Ты не посмеешь меня убить,— сказала Джоанна.— Боб...

— Что он сделает? После того как узнает, что ты предала его? — сказал я и тут же подумал: «Красивые слова, особенно в моих устах. Игра в двойное предательство». Но я должен был сделать то, что задумал.

Я показал Джоанне пистолет-кастет.

— Знаешь, как работает эта штука? Этими шипами можно разорвать лицо мужчине. Или женщине. Выслушай меня. Сегодня я уеду. Из Города. И никогда не вернусь. Я хочу забрать тепловой луч с собой. Ты меня понимаешь? Я ничего не скажу Бобу о тебе или Хорстене, совсем ничего не скажу.

— Что ты имеешь в виду?

— Сама догадайся. Я могу тебя убить, если не собираюсь возвращаться...

— Я не боюсь смерти!

— ...или покалечить пистолетом-кастетом,— закончил я.— Мне уже пришлось применить его сегодня. Человек умер, но только потому, что я целился в мозг. Я не стану тебя убивать, Джоанна, но ты пожалеешь об этом.

Она сжалась, ее лицо цвета слоновой кости стало белым как мел.

— Этот человек,— продолжил я безжалостно,— после выстрела выглядел ужасно. У него не стало носа. Не стало нижней челюсти. Я хорошо поработаю над тобой, Джоанна. Хирурги мало что смогут сделать с твоим лицом, после того как я поработаю над тобой.

— О боже, Дейл,— прошептала она, и я заметил, как лихорадочно пульсирует жилка на ее горле.— Что я тебе сделала, чтобы заслужить такую ненависть?

— Я не испытываю к тебе ненависти. Мне плевать на тебя. Я просто не хочу, чтобы кто-нибудь стоял у меня на пути.

Она была холодной как лед.

— Что ты хочешь?

— Где образец проектора теплового луча?

— У Джона.

— Где?

— В тайнике... под озером...

— Что он намерен делать?

— Изготовить портативные проекторы. Очень много. И свергнуть правителя...

Я не понимал, в чем здесь выгода Джоанны, но не стал спрашивать.

— Как добраться до этого тайника?

— В водолазном костюме. Я покажу тебе...

— Отлично,— сказал я совершенно искренне.

Я видел ее насквозь. Скорее всего, Джоанна хотела заманить меня в ловушку, чтобы я не смог ни о чем рассказать Бобу. Это меня вполне устраивало. Я должен был получить образец и сделать все, чтобы он никогда не оказался у Гарсона.

Я надел пистолет-кастет на пальцы и взял Джоанну за руку так, чтобы спрятать оружие в широком рукаве ее платья.

— Мы отправимся туда немедленно.

— Но мне нужна шаль.

— Нет.

Она сдалась, и мы пошли по дороге, которая вела вдоль берега озера. Музыка из Павильона становилась все тише и скоро стала совсем не слышна. Сердце у меня в груди бешено колотилось, мне почему-то не хватало воздуха. За границами иллюзорного великолепия Города весь мир был погружен во тьму, и люди продолжали сражаться и умирать на руинах.

/3/

У меня все еще болел порез на ладони, который я сам нанес себе, когда уходил от Гарсона. Мне удалось разбередить ранку и вызвать кровотечение. Капли крови отмечали наш путь, но их было совсем немного, и Джоанна ничего не заметила. Она была слишком занята тем, чтобы за нами никто не следил.

Идти пришлось недолго. Дамба выше человеческого роста, похожая на изогнутый палец, вдавалась далеко в озеро. Мы пошли по узкой тропинке, которая тянулась вдоль дамбы у самой воды, и на наши ноги попадали холодные брызги. Я оставлял красный след там, где его не могла смыть вода,— для этого достаточно было изредка касаться окровавленными пальцами стены. После убийства Веллингэма стражники будут рыскать по Городу. Эти натренированные хитрые хорьки обязатель-

но найдут кровавый след и пойдут по нему. Я задумался, сколько времени у меня осталось.

Джоанна уверенно шагала впереди. Огни берега уже скрылись за изогнутой дамбой. Только темное озеро Мичиган уходило в пустоту слева от нас. Ветер был ледяным.

Шли мы долго. У конца дамбы Джоанна остановилась и провела рукой по бетонной стене. Распахнулась дверь.

Я достал фонарик из кармана куртки и направил бледный луч света вперед. В этой части дамбы была вырублена полость, железная лестница уходила в темноту.

Я заметил, где находилась пружина, на которую Джоанна нажала, чтобы открыть дверь, и провел по этому месту стены окровавленными пальцами. Потом, пока женщина жмурилась от резкого света, шагнул вперед и позволил ей закрыть за нами дверь.

— Вниз, Джоанна?

— Да, я же сказала, что тайник находится под водой.— Она не спускала с меня настороженных глаз цвета меда.

— Я пойду первым.

Мы начали спускаться по лестнице. Не знаю, сколько мы шли, но озеро в этом месте было достаточно глубоким. Скорее всего, мы спустились на самое дно. Наконец мои ноги коснулись твердой земли, и мы оказались в круглой комнате, практически пустой, за исключением небрежно сваленных в углу форменных водолазных костюмов. На одной из стенок я увидел герметично закрывавшуюся дверь.

Джоанна взяла один костюм из кучи, мне бросила другой. Но я не стал надевать его. Не настолько ей доверял. Я нашел в куче костюмов другой, который лучше подходил мне по размеру, проверил свинцовые грузы на подошвах, наблюдая, как Джоанна облачается в

костюм из прочной прозрачной ткани со встроенным дыхательным аппаратом.

— Кто построил все это?

Джоанна уже не выглядела испуганной — скорее всего, в ее головке сложился какой-то вполне устраивающий ее план моего уничтожения. Она посмотрела на меня, и легкая улыбка тронула ее губы.

— Не знаю. Пристань старая, построена в шестидесятых годах, может быть раньше. Мы ее... усовершенствовали.

— Что дальше?

— Я покажу.

Она надвинула на лицо маску, после чего мы уже не могли разговаривать — эти легкие костюмы не были оборудованы системой связи. Последовав примеру Джоанны, я подошел к двери в стене. Я больше не мог оставлять кровавых следов, потому что рука была закрыта прочной перчаткой, но полагал, что наш дальнейший путь отследить не составит труда.

К счастью, так и оказалось.

Дверь вела в крошечную комнату, в которой ничего не было, кроме шкива с намотанным на него тросом. К тросу были прикреплены своего рода складные крюки, и вся конструкция представляла собой нечто вроде канатной дороги.

Дверь за нами закрылась. Джоанна показала мне, как закрепить пряжку моего костюма на крюке. Потом пристегнулась сама и потянула за торчащий из стены рычаг. Дверь перед нами начала медленно открываться, впуская в комнату темные воды озера Мичиган. Фонарик по-прежнему находился в моей руке, я держал его направленным на Джоанну, но почти не видел ее в жутком водовороте. Вода немилосердно швыряла нас, пыталась оторвать от троса. Если бы не он, нас неминуемо разбило бы о стены.

Потом воцарилась полная тишина, и мы стали медленно двигаться вперед по тросу. Я выключил фонарь, и тут же ужасающая полная темнота отрезала меня от жизни. На такую глубину не проникал лунный свет. Я чувствовал, как лечу куда-то в темноте и водоросли бьют меня по телу.

Вслепую я протянул вперед руку и крепко сжал запястье Джоанны. Она не попыталась вырвать руку.

Через некоторое время мы остановились. Снова включив фонарь, я увидел, что Джоанна уже отстегнулась от троса. Я поступил так же. Мы находились в точной копии только что покинутой шлюзовой камеры, даже рычаги в них были расположены одинаково.

Джоанна потянула за рычаг, и мы оказались запертыми в комнате. Потом вода стала уходить, и скоро от нее остались только лужицы под ногами.

Через дверь мы попали в соседнее, более просторное помещение. Здесь в углу тоже валялось с десяток водолазных костюмов. Джоанна направилась к полупрозрачной панели, но я опередил ее. Я ничего не увидел, но почувствовал на себе острый вопросительный взгляд.

— Кроме нас, здесь никого нет,— произнес я.— Скажи Хорстену, что мы пришли.

Скоро открылась потайная дверь. Размеры подземного зала поразили меня, потом я вспомнил, что в тысяча девятьсот пятидесятом году под озером начали прокладывать тоннель, но через несколько лет отказались от этой затеи. Вероятно, мы находились в части этого недостроенного тоннеля.

Света нескольких тусклых фонарей не хватало, на сырых стенах и потолке оставались огромные пятна тьмы. В зале стоял десяток металлических стульев, валялись какие-то ящики, а еще был сборно-разборный письменный стол, за которым сидел Джон Хорстен. Брови его, как всегда, были будто бы удивленно вздернуты; он пристально смотрел на меня из-под белесых ресниц. Его

взгляд на мгновение скользнул на Джоанну, потом вернулся ко мне.

В зале было порядка двадцати мужчин, некоторые из них щеголяли отметинами от моего меча и пистолета-кастета. Они настороженно наблюдали за мной, и я чувствовал исходившую от них угрозу, хотя никто не наставлял на меня оружия.

Я снял маску, Джоанна уже сделала это.

— Держите его на мушке! — закричала она.— Не позволяйте ему шевелиться.

Потом она пробежала мимо меня к столу, за которым сидел Хорстен. Толстые губы уродца искривились в злобной усмешке.

— Сэр Хит! — сказал он.— Не ожидал... Что случилось, Джоанна?

— Убей его! — прошептала она.— Он один. Он заставил меня привести его сюда...

— Как он узнал?

— Не знаю точно. Он сказал, что хочет покинуть Город... Ему нужен проектор.

Хорстен задумчиво потер подбородок.

— Покинуть... во главе армады викингов, чтобы возглавить налет на юг, да? Вы и правда пришли сюда один, сэр Хит? В таком случае вы поступили не слишком мудро.

Я окинул взглядом мрачные лица людей и почувствовал холодное дыхание смерти. В такой ситуации нельзя показывать свою слабость. Я не спеша двинулся вперед и остановился перед столом. Джоанна попятилась. На лице Хорстена показалось недоверие, я заметил, как его рука скользнула под стол.

— Встать, когда разговариваешь со мной! — приказал я.

Он отшатнулся. Его щеки покрылись красными пятнами. Но через мгновение Хорстен злобно усмехнулся, встал и издевательски поклонился.

— Прошу прощения,— произнес он спокойным тоном.— Вы, конечно, выше меня по рангу, сэр Хит. В данный момент!

— Я буду выше тебя по рангу всегда и везде,— сказал я ему.— Будем мы служить правителю или свергнем его вместе.— Ты! — Я ткнул пальцем в одного из его людей.— Стул!

Тот замялся, покосился на Хорстена, но подчинился. Я сел. Сел и Хорстен. Джоанна осталась стоять у стола. Я понял, что означал взгляд, которым она одарила этого маленького дьявола. Некоторых женщин в мужчинах привлекает уродливость, злобность и беспринципность. Она любила его!

— Хорстен, ты безмозглый дурак! Если этот заговор — все, на что ты способен, правителю не о чем беспокоиться.

— Говори,— сказал он.— Говори что хочешь. Очень скоро ты замолчишь навеки.

— Не здесь и не твоими стараниями. Я знаю, что ты хочешь меня убить, но сейчас я слишком ценен для тебя, чтобы умереть. Твои люди скоро поймут это.

— Ты привел сюда стражников?

— Я проверила,— быстро вмешалась в разговор Джоанна.— За нами никто не следил.

— Это хорошо.— Хорстен медленно кивнул.

Я поднял руку.

— Слушайте. Я узнал о вашей организации только сегодня вечером. Догадался по вашим грубым ошибкам. Я уже принял решение уехать... покинуть Город, и не во главе флота. Слишком часто я спорил с Гарсоном. Я ждал, когда Веллингэм закончит работу над образцом проектора тепловых лучей. Я намеревался отправиться на юг и купить свою безопасность у жителей Индианы. Они были бы рады получить тепловой луч. Дали бы мне все, что я захотел. Кроме того, Гарсон не представлял бы для меня опасности, будь у меня тепловой луч.

— Правда?

— Слушай и не перебивай. Это был лучший выход для меня, потому что никого не оставалось за моей спиной! Я просто хотел позаботиться о самом себе. Один человек, даже обладая тепловым лучом, не способен завоевать Город. Но ты... сейчас попробую догадаться, что ты замыслил. Ты собирался изготовить много проекторов, чтобы вооружить преданных тебе людей. Ты собирался устроить переворот. После смерти Гарсона Черное Солнце навсегда скрылось бы за горизонтом. Скажи, меня ты включил в список смертников?

Взгляд Хорстена дрогнул. Я расхохотался.

— Конечно. Нож в спину мне... а правителю? Нет, ты не рискнул бы поступить с ним так. Он слишком крут. Джоанна...— Я резко повернулся к ней.— В чем заключалась твоя роль? В отравлении?

— Думаю, ты сказал достаточно,— перебил меня Хорстен.

Его правая рука по-прежнему оставалась под столом.

— Еще нет,— сказал я.— Мои слова могут спасти ваши жизни и ваш заговор. Я хочу присоединиться к тебе. У тебя есть сподвижники и проектор. А мне в отличие от тебя верят в Городе. Кроме того, у меня мозгов больше, чем у всех вас, вместе взятых.

— Щедрое предложение,— проговорила Джоанна.

— Очень. Я много лет командую викингами. Я не просто так стал правой рукой Гарсона. Сейчас я могу спасти вас всех, если, конечно, захочу. Итак, мои планы изменились. Я присоединюсь к тебе, но ты должен будешь исполнять все мои приказы.

Хорстен зашипел от ярости.

— Вы очень добры, сэр Хит!

— Я не собираюсь служить под твоим началом, ты слишком глуп. Опасно глуп. Мы по крайней мере должны быть на равных.

Я видел, что мой блеф удался. Я не мог и надеяться на то, чтобы убедить в чем-то Хорстена, но мне удалось вызвать замешательство в рядах его сообщников. Мне нужно было выиграть время, несколько минут или час. Я не знал сколько.

Джоанна схватила Хорстена за руку.

— Неужели ты ему веришь?

Я повернулся к людям Хорстена и произнес с убийственным презрением:

— Нам не нужны женщины, если они не исполняют наших приказов. Им нельзя доверять. А что касается этой девки, она уже предала вас. Привела меня сюда. Она должна была скорее умереть, чем так поступить.

У Джоанны побелели губы. Она прыгнула на меня, чтобы разорвать когтями, но, увидев мой кулак, остановилась.

— Джон! — Она кипела от ярости и унижения.— Ты... ты... позволишь этой свинье...

— Прикажи ей заткнуться,— сказал я Хорстену.— Я хочу знать твои планы в подробностях.

— Подожди, Джоанна,— мягко произнес Хорстен.— У нас будет время на все.— Он повернулся ко мне.— Уверен, вам хочется узнать мои планы, сэр Хит.— Но видите ли, я не так глуп, как вы думаете.

— Меня не интересует сам переворот. По крайней мере пока мы окончательно не договоримся. Я хочу знать, что произойдет потом. Что будет потом? Пиратство?

— Пиратство? Конечно, мы продолжим этим заниматься, как всегда.

— Равенство?

Он задумчиво прикоснулся пальцами к губам.

— Конечно. Для нас. Для нашей олигархии. Разумеется, у нас должны быть рабы. Потом мы начнем расширять наши владения. Будем совершать набеги. Станем могущественными, как никогда. Мы должны быть сильными, чтобы отражать нападения. Кроме того...—

Он улыбнулся.— Мы будем нападать сами. Гарсон слишком мягок. Слишком часто не решается атаковать. Мое правление будет железным.

— Старая песня,— сказал я.— Правящий класс в мире рабов. Твоя конечная цель — мировое господство, я полагаю?

— Да.

— И ты не смог даже украсть изобретение, не раскрыв себя. Хорстен, ты попался. Точнее, попался бы, если бы я не пришел к тебе.

Его люди начали перешептываться.

— За нами никто не следил,— сказала Джоанна.— Я уверена в этом.

— Если убиваешь, убивай! — сказал я Хорстену.— Переруби позвоночник или размозжи голову. Не позволяй жертвам оставаться в живых, чтобы они обо всем могли рассказать стражникам.

— Веллингэм? — тихим голосом спросил Хорстен.— Его холодный взгляд скользнул по лицам подчиненных.— Кто-то сглупил, да? Но вы сами помешали, сэр Хит. Попытались не дать моим людям уйти.

— После того как они оставили Веллингэма умирающим, но способным говорить. Как я узнал, кто пытался его убить? Веллингэм рассказал мне достаточно, чтобы я нашел Джоанну.

— Веллингэм почти ничего не знал. Он не сказал вам, как найти нас здесь. Вам пришлось узнать об этом от Джоанны. Стражники ничего не смогут узнать.

— Веллингэм знал достаточно. Просто потерял сознание, прежде чем успел мне сказать. Мне пришлось уйти, потому что стражники были у дверей. Вероятно, они узнали от Веллингэма всю правду, если понадобилось, при помощи адреналина.

— Веллингэм не знал, как попасть сюда.

— Он сказал, что знал,— настаивал я.— Я пришел, чтобы предупредить тебя, потому что решил присоединиться. Клянусь богом, вам нужен человек с мозгами!

Тихий сигнал тревоги вдруг донесся откуда-то сверху. Я понял его значение по изменившимся лицам людей Хорстена.

— Вот ответ,— сказал я в звенящей тишине.— Хватит разговоров. Ты еще больший дурак, чем я думал, Хорстен, если не позаботился об аварийном выходе.

— Другого выхода отсюда нет,— сказал один из заговорщиков.

Я только усмехнулся.

— И вы поверили Хорстену? Он заботится только о собственной шкуре. Он мог оставить вас здесь умирать. Впрочем, нет, он не бросил бы вас живыми, чтобы вы все рассказали стражникам.

Они поняли скрытый смысл моих слов, и он им явно не понравился. Лицо Хорстена исказилось от ярости, он вскочил на ноги и махнул рукой:

— За мной!

Сигнал тревоги монотонно звучал где-то в темноте над их головами.

/4/

Как я и надеялся, Хорстен достал из ящика стола небольшой темный ранец с лямками. Образец проектора теплового луча! Наконец-то он был почти у меня в руках! Но Хорстен держал пистолет наготове, да и Джоанна не спускала с меня глаз.

Мы прошли по узкому коридору, который, казалось, заканчивался глухой стеной. Хорстен открыл панель. Это был очередной шлюз с валявшимися по углам водолазными костюмами.

— Я позаботился о выходе,— сказал он.— Для всех.

Настроение людей менялось. Они пристрелили бы меня, если бы Хорстен отдал такой приказ. Я понимал это и решил опередить их действием. Из стены торчал рычаг. Я знал, для чего он предназначен.

Заговорщики бросились расхватывать костюмы, и я решил воспользоваться возникшей сутолокой. Сначала я тоже двинулся вместе с ними, потом, резко повернувшись, кинулся к рычагу. Хорстен закричал, но его крик заглушил пронзительный вопль Джоанны. Мимо моей головы просвистела пуля и расплющилась о стену, превратившись в блестящую звездочку.

Почувствовав холодок рычага ладонью, я резко дернул его вниз, одновременно свободной рукой опустив на лицо маску.

Вода потекла из открывающегося шлюза — сначала струйкой, потом пенистым ручьем и наконец все сметающим на пути потоком. Свет фонарей в руках заговорщиков заметался по стенам. Хорстен схватил костюм и, сорвав с него маску, надел ее. Все были заняты спасением собственных жизней. Поэтому они не убили меня.

Все, кроме Джоанны. Она уже была в костюме и опустила маску одновременно со мной. Схватив оброненный кем-то пистолет, она попыталась выстрелить в меня практически в упор. Я пригнулся и бросился на нее, и мы, ослепленные водопадом, упали на пол.

Ревущая вода оторвала нас друг от друга. Я заметил, где примерно находился Хорстен, и, преодолевая поток, поплыл туда. Мне удалось схватиться за лямки ранца и сорвать его со спины карлика. Хорстена я не увидел из-за хаоса, воцарившегося в шлюзовой камере, после того как туда хлынули воды озера.

Какие-то огоньки плясали в темноте, как обезумевшие метеоры. Меня отбросило к стене. Когда я восстановил равновесие, вода уже успокоилась и светящиеся шары уплывали вниз. Силуэт, казавшийся непроглядно черным даже на фоне подводного мрака, приближался ко мне.

Я поплыл к выходу из шлюза. Кто-то схватил меня за лодыжку. Я вырвался. Пузырьки воздуха скользну-

ли вверх по моему водолазному костюму. Внизу умирал человек... много людей.

Я почувствовал холод и напрягся как струна.

Оказавшись на свободе в озере, я сбросил свинцовые грузы с подошв и стремительно стал всплывать. Кессонной болезни можно было не бояться — слишком мала была разница давлений. Я выскочил на поверхность как пробка. Лунный свет ослепил меня.

Недалеко стоял на якоре корабль викингов. За ним темнели на фоне лилового неба лениво покачивающиеся мачты и реи других кораблей.

Я подплыл к якорной цепи, поднял маску и крикнул. Отозвался вахтенный. За борт сбросили веревочную лестницу. Я поднялся, прижимая к себе ранец.

Меня, конечно, узнали. Сквозь мгновенно окружившую меня толпу протиснулся седовласый великан.

— Сэр Хит,— сказал он.— Что-то не так?

— Небольшая неприятность. Спустите шлюпку, капитан. Мне нужно на берег. И включите поисковый прожектор.

Он отдал честь. Ослепительно белый луч скользнул по волнам, выхватив из темноты темные силуэты — тела. Я задумался о том, нашли ли свою смерть в водах озера Хорстен и Джоанна.

— На берегу неспокойно,— доложил капитан Дейли.— Я не знаю, что назревает, стражники тоже в растерянности. Сэр, поход на юг никто не отменял?

Я ничего не ответил. Я столько раз ходил с викингами в походы, что они вряд ли могли бы понять причины произошедших во мне внутренних перемен. Я и сам не очень-то понимал их. Я знал только, что устал тупо следовать за слепым богом разрушения.

Я поднял голову и посмотрел на развевающееся на холодном ветру знамя Черного Солнца.

Шлюпка доставила меня к пристани. Не выпуская ранца из рук, я отсалютовал викингам и сошел на бе-

рег. От водолазного костюма я уже избавился. Рядом с пристанью я увидел бесцельно бродившего странника. Увидев меня, он вытянулся по стойке «смирно».

— Сэр Хит!

— Что происходит?

Он показал на озеро.

— Убит ученый Веллингэм. Следы крови ведут к пристани. Это все, что я знаю. Что-то назревает, сэр.

— Найди мне лошадь,— приказал я.— Хорошую, сильную и быструю.

Пока он выполнял приказ, я закинул ранец за спину и потуже затянул лямки. Так у меня были свободны обе руки, и при необходимости я смогу использовать меч. Я не отказался бы и от винтовки, но у стражника ее не было, и я не хотел терять время на поиски.

Сев в седло, я написал на клочке бумаги записку и сунул ее стражнику. Она была написана шифром, известным только мне и Гарсону.

— Доставь это правителю,— приказал я.— Немедленно.

Гарсон, по крайней мере, будет предупрежден, если Хорстену и Джоанне удалось избежать смерти в озере. Возможно, он не поверит, но начнет расследование.

Этого будет достаточно.

Я пришпорил лошадь серой масти, крепкую и выносливую. Ее копыта застучали по мостовым Города, унося меня на юг. Я оглянулся всего один раз.

Над площадью я увидел натянутое как стальная струна порывом ледяного ветра с озера знамя Черного Солнца.

Мокрый и продрогший, я продолжил путь, и скоро крепостные валы Города остались далеко позади. До этого момента я мог повернуть назад. Теперь нет. Ноша за моей спиной была слишком тяжелой.

Я не знал, что́ меня подгоняло. Иногда мне казалось, что по продуваемому всеми ветрами берегу озера за мной

гонятся всадники Апокалипсиса, иногда — что я скачу за ускользающим рассветом. Потому что на утреннем небе Земли вставало Черное Солнце.

Живущие на юге люди строили свое будущее, строили его в мире и покое. Воюющие страны давно обратились в прах. Поумневшее человечество пыталось восстать из руин.

Я познал силу власти: власть — крепчайший напиток, который кружит головы, как никакой другой. Десять лет назад Боб Гарсон заслуживал доверия. А еще через десять лет... Я смотрел в грядущее и видел золотистое знамя правителя, развевающееся над выжженной землей и кровавыми водами. Гарсону не свернуть с прямой дороги, ведущей к этому будущему.

Я предвидел его расцвет. Через десять лет Гарсон расширит свои владения, и Город превратится в Рим Среднего Запада. Флоты викингов и армии выступят вперед, чтобы завоевывать... Однако итог будет одинаковым, кто бы ни правил империей — Боб Гарсон или Джон Хорстен. Если Хорстен, закат наступит быстрее, вот и все.

А вокруг меня простиралась холмистая земля. Плодородная земля, которая терпела все, кто бы ею ни правил — тираны или свободные люди. Лунный свет серебрил склоны холмов.

Моя лошадь споткнулась и упала. Осмотрев ее, я понял, что она сломала ногу.

Я пристрелил ее.

И пошел дальше на юг пешком.

/5/

Вероятно, удача отвернулась от меня с самого начала. Не было ни малейшей надежды добраться до Индианы, если я не найду другого коня. Впереди горело белым заревом небо над радиоактивными руинами Милуоки —

мне придется их обойти. На вершине холма я остановился и долго смотрел вперед. Разрушенный город был похож на облако холодного пламени. Из него тянулся и исчезал в темном озере извилистый огненный язык — светящаяся радиоактивная река растворялась в бездне.

Я оглянулся и увидел быстро скачущих по моему следу всадников.

Я еще раз пожалел, что у меня нет винтовки. Пистолет-кастет был хорош только в ближнем бою, а кроме него у меня было только холодное оружие. Преследователи уже увидели меня. Прятаться не имело смысла. Скоро всадники окружили вершину холма, на которой я стоял.

Люди правителя или Хорстена? Я не знал, пока не увидел эмблемы Черного Солнца на их плащах. Но даже после этого я сомневался в том, что они не были предателями, затесавшимися в ряды приверженцев Гарсона. И мои губы тронула горькая улыбка, потому что я знал по крайней мере одного из них!

Я ждал.

Винтовки были направлены прямо мне в грудь. Командир спешился и направился ко мне, положив ладонь на рукоять пистолета. Я узнал его.

— Лейтенант Маккей,— сказал я.

— Сэр Хит.— Он отдал честь.— У меня приказ правителя. Вы должны вернуться с нами.

Я почувствовал во рту горечь поражения.

— Хорошо,— сказал я и протянул ему свой меч эфесом вперед, но офицер покачал головой.

— Вы не арестованы, сэр. Но я должен забрать у вас вот это...— Он снял с моей спины ранец и спрятал его под своим золотистым плащом.

Я видел беспокойство и вопрос в его глазах. Однако лейтенант был верен Гарсону, и я знал, что не могу рассчитывать на его помощь. В окружении молчаливых сол-

дат я взобрался в седло, взял в руки поводья и встал в строй позади Маккея.

— Вы выше меня по рангу, сэр. Будьте добры возглавить строй.

Я кивнул. Предо мной простиралась дорога назад, пустая и черная.

Мы въехали в Город через несколько часов после рассвета. Меня проводили в мои апартаменты, где я быстро привел себя в порядок. Маккей сказал, что ждет меня в зале Администрации. Там я и нашел его, во главе стола на тридцать персон, в огромном зале. Завтрак, как и другие приемы пищи, считался в Городе государственным событием.

Блестящие плащи с эмблемой Черного Солнца переливались всеми цветами радуги, великолепные платья дам были подобны экзотическим цветам. Как всегда красивая, Джоанна сидела рядом с правителем. Она выглядела отдохнувшей, однако я заметил, как ее медово-карие глаза сверкнули лютой ненавистью ко мне. Боб Гарсон крутил в пальцах наполненный вином бокал коричневого стекла. Его лицо было мрачным.

Судя по взглядам людей, не многие знали о моем бегстве. Гарсон махнул мне рукой. Я подошел, он схватил меня за руку и вывел в другую комнату — небольшую звуконепроницаемую приемную. Я посмотрел на ранец на приставном столике, потом на стоявшего рядом стражника.

— Можешь идти,— сказал Гарсон.

Стражник отдал честь и вышел. Я услышал, что за спиной открылась дверь, быстро обернулся и увидел вошедшего Джона Хорстена.

Следом за ним шла Джоанна.

— Закрой дверь,— приказал Гарсон.

Он быстро зашагал взад и вперед, дергая себя за бороду. Черные как смоль кудри блестели на утреннем солнце. Я ждал.

Через некоторое время он указал своим крюком на ранец.

— Что скажешь об этом, Дейл?

Я только пожал плечами.

Его брови превратились в сплошную черную полосу над носом.

— И все?

— Когда меня казнят? — спросил я.

Услышав это, он схватил меня за предплечье здоровой рукой так, что я едва не застонал от мучительной боли.

— Я задаю вопросы и хочу услышать ответы. Джоанна и Хорстен выдвинули против тебя обвинения. Они назвали тебя предателем. Я не поверил. Но люди видели, как ты выезжал из Города вчера вечером и у тебя было это.— Он показал на ранец.

— Все правильно.

— Больше ничего не хочешь сказать?

— Правитель, вчера вечером я послал тебе записку. В ней я назвал предателями Джоанну и Хорстена.

— Я не получал никакой записки...— сказал Гарсон, но в разговор мягко вмешался Хорстен.

— Хит пытается вас обмануть, правитель. Он понимает, что попался, и надеется выпутаться, опорочив обвинителей.— Он пожал своими узкими плечами.— Он поступает глупо. Обвинить меня... В свою защиту я могу сказать лишь то, что он лжет. Но обвинить вашу жену...

Джоанна гордо выпрямилась и смерила всех нас ледяным, полным ненависти взглядом.

Гарсон посмотрел на нее, потом — на меня и сказал:

— Дейл, может быть, тебе стоит извиниться перед Джоанной.

Я почувствовал, как во мне медленно закипает ярость.

— Прости, как-нибудь в другой раз. Но я скажу кое-что, если позволишь.

Правитель едва заметно кивнул. Я увидел, как напряглось его лицо.

— Так вот,— сказал я.— Я не предатель. Я даже не совсем отступник. Если бы я был таким, то убил бы тебя в первую очередь, потому что ты всегда представлял для меня наибольшую угрозу.

После этих слов в комнате воцарилась мертвая тишина.

— Десять лет назад я верил в тебя и доверял тебе,— продолжил я.— Мне казалось, что ты стремишься к миру. Мне казалось, что ты действительно хочешь восстановить цивилизацию. Но ты не хотел... или хотел, но не тем способом. Теперь ты сидишь верхом на тигре. Эти набеги — в них нет необходимости. Жители Индианы и так снабдили бы нас продуктами на зиму...

— Они хотели получить оружие.

— Они нуждаются в оружии. Волки, кошки и дикие собаки уничтожают их урожай. Они — земледельцы, мы — военные и ученые. Нам нужен был договор, а не опустошительный набег. Сейчас ты силен, ты можешь продолжать убивать и грабить, но ты пожнешь бурю. Настанет день, когда племена объединятся и выступят против нас.

— У нас есть чем защититься.

— Думаешь, я боюсь нашего уничтожения? — резко спросил я.— Да если бы Город был разрушен прямо сегодня, это было бы прекрасно! Семена войны находятся здесь! Сейчас ты этого не понимаешь, правитель, хотя раньше был дальновиднее. Ты ослеплен властью. Ты стал боготворить Город и его жителей.

Он прищурился.

— Они — мой народ.

— А чем он отличается от других? Это такие же люди из плоти и крови, как и жители Индианы и другие племена. Какое ты имеешь право делать свое племя правителями?

— Значит, мы должны дать племенам Индианы оружие, чтобы они могли напасть на нас? — вмешался в разговор Хорстен, криво улыбаясь.

— Им нужна только свободная торговля с нами. Я их знаю. Я говорил с ними. Что касается теплового луча, я хотел увезти его на юг и отдать жителям Индианы.

— И он посмел назвать предателем меня! — воскликнул Хорстен.

Я не обращал на него внимания.

— Ты не посмел бы послать флот викингов против теплового луча,— сказал я Гарсону.— Племена Индианы получили бы возможность защищать свой урожай как от диких животных, так и от тебя.

Правитель подошел к столику и лениво постучал крюком по ранцу.

— Это самое мощное наше оружие,— сказал он.— Оно не должно попасть в чужие руки. Что касается остального, Дейл, я думаю, ты просто сошел с ума.

— Напротив. Я был безумцем, а теперь рассудок возвращается ко мне. Через десять лет ты станешь самым ненавистным тираном в Америке.

— Но Город будет в безопасности.

— Вспомни Вавилонскую башню. Цивилизация должна быть восстановлена на более широком основании, не из одной крошечной группы людей. Но ты этого не понимаешь и никогда не поймешь.

— Забудем об этом,— тихо произнес Гарсон.— Дейл, ты по-прежнему остаешься командующим флотом.

— Ты не сможешь купить мою верность,— сказал я ему.— Я совершил ошибку, не убив тебя.

Я тут же понял, что был не прав. Если бы Гарсон погиб от моей руки, бразды правления перешли бы к Хорстену. И не существовало бы никаких идеалов, пусть мнимых, которыми бы он руководствовался в своих действиях.

Пока Хорстен оставался в живых!

Я заметил полный самодовольства взгляд, которым обменялись Джоанна и Хорстен, и мгновенно понял его смысл. Им ничего не грозило. Значит, они могли снова нанести удар.

Да, Гарсон не должен был править людьми, но он был гораздо лучшим правителем, чем Джон Хорстен!

Я начал действовать мгновенно, почти не задумываясь. Я сделал шаг вперед и нанес Хорстену пощечину. Она оглушительно звонко прозвучала в почти полной тишине. Хорстен попятился, и его рука потянулась к пистолету. Глаза Джоанны на мгновение сверкнули смертельной ненавистью и тут же погасли.

Гарсон зацепил Хорстена за локоть крюком.

— Никаких пистолетов,— сказал он и посмотрел на меня.

Я усмехнулся.

— Вот именно,— сказал я.— Это вызов. Ни один благородный человек не откажется от дуэли.

— Итак? — сказал Гарсон.

Будь он умнее, Хорстен попытался бы загладить происшествие подхалимством. Но в нем кипела ярость от испытанного унижения. Он слишком давно ненавидел меня и был психологически неспособен отступить сейчас, в присутствии Джоанны и правителя.

— Принимаю,— прошептал он, оскалив острые зубы.

Гарсон открыл дверь и крикнул стражникам:

— Дуэль! — Он показал на меня и Хорстена.— Подготовьте их.

Мы вернулись в главный зал и прошли к двум колоннам, между которыми было примерно тридцать футов. Хорстена и меня привязали к колоннам, оставив свободными только руки. У нас забрали все оружие, за исключением кинжалов, которые мы взяли в правые руки. Никого не осталось между нами и за нами.

В дуэлях нет ничего нового, древний обычай был возрожден нормами рыцарского поведения. Но поединок

между Джоном Хорстеном и Дейлом Хитом был из ряда вон выходящим событием, и взгляды всех сидевших за столом были прикованы к нам.

Гарсон занял свое место во главе стола, слуга налил ему вина в бокал, Джоанна скользнула на стул рядом с мужем.

Я посмотрел на Хорстена. Его толстые губы были искривлены в злобной гримасе. Я знал, как ловко он владеет ножом, и думал, что меня ждет неминуемая смерть. Но я знал также, что заберу Хорстена с собой в чистилище.

— На счет пять,— сказал правитель.— Один...

Рукоятка кинжала, казалось, ожила в моей ладони. Я проверил балансировку, перехватил его за лезвие для быстрого броска с вращением и стал ждать.

— Два... три...

Глаза Хорстена горели дьявольским желтым светом из-под бледных ресниц. Я бросил взгляд на стол.

И заметил, как рука Джоанны мелькнула над бокалом правителя и капля прозрачной жидкости без всплеска упала в красное вино.

— Четыре...

Яд. И Гарсон ничего не заметил. Он умрет, если сделает хотя бы глоток.

— Пять!

Хорстен напрягся перед броском. Я заметил, как дрожь пробежала по мышцам его тонкой волосатой руки.

Я немного повернулся в оковах и метнул кинжал в Гарсона.

Подобно молнии, нож пролетел по залу. Бросок был точным. Кинжал попал в бокал, разбил его, и вино красным пятном растеклось по белоснежной скатерти.

Я сразу же понял, что Хорстен еще не метнул свой кинжал. Он улыбался — торопиться было не за чем. Джоанна из-за стола послала ему полный мучитель-

ной мольбы взгляд. Она словно кричала: «Убей Хита! Убей, прежде чем он скажет хоть слово!»

Сидевшие за столом офицеры в золотистых плащах, шикарно одетые дамы возбужденно стали переговариваться между собой. Дейл Хит пытался убить правителя...

Хорстен поднял руку. Холодный утренний свет сверкал, как лед на клинке.

Какой-то блик промелькнул на его горле, и в следующее мгновение я услышал глухой удар. Из тела Хорстена торчала рукоять моего собственного кинжала.

Он попытался закричать. Кровь хлынула у него изо рта, полилась на грудь. Он вдруг обмяк в оковах, и его кинжал со звоном упал на пол.

Гарсон все еще не опустил руку после броска.

Он откинулся на спинку стула.

— Освободите Хита,— приказал он.

Почувствовав движение рядом, он выбросил в сторону руку, схватил Джоанну за плечо. Ее обращенное к мужу лицо походило на греческую маску трагедии: рот широко раскрыт в беззвучном крике.

— Джоанна,— сказал Гарсон,— даю тебе час. Возьми все, что тебе нужно, и уезжай из Города. Я убью тебя, если ты снова попадешься мне на глаза.

Гарсон жестом позвал меня, когда оковы пали с моих рук, и я прошел вслед за ним в соседнюю комнату. Он закрыл за нами дверь под удивленными взглядами придворных.

Некоторое время он ничего не говорил. Просто стоял у окна и смотрел на то, что было видно только ему одному.

— И все-таки я предал тебя, если посмотреть с твоей стороны,— сказал я.

— Ясное дело. Однако ты меня не убил, а она хотела отравить.

— Ты видел...

Он неловко пожал массивными плечами.

— Конечно. Вчера вечером я получил твою записку. Я только притворялся, что не получил ее. Я послал за тобой стражников, чтобы Хорстен и его... сообщница открыли свои карты. Хотел, чтобы они чем-то выдали себя. Если бы я ничего не добился, придумал бы какой-нибудь другой способ. Но ты бросил вызов Хорстену и ускорил события.

Я ничего не сказал.

— Какого дьявола ты пытался спасти меня, если знал, что Хорстен убьет тебя безоружного?

— Понятия не имею.

Я подошел к окну, и Боб показал мне на победоносно развевающееся на свежем утреннем ветерке знамя Черного Солнца. За ним стоял на якоре под охраной серых эсминцев флот викингов.

— Дейл, мне нужна твоя помощь,— сказал он.— Я не могу отпустить тебя сейчас, не знаю, смогу ли отпустить когда-нибудь. Мы должны восстановить цивилизацию.

— На песке?

Он гордо выпятил вперед черную бороду.

— Ты слишком мягкосердечен. Но в этом году никаких набегов не будет. Индиана может спать спокойно. Мы найдем продовольствие в другом месте, урежем рационы, если будет необходимо. Я в долгу перед тобой и потому уступаю.

Я ничего не сказал. Взгляд Гарсона был устремлен на флаг, каждая морщинка на его железном лице полна нестерпимой гордости.

— Ты мог убить меня,— сказал он.— Но не убил.

Я вдруг почувствовал слабость и тошноту, у меня перехватило дыхание.

— С этим мы как-нибудь разберемся,— сказал Гарсон.

Спустя пару секунд я кивнул.

Все это произошло год назад.

Гарсон сдержал слово. Никаких набегов в течение зимы не было. Ученые Города разработали несколько новых видов оружия. У нас теперь много проекторов тепловых лучей. И я понимаю, что это значит.

Правитель Гарсон проделал слишком длинный путь по дороге власти, чтобы видеть хоть что-нибудь кроме миража в ее конце. В этом году набегов не было, но скоро они начнутся.

Гарсон — мой друг, он доверяет мне, но я знаю, что он — Враг. Когда мы вчера пили вино, каждый глоток колом вставал у меня в горле, потому что я постоянно думал о неутолимой жажде власти, которая была в каждом бокале, который выпивал Боб, в каждой крошке, которую он съедал, в каждом вдохе, который он делал. Мы выпивали вместе, но я все больше утверждался в одной мысли.

Когда-нибудь мне придется его убить.

ТОЛЬКО НЕ СМОТРИТЕ!

Человек в коричневом костюме задумчиво разглядывал себя, отражающегося в зеркале позади барной стойки. Казалось, собственное отражение интересовало его даже больше, чем стакан со спиртным в руке. И на попытки Лимана завязать разговор человек в коричневом практически не обращал внимания. Разглядывание собственного отражения продолжалось минут, наверное, пятнадцать, после чего человек поднял стакан и сделал большой глоток.

— Только не смотрите! Только не смотрите туда! — вдруг воскликнул Лиман.

Человек в коричневом перевел взгляд на Лимана, поднял стакан повыше и сделал новый глоток. Кубики льда проскользнули ему в рот. Он поставил стакан на красно-коричневую деревянную стойку и сделал знак снова наполнить его. В конце концов человек глубоко вздохнул и повернулся к Лиману.

— Не смотреть куда? — спросил он.

— Один сидел прямо рядом с вами,— пробормотал Лиман, прищуривая уже порядком остекленевшие глаза.— Он только что вышел. Но вы, наверное, не видели его, да?

© Перевод Б. Жужунавы.

Расплатившись за выпивку, «коричневый» человек пожал плечами.

— Не видел кого? — В его голосе смешались скука, неприязнь и невольный интерес.— Вышел кто?

— О чем я рассказывал вам последние десять минут? Вы что, не слушали?

— Нет, ну почему же. Конечно слушал. Вы рассказывали о... ваннах. И о радиоприемниках. И об Орсоне Уэллсе...

— Не об Орсоне. А о Г. Д. Уэллсе. О Герберте Джордже. Орсон просто всех разыграл. А Г. Д. *знал* — ну, или подозревал. Интересно, как он догадался? Чисто интуитивно? Никаких доказательств он, конечно, не имел... но вдруг раз! — и перестал писать научную фантастику! Нет, могу поспорить, он знал.

— Знал что?

— О марсианах. Да стоит ли распинаться, вы меня все равно не слушаете! Все будет только хуже. Весь фокус в том, чтобы не сыграть в ящик и... раздобыть доказательства. Убедительные доказательства. До сих пор это ни у кого не вышло. Вы ведь репортер, не так ли?

Человек в коричневом неохотно кивнул.

— Тогда вы просто обязаны изложить все это на бумаге. Я хочу, чтобы все знали. Весь мир. Это важно. Ужасно важно. Это объясняет все. Моя жизнь в опасности, и единственный выход — распространить те сведения, которыми я владею, и заставить людей *поверить*.

— А почему ваша жизнь в опасности?

— Из-за марсиан, глупый вы человек. Они захватили наш мир.

«Коричневый» вздохнул.

— Стало быть, и моя газета тоже им принадлежит,— возразил он.— А значит, я вряд ли смогу напечатать то, что придется им не по вкусу.

— Об этом я как-то не подумал.— Лиман уставился на дно своего стакана, где два ледяных кубика обра-

зовали крепко спаянную парочку.— Хотя они не всемогущи. Уверен, у них есть уязвимые точки, иначе зачем бы им прятаться? Они боятся быть обнаруженными. И если наша планета получит убедительные доказательства... Слушайте, люди всегда верили написанному в газетах. Не могли бы вы...

— Ха! — многозначительно воскликнул «коричневый».

Лиман грустно забарабанил пальцами по стойке и пробормотал:

— Но ведь должен быть выход... Может, если я еще выпью...

Человек в коричневом сделал новый глоток, и это, похоже, несколько способствовало его интересу.

— Значит, марсиане, да? — спросил он.— А ну-ка, расскажите все еще раз, с самого начала. Вы хоть помните, что говорили?

— Конечно помню. Я практически ничего не забываю. Это для меня в новинку. Необычно как-то. Раньше со мной такого не было. К примеру, я слово в слово могу повторить свой последний разговор с марсианами,— гордо сообщил Лиман и бросил на «коричневого» победоносный взгляд.

— И когда же вы с ними беседовали?

— Сегодня утром.

— А я помню практически все, о чем говорил на прошлой неделе,— мягко заметил человек в коричневом.— И что с того?

— Вы не понимаете. Они заставляют нас забывать, вот в чем дело! Они отдают нам приказы, а потом мы забываем этот разговор — постгипнотическое внушение, так это, кажется, называется. Так или иначе, все их приказы мы выполняем. Мы действуем под принуждением, хотя думаем, что сами принимаем решения. Поверьте, они и в самом деле владеют миром, но об этом не знает никто, кроме меня.

— И как же вам удалось раскрыть их заговор?

— Ну, у меня что-то произошло с головой. Я возился с ультразвуковыми разрыхлителями, пытаясь изобрести хоть что-то, что можно продать, но придуманное мной устройство сработало неправильно... с некоторой точки зрения. В общем, оно принялось испускать высокочастотные волны. Они снова и снова проходили через меня. По идее, я не должен был их слышать, но я не только слышал, но и... даже *видел*. Вот что я имею в виду, когда говорю, что у меня что-то произошло с головой. И после случившегося я стал видеть и слышать марсиан. С обычными мозгами у них все тип-топ, но у меня-то мозги необычные! И гипнотизировать меня марсиане тоже не могут. Они могут попытаться что-нибудь приказать мне, но я вовсе не обязан им повиноваться. В смысле теперь. Надеюсь, они об этом не догадываются, хотя кто их знает. Нет, скорее всего, догадываются.

— С чего вы взяли?

— Я сужу по тому, как они на меня смотрят.

— А как они на вас смотрят? — Человек в коричневом потянулся за карандашом, но потом передумал и вместо этого сделал еще глоток из своего стакана.— И кстати, как вообще они выглядят?

— Я не совсем уверен... Понимаете, я могу отличить марсианина от обычного человека, но только когда этот марсианин замаскирован.

— Ну, хорошо, хорошо,— терпеливо произнес «коричневый».— И как же выглядит замаскировавшийся марсианин?

— Как и любой другой человек. Почти. Просто они маскируются в... человеческую кожу. Ненастоящую, разумеется, это все имитация. Но когда марсианин снимает свое обличье... не знаю. Я пока незамаскированных марсиан не видел. Может, они становятся невидимыми даже для меня или маскируются под кого-нибудь еще. Под муравьев, сов, крыс, летучих мышей...

— В общем, под кого угодно,— торопливо закончил «коричневый».

— Да, спасибо. В общем, под кого угодно. Но когда марсиане притворяются людьми... навроде того типа, который недавно сидел рядом с вами, ну, когда я еще попросил вас не смотреть...

— Вы говорите о невидимке, которого я не видел?

— В том-то все и дело! Большую часть времени они невидимы! Их никто не видит. Но иногда по какой-то причине они...

— Постойте,— запротестовал «коричневый».— Где тут смысл? Вы утверждаете, что они маскируются в человеческую кожу — и в то же время они для нас невидимы?

— Их имитация человеческой кожи очень хороша. Никто не отличит подделку. Марсиан выдает только третий глаз. Когда он закрыт, вы в жизни ничего не заподозрите, и я, кстати, тоже. Ну, человек и человек... Зато когда они его открывают — хлоп, марсиане становятся невидимками! Мгновенно! Самыми настоящими невидимками — но не для меня. Если я вижу кого-то с третьим глазом посреди лба, то знаю: это марсианин, и для остальных людей он невидим. И притворяюсь, будто тоже не замечаю его.

— Ха! — хмыкнул «коричневый».— Так можно договориться до того, что я один из ваших видимых-невидимых марсиан.

— Ох, надеюсь, что нет! — с тревогой воскликнул Лиман.— Я, конечно, выпил, но все равно мне так не кажется. Я ходил за вами по пятам целый день — чтобы убедиться. Конечно, всегда есть определенный риск. Марсианин способен выдавать себя за обычного человека очень долго — вообще сколько угодно! Подобным образом они ловят таких, как я. И я это понимаю. На самом деле я никому не должен доверять. Но мне нужно найти хоть кого-то, чтобы все рассказать и...— Последовала короткая пауза.— А может, я ошибаюсь. Ког-

да третий глаз закрыт, ни в жизнь не определишь, марсианин перед тобой или нет. Вы не могли бы открыть для меня свой третий глаз? — Лиман упер мутный взор в лоб «коричневого».

— Извините,— пожал плечами тот.— Как-нибудь в другой раз. Ведь мы еще так мало знакомы. Ну, что ж... Подводя итоги. Вы хотите, чтобы я написал об этом статью? Но почему бы вам не обратиться непосредственно к главному редактору? Ведь мою статью могут засунуть в долгий ящик или вообще выкинуть в корзину.

— Я хочу сообщить свою тайну миру,— упрямо сказал Лиман.— Вопрос в том, как далеко я успею зайти. Вполне вероятно, что марсиане убьют меня в тот же миг, как я открою рот... Поэтому, когда они рядом, я держу этот самый рот на замке. Знаете, по-моему, они не воспринимают нас всерьез. Похоже, они на Земле давным-давно, с самого рассвета истории, и со врéменем утратили осторожность. Они позволили Чарльзу Форту зайти очень далеко, прежде чем сломили его. Но заметьте, у них хватило предусмотрительности не дать Форту ни единого доказательства, которое смогло бы убедить обычных людей.

Человек в коричневом пробормотал себе под нос, что, дескать, неплохая получается история для «ящика».

— А чем вообще марсиане занимаются? — спросил он.— Кроме того что наряжаются в человеческую кожу и шатаются по барам?

— До конца я еще не разобрался,— тут же ответил Лиман.— Очень трудно связать все воедино. Разумеется, они правят миром, это неоспоримый факт, но зачем? — Наморщив брови, он умоляюще посмотрел на «коричневого».— Зачем?

— Ну, если они действительно правят миром, то наверняка как-то объясняют себе это.

— Вот-вот, вы буквально перехватили мою мысль. С их точки зрения, это логично и нужно, а с нашей —

тут нет никакого смысла. Мы-то сплошь и рядом поступаем нелогично, но только потому, что они нам так велят. Все, что мы делаем, ну, почти все, совершенно нелогично. Эдгар Аллан По, «Демон извращенности». Демон — он же мистер Марсианин. В переносном смысле, конечно. Психологи приведут вам тысячи объяснений, почему убийцу так тянет признаться в собственных преступлениях, но все равно его реакция *нелогична.* Если только марсианин не приказал ему сделать это.

— Даже под гипнозом человека нельзя принудить совершить насильственные действия, противоречащие его моральным нормам,— победоносно объявил «коричневый».

Лиман нахмурился.

— Да, если гипнотизирует тоже человек, а не марсианин. Думаю, они взяли над нами верх еще тогда, когда мы находились на уровне обезьян, но на этом марсиане не успокоились, о нет! Они развивались вместе с нами, все время буквально на шаг нас опережая. Знаете, это как с воробьем, что устроился на спине у орла. Воробей сидит себе спокойненько и ждет, пока орел достигнет своего «потолка», а потом вспархивает чуть выше и ставит рекорд высоты. Некогда марсиане захватили наш мир, но этого никто так и не понял. Марсиане с давних пор правят нами.

— Гм-м...

— Возьмите хотя бы дома, к примеру. Они такие неудобные, безобразные, грязные. Куда ни ткнись, все в них не так. Затем появляется какой-нибудь Фрэнк Ллойд Райт с новой, куда лучшей идеей, и вы только гляньте, как реагируют люди! Встречают это новаторство в штыки! А почему? Им марсиане так приказали.

— Послушайте, какое дело марсианам до того, в каких домах мы живем? Ну-ка, объясните мне это.

Лиман нахмурился.

— Мне не нравится нотка скептицизма, которая то и дело проскальзывает в нашем разговоре,— заявил он.— Марсианам есть дело, не сомневайтесь. Потому что они *тоже* живут в наших домах. Мы строим дома не для своих удобств, а по приказу марсиан и так, как *они* хотят. Что бы мы ни делали, их это очень даже волнует. И чем меньше смысла в наших поступках, тем больше заинтересованность марсиан в той или иной теме. Возьмем хотя бы войны. С человеческой точки зрения, война абсолютно бессмысленна. Ну кто из людей хочет воевать? И тем не менее мы постоянно ведем войны. А вот с точки зрения марсиан, войны весьма полезны. Они двигают вперед технологии, устраняют избыток населения. Есть множество и других соображений. Колонизация, к примеру. Однако прежде всего технологии. Допустим, в мирное время кто-то изобретает реактивный двигатель. И что? Коммерсанты все отказываются — мол, слишком дорого, и изобретение пылится себе на полке. Зато в *военное* время этот двигатель очень быстро доведут до ума, и марсиане смогут использовать его, как им вздумается. Для них мы все равно что инструменты или... дополнительные конечности. И в наших войнах нет победителей — кроме марсиан.

Человек в коричневом костюме усмехнулся.

— А знаете, тут присутствует некоторый смысл. Наверное, приятная штука — быть марсианином.

— Еще бы! До сих пор ни один завоеватель не мог похвастаться столь успешными результатами. Побежденный народ всегда мог взбунтоваться или постепенно поглотить расу победителей. Если вы знаете, что вас завоевали, стало быть, завоеватель уязвим. Но если мир этого не знает, а он этого не знает... Или возьмем то же радио! — вдруг воскликнул Лиман, резко меняя тему.— Ну зачем нормальному человеку слушать радио? По земным понятиям этому нет никаких разумных объяснений. Кроме одного. Марсиане заставляют нас его слу-

шать! Радио им нравится. Или ванны, к примеру. Все согласятся: ванны абсолютно несуразны и неудобны. Но только для нас, зато для марсиан они подходят идеально. Существует множество крайне непрактичных вещей, которые мы упорно продолжаем использовать, хотя сами прекрасно понимаем, насколько они непрактичны...

— Эти дурацкие ленты в пишущих машинках! — неожиданно воскликнул «коричневый», как будто вспомнил о чем-то наболевшем.— Хотя нет, вряд ли. Не могу себе представить, чтобы кто-то, пусть даже марсианин, получал удовольствие, измазавшись по уши в черной краске.

Но сочувствия собеседника он так и не добился. Лиман продолжал говорить. Как выяснилось из следующего его заявления, теперь он знал о марсианах все, за исключением одного — их психологии.

— Я понятия не имею, *зачем* они делают то, что делают. Их поступки зачастую выглядят нелогично, но меня не покидает ощущение, что у поведения марсиан есть разумные мотивы. И пока я не разобрался в их мотивах, я в тупике. Ну разве что раздобуду какое-нибудь доказательство, убедительное доказательство. Тогда я смогу убедить хоть кого-то, заручусь помощью... Но до тех пор я вынужден таиться. Делаю, что мне велят — чтобы не вызывать подозрений,— и притворяюсь, будто послушно забываю то, что мне приказывают забыть.

— Ну, тогда вам не о чем особенно беспокоиться.

Однако Лиман пропустил его слова мимо ушей, снова начав перечислять собственные злосчастья.

— Когда я слышу, как в ванне льется вода и как марсианин там плещется, то делаю вид, будто ничего не происходит. Кровать у меня слишком короткая, и на прошлой неделе я попытался было заказать себе новую, но марсианин, который спит в моей кровати, запретил мне это. Он коротышка, как и большинство из них. То есть

я думаю, что все марсиане маленького роста. Разумеется, это чистой воды допущение, поскольку я никогда не видел марсиан без маскировки. Тут остается лишь гадать. Кстати, а как насчет вашего марсианина?

Человек в коричневом костюме резко поставил стакан на стойку.

— Моего марсианина?

— Послушайте. Я, может, и пьян слегка, но с логикой у меня все нормально. Я еще могу сложить два и два. Либо вам известно о марсианах, либо нет. Может, хватит притворяться, а? Какой такой *мой* марсианин?.. Вы бы давным-давно сбежали от меня. Я знаю, что у вас есть марсианин. Ваш марсианин знает, что у вас есть марсианин. Мой марсианин это знает. Вопрос в том, знаете ли об этом *вы*? Прежде чем отвечать, подумайте хорошенько.

— Нет у меня никакого марсианина,— буркнул репортер и быстро сделал глоток, стукнув краем стакана о зубы.

— Нервничаете, я понимаю...— кивнул Лиман.— Конечно, у вас *есть* марсианин. И, полагаю, вам об этом известно.

— Да сдался мне этот ваш марсианин! — упорно гнул свою линию «коричневый».

— Это не он вам сдался, а вы — ему. Вообще, мне кажется, у каждого человека есть свой марсианин. Человек без марсианина — это незаконно. Наверное, неомарсианенных людей и не осталось уже. А если вдруг оказывается, что марсианина у вас нет, вас тут же хватают и упекают в какое-нибудь надежное местечко, пока не выяснят, куда подевался ваш хозяин. Так что отпираться бессмысленно. У вас есть свой марсианин. Как и у меня. Как и у него, и у него... и у бармена.— Лиман принялся тыкать пальцем в присутствующих в баре людей.

— Ну, хорошо. Вы меня убедили,— устало сказал «коричневый».— Однако завтра утром все марсиане вернутся на Марс, а вам, быть может, имеет смысл поискать хорошего доктора. Вас угостить?

Он повернулся к бармену, и именно в этот момент Лиман быстро наклонился к нему и настойчиво прошептал:

— *Только не смотрите туда!*

«Коричневый» перевел взгляд на отразившееся в зеркале побелевшее лицо Лимана.

— Все нормально,— сказал он.— Нет тут никаких мар...

Лиман с силой пнул его ногой под краем стойки.

— Молчите же! Один только что вошел! — И, вперившись взглядом в «коричневого», с наигранным жаром продолжил: — ...Ну, естественно, мне ничего не оставалось, кроме как лезть следом за ним на крышу. У меня ушло минут десять, чтобы спуститься вместе с ним по лестнице, но едва мы оказались внизу, как он вырвался, прыгнул мне на лицо, затем на голову, а потом снова на крышу и тут же опять принялся вопить, требуя, чтобы я его оттуда снял.

— Вы это про кого? — с вполне простительным любопытством спросил «коричневый».

— Про моего кота, разумеется. А вы что подумали? Ладно, не важно, можете не отвечать...

Лицо Лимана было повернуто к «коричневому», но уголком глаза он следил за тем, как кто-то невидимый продвигается вдоль стойки к отдельной кабинке в дальнем конце зала.

— Зачем он пришел сюда? — пробормотал он.— Мне это очень не нравится. Вы его знаете?

— Кого? Вашего кота?

— Я о том марсианине. Он не ваш, случаем? Гм, нет, вряд ли. Скорее всего, вашим был тот, который ушел в

самом начале нашей с вами беседы. Но может, он ушел, чтобы доложить обо мне куда следует, а вместо себя послал вот этого? Вполне возможно. Да, да, похоже на то. Все, он достаточно далеко, теперь можете говорить, но, пожалуйста, как можно тише. И перестаньте ерзать! Хотите, чтобы он нас вычислил? Понял, что мы его видим?

— Лично я его не вижу! И не надо меня приплетать. Разбирайтесь сами со своими марсианами. У меня от вас мурашки по коже. Наверное, мне лучше уйти, и дело с концом.

Однако, несмотря на все угрозы, он не двинулся с места. Вместо этого «коричневый» то посматривал в конец зала, то вглядывался в лицо Лимана.

— Не смотрите на меня,— сказал Лиман.— И на него не смотрите. Вы сейчас очень похожи на кота.

— Почему это?

— Я ведь не зря заговорил о котах. Коты тоже могут видеть марсиан. Причем, как мне кажется, и замаскированных, и незамаскированных. Вообще, они их терпеть не могут.

— Кто кого?

— Все. Друг друга. Коты могут видеть марсиан, но притворяются, будто не видят их, и это буквально сводит марсиан с ума. У меня на этот счет есть теория: до появления марсиан миром правили коты. Ладно, хватит об этом. Забудьте о котах. Все куда серьезнее, чем вы думаете. Например, мне точно известно, что сегодня вечером мой марсианин куда-то ушел, и я практически уверен, что именно ваш марсианин некоторое время назад вышел отсюда. И вы заметили, что марсиан тут нет? В этот бар все приходят без марсиан! Как вы думаете...— Голос Лимана вдруг упал до шепота.— Как вы думаете, может, *они поджидают нас снаружи*?

— О господи! — воскликнул «коричневый».— В переулке вместе с котами, надо полагать!

— Слушайте, кончайте нести эту чушь о котах. Я говорю об очень серьезных вещах, и...

Внезапно Лиман замолчал, побледнел, слегка пошатнулся на стуле и торопливо схватил стакан, чтобы скрыть свое замешательство.

— Ну а теперь что за напасть? — осведомился «коричневый».

— Ничего.— Глоток.— Ничего. Просто он... он *посмотрел* на меня. Ну, вы понимаете, о ком я.

— Давайте уточним. Я так понял, этот марсианин одет... одет как самый обычный человек?

— Естественно.

— Но он невидим для всех, кроме вас?

— Да. В данный момент он не хочет, чтобы его видели. Кроме того...— Лиман с заговорщицким видом помолчал, искоса взглянул на «коричневого» и тут же снова уткнулся в свой стакан.— Кроме того, мне почему-то кажется, что *вы* тоже его видите... в каком-то смысле.

На добрых полминуты «коричневый» замер, точно изваяние; даже льдинки в его стакане не позвякивали. Он как будто бы перестал дышать; по крайней мере за все время он ни разу не моргнул, это уж точно.

— И что заставляет вас прийти к такому выводу? — наконец совершенно нормальным голосом спросил он.

— Ну, я... А я разве что-то сказал? Уж и не припомню.— Лиман резко поставил стакан.— Пойду, пожалуй.

— Никуда вы не пойдете.— Пальцы «коричневого» сомкнулись на запястье Лимана.— Во всяком случае сейчас. Сидите и не рыпайтесь. Что это вам вдруг приспичило? Куда вы собрались?

Лиман кивнул в дальний конец бара, указывая то ли на музыкальный автомат, то ли на дверь с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН».

— Мне что-то нехорошо. Может, слишком много выпил. Наверное, мне лучше...

— С вами все в порядке. Подумать только, вокруг сплошные невидимки! В общем, вы меня не убедили. Но вы останетесь здесь, пока не уйдет этот марсианин.

— Он уже уходит,— сообщил Лиман; его взгляд быстро перемещался вдоль невидимой линии, пока не уперся во входную дверь.— Видите, ушел. Ну что, теперь вы меня отпустите?

«Коричневый» бросил взгляд на дальнюю кабинку.

— Никуда он не уходил. Сидит, где сидел.

Теперь настала очередь Лимана обратиться в потрясенное изваяние — с той лишь разницей, что лед в *его* стакане громко позвякивал. Наконец Лиман заговорил — негромко и почти трезвым голосом:

— Вы правы. Он все еще здесь. Выходит, вы его видите?

— Он сидит спиной к нам? — спросил «коричневый».

— Значит, вы его все-таки видите. И даже лучше меня. А может, их тут больше, чем мне кажется? Может, они повсюду? Может, они всегда рядом с нами, куда б мы ни пошли, а мы даже не догадываемся об этом, пока не...— Лиман покачал головой.— Они хотят быть уверенными на все сто,— продолжал он, обращаясь скорее к самому себе.— Они отдают нам приказы, потом стирают нам память, и все же... Наверняка существуют пределы того, что можно внушить человеку. Ну, к примеру, человек никогда сам себя просто так не выдаст, заставляй его не заставляй. Поэтому иногда они за нами следят... чтобы быть уверенными на все сто.

Лиман поднял стакан и резко опрокинул его себе в рот. Лед заскользил по наклонной стеклянной поверхности, обжег холодом губы, но Лиман удерживал стакан до тех пор, пока последний бледный, пронизанный пузырьками кусочек не упал на язык. Затем Лиман поставил стакан на стойку, повернулся к «коричневому» и спросил:

— Ну?

«Коричневый» оглядел бар.

— Чуть позже,— ответил он.— Народу осталось совсем немного. Подождем еще чуточку.

— И чего же мы ждем?

«Коричневый» снова глянул в сторону кабинки и тут же отвел глаза.

— Я хочу кое-что вам показать. Но если это увидит кто-то еще...

Он покачал головой. Лиман оглядел узкое задымленное помещение. Прямо у него на глазах последний клиент, сидевший у стойки (кроме них самих, разумеется), порылся в кармане, бросил бармену мелочь и медленно вышел.

Некоторое время они сидели в молчании. Бармен бесстрастно, без малейшего интереса поглядывал на них. Вскоре парочка, размещавшаяся в кабинке неподалеку, поднялась и также отбыла, негромко ссорясь между собой.

— Ну так что? Сколько их здесь? — спросил «коричневый» как можно тише, чтобы бармен ничего не услышал.

— Только...— Лиман не закончил, лишь кивнул в направлении задней части зала.— Но он не смотрит. Думаю, уже можно. Что вы хотели мне показать?

«Коричневый» снял наручные часы и открыл металлический корпус. Из часов выскользнули две маленькие глянцевые фотографии, и «коричневый» ногтем разделил их.

— Только сначала я хочу кое в чем убедиться,— сказал он.— Во-первых, почему вы выбрали именно меня? Не так давно вы сказали, что целый день таскались за мной, проверяя, что да как. Я этого не забыл. Ну, выкладывайте.

Ерзая на стуле, Лиман хмуро поглядел на него.

— Все дело в том, как вы смотрели на вещи,— пробормотал он.— В метро сегодня утром... до сегодняшне-

го утра я никогда в жизни вас не видел, но сразу обратил внимание, как вы смотрите на вещи... На неправильные вещи, которых там на самом деле нет. Точно так, как смотрят коты,— глянете краешком глаза и быстро отводите взгляд... И у меня мелькнула мысль: а вдруг вы тоже видите марсиан?

— Очень интересно. Дальше,— сказал «коричневый».

— Ну, я и пошел за вами. Целый день ходил, надеясь, что вы именно тот... с кем я могу поговорить, кому могу признаться. Раз я не единственный, кто может видеть марсиан, стало быть, еще не все потеряно. Это, знаете ли, хуже одиночного заключения. Я уже три года их вижу. Три года! Целых три года я хранил свой секрет, и никто меня не заподозрил, даже сами марсиане. Мне столько раз хотелось покончить жизнь самоубийством, но каким-то образом я сдержался. Сам не знаю как.

— Три года? — вздрогнув, переспросил «коричневый».

— Где-то очень глубоко всегда жила крошечная надежда. Я знал, что никто мне не поверит... без доказательств. А как получить доказательства? Весь день, пока я ходил за вами, я думал: если вы их тоже видите, быть может, есть и другие... навроде нас с вами... и, собравшись вместе, мы смогли бы придумать, как убедить весь остальной мир...

Пальцы «коричневого» пришли в движение. Не говоря ни слова, он подтолкнул фотографии в сторону Лимана. Пару минут тот внимательно рассматривал снимки.

— Вы снимали это ночью? — наконец спросил он.

Это был какой-то пейзаж. По темному небу плыли белые облака. На фоне тьмы выделялись похожие на белые кружева деревья. Трава тоже выглядела белой, словно бы залитая лунным светом, а тени казались расплывчатыми, как будто мерцали.

— Наоборот, белым днем,— ответил «коричневый».— Просто в инфракрасном свете. Вообще-то я дилетант, но в последнее время увлекся экспериментами со съемками в инфракрасном свете. И получил очень странные результаты.— Лиман пристально смотрел на снимок.— Видите ли, я живу неподалеку отсюда...— «Коричневый» постучал пальцем по некоему объекту на фотографии.— И часто там фотографирую, но время от времени у меня получаются весьма странные снимки. Понимаете ли, хлорофилл отражает инфракрасный свет, поэтому трава и листья на снимках получаются белыми. Небо выглядит черным, как вот здесь. В общем и целом можно добиться занятных эффектов. Сфотографируйте дерево на фоне облака, и на снимке вы не различите, где что. Зато можно фотографировать в тумане, когда обычная камера бессильна. Но пару раз, когда я снимал вот это,— он снова постучал по довольно обычному на вид объекту,— моя камера фиксировала нечто из ряда вон. Сами посмотрите. Видите человека с тремя глазами?

Лиман поднял снимок ближе к свету, потом взял со стойки вторую фотографию и принялся внимательно изучать ее. Когда он наконец положил оба снимка на стойку, на лице Лимана играла улыбка.

— Знаете,— заговорщицким шепотом сообщил он,— профессор астрофизики одного из наиболее значительных университетов написал для «Таймс» небольшую, но очень интересную заметку. По-моему, его зовут Шпицер. Он рассуждал о жизни на Марсе, есть ли она там и каковы они, эти марсиане. Но самое интересное, он утверждает, что, даже если марсиане когда-либо и посещали Землю, доказать это все равно невозможно. Никто не поверил бы тем нескольким людям, которые видели бы этих марсиан. Разве что марсиан случайно сфотографировали бы...— Лиман задумчиво посмотрел на

«коричневого».— Что и произошло. Вы сфотографировали их.

«Коричневый» кивнул, взял снимки и спрятал их обратно под крышку часов.

— Мне тоже так кажется. Правда, до сегодняшнего вечера я не был уверен. Раньше я не видел марсиан... полностью... ну, как вы. Но вовсе не обязательно обрабатывать голову ультразвуком, хотя с вами, разумеется, это произошло случайно. Просто нужно знать, куда смотреть. Какие-то *фрагменты* марсиан я вижу всю свою жизнь. Наверное, то же самое видят и другие люди, но не отдают себе в этом отчета. Это нечто вроде движения, которое можно уловить только краешком глаза, не напрямую. Что-то, что *почти* есть, но стоит вам посмотреть в упор, и оказывается: там ничего нет. Именно фотографии навели меня на верный путь. Этому нелегко научиться, но вполне возможно. Мы с пеленок получаем установку смотреть на вещи прямо — в особенности на те вещи, которые хотим как следует разглядеть. Может, эту установку дали нам марсиане. Заметив краешком глаза некое движение, мы сразу поворачиваем головы. А марсианина уже и след простыл.

— Выходит, видеть марсиан может... любой?

— За несколько дней я значительно продвинулся в этом направлении,— ответил «коричневый».— Ну, с тех пор, как сделал эти фотографии. Главное — тренироваться. Знаете, есть такие картинки, которые как бы составлены из нескольких других, но это становится заметно, только если внимательно изучить их. Своего рода обман зрения. Нужно просто понять, как смотреть, а иначе мы так ничего и не увидим.

— Но ведь камера их ловит.

— Камера — да. Удивительно, и как это никто до сих пор не сфотографировал марсиан. Я же вам показывал снимки — там очень четко виден этот их третий глаз.

— Ну, фотография в инфракрасном свете вещь относительно новая. И потом, спорю, марсиан нужно снимать на каком-то особенном фоне, иначе они будут неразличимы, как деревья на фоне облаков. А это сложно. В тот день, наверное, было нужное освещение, вы выбрали правильный фокус, точно навели объектив. Случилось своего рода маленькое чудо. Столь удачное совпадение может никогда не повториться. Но... не смотрите, только не смотрите!

Они разом замолчали, украдкой поглядывая в зеркало. Их взгляды скользили в сторону двери бара.

Затем воцарилось долгое молчание.

— Он оглянулся на нас,— наконец сказал Лиман.— Он посмотрел на нас... третьим глазом!

«Коричневый» замер, точно к месту пригвожденный, а потом быстро допил оставшееся спиртное.

— Надеюсь, они пока ничего не заподозрили,— ответил он.— Нам нужно хранить все в тайне, пока мы не добудем неопровержимые доказательства. И тогда... Я уверен, у нас все получится — рано или поздно мы найдем способ заставить людей поверить нам.

— А ваши фотографии? Проанализировав те условия, при которых вам удалось запечатлеть марсианина, опытный фотограф сможет воссоздать их и сделать свои снимки. Куда уж убедительнее!

— Знаете ли, убедительные доказательства могут быть опасны как для одной, так и для другой стороны,— возразил «коричневый».— *Смертельно* опасны. От всей души надеюсь, что марсиане предпочитают не убивать людей запросто так. Прежде чем убить неугодного человека, они попытаются собрать доказательства. Но...— Он выразительно постучал по своим часам.

— Что ни говорите, теперь нас двое,— успокоил его Лиман.— А значит, нужно держаться друг друга. Мы оба нарушили очень важное правило: мы начали *смотреть*...

Бармен подошел к музыкальному автомату в дальнем конце зала и отключил его.

— Напротив, без необходимости нам лучше не встречаться,— покачал головой «коричневый».— Однако, если завтра вечером, часиков этак в девять, мы оба заглянем сюда, чтобы пропустить стаканчик-другой... Вряд ли это вызовет у них какие-либо подозрения.

— А что, если...— На секунду Лиман замолчал.— Может, вы отдадите мне одну из этих фотографий?

— Зачем это?

— Ну, если с одним из нас произойдет, э-э, несчастный случай... В общем, у второго еще будет шанс. Быть может, он встретит нужных людей, покажет им фотографию, сумеет их убедить...

«Коричневый» задумался, коротко кивнул, снова открыл корпус часов и вручил Лиману маленький снимок.

— Спрячьте его,— сказал он.— Встретимся здесь завтра. А пока будьте очень осторожны. Не забывайте: мы ведем опасную игру.

Глядя друг другу в глаза, они обменялись твердым, решительным рукопожатием. Потом «коричневый» резко поднялся со стула и зашагал к выходу из бара.

Лиман остался сидеть у стойки. Но вдруг между двумя продольными морщинками у него на лбу возникло некое шевеление, кожа задрожала и начала раздвигаться. Медленно открылся третий глаз, провожая взглядом человека в коричневом костюме.

МИР БЕЗ ВОЗДУХА

Выглянув в узкое, покрытое изморозью окно и увидев накренившийся белый трактор, Джим Хардинг от ярости едва не раздробил зубами мундштук своей трубки. Шквал синего снега на мгновение спрятал трактор, но ветер внезапно стих. Буря постепенно ослабевала. Впрочем, затишье могло быть временным, потому что никто не мог точно предсказать погоду на планетоиде 31 — самом опасном плацдарме людей в Системе.

Трактор заполз в ангар, и спустя секунду замолк рев его двигателя. Облаченная в скафандр фигура появилась в овальной двери. Прозрачный полусферический шлем в миг покрылся синим налетом изморози, но Хардинг знал, что это вернулся его партнер Мэт Пендер, и не просто вернулся, а чтобы сообщить Джиму о неудаче. Это было видно по безнадежно опущенным плечам Пендера и по тому, как он шел, волоча ноги.

Худое, с грубыми чертами лицо Хардинга мгновенно побагровело и так же быстро стало мертвенно-бледным. Даже не взглянув еще раз в окно, он быстро прошел к оружейному шкафу и распахнул дверцу. Сильные руки сжали железной хваткой приклад электровинтовки.

© Перевод Н. Берденникова.

Мундштук в зубах затрещал. Хардинг горько усмехнулся и отбросил трубку в сторону. Уже несколько дней он не мог позволить себе роскошь курения. И все из-за того, что кислорода оставалось всего полбаллона, а транспорт снабжения запаздывал. Хардинг знал, что опоздание, конечно, не могло быть случайным. У Дейна, владельца «К-треста», синдиката, обеспечивающего снабжение кислородом, были особые причины вынудить его ждать, ибо на планетоиде 31 кислород означал жизнь.

Дейн... Хардинг стал разбирать электровинтовку. Мельчайшая частичка ржавчины или короткое замыкание сейчас могли иметь гибельные последствия. Он был настолько поглощен этим своим занятием, что почти не слышал, как с грохотом захлопнулась дверь ангара, а потом прозвучал зуммер. Это значило: в переходном шлюзе крохотного их домика кто-то есть. Когда раздался второй сигнал, Хардинг, зажав винтовку под мышкой, неохотно подал в шлюз немного кислорода. Потом он открыл входной клапан.

В домик, откашливаясь, ввалился Пендер. Его мясистое лицо было красным, а мокрые волосы кирпичного цвета прилипли ко лбу. Он открыл было рот, но, увидев, что Хардинг отвернулся, промолчал.

— Итак,— сказал Хардинг, смазывая спусковой механизм винтовки.— Не забыл о нашем уговоре?

Пендер, который был занят тем, что пытался расстегнуть скафандр, конечно, забыл. Он уставился широко открытыми глазами на партнера.

— Это убийство, Джим.

— Самозащита. Кроме того, я дал тебе шанс. Морз отказался поделиться кислородом, не так ли?

— Он... я не стал спрашивать. У него самого осталось несколько баллонов, и он должен думать о жене и детях, понимаешь...— Пендер явно чувствовал себя не в своей тарелке.— Может быть, кто-нибудь другой сможет...

Хардинг резко повернулся к нему, его темные глаза пылали яростью.

— Ты истратил достаточно кислорода и топлива на поездку на ферму Морза и отлично знаешь, что больше никого нет в радиусе восьмидесяти миль.— Он махнул рукой, увидев, что партнер пытается возразить.— Молчи, Мэт. У нас осталось всего полбаллона кислорода, но, когда придет транспорт снабжения, мы возьмем все, что нам нужно, и вовсе не по тем ценам, которые установил Дейн. Я дал тебе возможность разжиться кислородом у Морза, и что из этого вышло? Так что теперь держи!

Он сунул винтовку в безвольные руки Пендера.

— Мне понадобится твоя помощь, если Дейн, как всегда, пошлет банду головорезов. К счастью, у нас две винтовки.

Пендер отложил винтовку и медленно выбрался из скафандра. Он достал сигарету, нерешительно размял ее в пальцах и аккуратно убрал в пачку. Хардинг зло усмехнулся.

— Курить нельзя,— сказал он.— Воздух на исходе. Вот именно!

— Морз во всем согласен с тобой,— сказал Пендер.— Приготовил для людей из «К-треста» засаду. Сказал, что начнет стрелять без предупреждения... Он и в меня выстрелил по ошибке, но, к счастью, промахнулся.

— Морз — молодчина. Если бы все фермеры, выращивающие лекарственные растения в этом забытом богом мире, объединились, нам удалось бы сообща выступить против Дейна. А так он натравливает нас друг на друга и снижает расценки на кислород для тех ребят, которые ему не перечат. А соглашаться с Дейном — значит отдать ему половину фермы.

Пендер судорожно вздохнул и наклонился к окну.

— Пришел трактор снабжения,— сообщил он.— Красный, с эмблемой «К-треста». Джим...— Он резко обернулся.— Это будет хладнокровным убийством.

Хардинг лишь презрительно хмыкнул, потом встал, взял винтовку со стола и свирепо посмотрел на партнера.

— Послушай,— сказал он.— На тот случай, если ты не знаешь, как в действительности обстоят дела. Никто не способен прожить на этой планете без регулярной поставки «К-трестом» кислорода. Дейн постоянно повышает цены. Когда на прошлой неделе я ездил в его контору — проехал сто восемьдесят миль сквозь синюю бурю,— он заявил, что я должен платить на доллар больше за кубический фут. Я ответил «нет»!

— Конечно,— пробормотал Пендер.— Мы не зарабатываем столько денег, выращивая лекарственные растения.

— Да, выращивая лекарственные травы и растения, которые растут только на планетоиде Тридцать один. Дейн хочет получить монополию на сельское хозяйство. Он предложил выкупить нашу ферму, да еще эта проклятая девчонка ему подпевает.

— Я понимаю, она тебя раздражает,— заметил Пендер.

— Да. Называет себя его помощницей. Уж будь уверен, она вытрет ноги о любого фермера, если рядом не окажется подходящего половика. Ладно, трактор приехал. Помни, нам нужен этот кислород! — Хардинг сунул винтовку в огромные лапы Пендера и повернулся к окну.

Красный трактор остановился, и из него показалась фигура в скафандре. Сгибаясь под напором ветра, человек направился к дому. На некоторое время он исчез из виду, а через мгновение раздался зуммер. Выругавшись одними губами, Хардинг закачал воздух в шлюз и встал рядом с внутренней дверью.

— Наведи винтовку на дверь,— сказал он, взяв собственное оружие на изготовку.— Эти головорезы сначала стреляют, а потом думают.

Хардинг дернул рычаг, открыл входной клапан и вместе с Пендером выскочил в шлюз. И сразу же увидел направленный прямо в сердце убийственный электропистолет.

Только чудом он не нажал на спуск. Потом услышал, как Пендер хрюкнул от удивления, и только после этого понял, кем был его противник. Противником оказалась девушка в термокомбинезоне с откинутым капюшоном. Ее прелестное личико обрамляли вьющиеся каштановые волосы.

Именно эту девушку Хардинг видел на прошлой неделе в конторе Дейна. Но сейчас у нее в каждой руке было по пистолету.

В ее холодном взгляде не было ни на грамм удивления.

— Ребята, уберите оружие,— сказала она, чуть поморщившись.— Оно вам не поможет.

Хардинг стоял неподвижно. Взгляд его метнулся вниз, будто он что-то увидел на полу шлюза. Когда девушка входила в шлюз, ветром намело небольшой сугроб синего снега. Хардинг заметил, как на его поверхности вырос небольшой бугорок.

Он убрал палец со спускового устройства электровинтовки, и девушка одобрительно кивнула.

— Вот так. Спрячьте оружие, и мы сможем поговорить.

Что-то зашевелилось в сугробе у ее ног. Синие снежинки взлетели в воздух, и из-под снега, почуяв тепло, высунулась острая коричневая мордочка. Девушка машинально опустила взгляд, и в этот момент Хардинг прыгнул.

Он ударил винтовкой по тонким рукам девушки с такой силой, что электропистолеты вылетели из ее пальцев. Девушка, вскрикнув от боли, бросилась за оружи-

ем. Хардинг попытался ей помешать, но она отбивалась, как дикая кошка.

Наконец ему удалось прижать тяжело дышавшую и переставшую сопротивляться девушку к себе. Пендер поднял оружие и понес в дом.

Хардинг за руку потянул девушку за собой, она подчинилась. Усадив ее на стул, он улыбнулся.

— Спасен снежным ежом,— насмешливо произнес он.— Мне повезло, что эта тварь забежала в шлюз.

Девушка посмотрела на него ничего не понимающим взглядом, и Хардинг, наклонившись, поднял с пола небольшое мягкотелое существо, немного напоминавшее формой обыкновенного ежа, только вместо иголок его кожа была покрыта крупными порами. Животное, выбравшись из сугроба в шлюзе, тоже прокралось в комнату.

Хардинг хихикнул.

— Одно из немногих привезенных на Тридцать первый планетоид живых существ, которому удалось здесь выжить. Они живут на Венере, в насыщенной водородом атмосфере. Им удалось здесь акклиматизироваться, но зимой они впадают в спячку под снегом.

Он поместил снежного ежа на стол среди остатков ужина, и тот торопливо подбежал к стакану с водой и попытался в него забраться. Это сделать ему не удалось, стакан опрокинулся, но еж умудрился выпить всю пролившуюся воду.

Хардинг повернулся к девушке, и взгляд его стал жестким.

— Значит, вас послал Дейн? Кстати, кто вы такая?

— Меня зовут Сьюзен Дейн,— ответила девушка, не обращая внимания на удивленный свист Пендера.

— Только не говорите, что вы вышли замуж за этого скрягу,— сказал рыжеволосый великан.

— Фред Дейн — мой единокровный брат. А сюда я прилетела, чтобы помочь ему...

— Два надсмотрщика вместо одного,— резко произнес Хардинг.— Все понятно. Он решил, что мы не сделаем даме ничего плохого и легко согласимся заплатить. А может быть, он не захотел, чтобы пострадали его головорезы.

Сьюзен пожала плечами и попыталась закурить, но Хардинг мгновенно выбил сигарету у нее из губ.

— Нельзя тратить кислород... по крайней мере пока мы его не получим. Кстати, где он?

— На тракторе... который охраняет пара головорезов. Будет доставлен, как только вы заплатите за него. Цена вам известна.

Хардинг кивнул.

— Понятно. А теперь послушайте меня. У нас нет денег и есть всего полбаллона кислорода. Поэтому прикажите своим друзьям подъезжать, pronto*.

Он кивнул на стоявший в углу радиопередатчик.

— Не могу.

— О'кей. Тогда вы останетесь с нами, пока не доставят кислород.

Сьюзен, откинувшись на спинку стула, устроилась поудобнее.

— Я подумала и об этом. Понимаете, фермер, я немного психолог. Если я не вернусь через пять минут, трактор возвратится на базу. Ваша ферма — последняя на нашем маршруте.

Хардинг нахмурился.

— И вы хотите остаться здесь, хотя у нас всего полбаллона кислорода?

Девушка нетерпеливо топнула ногой.

— Вы не умеете блефовать. У вас есть деньги, и вы мне заплатите.— Она кивнула в сторону окна.— Видите? Трактор уже отъезжает.

---

* И поскорее *(ит.)*.

Она говорила правду. Красная громадина, раскачиваясь на сугробах, уже скрывалась за синей пеленой снега, и звук двигателя становился все тише.

— Итак? — спросила Сьюзен.— Мне приказать им вернуться? Или...

Хардинг не ответил. Он молча смотрел в окно. С неба падал нескончаемый синий снег. Начиналась буря. Если бы только существовал способ извлекать кислород из этого снега! Но электролиз здесь не происходил — еще одна причуда этого жестокого, всеми забытого мира.

Пендер встал и взволнованно заходил по комнате. Время шло. Наконец Сьюзен сказала:

— Советую принять решение, прежде чем трактор отъедет слишком далеко. Радио работает не очень-то надежно во время таких бурь.

Ей никто не ответил. Она сердито прикусила губу, потом вскочила, не зная, что делать. Никто не обращал на нее внимания.

— Будьте как дома,— язвительно предложил Хардинг.

Сьюзен поняла его слова буквально и принялась ходить по комнате, осматривая все попадающиеся на глаза предметы цепким взглядом. Наконец она удалилась в тракторный ангар, а когда оттуда вернулась, ее вид изменился.

— Хардинг?

— Да?

Он лениво повернулся к ней.

— Где ваш кислород?

— Там. В баллоне.

— А остальной?

— Это,— произнес он, с горечью выделяя второе слово,— *все,* что у нас есть. Больше нет ничего.

— Но у вас должен быть аварийный запас! Вы не могли совершить самоубийство, отпустив трактор!

В разговор вмешался Пендер.

— Леди, у нас кончился кислород, и почти кончились деньги. Джим не собирался вас обманывать.

— Он говорит правду? — Она впилась в Хардинга взглядом.— Да?

— Конечно. В следующий раз ваши приятели найдут нас здесь умершими от удушья и окоченевшими.

Девушка, поджав губы, решительно подошла к передатчику и щелкнула переключателем.

— Трактор три... вызывает Сьюзен Дейн... трактор три...

Раздался едва слышный из-за сильных помех голос:

— Мисс Дейн! Мы пытались связаться с вами! Вы нас слышите?

— Я... да. Что случилось?

— У нас авария...— Шум помех заглушил на некоторое время голос.— ...Утечка. Резьба сорвалась. Уходит кислород. Мы опасаемся, что он доберется до выхлопной трубы и воспламенится. Из-за бури нам никак не связаться с базой. Вы можете...

Сьюзен повернулась и посмотрела на Хардинга. Тот лишь покачал головой.

— Слишком далеко. Передатчик слабый. К тому же в синюю бурю...

Его прервал резкий крик из динамиков. Помехи ослабли, и в тихой комнате голос звучал на удивление отчетливо.

— Кислород воспламенился! Мы...

Раздался оглушительный взрыв, а после него из динамика доносился лишь шум помех. Сьюзен прикусила нижнюю губу. Ее рука машинально поднялась к горлу.

— О боже! — воскликнул Пендер.— Должно быть, у них взорвались баллоны!

— Как вы думаете,— спросила девушка напряженным голосом,— они могли остаться в живых?

— Вы провели слишком мало времени на планетоиде Тридцать один, сестренка,— резко ответил Хардинг.— Останки бедняг раскидало на много миль вокруг. Теперь всем нам конец!

Сьюзен повернулась к передатчику и стала отчаянно пытаться связаться с базой, которая находилась в ста восьмидесяти милях от них. Наконец она прекратила свои безнадежные попытки.

Хардинг наградил ее сардонической улыбкой.

— Жаль, что сам Дейн не оказался здесь вместо вас. Мне не дает покоя мысль, что эта крыса будет жить, а я сыграю в ящик.

К девушке, казалось, вернулось самообладание.

— Полбаллона кислорода... нам хватит, чтобы добраться до базы... Или нет?

— Только не в такую бурю,— ответил ей Пендер.— Дорога будет слишком тяжелой. Уйдет в два раза больше времени, чем в нормальных условиях. Если бы буря стихла, возможно, нам удалось бы... честно говоря, не знаю.

— А поблизости нет какой-нибудь фермы?

Рыжеволосый фермер кивнул.

— Есть, ферма Морза. Вы не завозили ему баллоны?

Сьюзен нахмурилась.

— Нет. Он связался с нами по радио. Сказал, что начнет стрелять, если мы подъедем слишком близко. Я ему не поверила, но он не врал. А еще он расставил мины.

— Я знаю,— сказал Пендер и обменялся мрачными взглядами с Хардингом.— Морз обложил всю ферму динамитными шашками. Он сказал, что, если бы я появился на несколько часов позже, все закончилось бы скверно. Он действительно приготовил засаду для транспорта «К-треста».

— Он сошел с ума! — воскликнула Сьюзен.

Хардинг хмыкнул.

— Конечно. У него есть жена и дети, а выращиванием лекарственных растений едва можно заработать на жизнь. Он знает, что произойдет, если он откажется платить по расценкам Дейна, вашим расценкам. Конечно, он сошел с ума, бедняга.

— Я испытываю больше сожаления к гремучим змеям,— в холодной ярости воскликнула девушка.— Все фермеры... подонки и ничтожества. Хардинг! Я готова заключить с вами сделку. Мне, так же как и вам, совсем не хочется умирать. Дайте мне ваш трактор, чтобы я смогла добраться до фермы Морза, и я гарантирую вам бесплатный кислород, пока вы остаетесь на планетоиде.

У Хардинга затуманились глаза, пока он обдумывал ее предложение.

— Не хотите умирать, да? Вам самой никогда не добраться до фермы Морза. Я отвезу вас туда, сестренка. Мэт! Залезай в скафандр.

— А? — Рыжеволосый гигант не мог понять, что происходит.

— Мы все уезжаем. У Морза хватит кислорода на неделю для всех, а как только буря стихнет, мы свяжемся с базой. Шевелитесь!

Все трое засуетились. Торопливо стали надевать термокостюмы с прозрачными шлемами. Хардинг задержался ненадолго, чтобы взять снежного ежа и вынести его через шлюз на улицу. Он долго рассматривал сугробы, пока не нашел испещренный бугорками участок твердого синеватого наста. Он опустил животное на снег, и оно немедленно принялось зарываться в него. При этом движения зверька становились все медленнее и медленнее.

Хардинг еще некоторое время смотрел на то место, где исчез в сугробе снежный еж. Странные существа. Этот еж собирался проспать целую зиму, а потом пере-

селиться со своими собратьями в огромные болота, протянувшиеся от подножий гор.

— Проклятый пожиратель водорода,— пробормотал он и поспешил к трактору.

Пендер уже погрузил в него драгоценный баллон с остатками кислорода. В тесном тракторе почти не было места, мало того, Хардинг, поднимаясь по лестнице в прозрачную башню, обратил внимание на то, что видимость из-за сплошной пелены снега была практически нулевой. Он с трудом пробрался на кресло водителя и осторожно тронул трактор с места, непрерывно переводя взгляд с компаса на бушующую снаружи синюю бурю. Было очень просто заехать в рытвину при таком обзоре.

Но путь, который предстояло пройти, Хардинг знал наизусть. Очень часто ему приходилось курсировать между фермой Морза и собственным домом. Если бы он знал так же хорошо дорогу до базы, возможно, им удалось бы добраться и туда, прежде чем кончится кислород. Впрочем, сделать это во время синей бури было невозможно. Морз был единственной их надеждой. И этот Морз установил вокруг своей фермы динамитные ловушки...

Хардинг вдруг понял, что думает о девушке. Высокомерной, самоуверенной, сующей нос не в свои дела. Очень далекой от своего единокровного брата, но весьма похожей на владельца «К-треста» по характеру. К сожалению, весьма похожей. Молодое лицо Хардинга было мрачным и холодным, как ледяной шторм за прозрачными стенками башни.

Он остановил трактор и спустился по лестнице из башни. Не говоря ни слова, он надел термокомбинезон и закачал немного кислорода в баллон на спине. Остальные наблюдали за ним со своих сидений.

— Что вы собираетесь делать? — спросила наконец Сьюзен.

— Пройти остаток пути пешком,— ответил, посмотрев на нее, Пендер.— Мы взлетим на воздух, если попытаемся подъехать ближе. А пешком можно добраться до фермы почти безопасно.

— О,— сказала Сьюзен, вспомнив о заложенных Морзом динамитных зарядах.

Хардинг кивнул своему партнеру, пристегнул прозрачный шлем, вошел в крошечный шлюз и закрыл за собой дверь. Он включил обогреватель комбинезона и почувствовал, как приятное тепло начало разливаться по коже. Из крошечного баллона в шлем поступал кислород. Хардинг открыл наружную дверь и тут же был ослеплен шквалом синего снега.

Он быстро шагнул на поверхность и тут же провалился по колено в снег, прежде чем нащупал достаточно прочный участок наста. В бледном свете видимость составляла всего каких-то несколько футов, но скоро должно было наступить затишье. Когда оно наступило, Хардинг направился к далеким приземистым постройкам фермы Морза.

Он подходил очень осторожно. Белый трактор скрылся из виду, стоило ему ненамного от него удалиться. Больше всего мешал ветер, он налетал неожиданными порывами и пару раз сбивал его с ног. Тем не менее он упрямо продвигался вперед, медленно, но неотвратимо приближаясь к ферме. Пелена снега на мгновение поднялась, и Хардинг услышал сквозь рев ветра тихий, но отчетливый выстрел. Почти одновременно что-то дернуло его за плечо. Еще один выстрел, и снег взлетел фонтанчиком у ног Хардинга.

Винтовка! Морз стрелял в незваного гостя, приняв его за человека из «К-треста». Возможно, он решил, что наймиты Дейна вернулись после первой неудачной попытки обхитрить его. Хардинг, упав лицом в снег, подумал, что в любом случае будет смертельным безумием попытаться подойти ближе.

Он прикрыл глаза, чтобы исчезла резь. На тракторе не было радио, скафандр тоже не был оборудован портативным устройством. Такие вещи стоили много денег, которых никогда не было у выращивавших лекарственные растения фермеров. Он попытался счистить наледь со шлема, но быстро понял тщетность своих попыток. Впрочем, Морз все равно не узнал бы его на таком расстоянии. Во время синей бури все выглядели одинаково. Хардинг ощутил боль в горле и быстро заморгал. Странно. Это было похоже на...

Кислородное голодание!

Тело его напряглось от мрачного предчувствия. Хардинг отвел руку назад и потряс баллон на спине. Тот был пуст. Ощупав скафандр, Хардинг обнаружил прореху на плече. Он вдруг понял, что вторая рука почти совсем онемела от страшного холода.

Этого нельзя было допустить! До тепла и кислорода было всего полмили — что до трактора, что до фермы Морза. Какая немыслимая ирония. Такого просто не могло быть...

Но факт оставался фактом, и кислородное голодание уже хватало Хардинга за горло!

Задыхаясь, он поднялся на колени. Буря надежно заслоняла его от глаз Морза, поэтому огня из винтовки можно было не опасаться. Однако ему грозила более страшная опасность. Хардинг уже не мог встать на ноги. Совершенно ослабев от недостатка кислорода, он снова упал на мягкий синий пушистый снег.

Левая рука совершенно потеряла чувствительность. Щупальца холода ползли от нее по телу, пытаясь добраться до самого сердца. Одновременно пальцы кислородного голодания хватали за пересохшее горло. Он чувствовал себя так, словно чьи-то руки сжимали железной хваткой его изнутри...

Хардинг пробовал дышать, но это было похоже на агонию удушья. Его губы расплылись в безумной гри-

масе нечеловеческих мук. Он пытался задерживать дыхание, а когда терпеть уже не хватало сил, облегчения не наступало. Подбиралась вызывающая тошноту кружащаяся чернота, которая пыталась обнять и успокоить, и он вдруг почувствовал страшную усталость.

Воздуха... ради бога, воздуха!

Он увидел бугорки на снегу, не понимая полностью их значения. Не соображая, что делает, он прополз несколько ярдов. Широко раскрытыми глазами Хардинг смотрел на множество то увеличивающихся, то уменьшающихся пузырьков на поверхности синего снега. Что они значили? Когда-то он знал... Сейчас это было не важно. Он испытывал почти наслаждение от разрывавшей тело боли. Резкая и сильная, она притупляла все остальные чувства. Он словно проваливался куда-то...

Бугорки на снегу. Снежные ежи. Маленькие животные с Венеры, которые жили на водороде. Снежный еж, выпивший воду из стакана...

Воздух!

Хардинг онемевшими пальцами принялся царапать застежки шлема. Ему частично удалось его снять. Лицо фермера словно охватили языки пламени. Парализующий холод... но сейчас и он не имел значения. Имел значение только воздух.

Он принялся рыть синий снег. Маленькие существа были совсем рядом. Хардинг нашел небольшую норку и почувствовал на лице самое прекрасное дуновение, какое только можно представить,— струю чистого кислорода. Он стал жадно хватать его ртом, зарываясь лицом в синий снег, чтобы набрать полные легкие живительного газа. Тело вновь стало наполняться энергией.

Но кислород скоро кончился. Он мог бы получить больше — был способ. Нужно было только вспомнить какой... Ну конечно, снежные ежи! Они жили на водороде. Они пили воду и усваивали водород, высвобождая кислород в качестве отхода. Огромные поры их кожи выде-

ляли кислород. А синий снег был водой, H_2O, хотя и не подверженной электролизу.

Но когда снежные ежи впадали в зимнюю спячку, метаболизм замедлялся, поэтому они не могли поглощать H_2O или выделять кислород. Попавший на ферму снежный еж пробудился под воздействием теплого воздуха. Тепло...

Хардинг включил обогреватель скафандра на полную мощность. Он не знал, насколько хватит питания, но необходимо было рискнуть. Он взял в охапку снежных ежей вместе с синим снегом, прижал зверьков к груди и постарался опустить шлем так, чтобы он закрывал верхнюю часть лица. Ежи тут же проснулись и начали копошиться. Первая порция выделенного ими кислорода попала в шлем, и изголодавшиеся легкие Хардинга жадно втянули живительный газ.

Он пошатываясь поднялся на ноги, все еще прижимая к груди благодатную ношу. Тепло привело животных в состояние вялой активности, ускорило метаболизм, и ежи принялись жадно пожирать синий снег. Кислород, который являлся для них продуктом жизнедеятельности, выделялся по мере поглощения синего снега, и большая часть этого кислорода попадала в шлем Хардинга. Он некоторое время не двигался с места, чтобы надышаться, потом пошел вниз по склону. Не было смысла идти к ферме Морза.

Скоро показался белый, увенчанный шапкой синего снега трактор. Облегченно вздохнув, Хардинг поднялся в шлюз и закрыл за собой дверь. Окоченевшими пальцами нашел кнопку зуммера. Пендер, вероятно, уже поджидал его, потому что в шлюз с шипением сразу начал поступать кислород.

Открылась дверь в тракторную кабину. Хардинг ввалился внутрь, споткнулся о порог и выронил ежей на пол. Животные совсем ожили и начали извиваться. Лицо Хардинга напоминало страшную маску.

Пендер подхватил компаньона под руки.

— Джим! Что с тобой случилось?

— Ничего,— прохрипел Хардинг, срывая с себя термокомбинезон.— Быстро принеси мне другой скафандр! И лопату!

Он вытащил из угла достаточно объемистый деревянный ящик и высыпал его содержимое на пол.

Пендер с открытым от удивления ртом принес скафандр и лопату. Хардинг быстро оделся, с довольным видом кивнул и закачал в расходный баллон немного кислорода.

— Скоро вернусь,— пообещал он и ушел, прихватив с собой лопату и ящик.

Хардинг не стал уходить далеко, просто начал копать синий снег и скоро нашел то, что искал. Потом он еще яростней заработал лопатой, пока не расчистил участок почвы, поросший остроконечными растениями. Они немного напоминали кактусы, только листья были острые и треугольной формы. Именно за мясистые листья местные фермеры прозвали эти растения «картофелем фри».

Хардинг аккуратно выкопал несколько растений, потом заполнил деревянный ящик почвой. Это было весьма непростым занятием даже при условии, что «картофель фри» не давал грунту замерзнуть до каменного состояния. Затем он вернулся со своей тяжелой ношей в машину, пытаясь сохранять мрачное выражение на лице, хотя ему хотелось хохотать от радости. В кабине он сорвал с себя скафандр и бросил его Сьюзен.

— Одевайтесь, быстро! — приказал он и добавил, увидев, что она не торопится: — Делайте, что вам говорят!

Девушка, плотно сжав губы, молча подчинилась. Хардинг показал на шлюз.

— Выходите. Кислорода хватит минут на десять. Оставайтесь рядом с трактором. Когда время истечет, возвращайтесь.

— Н-но...

— Никаких вопросов!

Хардинга невозможно было ослушаться. Он подождал, пока девушка не выйдет и не захлопнется наружная дверь, потом повернулся к Пендеру.

— Вперед, приятель! Нужно работать быстро. У меня есть идея, которая поможет уничтожить Дейна вместе с его «К-трестом».

Рыжеволосый гигант уставился на него.

— Джим, ты совсем рехнулся?

Хардинг вырывал обогреватель из порванного пулей Морза скафандра.

— Клянусь — нет. Заткнись и помогай мне, пока дамочка не вернулась. Я ей не доверяю, и она может сорвать все представление, если узнает, чем мы занимаемся.

Он склонился над ящиком и зарыл обогреватель в землю так, чтобы его не было видно. Кнопку включения при этом он расположил в углу ящика и лишь слегка припорошил грунтом, чтобы ее можно было привести в действие легким нажатием. Потом Хардинг принялся по одному зарывать в почву снежных ежей. Они немного сопротивлялись, но скоро, свернувшись в клубочки, впали в сонное оцепенение. Хардинг присыпал их грунтом и посадил сверху «картофель фри», при этом его остроконечные листья полностью закрывали насыпанный в ящик грунт.

— Что ты сказал? — спросил он, догадавшись, что Пендер задал вопрос.

— Девушка. Послушай, мы ее не так поняли. Этот негодяй братец постоянно обманывал ее. Она совсем недавно появилась на планетоиде, и Дейн заставил Сьюзен поверить в то, что местные фермеры — самые гнусные подонки в Системе. Она расспросила меня о Морзе и его семье. Понимаешь, она вполне нормальная девчонка. Теперь она знает, что здесь происходит на самом деле, и целиком на нашей стороне.

— Да?

— Конечно. Мы в ней ошибались.

Хардинг кивнул на шлюз.

— Вот и она. Впусти ее. Но держи рот на замке. Я все равно ей не доверяю — слишком умная штучка. Впусти ее, Мэт. Буря стихает, и нам пора ехать на базу «К-треста». Давай шевелись!

Удача сопутствовала фермерам. Сначала буря превратилась в скоротечные шквалы, а через час стихла совсем, и трактор весело пополз по поверхности планетоида к пустому горизонту. Скоро стемнело, но мощные фары предупреждали водителя о появлении на пути глубоких рытвин или крупных камней.

Ночь едва наступила, когда они подъехали к базе «К-треста» — группе добротных герметичных жилищ, находившихся под охраной небольшой крепости, которая служила одновременно хранилищем кислорода. Трактор вполз в ангар и остановился. Ворота опустились, и зашипели клапаны, накачивая в ангар воздух.

Перед тем как покинуть трактор, Хардинг взял с собой банку с солью и сунул ее в карман. Затем, прихватив ящик с растениями, он вышел из трактора. Пендер и Сьюзен последовали за ним. Девушка, пока они ехали сюда, была молчаливой и задумчивой. Хардинг заметил это, ненавязчиво подглядывая за ней. Жаль, что она была одной из служащих треста, в других обстоятельствах в нее запросто можно было влюбиться. Впрочем, какого дьявола...

Хардинг передал ящик Пендеру и опустил взгляд на электропистолет Сьюзен у себя за ремнем. Пройдя через ряд шлюзов, они оказались в офисе «Кислородного треста» — хорошо обставленном уютном помещении, в центре которого стоял большой письменный стол, а у стены еще один, поменьше.

За большим столом восседал Фред Дейн. Легкая улыбка играла на его губах, а чисто выбритое лицо и одежда из легкой светлой ткани контрастировали с обветренными лицами и поношенными комбинезонами ввалившихся в помещение фермеров.

— Поставь ящик на стол, Мэт,— сказал Хардинг.

Дейн удивленно поднял брови, когда грязный ящик с грохотом опустился на полированное красное дерево.

— Что это, Хардинг? — тихо спросил владелец «Кислородного треста».

— Что видишь,— ответил Хардинг.— Я нашел способ уничтожить тебя, Дейн. Ты нажил немало денег на своей монополии на кислород. Теперь с этим покончено. Тебе конец, но я решил дать тебе шанс передать «К-трест» в коллективное управление фермеров Тридцать первого планетоида.

— И фермеры не собираются заплатить мне хотя бы цент за мое скромное предприятие? — На лице Дейна по-прежнему играла удивленная улыбка.

— Дадим целый доллар. Один доллар, чтобы сделка была законной.

Сидевший за столом мужчина посмотрел на Сьюзен, потом на Хардинга.

— Если есть что сказать, говори, иначе — проваливай.

— Хорошо! У тебя монополия на кислород. Верно? Ты делаешь на этом деньги, потому что фермерам взять его больше негде. Снова правильно. А теперь предположим, что я нашел дешевый способ получения кислорода, такой дешевый, что каждый фермер сможет использовать его, вместо того чтобы покупать кислород у тебя.

Выражение лица Дейна изменилось, его взгляд упал на ящик с растениями.

Хардинг опустил руку в грунт и едва слышным щелчком нажал кнопку включения нагревателя. Потом достал из кармана банку с солью.

— Все дело в этом, Дейн. Ответ был у нас под носом, но до сих пор мы не могли догадаться. «Картофель фри», обычные сорняки, которыми заросла вся планета.

— К чему ты клонишь? — тихо спросил владелец «Кислородного треста».

Хардинг посыпал солью «картофель фри».

— Понюхай!

Дейн наклонился над столом и втянул носом воздух, на мгновение маска безразличия спала с его лица.

— Кислород? Но как... дай мне банку!

Он выхватил банку из руки фермера и попробовал белые кристаллы на вкус.

— Хлорид натрия,— подтвердил его догадку Хардинг.— В болотах целые кучи этого вещества, не говоря уже о соляных копях. Чтобы получить кислород, фермерам нужно только разводить «картофель фри» и иметь запас соли. Итак...— Его глаза сверкнули.— Советую тебе подписать контракт о передаче прав на «К-трест».

Дейн откинулся на спинку кресла, переплетя пальцы.

— А если не подпишу?

Хардинг почувствовал, что почва уходит у него из-под ног, но постарался сохранить невозмутимый вид.

— Хорошо. Оставайся здесь. Ты сам знаешь, как сильно тебя любят фермеры. Сейчас они не смеют пошевелить и пальцем, потому что ты держишь их за горло благодаря монополии. На когда у нас на Тридцать первом будет бесплатный кислород и фермеры смогут обойтись без тебя... Ты помнишь Морза, Дейн? А Андреассона, у которого сестра умерла от кислородного голодания, когда его не было дома? Неужели ты считаешь, что твои парни смогут помешать этим людям схватить тебя за горло?

В течение целой минуты в комнате царила гробовая тишина. Потом Дейн спросил:

— Зачем вам нужен «К-трест»?

— У тебя хорошие постройки. Прочные. База очень удачно расположена. На ней есть все необходимое, и, думаю, мы сможем разместить здесь штаб новой ассоциации фермеров.

Лицо Дейна покраснело — в воздухе было слишком много кислорода. Возможно, именно это подтолкнуло его принять предложение. Не говоря ни слова, он взял лист бумаги, ручку и составил контракт.

Он подписал его, вслед за ним контракт подписали Хардинг и Пендер, потом Хардинг бросил на стол доллар.

— О'кей,— сказал он, пряча документ в карман.— Даю тебе неделю на сборы. На твоем месте я уехал бы отсюда подальше.

Не дожидаясь ответа, он взял со стола ящик с растениями и направился к двери. Не стоило оставлять ящик здесь — Дейн мог обнаружить в нем снежных ежей, которых тепло заставило пробудиться и начать выделять кислород.

— Подожди, Хардинг,— вдруг сказал бывший владелец треста, вставая из-за стола.

Хардинг, все еще с ящиком в руках, обернулся и почувствовал, как напрягся стоявший рядом Пендер. У Дейна в руке был электроматический пистолет, наведенный прямо на него.

Коротко вскрикнув, Сьюзен бросилась к своему столу. Хардинг даже не взглянул на нее. Он думал о том, стоит ли ему бросить ящик на пол и попытаться выхватить собственное оружие. Пендер, к несчастью, не был вооружен.

— Вероятно, только вы двое знаете об этом открытии,— сказал Дейн.— Возможно, я ошибаюсь, но, думаю, стоит рискнуть. Если вы умрете...

Взгляд Дейна изменился. Хардинг увидел, как напрягся на спусковом крючке его палец, и собрал все силы, чтобы совершить обреченный на провал прыжок в сто-

рону. Он знал, что в этом не было ни малейшего смысла — Дейн был превосходным стрелком. Через долю секунды пистолет...

Бах! Грохот выстрела был оглушительным в замкнутом помещении офиса. Хардинг почти почувствовал удар электрического разряда, но в следующее мгновение с удивлением увидел, как Дейн попятился назад, размахивая превратившейся в раскаленный уголь ладонью. Его пистолет лежал на полу, превратившись в лужицу расплавленного металла.

Хардинг перевел взгляд на Сьюзен. Ящик ее стола был выдвинут, а в руке она держала еще дрожащий после мощного выстрела электропистолет.

— Я же говорил, что она на нашей стороне,— едва слышно произнес Пендер.

— Он прав,— дрожащим голосом подтвердила Сьюзен и, лишившись чувств, тихо осела на пол.

Хардинг опустил ящик с растениями и показал большим пальцем на стонущего, склонившегося над столом Дейна.

— Мэт, позаботься о нем. Забинтуй руку. Он должен улететь на следующем космическом лайнере. А я займусь своей невестой.

У рыжеволосого гиганта глаза полезли на лоб.

— *Что?* Невестой?

Хардинг усмехнулся, поднимая с пола бесчувственную девушку.

— Конечно. Она еще не знает об этом, но дай ей время, приятель! Дай ей время!

НИТОЧКА В БУДУЩЕЕ

«Прием. Начальные процедуры выполнены. Я успешно включился в социальную структуру».

«Хорошо. Связь установлена. Корис, тебе периодически будут поступать директивы и руководства...»

Зазвенел телефон. Флетчер поплотнее закрыл глаза и сделал вид, что ничего не слышит. Он пытался вернуть приятный сон, но настойчивый звон все не прекращался. В полусне время будто бы растянулось, и Флетчеру казалось, что между звонками были долгие минуты покоя. А потом вновь: дзинь!

Наконец он выполз из постели, на ощупь прошел через комнату и после короткой заминки у двери добрался до телефона. Он поднял трубку и пробормотал что-то нечленораздельное.

— Корис,— раздалось в телефоне,— это ты?

— Вы ошиблись номером,— раздосадованно буркнул Флетчер.

Но не успел он бросить трубку, как голос снова заговорил:

— Хорошо. Мне не сразу удалось наладить связь. Прошла временна́я буря — по крайней мере, мы так ду-

---

© Перевод О. Зверевой.

маем, однако возможно, что во всем виновато смещение крибов. Ты же знаешь, как тяжело поддерживать связь — почему ты так долго не отвечал?

В трубке надолго повисла тишина. Флетчер тупо покачивался с пятки на носок, ничего не соображая спросонок, слишком сонный даже для того, чтобы отодвинуть трубку от уха.

Голос снова заговорил:

— Плохая связь, да? Странно. Теперь-то хоть слышишь? Итак, тебе пора начинать делать заметки к диссертации. Вот тебе указание: купи «Трансстил», через два дня продай. Это обеспечит тебя деньгами на текущие расходы.

Тишина. И снова:

— Так. И помни о скромности. Старайся по возможности не фелкать соркинов.

На другом конце провода повисло долгое молчание. Флетчер проворчал что-то о неуместности шуток, повесил трубку и направился к кровати. Ему снилось, как он фелкает соркинов. Соркины напоминали соленые огурцы с голубыми глазами и в ярких красных кафтанчиках. Потом он увидел перемещение крибов — больших пауков, которые носились по берегу, как стайка леммингов...

Флетчер проснулся. Голова раскалывалась, будто с похмелья. Проклиная разыгравшееся воображение, он пошел в ванную — холодный душ наверняка взбодрит его. Он побрился, наскоро сообразил завтрак и открыл свежую газету. Акции «Трансстил», отметил он, шли по двадцать восемь с четвертью.

Флетчер отправился на работу в свое рекламное агентство и сделал несколько никуда не годных макетов. Однако потом удача все же улыбнулась ему: он договорился о свидании с Синтией Дейл, которая писала слоганы для одежды и парфюмерии. Рыжеволосая кра-

сотка Синтия обладала страстью к дорогим вещам и поразительной устойчивостью к выпивке. После работы они решили вместе пообедать, чему Флетчер был несказанно рад. За вечер его головная боль поутихла, к тому же Синтия держалась более раскованно, чем обычно. На следующее утро Флетчер лениво валялся в постели и вспоминал головку Синтии на своем плече и ее хрипловатый голос, подбирающий синонимы к слову «ароматный».

— Благоуханный,— предложил Флетчер.

— Заткнись, Джерри. Я почти нашла нужное слово...

— Я тоже.— Флетчер поднял бокал.— Обалденный.

Телефон зазвонил только в восемь. К этому времени Флетчер уже допивал кофе, старательно избегая резких движений. Его голова была набита заплесневелым сеном: он ощущал его привкус, оно заполняло всю черепную коробку, и это было отвратительно. От резкой телефонной трели перед глазами Флетчера заплясали цветные пятна.

Он поднял трубку.

— М-м-м, да...

— Доброе утро, Корис,— весело сказал голос.— Правда, тут еще ночь. Купил акции «Трансстил»?

— Что за дурные шутки? — вскипел Флетчер.— Я не...

— Тогда продай их завтра,— заявил голос.— По сто семь. Как тебе люди?

— Ненавижу людей,— отрезал Флетчер, но, похоже, на том конце провода ничего не услышали.

— Насморк в те времена — обычное дело. Если бы мы могли перемещать тела целиком, то заранее позаботились бы о прививках. Но тебе придется обходиться тем организмом, что имеется... Хотя вообще-то мы используем вполне здоровых особей. Если бы ты изучал медицину, мы бы отобрали для тебя больного, но раз ты занимаешься социально-экономическими вопросами...

Флетчер нажал на рычаг, однако связь не оборвалась.

— ...Избавься от этого,— жизнерадостно щебетал голос.— От насморка и всяких мелких недомоганий есть одно простое средство. Немного хлорида натрия, щепотка пищевой соды...— Он назвал еще несколько составляющих.— Это поможет. До свидания, и удачи тебе.

— Гхм,— буркнул Флетчер.

Если так будет продолжаться и дальше, решил он, придется пожаловаться в телефонную компанию. Каждое утро выслушивать какого-то психа — перспектива не очень-то радужная. Даже когда голова не раскалывается от похмелья. Вспомнив об Армагеддоне под черепом, Флетчер отправился на кухню выпить томатного сока. Сока в холодильнике не оказалось ни капли. Резко распрямившись, Флетчер испытал приступ головокружения и тошноты. Это смещались крибы. По крайней мере, судя по ощущениям.

Он поднял солонку и уставился на нее. Хлорид натрия. Что там посоветовал этот чертов голос? Насморк... Нет, Флетчер не был простужен, просто у него раскалывалась голова, ломило все тело и на душе было тоскливо. Может, эта смесь его все-таки не убьет...

Флетчер страдал легкой ипохондрией — возможно, виной тому были мигрени, которые мучили его все чаще. По этой причине он просто не мог удержаться, чтобы не попробовать новое целебное средство. Все составляющие были под рукой, но он никогда раньше не слышал, чтобы их смешивали. Микстура оказалась зеленой, шипучей и мерзкой на вкус. Но Флетчер все равно выпил ее, надеясь, что она остановит крибов.

Через десять секунд он поставил стакан и уставился в пустоту. Осторожно помотал головой...

Крибы исчезли.

Невероятно. Как можно мгновенно вылечить такое глобальное похмелье?

Но тошноты больше не было, равно как головной боли и ломоты в суставах. Флетчеру стало хорошо.

— Будь я проклят,— прошептал он, схватил бумагу и карандаш и на всякий случай, чтобы не забыть, записал состав спасительного средства.

Он протянул руку и глазам своим не поверил: она не тряслась.

Незнакомец помог.

В офисе никто не признавался, что звонил утром Джерри Флетчеру. Телефонный благодетель вроде был мужчиной, но, возможно, Флетчер просто не узнал спросонок хриплый голос Синтии? Он спросил ее про лекарство. Она все отрицала и вообще была не в духе. Если бы Синтия знала чудо-средство от похмелья, то наверняка чувствовала бы себя куда лучше.

У него на столе лежала газета, которую Флетчер прихватил с собой по дороге в кабинет. Его интересовали финансовые новости. Но акции «Трансстил» упали на три с четвертью и сейчас шли по двадцать пять. В новостях не было ничего такого, чтобы можно было ожидать резких перемен в спросе и предложении, которые за одну ночь поднимут цену до ста семи. Флетчер пожал плечами, решив не отказываться от подарка судьбы, и засел за презентацию печенья.

На следующее утро телефон зазвонил опять.

— Привет, Корис. Не забудь о «Трансстил», до полудня акции упадут.

— Вы меня слышите? — спросил Флетчер.

— Ну, в твоем собственном доме — только никому не говори. Это опасно, если выпустить из-под контроля. Но я считаю, так будет только честно: какого черта ты должен терпеть неудобства? Это же полевая практика, а не вступительный экзамен.

— Эй, ты, как там тебя... Корис?..

— Итак, я диктую уравнение.

Флетчер потянулся за карандашом и стал торопливо конспектировать все, что говорил голос. Некоторых технических терминов он не знал, поэтому записал их, как расслышал. Математические символы отнюдь не были его коньком.

— Все в полном порядке,— весело заявил голос.— Жду от тебя интересной диссертации, когда вернешься. Не забывай о соркинах, парень.

В трубке засмеялись, потом что-то щелкнуло. Флетчер немного подождал, повесил трубку и принялся грызть ноготь.

Затем он позвонил в телефонную компанию, пытаясь выяснить, что происходит. Ему пообещали, что проверят. Флетчер подозревал, что они ничего не обнаружат. Выражение «полевая практика» направило его мысли в другое русло. Он перечитал уравнение — безрезультатно, ни проблеска понимания. Может быть...

Он машинально оделся, выхлебал кофе и отправился на работу. В обед он договорился встретиться с доктором Сотелем, инженером, который работал в крупной коммерческой компании, сотрудничающей с рекламным агентством. Сотель был худощавым седым мужчиной с проницательными голубыми глазами.

— Откуда у вас это? — поинтересовался он.

— Я бы предпочел пока об этом умолчать. Мне просто любопытно.

Сотель посмотрел на формулу.

— Но это невозможно! Вы не могли... нет, точно не могли!

Он стал рассказывать что-то о периоде полураспада и свойствах сплавов, но для Флетчера его профессиональный жаргон был совершенно непонятен.

— То есть такая формула существует?

— Нет. По крайней мере... Давайте я лучше возьму ее с собой. Хочу свериться со справочниками. Может, там отыщется что-нибудь подходящее.

— Перепишите ее,— предложил Флетчер, что Сотель и сделал.

На этом обсуждение и завершилось.

Газеты писали, что акции «Трансстил» поднялись до двадцати семи с половиной. Однако это не меняло дела. Флетчер пожал плечами, договорился с Синтией о свидании и думать забыл обо всех этих странностях, пока незадолго до рассвета не вернулся домой. Он сильно набрался, но чудодейственное средство мгновенно привело его в норму. Раздеваясь, он включил радио.

— ...Дом доктора Эндрю Сотеля, ученого-химика. Здание полностью разрушено взрывом. Все члены семьи погибли...

Флетчер потянулся к выключателю и заставил радио замолкнуть, а затем сел и уставился в пустоту. Так он и сидел, пока не зазвонил телефон.

Голос казался слегка напряженным:

— У меня мало времени. Даки в беде. Я знал, что так и будет, когда он провалил курс психической адаптации... Что? Ну конечно, фелкал соркинов! Надо бы и в самом деле позволить сжечь его на костре, если только он все же не решит специализироваться на испанской инквизиции. А можно просто перенести его в наше время, но тогда не видать ему приличной оценки как своих ушей. Если придумаю, как помочь ему другим способом, я помогу.

Тишина. Флетчер ждал, обливаясь холодным потом.

— Не важно, нет. Как там «Трансстил»? Ну, пятнадцать тысяч долларов — отнюдь не плохо по тем временам. Что?.. Ставки на выборах. Да. Социальный феномен тех лет. Подожди-ка, у меня с собой справочник... Следующим президентом станет Браунинг. Только постарайся не выиграть все пари. Ты же не хочешь привлечь слишком пристальное внимание, верно? И помни, твоя оценка будет зависеть от того, насколько ненавязчиво ты впишешься в тогдашнюю жизнь.

Пауза.

— Экстравагантность в ту эпоху только приветствовалась. Ты можешь проиграть пари, просто для страховки...— Снова тишина, а потом смех.— Хорошо. Забавная будет картина, если ты въедешь на лошади в вестибюль «Уолдорф-Астории». Продолжай работу, тебе надо изучить все чудаковатости, характерные для этого периода, и тебе еще повезло с темой. Вот если бы ты как-нибудь провел пару дней в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году и исследовал помешательство леммингов — массовые самоубийства вроде плясовых маний в средние века. Так что вперед, делай ставку.

Флетчер облизал губы. Головная боль понемногу возвращалась. Когда через некоторое время голос снова зазвучал, было ясно, что собеседники сменили тему.

— Хорошо. Эмбрион-Корис быстро растет. Через два месяца он станет жизнеспособным. Как-нибудь найди время встретиться с его матерью. Она приходила в инкубатор каждую неделю, пока ее не отправили изучать погоду на полюсе. Но у меня правда нет времени, Корис,— нужно позаботиться о Даки. Удачи тебе, парень.

Щелк.

Флетчер пошел на кухню, отыскал бутылку дешевого виски и жадно припал к ней губами. Он наклонился и медленно провел рукой по прохладной зеленой плитке за кухонной раковиной. Поверхность была твердой и знакомой. Почему-то от этого стало еще хуже. Ведь когда случается землетрясение, ожидаешь чего-то необычного. А не твердой почвы под ногами.

Президент Браунинг!..

Пятнадцать штук за акции «Трансстил»!..

Где же этот Корис... и когда?

Когда Флетчер добрался до работы, он все еще был слегка пьян, однако прибегать к помощи таинственного лекарства не хотелось. Алкоголь помог ему отгородить-

ся от стресса. Он занялся макетами, но почти ничего не сделал. Время незаметно пролетело мимо. Наконец в кабинет, на ходу надевая нелепую маленькую шляпку, зашла Синтия Дейл и с удивлением воззрилась на Флетчера.

— Джерри, ты работаешь как вол. Домой не собираешься?

— Не могу. Я фелкал соркинов.

— А ты их содовой разбавь,— предложила Синтия.

Он хлопнул руками о стол и осоловело воззрился на нее.

— Содовой нету. У меня в ящике бутылка... Выпьешь?

— Чистого виски? Нет уж, спасибочки.

— Тогда выходи за меня. Мы сможем вместе навещать эмбрион-Флетчера каждое воскресенье.

— Так, я все поняла.

Синтия безапелляционно вытащила Флетчера из кресла, надела на него шляпу и поволокла к лифту.

— Тебе нужно что-то по-настоящему действенное. Выбирай между выпивкой и турецкой баней. Если выберешь баню, лишишься моего общества.

— Видишь ли...— с трудом подбирая слова, начал Флетчер. Губы его замерзли, язык еле шевелился.— Доктор Сотель взорвался. И вся его семья тоже. Мертвей мертвых. А у меня в кармане формула. Я убийца.

Он продолжал распространяться на эту тему за большой порцией виски. Опытный в таких делах бармен подал к выпивке палочку лакрицы, и в голове у Флетчера прояснилось. Синтия выплыла из туманной дымки и снова стала собой — милой и невозмутимой девушкой.

— Так что я сегодня еще раз позвонил в телефонную компанию,— объяснял Флетчер.— Там сказали, все в порядке. По крайней мере, они не смогли обнаружить ничего такого.

— Значит, это розыгрыш.

— Доктор Сотель, если бы его удалось собрать из кусочков, с тобой бы не согласился.— Флетчер прикурил сигарету и той же спичкой поджег клочок бумаги, где была записана формула.— Это уравнение... Я боюсь хранить его. Голос сказал, что оно может быть небезопасно, если выпустить его из-под контроля, но он так и не объяснил, как его контролировать.

— Он?

— Ну да. Этакий коротышка с огромной, как арбуз, головой. Из будущего. Я все понял. Это профессор, и он посылает студентов в прошлое на практику.

— Ага, и снабжает их переносным телефоном.

— Нет, обычным телефоном. Им надо держать все в секрете. Так что они тайком подсоединяются к нашим телефонным линиям — логично? Вызов попадает точно к адресату. Но крибы сместились. И каким-то образом провода пересеклись. Теперь я могу слышать часть разговора. Голос. Но я не слышу Кориса.

— Ты напился. Не верю ни единому слову,— заявила Синтия, однако в глазах ее промелькнуло беспокойство.

— Корис,— продолжал Флетчер,— живет в том времени, когда некто Браунинг стремится стать президентом. И этот Браунинг будет президентом. Отсюда и нестыковка с «Трансстил». Корис сейчас в нашем будущем. Не знаю в каком. В шестидесятых годах, в семидесятых, может, еще позже. Ты знаешь политика по имени Браунинг?

— Я знаю поэта по имени Браунинг. Но он жил в прошлом.

— Да. Он рисовал герцогинь... Так что же мне делать?

— Сменить номер.

— Может... Слушай, Синтия, мне страшно делать что-либо и страшно ничего не делать. У меня прямая связь

с будущим. Никогда раньше такого не случалось. Это таит в себе чудесные возможности. Я мог бы заработать миллион баксов, написать книгу или еще что-нибудь в таком духе.

— Запатентуй свое чудо-средство от похмелья.

— Но возможности ограничены. Я не могу задавать вопросы, только слышу Голос. И не могу обнаружить Кориса, потому что он тоже в будущем. Будь я трезвым, я бы так не рассуждал — мешал бы скептицизм. Но почему мне не верить в Кориса и Голос? Ведь могу же я, например, видеть, что вот там, на потолке, отклеились обои.

— Это субъективно,— заметила Синтия.

— Но что же мне делать?

Девушка покрутила в руках бокал.

— Если бы я тебе верила — а я, разумеется, не верю,— то упомянула бы о последствиях, которые логически вытекают из того, что ты рассказал. Как копирайтер, я знаю правила эффектных и неотвратимых развязок. Возможно, Голос узнает, что ты подслушиваешь, и заставит трубку забиться тебе в горло и задушить тебя.

— Ох! — скривился Флетчер.

— А еще он может послать Кориса убить тебя... или эмбрион-Кориса.

— Но я ничего не сделал!

— Ну...— протянула Синтия.— Есть еще один вариант. В тысяча девятьсот шестидесятом Голос позвонит тебе, а Корис — это твое будущее имя.

— Ненавижу парадоксы,— решительно заявил Флетчер.— Это не бред. К сожалению. Тогда бы я знал, как поступить. Но в жизни просто идешь на ощупь и не можешь ни в чем быть уверенным. У меня нет оборудования, чтобы подслушивать телефонные звонки из будущего.

Глаза Синтии загорелись.

— А может, ты и есть Корис — просто ты потерял память! И Голос действительно обращается к тебе, хотя ты этого и не знаешь.

— Успокойся. Прекрати. Завтра утром мне снова позвонят...

— Не бери трубку.

— Ха! — презрительно фыркнул Флетчер, и разговор на некоторое время застопорился.

— Видишь ли,— снова начал он,— я так понимаю, мы исходим из того, что будущее вполне определено, хотя бы теоретически. Мы предполагаем, что в будущем будут всякие супермашины, но понимаем, что появятся они не вдруг. И, сталкиваясь с проявлением будущего, мы шарахаемся от него.

— Ты боишься?

— Очень боюсь,— признался Флетчер.— Соблазн слишком велик. Я могу подслушать какое-нибудь уравнение, опробовать его на практике и превратиться в каплю протоплазмы. Тут чересчур много неизвестных. И я не собираюсь рисковать жизнью.

— И?

— Я не хочу совать свой нос куда не следует, и только. Золото маленького народца! — Он криво усмехнулся.— Знаю я, до чего доводит такая пожива. Но есть еще один выход. Я не буду принимать ничего из предложенного ими. Я не буду мошенничать. Только слушать. В этом нет ничего плохого.

— Они могут упомянуть твою смерть.

— Я знаю, что когда-нибудь умру. Я готов к этому. Смерть, как и налоги, нельзя предугадать, существование одного препятствует другому — pro tem*. Пока я буду просто слушать, пока не буду пытаться завоевать мир или создать смертельные лучи, все в порядке.

---

* Pro tem *(лат.)* — временно.

— Мне это напоминает старую сказку о парне, который в Хэллоуин решил срезать путь и пройти через зачарованный лес,— сообщила Синтия.— Он думал, что никогда не грешил и черти не поймают его просто потому, что он идет по лесу,— ведь это было бы нечестно.

— Ну и?

— А потом голос за его спиной сказал: «Это и правда нечестно»,— мило улыбнулась Синтия.— И все.

— Я ничем не рискую,— заявил Флетчер.

— А я не верю ни единому твоему слову. Но в любом случае, это свежо. Расплатись за виски и пошли куда-нибудь поедим.

Флетчер полез за кошельком.

Он стал осторожен. Не воспроизводил формул и не выполнял инструкций Голоса для Кориса. Где-то, в туманной бездне будущего, Голос жил в своем невообразимом мире и рассматривал карты времени, как сейчас люди сверяются с атласами. Там были и пробирочные дети, и какой-то немыслимый университет, и метеостанция на одном из полюсов. А Даки спасли от инквизиции с помощью чего-то, что Голос мимоходом назвал йофлисом. «Йофлис — это силфой наоборот,— подумал Флетчер.— Это животное, растение или минерал? Да какая разница!»

Интерес Флетчера к утренним звонкам стал чисто научным. Он больше не хотел заполучить что-то для себя лично. У него камень с души свалился, когда он понял, что не собирается красть ничего из будущего и повторять роковую ошибку бедняги Сотеля. Правда, были некоторые сомнения по поводу лекарства от похмелья. Оно казалось вполне безвредным, но какое воздействие оно может оказать на живущих сейчас людей? Ведь если дать им чудодейственное средство, они перестанут задумываться о последствиях. В результате Флетчер порвал рецепт и заставил себя забыть ингредиенты.

Между тем он с интересом наблюдал за успехами Кориса. Подглядывать в будущее было так увлекательно... Памятуя о предупреждении Синтии, он боялся, как бы Голос не обмолвился, что человек по имени Джерри Флетчер был сбит, допустим, вертолетом. Но этого так и не произошло. Правила неизбежной развязки не работали.

А с чего бы им работать? Флетчер же не вмешивался. Он не высовывался. Он следовал холодной логике — актеры на сцене обычно не убивают зрителей.

Джон Уилкс Бут*...

Но телефонные звонки были больше похожи на кино, чем на спектакль. Актеров отделяла от зрителя пропасть времени. Тем не менее Флетчер больше не перебивал Голос, а трубку поднимал и вешал очень осторожно.

Так продолжалось целый месяц. Наконец он услышал, что Корис готовится к отправке в свой сектор времени. Практика подошла к концу. Браунинга избрали президентом, «Доджерс» стали чемпионами, на Луне построили ракетную базу. Флетчер ломал голову, какие это годы — шестидесятые, семидесятые?.. Или еще позже?

Синтия упорно отказывалась прийти домой к Флетчеру послушать Голос. Она настаивала, что это всего лишь розыгрыш. «Это, конечно, не какие-нибудь шумы на линии,— признавала она,— но все происходящее слишком надуманно, чтобы быть правдой». Однако Флетчер полагал, что на самом деле Синтия верит ему больше, чем пытается показать.

Ему было все равно. Так или иначе, скоро все закончится. Для карьеры Флетчера наблюдения вреда не принесли: ему светило повышение зарплаты и продвижение по службе, а ипохондрия приняла почти безобидную

---

* Актер, застреливший Авраама Линкольна.

форму. Порой он сомневался в крепости собственного здоровья и для профилактики принимался глотать витамины, но это бывало нечасто.

Флетчер даже не записывал за Голосом. Теперь он боялся делать это — так некоторые люди стараются не наступать на трещины на асфальте, чтобы не пошел дождь.

— Завтра он уезжает,— сообщил как-то раз Флетчер Синтии за обедом.

— Кто?

— Корис, разумеется.

— Хорошо. Значит, скоро ты прекратишь болтать о нем. Пока у тебя в голове не заведутся новые тараканы. Что дальше? Ручной лепрекон?

Флетчер усмехнулся:

— Это мне не по средствам.

— Они едят сливки, да? В смысле, пьют сливки.

— Мой будет пить дешевый виски и прочую огненную воду.

— А этот цыпленок «качиатторе» ничего,— проговорила Синтия с набитым ртом.— Если ты обещаешь все время кормить меня такой вкуснятиной, я пересмотрю свои взгляды на женитьбу.

Это было самое щедрое обещание с ее стороны. Флетчер тут же предался мечтам. Позже, в саду на крыше они остановились, чтобы передохнуть между танцами, и стали любоваться мерцающим городом. Огни внизу делали ночь еще более бескрайней и черной.

— Ракетная база на Луне,— тихо проговорил Флетчер.

По щеке ударил прохладный ветер. Флетчер обхватил Синтию рукой и привлек к себе. Внезапно ему стало очень хорошо от мысли, что он не наступал на трещины на асфальте. Он не полагался на удачу. Будущее — неизвестное будущее — опасно, потому что оно и есть сама неизвестность.

А ведь опасность может подстерегать совсем рядом. Вот здесь, сейчас — до парапета всего два шага... По счастью, у людей есть барьеры, не дающие сделать эти два шага.

— Тут холодно,— сказал он.— Давай зайдем в зал, Синтия. Мы же не хотим подхватить воспаление легких — тем более сейчас.

Телефон зазвонил. Этим утром голова у Флетчера снова раскалывалась. После вчерашнего, надо полагать. Он бросил сигарету в пепельницу и тихонько поднял трубку. Наверное, это последний звонок...

Голос сказал:

— Все готово, Корис?

Пауза.

— Тогда даю полчаса. Отчего ты задержался?

Снова пауза, дольше прежней.

— Что, правда? Надо будет записать. Но в те времена неврозы были обычным явлением. Эмбрион-Корис тоже склонен к неврозу, но мы все исправили. Кстати, по чистой случайности его мать как раз сейчас приехала в отпуск. Через несколько часов ты сможешь ее увидеть. Теперь об этом человеке. Он знает, кто ты?

Пауза.

— Не понимаю, как он мог узнать! Или вычислить тебя. Если бы он нес такой бред, его бы заперли в лечебнице. Как его зовут?

Пауза.

— Флетчер... Джеральд Флетчер. Я проверю, но уверен, что насчет него нет никаких записей. Он не из наших. Плохо. Сбежал ли он из больницы, или... А, понимаю. Ну, думаю, сейчас он в надежных руках. Да, тогда это называлось психлечебницей. В своей работе ты не касался медицины тех лет. Забавно, что он узнал о тебе. Не могу понять...

Пауза.

— Назвал тебя по имени? Не *Корисом*? Да уж. Как он вообще мог узнать? Это и правда интересно. А когда он впервые дал о себе знать?

Пауза.

— Толпа... да, конечно. В «Уолдорф-Асторию» не каждый день въезжают на лошади. Но я же говорил тебе, что в этом нет ничего страшного. Все спишут на эксцентричное пари на выборах. Хм, если он действительно стащил тебя с лошади и назвал по имени — это очень любопытно. Очевидно, он сумасшедший, но как он узнал... Не может же быть, что он провидец... Нет подтверждений тому, что безумцы обладают повышенной восприимчивостью... Что ты узнал о нем?

Пауза.

— Ясно. Сначала, конечно, невроз навязчивых состояний. Он чего-то боялся — возможно, будущего. В его среде это нормально. Врачи сказали... Ах, вот как! Выходит, он сбежал из лечебницы. Забавный случай: наверное, вначале он страдал от обычной ипохондрии, вызванной каким-то хроническим заболеванием, например головными болями, или... В любом случае, за долгие годы она могла перерасти в психоз. Сколько ему лет?

Некоторое время в трубке слышалось только жужжание. И снова:

— Хм. Типично, я тебе скажу, для его возраста. Что ж, ничего не поделаешь, а жаль. Он безнадежно свихнулся. Интересно все-таки, что же было изначальным импульсом, направившим его по неправильному пути? Что могло выбить из колеи человека его типа и эпохи? Достаточно часто все начинается с ипохондрии, как ты ее описал, но почему он был так уверен, что сойдет с ума? Естественно, если убедить себя, что сойдешь с ума, и думать об этом годами... А впрочем, ладно, мы можем обсудить этот случай более подробно при встрече. Итак, через полчаса?

Пауза.

— Хорошо. Я рад, что ты не фелкал соркинов, мой мальчик,— весело расхохотался Голос.

Трубку повесили.

Флетчер смотрел, как его рука медленно кладет трубку на черный телефон.

И чувствовал, как смыкаются вокруг него стены.

И ВЕЧНОСТЬ ВПЕРЕДИ...

Сэм Дайсон открыл секрет бессмертия через пятьсот лет после Взрыва. В те времена подобного рода исследования были под запретом, и потому он не на шутку испугался, когда к нему в кабинет зашел чиновник из администрации и этак небрежно заявил, что бессмертие вовсе не ново под луной.

— Это совершенно секретная информация.— Представитель администрации бросил пачку документов на стол Дайсона.— Разумеется, не эти бумаги, а то, что я вам расскажу, и то, что вам предстоит увидеть. Мы практически никого не посвящаем в эту тайну. Для вас решено сделать исключение, поскольку вы, пожалуй, единственный, кто способен провести необходимые эксперименты и интерпретировать результаты. В вашей работе так много тонкостей, что мы не можем выделить вам помощников.

Дайсон в то время работал над направленными мутациями мозга. Именно эти исследования и подтолкнули его к открытию бессмертия. Он откинулся в кресле и уставился на чиновника, стараясь не выдать своего смятения.

— Я думал, что Архивы...

© Перевод О. Зверевой.

— Архивы — пропагандистская выдумка. Нет никаких Архивов. Несколько разрозненных артефактов, вот и все, чем мы располагаем. После Взрыва мало что уцелело, кроме самого человечества.

А ведь Архивы, находящиеся в ведении государства, считались источником всех знаний!

— Это государственная тайна, Дайсон. Но вы не проговоритесь. Иногда нам приходится стирать память отдельным болтунам, однако среди тех, кто имеет допуск вашего уровня, болтунов нет. Вы умеете держать язык за зубами. Итак, суть дела в том, что все обрывки научных знаний, накопленных человечеством до Взрыва, мы почерпнули из человеческого мозга. Из голов тех, кто выжил, когда бушевала радиация. Мы изолировали бессмертных старцев, чтобы мир не узнал об их существовании. Иначе появилось бы много недовольных.

Дайсон почувствовал, как по спине у него стекает холодный пот.

— До меня, конечно, доходили слухи о бессмертных...

— В Смутные Времена, наступившие после Взрыва, зародилось множество легенд. И чтобы не допустить распространения той из них, что имела под собой правдивую основу, мы создали серию лживых. Простое отрицание ни к чему бы не привело. Вот мы и запустили слухи о существовании бессмертных, только в нашей версии продолжительность их жизни не превышала несколько столетий, и к тому же жуткая мутация напрочь лишила бедолаг рассудка. Те, кто верит этим сплетням, бессмертным не завидует. Кстати, о легендах — вы никогда не слышали о Незримом Змее, карающем за плотский грех? Только заново открыв микроскоп, мы поняли, что Змей — это спирохета. В мифах часто скрыта истина, но подчас разумнее сохранить ее в тайне.

Дайсон мучительно гадал, известно ли администрации о его противозаконных исследованиях. Он не знал о

существовании бессмертных, только скрупулезное изучение народных преданий да собственные опыты с направленной радиацией и мутациями мозга указали ему путь к открытию.

Представитель администрации еще немного поразглагольствовал, а потом посоветовал связаться по видеофону с Роджером Пизли, который приходился Дайсону дядей.

— Пизли был в приюте и видел бессмертных. Не удивляйтесь — конечно же, он поклялся молчать. Но сейчас он все вам расскажет — он знает, что вам предстоит посетить... м-м... Архивы.

Дайсон сидел как на иголках, пока странный посетитель не ушел, и тогда сразу позвонил дяде, большой шишке в отделе радиации.

— Думаю, ты будешь удивлен,— сочувственно улыбнулся Пизли.— Возможно, по возвращении тебе даже придется пройти психологическую реабилитацию. То, что тебе предстоит, здорово выбивает из колеи. С другой стороны, пока мы не умеем путешествовать во времени, это единственный способ вернуться в дни до Взрыва.

— Я и подумать не мог, что...

— Разумеется, не мог. Что ж, вскоре ты увидишь приют своими глазами. У тебя будет переводчик, который расскажет все, что необходимо знать. Кстати, получишь полезный жизненный опыт. Ты ведь едешь в «Уютный уголок», да?

— Кажется, да... А что, их несколько?

Пизли кивнул.

— Возможно, ты встретишь там кого-нибудь из своих предков. Насколько я знаю, в «Уютном уголке» живет одна из твоих прапрабабушек. Это действительно странно: разговаривать с человеком, который пятьсот лет назад сделал то, благодаря чему в конце концов на свет появился ты. Но не говори ей, что она твой предок.

— Почему?

— Таковы правила. Переводчик все объяснит. Тут необходимы разнообразные меры предосторожности. Существуют целые школы психологов, специализирующиеся на приютах. А сейчас меня ждут дела, Сэм. Увидимся, когда вернешься. Слышал, ты собрался жениться?

— Так и есть. И мы оба с государственными сертификатами.

Улыбка Дайсона при этих словах вышла несколько натянутой.

— Бунтарь,— усмехнулся Пизли и отключился.

Изображение померкло, сменившись медленным калейдоскопом приглушенных цветовых пятен. Дайсон откинулся на спинку стула и задумался.

По-видимому, рассуждал Дайсон, неорадар не обнаружил его тайной лаборатории, иначе бы не удалось так просто отделаться. Нет, конечно, серьезных гонений можно не опасаться. Нынешняя администрация с ее отеческой заботой о людях на такое не пойдет. Провинившегося заставят участвовать в дискуссиях, где профессиональные демагоги будут упражняться в казуистике, пока он не обнаружит, что сам оспаривает собственную точку зрения. Эти люди знают, как вывернуть логику наизнанку. И вероятно, они в чем-то правы. Если власти запретили исследовать некоторые области радиогенетики, значит, у них были на то причины — весомые, как тяжелая вода.

Бессмертие...

Конечно, не абсолютное. Принципы полураспада и энтропии никто не отменял. Ничто не вечно. Но все относительно. По нынешним меркам открытие Дайсона можно было назвать бессмертием.

Итак, однажды отдельным людям уже удалось обрести жизнь вечную, пусть и непреднамеренно, по не-

счастливой случайности. По той самой случайности, которая повергла планету в хаос на много сотен лет и создала новую цивилизацию на слишком шаткой основе. Как будто какой-то архитектор заново построил дом без чертежей, использовав камни и балки рухнувшего старого здания. Отсюда и многочисленные трещины, и пропавшие перистили*...

Дайсон поворошил свои записи, лежащие на столе. В них были намечены основные направления и проблемы исследований — нет, не запретных опытов в тайной лаборатории, а проекта, одобренного правительством: изучения направленных мутаций мозга. Несведущему человеку некоторые термины показались бы китайской грамотой, но Дайсон был отличным специалистом в своей области.

Параграф 24. Изучение психопатологии гениев эпохи до Взрыва и последующих лет вплоть до нашего времени...

Он оставил сообщение переводчику, надел плащ и, воспользовавшись планером, отправился к Марте Халлам. Марта, хорошенькая хрупкая девушка, пила мате на веранде. Она поцеловала Дайсона и тут же вставила серебряную соломинку во второй калебас**. Дайсон сел рядом и задумчиво потер лоб.

— До нашего отпуска осталась всего пара недель,— заметила Марта.— Ты слишком много работаешь. Я позабочусь, чтобы уж в отпуске ты отдохнул.

Он взглянул на невесту и увидел ее сквозь дымку времени — спустя тысячи и тысячи лет. Марта постарела, однако оставалась по-прежнему хороша собой. И сам Дайсон тоже постарел. Но они не умерли. А ведь бессмер-

---

* Перистиль — прямоугольный двор, сад или площадь, окруженные колоннадой; часто использовался в архитектуре античности.

** Калебас — сосуд из выдолбленной тыквы.

тие не означает стерильности. Перенаселения Земли можно избежать, если человечество начнет завоевывать космос. Ракетное топливо уже открыли заново... Вернее, просто узнали о нем в одном из приютов, подумал Дайсон.

Его размышления прервал голос Марты:

— Отчего ты так мрачен? Нашел себе другую невесту?

Он знал только один способ ответить...

Немного погодя Дайсон проворчал, что его тошнит при воспоминании о том, как его проверили и поставили штамп, будто и не человек он, а бутылка молока.

— Когда у нас будут дети, ты порадуешься, что получил сертификат,— возразила Марта.— Если бы наши гены были не в порядке, это могло сказаться на малышах.

— Знаю. Просто мне не нравится...

— Послушай меня.— Она посмотрела ему в глаза.— В худшем случае нам пришлось бы пройти курс лечения, чтобы на потомстве не сказался отрицательный резус-фактор или что-нибудь в этом роде. Ну, или наших детей поместили бы в инкубаторную клинику. Максимум год-два разлуки с ними. Это можно и потерпеть, зато из клиники дети выйдут уже здоровыми.

— Все было бы гораздо проще, если бы не было никакого Взрыва,— уклончиво ответил Дайсон.

— Все было бы гораздо проще, если бы мы были одноклеточными бактериями,— передразнила его невеста.— Всегда приходится выбирать — либо вкусное печенье, либо здоровые зубы.

— А ты, оказывается, философ. Ладно, бог с ним. Я вот думаю...

Он так и не закончил фразы. Некоторое время Дайсон просто сидел, потягивал мате и любовался точеным профилем Марты, вырисовывающимся на фоне темне-

ющего неба. Вскоре объявился переводчик, который получил оставленное сообщение, и они вышли из дома в ночную прохладу.

Пятьсот лет назад ученые расщепили атом, что нарушило баланс сил. Если до этого открытия некоторым людям нравилось, образно выражаясь, играть в перетягивание каната, то с изобретением атомной бомбы у них появились ножи, и кто-то догадался, что можно перерезать канат... Слишком поздно они поняли, что игра шла на вершине скалы, со всех сторон обрывающейся в бездонную пропасть.

Ножи оказались одновременно и ключами, открывающими двери, за которыми ждали фантастические возможности. В результате произошел Взрыв. Был бы это простой ядерный взрыв, человечество смогло бы подняться на ноги гораздо раньше — конечно, если б на планете вообще уцелела жизнь. Но одна из открытых дверей вела в странный и опасный мир, где не действуют законы физики. Истина, как оказалось,— величина переменная. И когда на рынке появилась безграничная мощь ядерной энергии, человечество научилось менять значение этой переменной.

Это могло повлечь за собой буквально все, что угодно. И на деле повлекло очень многое. Хотите, называйте это войной. Хотите — хаосом. Взрывом. Калейдоскопом, где узоры постоянно пребывают в движении. Когда в конце концов все улеглось, человек догладывал кости последних крыс, но все же оставался разумным животным. И едва он почувствовал твердую землю под ногами, он начал возрождать культуру.

Это оказалось нелегко. Прошли сотни лет, и от прежней цивилизации остались жалкие крохи.

Только представьте себе всю пирамиду человеческих знаний: пенициллин открыли, потому что кто-то изоб-

рел микроскоп, а появление микроскопа стало возможным, потому что еще кто-то понял, как гранить стекло,— понял благодаря тому, что люди научились это самое стекло плавить, потому что научились разводить костер... После Взрыва эта цепь оказалась разорвана, многих звеньев не хватало. Если бы планета сгорела в пламени ядерной войны, если бы ядерная зима опустошила ее, то разрушение было бы быстрым — и, возможно, непоправимым. Однако если бы жизнь все же уцелела, то сохранились бы и следы прошлой деятельности человека, его изделия и записи. Но Взрыв был растянут во времени — время само было лишь переменной в этой смертоносной, самоубийственной, братоубийственной борьбе — и уничтожил накопленные человечеством знания.

Точнее, их бóльшую часть. А те знания, что уцелели, были слишком беспорядочны и разрозненны. В конце концов города возродились из руин, и все же в новой науке оставалось слишком много нелепых белых пятен. Некоторые из них затянулись сами собой, к тому же иногда при раскопках попадались ценные находки, но единственной настоящей нитью к утраченным знаниям прежней эпохи оставалось то единственное, что смогло пережить атомный катаклизм изменчивой реальности.

Коллоид человеческого мозга.

Живые свидетели.

Бессмертные старцы из секретных приютов, живущие на свете уже более пятисот лет.

Уилл Маккензи, переводчик, оказался худощавым веснушчатым мужчиной лет сорока, с медленными плавными движениями, которые скорее бы подошли человеку покрепче и поупитаннее. Взгляд его голубых глаз лениво переползал с предмета на предмет, мурлыка-

ющий голос убаюкивал, а когда Дайсон запутался в непривычном костюме, Маккензи помог ему ленивым, но сноровистым движением.

— Галстук? — спросил Дайсон.— Это ведь так называется, да?

— Ну да, галстук,— подтвердил Маккензи.— Не спрашивайте, зачем он нужен. Среди старцев есть такие, кто не обращает внимания на подобные мелочи, но большинство из них очень капризны. Когда разменяешь вторую сотню лет, знаете ли, становишься несколько консервативным.

Дайсон поборол чувство неловкости, возникшее у него, и вознамерился достойно исполнить свою роль. Пусть даже администрация пронюхала о его тайных опытах, ему нет причин бояться. Самое страшное, что его ждет,— зверски убедительные доводы демагогов. А может, никто вообще ни о чем и не подозревает. Кроме того, внезапно осенило Дайсона, в любом споре есть две стороны, а значит, остается возможность, что ему удастся отстоять свою точку зрения, пусть раньше это никому и не удавалось. А пока его задача — раздобыть нужную информацию у бессмертных старцев и... Собственно, и все.

Он во все глаза уставился на огромный гардероб с рядами нелепых костюмов.

— Вы хотите сказать, они все время ходят... вот в этом?!

— Угу,— кивнул Маккензи. Он стащил с себя замечательную практичную одежду, чтобы облачиться в такой же наряд, как у Дайсона.— К такому быстро привыкаешь. Я должен вам кое-что рассказать. Времени у нас достаточно. Бессмертные старцы рано ложатся спать, так что ваша работа начнется только завтра. Да и то на многое не рассчитывайте — поначалу они всегда настроены довольно подозрительно.

— Так зачем мне эта одежда сейчас?

— Чтобы вы к ней привыкли. Садитесь. Поддерните штанины на коленях, вот так. А теперь садитесь.

Дайсон натянул грубую непривычную ткань, уселся и взял сигарету. Маккензи опустился на стул с такой элегантной непринужденностью, что Дайсон только позавидовал, и нажал кнопки, после чего из ниши в стене появились стаканы и скользнули на стол.

— Пока что мы не в самом «Уютном уголке»,— сказал переводчик.— Это зона адаптации, здесь же расположен диспетчерский пост. Ни один старец не догадывается о жизни снаружи. Они думают, что там до сих пор идет война.

— Но...

— Вы раньше никогда не были в приюте. Так что запомните: все бессмертные немного чокнутые.— Он пожал плечами.— В общем, сами увидите. Но я обязан прочитать вам лекцию, так что начнем. Итак, во время Взрыва радиация вызвала различные мутации. В результате одной из них и появились так называемые бессмертные. На самом деле они вовсе не вечны...

На этот счет Дайсон уже провел свои исследования. Радий со временем превращается в свинец. Рано или поздно энергетические показатели бессмертных опустятся ниже уровня, необходимого для поддержания жизни. По меркам Вселенной это произойдет довольно быстро, но с точки зрения человека, пройдет почти вечность. Возможно, целых сто тысяч лет. Выяснить это со всей достоверностью можно только опытным путем.

Маккензи тем временем говорил:

— Многие бессмертные погибли во время Взрыва. У них невероятно высокий иммунитет, но от несчастных случаев он не спасает. Только после Взрыва и начала реконструкции люди узнали о природе бессмертных старцев. А сначала об этом лишь шептались в отдельных племенах — ну, знаете, слухи, что местный шаман живет вечно, и тому подобное. Мы собрали эти легенды,

нашли в них зерно истины и изучили феномен. Бессмертных старцев исследовали в лабораториях. Технические подробности мне неизвестны, но я знаю, что эти люди подверглись какому-то особенному облучению и их организмы изменились.

Дайсон поинтересовался:

— А сколько им примерно лет?

— В среднем около пятисот. Они живут с тех самых пор, когда бушевала радиация. По наследству бессмертие не передается, а тот особенный тип излучения, который его вызывает, с тех пор больше нигде не проявлялся, если не считать нескольких областей с запаздывающей радиоактивностью.

Вопрос явно выбил Маккензи из накатанной колеи. Он отпил из стакана и продолжил:

— Вы все поймете, когда увидите старцев. Нам приходится содержать их здесь в изоляции. У них есть знания, которые необходимы нам. И хотя мозг бессмертного похож на огромную беспорядочную библиотеку, это единственная наша связь с эпохой до Взрыва. Конечно, нам приходится делать все, чтобы старцы были счастливы и довольны, а это отнюдь не легко. Они очень чувствительны и капризны...

Переводчик взял новый стакан и нажал на кнопку.

Дайсон спросил:

— Но они же остались людьми?

— Физически — безусловно. Правда, все страшны как смертный грех. Однако они страдают весьма странными психическими отклонениями.

— В приюте содержится одна из моих родственниц.

Маккензи посмотрел на него как-то странно.

— Не встречайтесь с ней. Там есть человек, Фелл, во время Взрыва он занимался точными науками. Есть еще женщина по имени Хобсон — она видела кое-что из того, что вы исследуете. Может, вам будет достаточно поговорить с ними. Не идите на поводу у любопытства.

— Почему? Мне действительно интересно.

Маккензи залпом осушил бокал.

— Чтобы работать переводчиком, нужна специальная подготовка. А те, кто отвечает за то, чтобы старцы были довольны жизнью, сиделки... Такое вообще может выдержать далеко не всякий.

И он поделился с Дайсоном еще некоторыми фактами.

На следующее утро Маккензи показал гостю маленькое устройство, которое вставлялось в ухо: наушник, позволяющий незаметно переговариваться, просто формируя слова в мыслях. Естественные шумы тела обеспечивали нужный уровень громкости, и как только Дайсон привык постоянно слышать биение собственного сердца, наушник показался ему весьма удобным.

— Им очень не нравится, когда в их присутствии говорят на эсперанто,— сообщил Маккензи.— Так что постарайтесь изъясняться на английском. Если вам нужно сказать что-нибудь мне конфиденциально, используйте наушник. Иначе они решат, что мы обсуждаем их. Готовы?

— Конечно.

Дайсон нервно поправил галстук. Следом за переводчиком он прошел через мембрану люка, спустился по пандусу и миновал еще один люк. Теплые отфильтрованные лучи солнца обрушились на Дайсона. Он стоял на ступеньке эскалатора, который медленно вез их вниз к деревушке, которая и была приютом «Уютный уголок».

Приют окружала высокая стена, небо над ним было затянуто зелено-коричневой маскировочной сетью. Дайсон вспомнил: бессмертным старцам говорят, что война еще не закончилась. Под сеткой проглядывали извилистые улочки, парки и дома.

Дайсон был поражен.

— Их так много? Маккензи, тут же добрая сотня домов!

— В некоторых живут переводчики, психологи, сиделки и гости. Старцев не так уж много — человек сорок—пятьдесят.

— Похоже, они в неплохой форме.— Дайсон смотрел на фигуры, движущиеся по улицам.— Я не заметил никаких машин.

— И планеров тоже,— подтвердил Маккензи.— Здесь приходится пользоваться только эскалаторами и пневмотуннелями. Впрочем, тут все равно особенно негде разгуляться. Мы всячески стараемся угождать старцам, а если им дать побольше места, многие захотят ездить на собственных автомобилях. Но реакция у них замедленна, никакие меры безопасности не помогут избежать аварий. Давайте спустимся. С кем вы хотите поговорить вначале, с Феллом или Хобсон?

— Ну... Фелл технарь, правда? Давайте попробуем пообщаться с ним.

— Приехали,— объявил Маккензи, и они сошли с эскалатора.

Пока они спускались, Дайсон разглядывал деревню с высоты и успел заметить, что кроме вполне современных зданий там разместились настоящие гости из прошлого: деревянный коттедж, чудовищное строение из красного кирпича, уродливое сооружение из стекла и бетона с кривыми поверхностями и углами... Но обитатели приюта заинтересовали его гораздо больше.

Во время спуска пейзаж все время заслоняли деревья, а заканчивался эскалатор на мощенной плиткой площади, по периметру которой были расставлены скамейки с мягкими сиденьями. Какой-то человек стоял неподалеку и во все глаза наблюдал за прибытием гостей. Дайсон с любопытством взглянул на него.

В ухе раздался голос:

— Это один из бессмертных.— Это Маккензи включил незаметный наушник.

Человек на площади был стар. Пятисотлетний старик, подумал Дайсон. Эта мысль неожиданно потрясла его. Пять столетий минуло с тех пор, как этот человек появился на свет, а он все еще жив. И так и будет жить, ничуть не меняясь, а время будет течь мимо, не задевая его.

И как же сказалось бессмертие на этом человеке?

Он вовсе не обрел вечную молодость. Это опровергло бы фундаментальные законы физики. Он старился, но с каждым годом все медленнее. Он был очень сутулым (Дайсону объяснили, что сутулость — неотъемлемая черта всех бессмертных), его тело, казалось, болталось на ключицах, как одежда на вешалке. Абсолютно лысая голова безвольно свешивалась на грудь, но маленькие близорукие глазки с любопытством следили за Дайсоном. Нос и уши старца были нелепо большими. И все же он выглядел просто стариком, а отнюдь не чудовищем.

Он сказал что-то, но Дайсон ничего не разобрал. В интонации ему послышался вопрос, и наугад он ответил:

— Здравствуйте, меня зовут Дайсон...

— Замолчите!!! — рявкнул голос в ухе, и Маккензи поспешил перехватить старика, направившегося к эскалатору.

Переводчик что-то затараторил, и старец ответил ему. Иногда Дайсон улавливал знакомые слова, но в целом разговор казался полной бессмыслицей.

Вдруг старик повернулся и поспешно заковылял прочь. Маккензи пожал плечами.

— Надеюсь, он не разобрал, как вас зовут. Нет, думаю, не разобрал. Тут живет женщина с такой же фамилией — вы же сказали, что ваша родственница находится в «Уютном уголке», верно? Мы стараемся, чтобы старцы не вели счет годам. Это может травмировать их. Если Мэндер расскажет ей...— Переводчик покачал головой.— Да нет, пожалуй, не расскажет. Память у них дырявая... Давайте-ка поищем Фелла.

Он повел Дайсона по тенистым дорожкам. Множество блестящих глаз с любопытством следили за ними из темных дверных проемов. Большинство прохожих были служащими приюта, которых невозможно было спутать с их подопечными, но попадались и бессмертные.

— А чего хотел Мэндер? — поинтересовался Дайсон.

— Наружу,— кратко сказал Маккензи.— Ему всего сотни две лет. Результат внезапного всплеска радиации в некоторых районах двести лет назад.

— Он говорил по-английски?

— Да, но по-своему. Видите ли, им не понятна забота о других. Старцы забывают подумать о том, как их слова звучат для собеседника. Они глотают и путают звуки, потому для разговора с ними нужен опытный переводчик. Вот и дом Фелла.

Они взошли на крыльцо, прикоснулись к сенсорной панели, и дверь отворилась. На пороге появился молодой человек.

— Здравствуйте! — кивнул он Маккензи.— По какому делу?

— Научные исследования. Как Фелл?

Медбрат выразительно скривился.

— Входите, сами увидите. Он сейчас завтракает, но...

Они вошли. Фелл сидел у камина — сгорбленный, съежившийся старичок. Его голова свесилась так низко, что лица не было видно, только блестящая лысая макушка. Медбрат вышел, и Маккензи указал Дайсону на стул, а сам подошел к старцу.

— Профессор Фелл,— мягко позвал он.— Профессор Фелл. Профессор Фелл...

Так продолжалось долго, бесконечно долго. Дайсон напрягся. Он осматривался в комнате, уловив затхлый запах, от которого не спасал даже воздушный фильтр.

Тут не было и речи о человеке, достойно встретившем преклонные годы. Только дурно пахнущий горбатый старик, съежившийся в своем кресле. Фелл устало приподнял голову и тут же вновь уронил ее на грудь. Он заговорил, но Дайсон не разобрал ни слова.

— Профессор Фелл,— произнес Маккензи.— Нам нужно поговорить. Профессор...

Голова поднялась, послышалась череда звуков.

Маккензи пояснил, используя наушник:

— Они понимают английский — по крайней мере некоторые. Фелл не похож на Мэндера. Скоро он заговорит.

Но заговорил он совсем не скоро, и к тому времени, когда Фелл выдал первые крохи информации, голова у Дайсона просто раскалывалась. Бессмертный старец совершенно не различал, что важно, а что нет. Вернее, у него имелось собственное представление на этот счет. Он никак не мог придерживаться темы. Маккензи старался передавать только нужные сведения, но это было нелегко.

Тем не менее этот старик жил на свете уже пятьсот лет.

Дайсону вспомнилась соломинка для мате с несколькими дырочками на конце. Фелл был такой соломинкой, погруженной в таинственное прошлое, и в нем тоже были тысячи дырочек, через которые болезненными конвульсивными толчками просачивалась абсолютно ненужная информация. Кто-то когда-то приготовил яичницу... Цены на шерсть зашкаливали... Какой-то неизвестный политик совсем сгорбился... похоже, артрит... Как там звали этого мальчика? Тим, Том, что-то наврóде... такой талантливый мальчик, но жаль его... в прежние-то времена теплее было...

Кто? Не морочьте мне голову! Не помню. Не трогайте меня, говорю! Вот что я вам скажу, я как-то создал такой реагент...

Кошмар, да и только. Упомянутый реагент был известен любому школьнику. Но Маккензи вынужден был сидеть и слушать бесконечную историю — Дайсона переводчик великодушно освободил от большей части старческой болтовни. Наконец Маккензи удалось исподволь вернуть Фелла к интересующей гостя теме.

О, такой талантливый мальчик... Он заработал мигрень. Никакие лекарства не помогали. Медицине еще развиваться и развиваться. Вот я помню...

Дайсон делал заметки.

Больше всего его интересовали генетические отклонения психосоматики гениев, вызванные Взрывом. В те времена Фелл был большим ученым. Но естественно, все его записи пропали в хаосе после Взрыва, когда с таким трудом восстановленная цивилизация вновь превратилась в руины и человечество растеряло воспоминания. Однажды Фелл начал говорить почти связно, и Дайсон принялся тщательно конспектировать его слова, но потом понял, что старик дает химическую формулу мартини.

Вскоре Фелл стал раздражительным. Он вяло постучал по подлокотнику кресла и потребовал гоголь-моголь. Маккензи пожал плечами, встал и препоручил старика заботе медбрата. Переводчик с Дайсоном вышли на улицу под фильтрованные солнечные лучи.

— Ну как?

— Кое-что есть.— Дайсон сверился с записями.— Но сплошные обрывки.

— Учтите, старцы часто преувеличивают. Все их утверждения приходится перепроверять. По счастью, Фелл не относится к патологическим лжецам, как некоторые. Хотите зайти к этой Хобсон?

Дайсон кивнул, и они пошли через селение. Ученый чувствовал внимательные, настороженные взгляды, на-

правленные на него, но большинство бессмертных старцев занимались своими делами.

— А над чем вы работаете? — спросил Маккензи.— Или это секретная информация?

— Мы пытаемся найти способ наращивать интеллект,— начал объяснять Дайсон.— Помните, какие были способности у детей, родившихся сразу после Взрыва? Хотя бы легенды вы наверняка слышали.

— Гении... Ага. Некоторые были сумасшедшими, как мартовские зайцы, верно?

— И это тоже. Вы, должно быть, слышали об Ахмеде. Гений в военном деле, он так и не смог прийти в себя после окончания войны. Он умер абсолютно счастливым, играя в оловянных солдатиков в отдельной больничной палате. Проблема в том, Маккензи, что существует естественное равновесие, нарушать которое опасно. Нельзя искусственно нарастить интеллект, не качнув стрелку весов. Тут столько подводных камней... Мы пытаемся увеличить умственные способности без ущерба в других областях. Обычно чем человек умнее, тем менее устойчива его психика. Такие люди склонны найти себе занятие по душе и посвятить ему всю жизнь. Я слышал о некоем Фергюсоне, родившемся триста лет назад. Он был почти сверхчеловеком, но увлекся шахматами и забыл обо всем остальном.

— Бессмертные старцы не играют в игры, особенно соревновательные. Но они уж точно не гении.

— Ни один?

— С наступлением климакса их рассудок коченеет, полностью теряя гибкость,— пояснил Маккензи.— Именно это позволяет определять их возраст. Прически, одежда, лексикон — все остается таким, какими застал их климакс. Думаю, старость — это просто остановка.

Дайсон задумался о периоде полураспада, но отвлекся, услышав дребезжащий звук, который разнесся по

всей деревне. Почти мгновенно улицы заполнились людьми. Бессмертные старцы сбивались в толпы и шли на звук.

— Пожар,— пояснил Маккензи.

— А как же противопожарная безопасность?

— От поджога никакие меры не спасут. Наверное, какой-нибудь идиот решил, что его преследуют или игнорируют, и в отместку устроил пожар. Давайте...

Тут толпа оттеснила переводчика от Дайсона. Затхлый запах стал просто невыносимым. Дайсон, зажатый со всех сторон гротескными изуродованными фигурами старцев, отчаянно твердил себе, что внешность — не главное. Если б только он чаще сталкивался с уродством...

Он протиснулся на свободное пространство, как вдруг почувствовал, что его взяли под руку. Он посмотрел вниз и увидел лицо Мэндера, бессмертного, которого они встретили у эскалатора. Мэндер отчаянно кивал и подмигивал. Его невнятное бормотание звучало очень настойчиво. Он потянул Дайсона за руку.

Дайсон оглядывался в поисках Маккензи, однако переводчика нигде не было видно. Старец все бормотал, и попытки вставить в его монолог хоть слово ни к чему не привели. Так что Дайсон позволил оттащить себя на несколько ярдов в сторону и остановился.

— Маккензи,— медленно произнес он.— Где Маккензи?

Лицо Мэндера скривилось в попытке понять, потом старец закивал лысой головой. Он куда-то показал, снова схватил Дайсона за руку и повел прочь. Дайсон, терзаемый тяжелыми предчувствиями, отправился следом. Действительно ли старик его понял?

Место, куда так настойчиво тащил ученого Мэндер, оказалось совсем недалеко. Это был старинный деревянный дом. Дайсон, конечно, не ожидал, что перевод-

чик ждет его в этой развалине, но в нем вдруг разгорелось любопытство. Они вошли в темную комнату, по которой разносился противный сладковатый запах (позже Дайсон понял, что это был запах пачули). Бесформенная груда тряпья в кресле, почувствовав его взгляд, шевельнулась и подняла голову. Все лицо оказалось белым, заплывшим жиром, с синими дорожками вен. Жирные обвислые щеки затряслись, когда существо открыло рот и заговорило.

В комнате почти не было света. Мебель — копии старинных предметов, сделанных по описанию старцев,— темнела вдоль стен жутковатыми силуэтами. Сквозь аромат пачули пробились и другие запахи, неописуемые и неуместные в чистом, стерильном, современном мире.

— Я... м...с...н...— пролепетала женщина.

Дайсон сказал:

— Простите, я ищу Маккензи...

Мэндер больно сжал его руку, и два старца отчаянно заспорили. Пронзительный голос женщины заставил Мэндера замолкнуть. Она поманила Дайсона пальцем, и он подошел ближе. Ее рот с трудом шевельнулся, и она выдавила:

— Я Джейн Дайсон. Мэндер сказал, что ты здесь.

Его прабабка. Дайсон воззрился на старуху. Он не заметил никакого внешнего сходства и уж точно не испытал никакого ощущения родства, но почувствовал себя так, словно его ущипнуло окоченевшее прошлое. Эта женщина родилась пятьсот лет назад, а он был ее прямым потомком, плоть от плоти.

Слова застряли у Дайсона в горле — он понятия не имел, что можно сказать в такой невообразимой ситуации. Мэндер снова болботал, а Джейн Дайсон подалась вперед и прошипела:

— Им меня не обмануть... нет никакой войны... Я знаю, что нет никакой войны! А меня держат здесь. Помоги мне выбраться!

— Но... подождите! Давайте я приведу Маккензи...

Мэндер опять пронзительно заговорил. Джейн Дайсон вяло пошевелилась. Казалось, она улыбнулась.

— Некуда торопиться. Я ведь твоя тетя, в конце-то концов. Выпьем чаю.

Мэндер подкатил столик. На нем уже все было готово к чаепитию: напиток был разлит по термокружкам, где он долго мог оставаться горячим.

— Чашку чая? — настаивала Джейн.— Мы все обсудим. Ну? Садись же!!!

Дайсону хотелось одного: бежать. Он раньше и не думал, что может так мучиться от неловкости при встрече с престарелой родственницей — с настолько престарелой... Но он сел, взял чашку и сказал:

— Меня ждут дела, так что мне скоро придется уйти. Может, в другой раз...

— Ты можешь вытащить нас отсюда. Существуют специальные двери — мы знаем, где они, но не можем открыть. На них смешные металлические пластины...

В аварийных выходах не было ничего необычного, но почему бессмертные старцы не могут их открыть? Может, замки запрограммированы не реагировать на химизм бессмертных? Пытаясь придумать, как сбежать от прабабки, Дайсон отхлебнул обжигающего горького чая...

У старцев уже атрофировались вкусовые ощущения — им не разобрать, вкусна ли еда. Среди них нет гурманов. Острый карри, чили...

И тут наркотик, подмешанный в чай, подействовал, в голове у Дайсона помутилось, и медленные, вязкие волны сна поглотили его.

Несомненно, это было какое-то психотропное средство. Мозг Дайсона бодрствовал, но тело не подчинялось ему. Он стал роботом. Автоматом. Он помнил, как его затащили в какое-то темное помещение и оставили

до прихода ночи. Потом он помнил, как его вели по улицам к выходу. Как его руки ловко открывают замок. Эти двери должны были использоваться в чрезвычайных ситуациях, но сопротивляться он не мог. Он вышел под лунный свет с Джейн Дайсон и Мэндером.

Вокруг приюта расстилались дикие земли. Беглецы не подозревали, что автотрасс больше не существует, они собирались выбраться на шоссе и по нему добраться до города. Беспрестанно перебраниваясь, они увлекали Дайсона все дальше в глубь безжизненных земель.

У них была цель. Джейн Дайсон, обладавшая более сильной волей, отметала робкие возражения Мэндера. Она шла домой, к мужу и детям. Но подчас она забывала об этом и задавала Дайсону вопросы, на которые он не мог ответить.

Все происходящее не казалось ему сном, не было окутано дымкой. Напротив, он видел все с безжалостной четкостью: двое стариков, пыхтящих и хромающих рядом, ведут его куда-то, что-то бормочут на своем странном неразборчивом языке, и он, не способный предупредить их, не способный сказать ни слова — только отвечающий на прямые приказы. Потом он узнал, что наркотик являлся одной из производных пентотала.

— Я видела, как его используют,— просипела Джейн.— Я вошла и взяла бутылочку. Мне повезло. Но я же знала, что делаю. Они меня за идиотку держали...

Понять Мэндера Дайсон не мог, но Джейн нашла общий язык со своим потомком, хотя она не все слова произносила достаточно четко.

— Им нас не обмануть... не запереть! Мы все устроим. Я вернусь к семье... ох. Надо передохнуть...

Она была неимоверно толстой, а Мэндер, сгорбленный в дугу, хромал и страдал от судорог. В четком лунном свете это выглядело особенно гротескно. Это просто не могло происходить на самом деле. Но старики упор-

но брели вперед, с трудом сползали в овражки, поднимались на холмы. Почему-то они решили двигаться на север. Спустя какое-то время их руки уже не толкали Дайсона, но опирались на него. Старцы совсем выдохлись и цеплялись за пленника. Они приказали ему продолжать путь, навалились на него с двух сторон, однако не остановились.

Впереди показалось расчищенное поле. Дом. Свет в окнах. Джейн Дайсон нетерпеливо постучала. Дверь отворилась, и путники увидели на пороге девчушку лет семи с гладкими волосами. Девочка вопросительно смотрела на гостей. Дайсон, парализованный наркотиком, заметил, как в глазах ее появились удивление и испуг.

Впрочем, малышка сразу успокоилась, когда вперед выдвинулась Джейн Дайсон и проскрипела:

— Мама дома? Позови маму, девочка. Вот что нам нужно.

Девчушка ответила:

— Дома никого нет. Все вернутся только к одиннадцати.

Старуха протиснулась в дверь, потом Мэндер протолкнул Дайсона через порог. Девочка отступила назад, не сводя взгляда с Джейн,— та, тяжело дыша, плюхнулась в кресло:

— Надо передохнуть. Где твоя мама? Позови ее. Вот что нам нужно. Мне бы чашку хорошего чая.

Девочка зачарованно смотрела на беспомощного Дайсона. Она чувствовала: что-то не так, но делать выводы пока не умела. Не найдя другого выхода, она решила быть вежливой.

— Я могу принести вам мате, мэм.

— Чай? О да. Поторопись, Бетти.

Девочка ушла. Мэндер свернулся у батареи, что-то бормоча. Дайсон стоял столбом, по спине у него бегали мурашки.

Джейн Дайсон пробубнила:

— Как хорошо снова быть дома. Бетти — моя четвертая. Говорят, радиация небезопасна... Этот идиот ученый заявил, что я в группе риска, но с детьми-то все в порядке. Всю мебель зачем-то переставили... Где же Том? — Она посмотрела на Дайсона.— Нет, ты не Том. Я... что это такое?

Девочка вернулась с тремя калебасами. Джейн жадно схватила свой.

— Нельзя слишком долго кипятить воду, Бетти,— заметила она.

— Я знаю. Это выводит воздух...

— А сейчас успокойся. Сядь и помолчи.

Джейн с хлюпаньем принялась за питье, ничего не говоря по его поводу. Дайсону пришла в голову мысль, что пути этой женщины и ребенка на один миг пересеклись во временно́м измерении. Они были во многом похожи. У девочки было слишком мало опыта, у старухи — слишком много, но ее опыт давно стал бесполезен. И, несмотря на это, они не смогут поладить: единственным преимуществом Джейн был возраст, она была неспособна снизойти до уважения к ребенку или даже просто общаться с ним на равных.

Джейн Дайсон задремала. Девочка тихонько сидела, смотрела на нее и ждала, лишь изредка бросая озадаченные взгляды на Мэндера и Дайсона. Один раз Джейн приказала ей пересесть на другой стул, чтобы ее не продуло у окна, которое, кстати, было закрыто. Дайсон думал о бессмертии, понимая, каким глупцом был.

Потому что человек развивается лишь до определенных пределов как в трех пространственных измерениях, так и в четвертом, временном. Когда он достигает этих пределов, то перестает расти и совершенствоваться, а лишь заполняет собой жесткую форму ограничивающих стен. Развитие останавливается, а это, если окру-

жающий мир не стоит на месте, ведет к деградации. Тот, кто уперся в свой потолок, со временем становится неполноценным. Бессмертие может принести пользу, только если человек шагнет дальше и превратится в сверхчеловека как в пространстве, так и во времени.

Мозг Дайсона, единственный по-прежнему подчиняющийся ему орган, продолжал работать. Возможно, правильный ответ кроется не вовне, а внутри... Бессмертия можно достичь и не раздвигая рамок жизни. Если мысль достаточно быстра, то размышления, на которые обычному человеку нужен год, займут лишь день или даже минуту...

Например, каждая нынешняя минута длится сто лет.

Джейн Дайсон вдруг проснулась и поднялась на ноги.

— Нам нельзя здесь оставаться. Мне надо быть дома к обеду. Скажи маме...— буркнула она и поковыляла к выходу.

Мэндер последовал за ней, безразличный и молчаливый. О Дайсоне вспомнила только Джейн, которая и позвала его с порога. Девочка во все глаза смотрела, как Дайсон неуклюже двинулся за стариками.

Они шли и шли, но больше домов не попадалось. Наконец бессмертных одолела усталость, и они устроились на отдых в канаве. Мэндер свернулся под кустом и попытался заснуть, но вскоре замерз. Он встал, похромал назад и стянул со слабо сопротивляющейся женщины плащ. Отвоевав плащ, старик вернулся к кусту и захрапел. Дайсону же оставалось только неподвижно стоять.

Джейн засыпала, просыпалась, что-то говорила и вновь погружалась в сон. В ее памяти возникали разрозненные, ничего не значащие обрывки прошлого, и она предлагала Дайсону оценить их. Ей необычайно повезло: слушатель не мог ни прервать ее, ни уйти.

— Думают, они могут надурить меня. Но я не так стара. Делать из меня старую каргу... Разве я карга? Как-

то мне пришлось пережить тяжелое время. Где Том? Да оставьте же меня в покое...

— Заявить мне, что я буду жить вечно! Ох уж эти ученые! Но он оказался прав. Я узнала об этом. Я действительно была восприимчива к радиации. И это меня напугало. Все вокруг разрушалось, Том умер, а я все жила... Я раздобыла таблетки. Много раз я хотела проглотить их. Ведь, выпив яд, ты не будешь жить вечно. Но я не так проста. Я решила подождать. У тебя же вечность впереди, сказала я себе. Холодно тут...

Ее жирные морщинистые щеки задрожали. Дайсон ждал. Он начинал приходить в себя. Действие наркотика заканчивалось.

Со стороны невидимого в темноте Мэндера доносился тяжелый громкий храп. По канаве гулял холодный ветер. Заплывшее лицо Джейн Дайсон белело в слабом свете далеких безразличных звезд. Она шевельнулась и звонко рассмеялась.

— Мне приснилась такая глупость. Как будто Том умер, а я состарилась...

Через полчаса Дайсона с бессмертными старцами нашел вертолет. Но никаких объяснений не последовало, пока он не вернулся в город. И даже тогда власти дождались, пока Дайсон съездит в свою секретную лабораторию и вернется. А потом к нему в квартиру пришел его дядя, Роджер Пизли. Он сел, не дожидаясь приглашения, и сочувственно посмотрел на племянника.

Дайсон был страшно бледен и обливался по́том. Он поставил стакан, до краев наполненный виски, и взглянул на Пизли.

— Все было запланировано, да?

Пизли кивнул.

— С помощью логики можно убедить человека в ошибке, если использовать правильные аргументы. А иногда таких аргументов не найти.

— Когда администрация послала меня в приют, я подумал, что они проведали о моих поисках бессмертия.

— Так и есть. И как только они узнали об этом, тут же отправили тебя в «Уютный уголок». Это и был аргумент.

— Что ж, очень убедительно. Целая ночь в компании этих...

Дайсон сделал глоток виски, но даже не почувствовал его. Он все еще был смертельно-бледен.

— Как ты понял, побег тоже устроили мы,— сообщил Пизли.— Но мы все время наблюдали за тобой и старцами, чтобы чего не вышло.

— Для них это был удар.

— Вовсе нет. Они решат, что все им только снилось. Большую часть времени они не подозревают о своем возрасте. Просто защитный механизм старости. Что же до девочки, признаюсь, это не входило в наши планы. Но ничего страшного не произошло. Бессмертные старцы не поразили и не испугали ее. Кроме того, ей никто не поверит, что тоже неплохо, потому что миф об Архивах нам пока нужен.

Дайсон молчал. Пизли пристально посмотрел на него.

— Не принимай это слишком близко к сердцу, Сэм. Ты проиграл в споре, только и всего. Ты теперь знаешь, что, если нет движения вперед, от дополнительных лет жизни нет никакого прока. Ты должен продолжать работу. Застой неизбежен. Но если мы найдем, как преодолеть его, то сможем без всякого риска сделать бессмертными многих людей. Ты согласен со мной?

— Согласен.

— Мы хотим посмотреть на твою лабораторию, прежде чем уничтожить ее. Где она?

Дайсон рассказал, потом налил себе еще виски, залпом проглотил его и встал. Он взял со стола лист бумаги и бросил его дяде.

— Может, вам это тоже пригодится. Я сделал несколько анализов в лаборатории. И их результаты пугают меня.

— Хм?

— Джейн Дайсон была чрезвычайно восприимчива к тем видам радиации, которые вызывают бессмертие. Ну, бывают же люди, восприимчивые к раку. Сама болезнь по наследству не передается, зато передается предрасположенность к ней. И я вспомнил, что много работал с такой радиацией в тайной лаборатории. Тогда я проверился.

Пизли приоткрыл рот, но ничего не сказал.

— Для большинства эта радиация абсолютно безвредна,— продолжал Дайсон.— Но по наследству от Джейн я получил особую восприимчивость. Просто случайность. Однако... я работал с этой радиацией. Так что же администрация до сих пор не пришла за мной?

— Ты имеешь в виду...— медленно проговорил Пизли.

И Дайсон отвернулся, увидев, как в глубине дядиных глаз появляется особенное выражение...

Час спустя он стоял один в ванной, сжимая в руке острое лезвие. Зеркало вопрошающе взирало на него. Он напился, но не слишком — отныне ему будет тяжело стать достаточно пьяным. *Отныне...*

Он приложил нож к запястью. Один порез — и из бессмертного тела хлынет кровь, его бессмертное сердце остановится, и он превратится из бессмертного человека во вполне мертвое тело. Его лицо заострилось. Даже привкус виски во рту не мог искоренить мускусный запах старости.

В голове пронеслось: «А как же Марта? Девяносто — это нормальный возраст. Если я распрощаюсь с жизнью прямо сейчас, то потеряю столько лет... Вот доживу до девяноста — и хватит. Лучше мне пожить еще немного, жениться на Марте...»

Дайсон перевел взгляд с ножа на зеркало и вслух пообещал:

— В девяносто я совершу самоубийство.

Его молодое лицо, обтянутое здоровой и упругой кожей, загадочно посмотрело на него из зеркала. Конечно, годы возьмут свое. Что же до смерти... У него впереди еще целая вечность — пройдет шестьдесят лет, прежде чем он посмотрит в зеркало и увидит, что больше уже не взрослеет, не становится лучше, а катится в темные годы старости. И тогда он поймет, что время пришло. Конечно поймет!

В «Уютном уголке» Джейн Дайсон стонала во сне — ей снилось, будто она состарилась.

МЫ — СТРАЖИ ЧЕРНОЙ ПЛАНЕТЫ

Я добрался на стратоплане до Стокгольма, а оттуда на воздушном пароме — до родного Громового фьорда. Как и прежде, черные скалы нависали над бурным морем, которое когда-то бороздили корабли викингов под красными парусами. Как и прежде, волны приветствовали меня мерным рокотом. В небе парила Фрейя, кречет моего отца. А на скале высился замок, чьи башни вечными стражами стояли над северным морем. На крыльце, похожий на состарившегося великана, меня ждал отец. Нильс Эстерлинг слыл молчуном, его сухие губы вечно были сжаты, словно он старательно хранил некую тайну. Думаю, я всегда побаивался отца, хотя он и не был ко мне жесток. Однако между нами лежала пропасть. Нильс был как будто прикован к скалам незримой цепью. Я понял это, когда увидел однажды, каким взглядом он провожает улетающих на юг птиц. В его глазах застыло такое желание улететь с ними, что мне стало не по себе. Вот таким он и дожил до старости — замкнутым, молчаливым, закованным в кандалы, сторонящимся большого мира и, по-моему, страшащимся звезд. Днем он частенько любовался своим кречетом, летящим в темной синеве неба, но с приходом ночи запирал все став-

© Перевод О. Зверевой.

ни и носу не казал наружу. Со звездами была связана какая-то его личная тайна. Насколько я знаю, отец и в космос-то летал только раз — и с тех пор никогда не покидал пределы атмосферы. Что же случилось тогда? Я не знал. Но после того полета что-то умерло в душе Нильса Эстерлинга, и он стал другим человеком.

Я получил диплом. В кармане лежал полный комплект бумаг — результат шести лет усердной учебы в Скай-Пойнт. Уже завтра мне предстояло лететь на «Мартинсе», корабле, приписанном к Каллисто. Но Нильс попросил меня заехать домой, вот я и стоял перед ним. Кречет над моей головой начал спускаться кругами, потом резко спикировал вниз, и его когти стальными наручниками сомкнулись на защищенной перчаткой руке отца. Пожалуй, это можно было считать приветствием. Фрейя уже состарилась, но ее золотистые глаза сверкали, как прежде, а хватка оставалась такой же мертвой.

Нильс, не вставая, пожал мне руку и указал на соседний стул.

— Хорошо, что ты приехал, Арн... Итак, ты сдал экзамены. Я рад это слышать. Завтра ты летишь в космос.

— На Каллисто. А как ты, Нильс? Я боялся...

— Что я заболел? — с безрадостной улыбкой продолжил отец.— Или при смерти? Нет, Арн. Умираю я вот уже сорок лет...— Он посмотрел на птицу.— Хотя сейчас это не столь важно. Я даже надеюсь, что смерть не заставит себя долго ждать. Ты скоро поймешь почему, когда... когда я расскажу о том, что случилось в космосе четыре десятка лет назад. Я постараюсь, чтобы мой рассказ прозвучал по возможности непредвзято, хотя это не просто. Боже, как все это не просто!

Нильс посмотрел на своего кречета и стал пристегивать поводок к его путам. Не отрываясь от этого занятия, он сказал:

— Должно быть, у тебя мало времени, раз ты летишь завтра. Из какого порта? Из Ньюарка? Может, поешь?

— Я поел на пароме, папа.

Нечасто я называл его так!

Нильс неловко пожал плечами:

— Тогда давай выпьем.

Он жестом подозвал слугу, и через мгновение перед нами стояли бокалы, наполненные виски с содовой. Я не мог избавиться от чувства неуместности этого напитка: в замке скорее пристало бы пить эль из рога. Впрочем, это давно отошло в прошлое. В чертовски далекое прошлое.

Нильс как будто прочитал мои мысли:

— Прошлое не исчезает полностью, Арн. Оно у нас в крови. Так что...

— Waes had,— поднял я бокал.

— Drinc hael.— И он осушил свой стакан.

На скулах отца задвигались желваки. Внезапно резким движением он подбросил кречета, и поводок соскользнул с пут. С хриплым криком Фрейя взлетела в воздух.

— Тяга к битвам в крови у нашего племени,— сказал Нильс.— К свободе, к битвам и к полету. Давным-давно эта тяга превращала нас в морских разбойников, викингов. Лиеф Удачливый* стремился в Гренландию, наши корабли плыли через Оловянные острова** на Рим и Византию, мы добрались даже до Китая. Зимою мы чинили суда и точили мечи. А потом, когда фьорды освобождались от льда, над нашими драккарами вновь поднимались красные паруса. Нас влекла Ран, Ран морская, богиня неведомого.

---

* Лиеф Эриксон, так же известный как Лиеф Удачливый, был сыном Эрика Рыжего. Он отправился на Гренландию в 1001 году н. э., но шторм сбил его корабль с нужного курса. Он стал первым европейцем, вступившим на территорию Америки. *(Примеч. перев.)*

** Так первоначально назывались Британские острова, откуда финикийцы вывозили олово и свинец, а потом лежащие к западу от Британии острова. *(Примеч. перев.)*

Его голос изменился, и он тихо пропел слова древнего поэта:

Я ли вдруг стала тебе нелюбезна,
Дом ли, хозяйство ли? Все бесполезно:
Уводит тебя седовласая бездна.*

— Да.— В глазах Нильса Эстерлинга промелькнула давно не появлявшаяся там слабость.— Наш народ не может быть пленен, без свободы он погибает. А я уже сорок лет в тюрьме. Ко всем чертям всех миров! — горько прошептал он дрогнувшим голосом.— В самой страшной тюрьме. Она стала разъедать мою душу всего через неделю после возвращения на Землю. Нет, еще раньше. И мне не выйти из этой тюрьмы. Я сам надел на себя оковы и вышвырнул ключ. Ты ничего не слышал об этом, Арн. Сейчас я тебе все расскажу. Должен рассказать.

И он мне рассказал. На землю медленно опустилась долгая ночь, и над миром загорелось северное сияние, подобное столпу света в полярном небе. Ледяные великаны были в пути — не зря же с фьорда дохнуло внезапным холодом. Над нашими головами ветры ликовали голосами валькирий.

Вдали под нами волновалось море, вздымалось покатыми беспокойными волнами и разбивалось о скалы. Над нами ярко сияли звезды.

А на запястье Нильса дремал вернувшийся кречет. Время от времени Фрейя вздрагивала, но оставалась на своем месте.

Нильс начал рассказ.

Итак, это случилось более сорока лет назад, в его молодости, когда по жилам у него растекалась горячая кровь, а в сердце горел дух викингов. Но моря уже были укрощены.

---

* Р. Киплинг, «Песнь датских женщин». Пер. С. Степанова.

Путь предков был закрыт для него. Но еще оставались неизведанные края...

Межзвездные пропасти скрывали в себе множество тайн, и Нильс записался космонавтом первого класса на старую грузовую посудину, которая бороздила космические торговые трассы по Большому Кольцу. С Земли на Венеру, а потом к планетам-гигантам.

Жизнь закалила его за несколько лет скитаний.

И в марсианском полярном городе, Марспол-Норте, в местном кабаке, сатха-дивсе, он столкнулся с капитаном Морсом Деймоном, ветераном Астероидной войны.

Деймон и рассказал Нильсу о валькириях, стражах Черной планеты.

Он был жестким, сухопарым и седым, как гранитная скала, во взгляде его черных глаз не было никакой теплоты. Он разглядывал Нильса Эстерлинга, потягивая разбавленную сатху. Наверняка он отметил про себя и летероидную тунику, протертую на локтях и манжетах, и потрепанные ремешки на резиновых сандалиях.

— Ты знаешь, кто я.

— Конечно,— ответил Эстерлинг.— Я читал газеты. Но о вас уже давненько ничего не писали.

— С конца Астероидной войны. После пакта я оказался никому не нужным. Я руководил силами партизан, совершающих набеги по всему Поясу. Я бы мог переломить ситуацию. Но после перемирия...

Деймон передернул плечами.

— Я ни на что не гожусь, кроме войны. У меня был свой корабль — должно же было государство хоть что-то мне дать. «Вулкан». Отличная посудина — быстрая и хорошо оснащенная. Но я не мог на ней летать, не поступив на работу в какую-нибудь компанию. К тому же я не собирался перевозить грузы. К черту! Я свободно летал по всей Системе и искал... сам не знаю, что я ис-

кал. Пару раз пробовал заняться поисками руды. Но сидеть в мрачных, оседающих шахтах, обливаться потом ради нескольких тонн руды... Это не по мне.

— Была же война на Венере.

— Мелкая заварушка. Я охочусь за чем-то бóльшим. За,— его лицо скривилось в пародии на улыбку,— призраками. За валькириями.

— Ну, Марс тут ни при чем. Летите в Норвегию, на Землю.

Взгляд Деймона стал пронзителен.

— Нет, не в Норвегию. В космос. Я же сказал, валькирии — женщины с крыльями.

Эстерлинг проглотил сатху, холодная жидкость обволакивала горло, заставляя цепенеть тело.

— Новая раса на какой-то планете? Я никогда не слышал о людях с крыльями.

— Но ты же слышал о Бермудском треугольнике и морском дьяволе. Ты хочешь сказать, что уже три года болтаешься в космосе и ничего не слышал о валькириях с Черной планеты?

Эстерлинг тихо поставил стакан на столик. Откуда Деймон знает, что он три года в космосе? А он-то думал, что это просто случайное знакомство: два землянина решили пропустить по стаканчику в чужом мире. Но сейчас...

— А, вы имеете в виду эту легенду. Я никогда не придавал ей значения. Когда разбивается корабль, после смерти команда попадает на Черную планету. Этакий рай для космонавтов.

— Именно. Просто легенда. Конечно, когда находят обломки корабля, то все тела на месте! Но дело в том, что где-то в Системе, в невидимом для нас мире, все же живут крылатые женщины — валькирии.

— Вы думаете, это правда?

— Я думаю, что за каждой легендой скрывается истина. А в эту верят не только земляне. На Марсе, Везу-

вии, Каллисто существуют предания о крылатых космических женщинах.

Эстерлинг закашлялся в прокуренном помещении.

— Ну и?..

— Ну и все. Не так давно я повстречал археолога по имени Биль. Джеймс Биль. У него куча степеней, и он уже десяток лет мотается по Системе и ищет Черную планету, собирает сведения, где только может. Кое-что он отыскал на Венере, и это не какие-нибудь там досужие сплетни. Не все, что рассказывают о Черной планете, вымысел, есть и факты. Они и заставили меня поверить в невидимый мир где-то в космосе.

— Насколько невидимый?

— Без понятия. Биль говорит, что, скорее всего, это планета с низкой отражательной способностью — что-то вроде того. В общем, она поглощает свет. И на ней живут крылатые люди. Иногда они ее покидают. Может, у них есть корабли, не могу сказать. Вот и все легенды. Так что мы с Билем отправляемся на Черную планету.

— Ладно,— произнес Эстерлинг.— Звучит странно, но, может быть, вы и правы. Вот только что вы надеетесь там найти?

Деймон усмехнулся.

— Кто его знает. По крайней мере, это хорошее развлечение. Но Биль убежден, что в черном мире есть неизмеримые источники энергии. В любом случае, не думаю, что мы что-то потеряем. К черту, я по горло сыт ничегонеделанием. Хватит уже болтаться по Системе и ждать, когда хоть что-нибудь да случится. Все равно ничего не происходит. Я не чувствую себя живым без борьбы. А это похоже на борьбу.

— Ну и?..

— Хочешь поработать?

— У вас не хватает людей?

— Хватает. Но ты выглядишь крепким парнем.

Деймон потянулся через стол и пощупал бицепсы собеседника. Он изменился в лице, почти незаметно, но

Эстерлингу хватило и этого, чтобы убедиться в своих подозрениях.

— Так, Деймон.— Он закатал рукав, показывая тяжелый золотой браслет, обхвативший его предплечье.— Вам ведь это от меня нужно?

Ноздри капитана расширились. Но он не отвел глаза.

— Открыть все карты?

— Именно.

Деймон начал рассказ:

— Я только что из Норвегии. Я там искал тебя. Биль узнал про браслет.

Эстерлинг согласно кивнул.

— Это фамильная драгоценность. Когда-то она принадлежала моей прабабке, Гудрун. Даже не представляю, откуда он у нее взялся.

— На нем есть надпись. Сто лет назад ее скопировали для Стокгольмского музея. Эту копию и обнаружил Биль. Он может читать руны, а на браслете написано...

— Я знаю.

— Ты знаешь, что там написано?

— Что-то о валькириях. Думаю, отрывок из «Эдды».

Деймон хмыкнул.

— Не совсем. Она дает координаты Черной планеты.

— Черта с два! — Эстерлинг снял браслет и с интересом на него посмотрел.— Я думал, это просто аллегории. Руны ничего не значат.

— Биль так не считает. Я ж сказал, он видел копию. Только отрывок, но и его хватило, чтобы он понял: полная надпись указывает на расположение Черной планеты.

— Но как?..

— Мне-то откуда знать? Может, когда-то валькирии прилетали на Землю. Может, кто-то случайно наткнулся на Черную планету и решил оставить память о своих космических путешествиях. Он их и записал

на предмете, показавшемся ему надежней других,— на браслете. И каким-то образом браслет достался твоей прабабке.

Эстерлинг уставился на золотую полоску в своей руке:

— Не верю.

— Ты пойдешь со мной вторым помощником капитана на поиски Черной планеты? Судя по твоей одежде, работа тебе нужна.

— Конечно нужна. Но такая...

— Все равно поговори с Билем. Он тебя убедит.

— Сомневаюсь,— недоверчиво усмехнулся Эстерлинг.— Впрочем, я же ничего не теряю.— Он вновь скосил глаза на браслет.— Ладно, я с ним встречусь.

Деймон поднялся на ноги и бросил горсть монет на грязный металлический стол.

Эстерлинг допил сатху, думая про себя, что на эту авантюру он согласился исключительно под воздействием предательского марсианского зелья. Во всем виновата сатха. Она придает обманчивую ясность ума, создавая у человека иллюзию абсолютной уверенности в себе. Ее могут пить марсиане — на их организм она действует по-другому,— но для жителей Земли питье может быть опасным.

Для Эстерлинга в данный момент она была опасна вдвойне. Он последовал за Деймоном по извилистой улочке. Над его головой возвышались богато украшенные, хрупкие с виду дома Марспол-Норта — те, что не лежали в руинах. На Марсе благодаря невысокой гравитации можно было строить высокие здания, но постоянные землетрясения, сотрясающие древнюю планету, частенько обрушивали эти башни.

Возле космодрома их ждал сухощавый, похожий на гнома человек с узким худым лицом. Он поглаживал кустистые усы, дрожа от холода в легкой накидке.

— А побыстрее было нельзя? — прохныкал он высоким визгливым голосом.— Я чуть совсем не околел, черт побери! Это Эстерлинг?

— Ага,— кивнул Деймон.— Знакомьтесь: Эстерлинг — Биль. У него браслет.

Нервные пальцы Биля забегали вокруг рта.

— Боже, какое счастье! Мы искали вас по всей Системе. Неделю назад мы узнали, что вы высадились в Марспол-Норте, и отправились экспрессом на перехват. Полагаю, капитан уже рассказал вам о Черной планете?

На ледяном воздухе Эстерлингу стало не по себе. На миг его охватило сомнение: уж не подсыпал ли чего Деймон ему в стакан? Машинально его рука потянулась к поясу. Увы, пистолет он заложил как раз этим утром.

— Поговори с ним сам,— бросил Деймон Билю.— Я буду на корабле.— И растворился в темноте космодрома.

Биль внимательно посмотрел на норвежца.

— Вы не против, если я посмотрю браслет? Спасибо...

Он близоруко сощурился, глядя на золотую полоску. Света двух лун не хватало, и Биль посветил фонариком.

— О боже! — присвистнул он.— Мистер Эстерлинг, вы даже не представляете, что это для меня значит. Та копия в Стокгольмском музее была неполной. Некоторые руны было не прочитать. Но это...

— Там написано, как найти этот ваш черный мир? Я слегка пьян, но все равно мне это кажется сущей нелепицей.

Биль сощурился.

— Конечно, конечно. Долина царей в Египте тоже казалась нелепицей, пока там не откопали гробницы. Легенду о валькириях — крылатых женщинах — знают во всем космосе. Есть некоторые клочки информации... а я просто делаю выводы. И все складывается. Я абсолютно уверен, что такая планета существует и сто ты-

сяч лет назад крылатые люди побывали на Земле. Они оставили следы своего пребывания в нашем мире. Может, этот народ уже погиб, но их дела сохранились.

— Неужели?

— Я нашел это на Венере. Они летали в открытом космосе. Что скажете?

Биль порылся к карманах и выудил обломок кости и жезл, смахивающий на карандаш.

Эстерлинг, ничего не понимая, смотрел на находки.

— Похоже на кусок человеческой кости. Часть плеча.

— Да, несомненно! Но удлинение! Парень, это основание крыла! Посмотри на шаровидный сустав, бороздки, где были сухожилия. Они были достаточно сильны для полета!

— Уродство?

— Ученые бы с тобой не согласились,— отрезал Биль и убрал кость в карман.— Взгляни на жезл.

Эстерлинг никак не мог взять в толк, что это за штуковина.

— Оружие?

— Оружие, только сейчас оно не действует. Я его разобрал. Оно работает на неизвестном пока принципе. Что-то вроде фотонного излучения. Хотя не знаю. Но я хочу это выяснить, а выяснить это можно в одном только месте.

Норвежец потер подбородок.

— Ключ к отгадке — в моем браслете. Вы же хотите, чтобы я полетел с вами?

— У нас не хватает людей. Ну и еще есть проблемы...— Биль вздрогнул, глядя на темнеющий вдали космодром.— Я человек небогатый, а аренда корабля — вещь дорогостоящая.

— А «Вулкан» Деймона?

Не успел ученый ответить, как в темноте раздался негромкий свист. Биль затаил дыхание.

— Все в порядке. Идем.— Он схватил Эстерлинга под руку и потянул вперед.

На взлетном поле стоял корабль, блестя серебром обшивки в свете двух лун. В полутьме мелькнул силуэт Деймона. Он помахал рукой.

— Поторопись! — резко крикнул Биль и сорвался с места.

Сатха притупила чувства Эстерлинга — или Деймон все-таки что-то подсыпал в его стакан? Он чувствовал: что-то идет не так, но его разум был будто накрыт тяжелым покровом, сковывающим все мысли. Он дал подвести себя к кораблю.

Деймон нагнулся, схватил его за руку и потянул внутрь. Старый вояка был невероятно силен для своего роста. Эстерлинг, потеряв равновесие, пролетел в люк и ударился о стену переходного шлюза. Обернувшись, он увидел, как в корабль по-паучьи карабкается Биль.

Снаружи раздался топот. Человек в форме офицера космодрома бежал к ним через поле и что-то кричал. Эстерлинг увидел, как Биль обернулся, нервно кусая губы, и достал пистолет. Затем замер в проеме люка и выстрелил. Пуля попала офицеру точно между глаз.

От шока Эстерлинг мгновенно сделался трезвым. Но не успел он пошевелиться, как Деймон затолкнул его из шлюза в корабль. Вдалеке завыла сирена.

— Да пропади все пропадом,— пробормотал Биль и полез в кабину.

Люк с глухим стуком захлопнулся. Эстерлинг, чувствуя слабость во всем теле от алкоголя — или наркотиков? — шагнул вперед.

— Какого черта...

Деймон рявкнул:

— Присмотри за ним, Биль. Мне надо запускать корабль.

Ученый направил на Эстерлинга пистолет. Биль облизал губы.

— О господи! — не выдержал он.— Да почему же всегда все не слава богу!.. Не шевелитесь, мистер Эстерлинг.

Деймон расположился в кресле пилота. Он что-то быстро произнес в микрофон и забарабанил по кнопкам, включая двигатель. Эстерлинг почувствовал, что вжимается в пол.

Биль схватился за поручень.

— Держись,— приказал он.— Все нормально. Некогда плавно выходить на орбиту. За нами хвост...

— За нами хвост,— сухо подтвердил Деймон.

Эстерлинг посмотрел в иллюминатор. Он увидел быстро удаляющийся Марспол-Норт и взлетающий с космодрома в столпе красного пламени патрульный корабль.

Судно беглецов безумно тряслось — это Деймон переключал на панели кнопки.

— Судя по всему, этот корабль вам не принадлежит, капитан,— прокомментировал Эстерлинг.

— Естественно, нет,— ответил за капитана Биль.— Нам нужно было на чем-то лететь. А космодромы не охраняются. Вот Деймон и набрал с десяток бродяг и раздал им оружие — они и стали нашим экипажем. Так что...

— Значит, настоящий экипаж вы убили. Понятно.

— Именно,— не оборачиваясь, ответил Деймон.— И теперь вся наша команда — пьяные недоделки, не отличающие двигателя от выпускного клапана. Вы оказались очень кстати, вы же космонавт первого класса.

Корабль сильно болтало. Металл при движении в атмосфере накалился докрасна, так что смотреть в иллюминатор было бесполезно. Но судно должно было разогнаться, чтобы достичь второй космической скорости. Эстерлинг знал, что корпус корабля достаточно прочен, чтобы выдержать сопротивление воздуха. Вся опасность была только в патрульном судне.

— Кораблик у нас шустрый,— тихо произнес Деймон.— Главное, преодолеть силу притяжения, а там мы в безопасности. Никто нас не догонит. А пока...

Он еще увеличил скорость. Красные всполохи за иллюминатором погасли. Корабль миновал атмосферу. Показался патрульный корабль, по сторонам его вспыхивали огни.

Биль сразу понял, что это такое, и весь как-то сжался.

— Магнитные торпеды! Они нас убьют, Деймон! Разве дело стоит того?

Тут все и случилось. «Вулкан», казалось, завис в пространстве, и по его корпусу прошла резкая волна дрожи. Эстерлинг почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Его ударило о стенку так, что ему нечем стало дышать. Он увидел Биля, упорно пытающегося схватиться за поручень. Худое тело ученого ходило ходуном, подобно марионетке. Деймон упал прямо на приборную панель. Он пытался приподняться, и из его разбитого носа текла кровь. Только чудом он избежал гибели.

Капитан опять потянулся к кнопкам.

— Торпеда! Воздух...— выл Биль.

Деймон буркнул ругательство, вытер кровь, заливающую глаза, и посмотрел в иллюминатор. Под его ловкими пальцами корабль снова выровнялся, дернулся и рванул вперед, как спущенная с поводка борзая.

Казалось, теперь он летел еще быстрее.

— Нет утечек? — спокойно спросил Деймон.

Биль с плотно закрытыми глазами и посеревшим лицом цеплялся за поручень. Эстерлинг на секунду замешкался, затем принялся проверять все двери и вентили в рубке управления, пытаясь услышать предательский свист утекающего воздуха.

— Попробуй сигаретой,— посоветовал Деймон.— У тебя есть? Вот, держи.— Он протянул запачканную кровью пачку.

Эстерлинг зажег сигарету. Дым тянулся только к отверстию вентиляционной системы. Значит, корабль в порядке. Он молча кивнул.

Черные глаза Деймона были холодны как лед.

— Я пытался вызвать команду,— кивнул он на микрофон.— Они были в носовой части. Никакого ответа. Может, наденешь скафандр и пойдешь проверить, что там стряслось?

— Ладно.— Эстерлинг подошел к шкафу, достал скафандр для ремонтных работ и привычным движением застегнул его на себе.— А что патрульный корабль?

— Мы избавились от него.

Биль опустился на пол, обеими руками схватившись за пистолет. Он тихо молился, но тут оборвал молитву и пробормотал:

— Мистер Эстерлинг, снимите ракетный ранец. Мы не хотим, чтобы вы от нас улетели.

Норвежец поджал губы, но под дулом пистолета, направленного ему в сердце, кивнул с издевательским смирением. Он отцепил ранец и бросил его под ноги. Затем выбрался через шлюз наружу.

Марс был уже далеко — тусклый красный шарик на фоне черного неба. Эстерлинг с трудом пробирался к носовой части, магнитные подошвы прочно держали его на поверхности корабля. Сейчас бы сюда ракетный ранец...

Без него он находился во власти гравитации корабля. Он не мог сбежать. Но где же патрульное судно?

Эстерлинг не мог угадать, какая из звезд, его окружающих,— космический корабль. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Он уже влез в эту авантюру по самые уши. От дыхания стекло шлема запотело, и он включил обогрев.

Наконец он добрался до места, где когда-то у корабля был нос. В глазах Эстерлинга стало темно. Никакого носа он не увидел. Куски металла и ошметки челове-

ческих тел были разбросаны по всему корпусу. Сверху их покрывала какая-то черная жидкость. Эстерлинг догадался, что это горючее. Он остановился у покореженного края, за которым ничего не было, и заглянул вниз. Затем глубоко вздохнул и двинулся обратно.

Через десять минут он вернулся в рубку управления и стянул скафандр. Биль все еще молился. Деймон сидел перед пультом, вытирая лицо малиновым платком.

— Ну что? Как корабль? — Он взглянул на Эстерлинга.

— Все погибли. Остались только мы трое.

— Что с кораблем? — взвизгнул Биль.— Боже, ты что, не понимаешь, что это сейчас самое важное?

Эстерлинг криво усмехнулся.

— Вы знали, что «Вулкан» перевозил ракетное топливо?

— Ну и что с того? — спросил Биль.

Деймон развернулся в кресле пилота. Его глаза метали молнии.

— О черт! — оскалился он.

— Ага,— кивнул Эстерлинг.— Нос корабля снесло начисто, и теперь внутренние переборки не выдержат атмосферного давления. Когда мы снова войдем в атмосферу, обшивка нагреется. Без кислорода и высокой температуры горючее не взрывается, так что в открытом космосе мы в безопасности. Но как только мы приблизимся к атмосфере, то вспыхнем, как заряд пороха.

— Боже! — Биль кусал ногти.— Деймон, мы должны избавиться от горючего.

— В космосе? — Капитан фыркнул.— Сила притяжения тут же вернет его к нам.

— А мы высадимся на планету без воздуха и скинем его там.

— Нас преследует патрульное судно.— Деймон показал на иллюминатор.— Мы летим быстрее, но стоит замедлить ход, и они повиснут у нас на хвосте. Нет. На-

до продолжать полет, пока не избавимся от патруля. А уж потом...

— Да, наверно. Мы направимся к дальним планетам?

— Такой маршрут безопаснее всего. Мы полетим к Плутону.

— Вам не выбраться из открытого космоса.— Эстерлинг закурил.— И от патруля вам не сбежать. Может, стоит все бросить и выпустить белую ракету?

— Ни за что! — Биль замотал головой.— Как только мы достигнем Черной планеты, то будем в безопасности.

— Хотелось бы на это надеяться,— произнес Деймон.— Чтобы ты получше оценил ситуацию, могу сказать, что «Вулкан» в безнадежном состоянии. У корабля снесло нос. Мы можем совершить аварийную посадку и в скафандрах выйти наружу, но больше мы не взлетим. Ты все еще надеешься найти корабли на черном мире?

— Да. Конечно. Крылатые люди бывали на Земле и на других планетах. Разумеется, это риск, но...

— Это риск, на который мы вынуждены пойти.— Деймон с издевкой взглянул на Эстерлинга.— Дать тебе пистолет?

— Что?

— Держи.— Капитан протянул ему оружие.— Не знаю, что нас ждет на Черной планете, но она вполне может оказаться опасной. Ты ведь все равно не собираешься в нас стрелять. Не думаешь же ты, что патрульные поверят в твое похищение?

— Не думаю.— Эстерлинг неуверенно смотрел на пистолет.— Но все равно вы рискуете.

— Ничего подобного. Мы разделим с тобой все, что найдем на черном мире. Биль говорит, что это принесет много денег. Достаточно, чтобы откупиться от закона. Что бы ты ни предпринимал, от трибунала тебе не уйти, так что в любом случае песенка твоя спета. Черт поде-

ри, да возьмешь ты его, в конце-то концов! — Деймон передернул плечами.— Ты же не дурак. Ты нам поможешь.

— Ага. Думаю, у меня нет выбора.

Деймон хихикнул.

«Вулкан», пробитый, искореженный, не корабль, а настоящая бомба замедленного действия, летел в пустоту вечной ночи. Позади остался Пояс астероидов в хороводе солнечных бликов. Приблизился великан Юпитер, перламутровый шар с кровоточащей алой раной на поверхности. Вот и он погас и превратился в маленький шарик.

Опоясанный кольцами Сатурн был по другую сторону Солнца, зато Уран наблюдал за ними из иллюминаторов. Они уже летели за пределами обитаемого космоса. Здесь было слишком холодно, слишком далеко от Солнца, и жизнь могла существовать только в искусственных условиях. То тут, то там на промерзших лунах мелькали одинокие купола космических первопоселенцев. Но их была лишь жалкая горстка, ведь Уран считался границей, невидимой стеной, выходить за которую решался не всякий.

Смертоносная пустота межзвездных пространств ледяными пальцами тянулась к мирам, расположившимся вдали от солнечного света. Над этими краями словно бы висело проклятие. Здесь находили руины городов настолько древних, что было ясно: ни одна раса, хоть отдаленно напоминающая человеческую, не могла их построить. Ледяные приливы времени и пространства, между которыми проходили целые эры, стерли эти постройки с лица планет, погребли их под слоями породы, чтобы заново когда-нибудь обнажить.

Он никогда не залетал так далеко. За долгие недели, проведенные на «Вулкане», с Нильсом Эстерлингом произошли сильные перемены. Сказался ли зов предков,

пробившийся на поверхность и выявивший весь скрытый мистицизм их народа, но Эстерлинг бороздил неизведанные моря, как когда-то его прадеды, и что-то могущественное и древнее просыпалось в его сердце.

Ходят легенды, что души космопроходцев во время первого полета застывают, покрываются ледяной коркой. Эстерлинг покинул Землю всего несколько лет назад, но эти годы показались ему вечностью. Межпланетное плавание — суровый и беспощадный труд, а в далеких странных мирах Системы не найти ничего похожего на зеленые луга и голубые океаны Земли. От красной охры Марса портится зрение, жгучие желтые ветры Венеры царапают кожу, изменчивый радужный свет Каллисто сводит с ума и заставляет трястись как в лихорадке. Нет, люди не могут долго жить в космосе! Но пока живут, довольствуются малым.

Все, что им остается,— это огненное пиво из блуландского мха, очищенное и вызывающее странные сны, холодная дурманящая сатха и сладкий ликер мзнга, который делают в Эднесе на Венере. А еще виски сегзр, превращающее мозг в алый огонь. И земной абсент, и «Плод миров», готовящийся темными монахами ло. И конечно, наркотики. Грехи всей Системы к услугам тех, кто сможет за них заплатить.

Нильс шел по этой темной дороге. Собственно говоря, выбора у него особо и не было: через два-три года он станет холодным, бездушным, ожесточенным. Он вкусил счастье полета, и Земля стала для него слишком пресной. Его ждут долгие годы трудных плаваний и безрассудных кутежей. Вот и все. А в конце — смерть и похороны в космосе.

Жизнь его ожесточила, заковав в крепкую броню, под которой, как в янтаре, застыли прежние идеалы. Но сейчас все было по-другому.

Три тысячи лет назад его пращуры стали викингами, покидающими под красными парусами фьорды Нор-

вегии. Безрассудно пускались они в незнакомые моря. Они плыли, влекомые тайной и тягой к открытиям. Сейчас подобное чувство овладело и Нильсом Эстерлингом.

Патрульный корабль уже давно скрылся из виду. Они были совсем одни в пустоте, почти невообразимой для человеческого разума. Древнее неизменное сияние звезд только усиливало одиночество. День за днем корабль плыл в пустоте, и все вокруг оставалось таким, как было: Солнце сияло желтой точкой, а Млечный Путь прорезал темное небо, как Биврёст, ведущий к Асгарду. Биврёст, радужный мост, по которому с громом проносились валькирии, уносящие души воинов, что погибли в сражении.

Легенды были не так далеки от истины в этих чуждых для человека местах, в этой безвоздушной пустыне, куда люди могли проникнуть лишь на ненадежных суденышках, которые мог разрушить любой метеорит. Нильс Эстерлинг чувствовал, как трепет перед далекими мирами закрадывается в его душу. Ему было знакомо это чувство: он ощущал нечто подобное в долине Евфрата, где когда-то шумели сады Эдема, и на острове Пасхи, когда он взирал на безмолвных каменных идолов, чья загадка терялась в глубине времен.

Он думал о том, что существуют препоны и барьеры, стены, не позволяющие незваным гостям зайти слишком далеко. Человек еще не покорил космос. Он дотянулся до соседних миров, но дальше, в бессчетных галактиках, которые составляют Вселенную, все оставалось под покровом тайны. Да к чему заходить так далеко! Невидимая Черная планета величественно кружилась на самом краю Системы, не выдавая своих секретов...

Что же это были за секреты?

Иногда к нему возвращался скептицизм, и Эстерлинг сам смеялся над своей доверчивостью. Как о плане-

те, лежащей сразу за орбитой Плутона, никто не узнал за столько лет?

Ведь даже в далеком двадцатом веке астрономы подозревали о существовании некоего тела за Плутоном. Этот мир был так удален от Солнца, что почти не ощущал на себе его влияния. Этот невидимый мир терялся в бесконечности космоса.

Да. Черная планета могла существовать.

Биль часами просиживал над непонятными для других расчетами. По браслету Эстерлинга он определил траекторию их полета, и Деймон изменил курс. Тщедушный ученый вглядывался в телескоп, но пока не мог отыскать и намека на объект своих поисков.

— Планета невидима,— заявил он.— Это добрый знак.

— Почему? — воззрился на него Эстерлинг.

— В природе, как правило, не бывает невидимых объектов, за исключением планет. То есть это искусственная маскировка. Ученые говорят о возможной негасфере...

— Я видел черные планетоиды,— вставил Деймон.— Они не видны, пока к ним не приблизишься на несколько сотен миль.

— Планетоиды малы. И их можно обнаружить зондами. А искусственная негасфера обладает способностью искажать лучи. Если звезды-карлики могут поглощать свет, то негасфера заставляет свет огибать планету. В отличие от обычных небесных тел такая планета не закрывает полностью звезды.

Они снова посмотрели в иллюминатор, но там были только ледяные потоки звезд в черном небе.

Монотонно тянулось время. Ни закатов, ни рассветов здесь не было. Они ели, когда чувствовали голод, спали, когда чувствовали усталость. Их обреченный корабль летел во тьму. Пока не...

Все началось внезапно. Они плыли в пустоте космоса, когда Деймон, сидевший за корабельным пультом, резко вскрикнул и остановил двигатели. На экране плясало белое пламя. Надрывно звенел сигнал тревоги.

— Что такое? — Биль поспешил к Деймону, перегнулся через его плечо и тихо охнул.

Эстерлинг оттолкнул его и заглянул в иллюминатор.

Там виднелась планета, огромная, сияющая, отчетливо прорисованная на фоне туманных звезд. Она выплыла из ниоткуда. Но она не была черной. Она горела холодным водоворотом света, по ее поверхности проходили волны живого сияния.

— Черная планета,— прошептал Деймон.— Но...

— Это действительно была негасфера! — Голос Биля от возбуждения срывался на визг.— Мы прошли сквозь нее, сами того не зная. Ну конечно! Это неосязаемая преграда! Всего лишь щит из тьмы вокруг планеты. И здесь, на краю Системы...

Он затих, глядя на огромный сверкающий мир перед их глазами.

— Мы в атмосфере,— предупредил Эстерлинг.— Посмотрите на звезды — они в дымке. Нам нельзя оставаться на корабле.

Деймон поставил «Вулкан» на автопилот, и корабль стал спускаться по сужающейся спирали. Сигнал тревоги не умолкал.

— Да, нам лучше надеть скафандры. Вперед!

Они с трудом застегивали на себе костюмы, как вдруг корабль затрясся и дернулся. Эстерлинг закрыл шлем, проверил ракетный ранец и пистолет и, неуклюже протопав в тяжелых ботинках к шлюзу, отдраил люк.

На пороге открытого космоса он остановился и посмотрел вниз. Вдалеке перед ним лежала сияющая планета. Звезд стало меньше: негасфера, похоже, не мешала проникновению лучей, но атмосфера их не пропус-

кала. На мгновение у него закружилась голова, и он сделал шаг вперед. И полетел вниз. От страха перехватило горло. Мимо мелькнули две нелепые фигуры в скафандрах — Биль и Деймон. Мелькнули и пропали.

Он падал — лететь было далеко, а горючее Эстерлинг тратить не хотел. Рядом медленно — навстречу своей гибели — проплыл «Вулкан». Время от времени его дюзы изрыгали огонь. Из оторванной носовой части пробивались язычки пламени. Значит, в атмосфере был кислород.

«Настоящие викингские похороны для погибших на корабле»,— подумал Эстерлинг.

В черном небе внезапно вспыхнуло алое пламя. Как маяк...

Пораженный новой мыслью, он посмотрел вниз. Взрыв обязательно привлечет внимание, если только Черная планета обитаема. Но разве жизнь может существовать на этой жемчужной сверкающей сфере, омываемой волнами света?

Он все падал. «Вулкан» пылал, красным пятном выделяясь на фоне темного космоса. Сколько космонавтов видели подобное зарево, видели, как гибнут их корабли, и оставались наедине с космосом без всякой надежды на спасение? Ни один моряк прошлого, заброшенный на необитаемый остров, никогда не чувствовал и десятой доли одиночества, давящего из пустоты космоса. Земные моря широки, но космические океаны — безбрежны!

Эстерлингу было не видно ни Биля, ни Деймона. Что случится, когда он упадет на эту планету? Поглотят ли его эти светящиеся приливы? Ведь не может же там существовать жизнь!

Пустота, и падение, и неодолимая вялость оглушили Эстерлинга.

Через все небо простирался ослепительный Млечный Путь. Биврёст, по которому летали валькирии, воинственные девы Асгарда. Валькирии...

Беззвучный взмах крыльев с ним рядом.

Через бесконечно длинную секунду перед Эстерлингом появилось чье-то лицо. Кровь застучала у него в висках.

Галлюцинация, решил он. Их же не существует!

Ее волосы были соломенно-желтыми, а глаза — голубыми, как южный океан. Тончайший плащ, единственный предмет ее одежды, нисколько не скрывал изгибов тонкого тела. За всю свою жизнь Эстерлинг не видел девушки красивее.

И необычнее!

Из ее плеч вздымались крылья. Крылья, сверкающие ярким светом и поддерживающие ее над бездной. Она могла летать!

Минуту девушка висела перед ним, изучая его лицо. В ее голубых глазах блеснуло озорство. Быстрый взмах руки — и Эстерлинг потерял равновесие из-за резкого рывка сзади. В своем падении он медленно перевернулся и успел заметить еще одну девушку, почти точную копию первой. В руках она держала его ранец с ракетным двигателем.

Она отцепила ранец — и теперь Эстерлинг просто летел вниз, и ничто не могло его удержать от падения в сияющий мир вдали!

Его губы пересохли от внезапно накатившего ужаса, и он схватился за пистолет. Очевидно, крылатые девы знали, что это такое. Та, что держала ранец, выпустила его из рук, и обе девушки синхронно нырнули к Эстерлингу. В громоздком, стесняющем движения скафандре у него почти не оставалось шансов. Его схватили за руку. Пистолет оттянули вверх и назад. Он падал в пустоту, и ему не за что было зацепиться и воспользоваться своей силой.

Без всякой надежды на победу он сражался с валькириями.

Бесполезно, как он и знал с самого начала. Они были в своей стихии: быстрые, сильные, ловкие. В конце концов он выпустил пистолет, и им завладело губительное отчаяние. Но казалось, девушки не хотели его смерти. Они обхватили его руками, и огромные крылья забились в воздухе.

Падение замедлилось.

Планета далеко внизу увеличилась. По ее поверхности проходили волны света. Она уже заполняла полнеба. Все еще полыхающий «Вулкан» рухнул на нее, и яркое сияние поглотило корабль.

Мир сделался изогнутым, затем плоским. Вся перспектива изменилась. Больше не было никакой сферы, висящей в пустоте,— внизу простирался громадный бурлящий океан. В этом сияющем море проступали острова — дрейфующие на мощных приливах, как корабли.

На островах стояли города — хрупкие на вид, с причудливой архитектурой, не похожие ни на что, виденное Эстерлингом когда-либо. Он не понимал, как выбирались для них места. Какие-то острова были большими, другие — мельче. Но все они терялись в садах, из которых то тут, то там поднимались, подобные сияющим бриллиантам, россыпи башенок и минаретов. Гесперидыы — острова блаженных. Океан живого света омывал их берега. По движущемуся кипящему морю величественно плыли эти странные острова, как флотилия потерянной планеты.

К одному из них и летел Эстерлинг, пленник валькирий.

Он видел, как над башнями летают мириады стремительных фигур, легких и грациозных. Крылатые люди! Не все из них были женщинами — встречались и мужчины. Их отличали более сильные и темные крылья.

Эстерлинга окружили высокие стены. Его влекли вниз по шахте. Минута головокружительного замешательства, когда он был почти ослеплен крыльями, неистово

бьющимися рядом с его лицом. А потом он почувствовал, что сильные руки разжались.

Под его ногами была твердая почва. Эстерлинг стоял на небольшой платформе из какого-то голубоватого пластика. За ним в стене обнаружился проход. Под ногами в неведомые глубины уходила пропасть. Валькирии приземлились рядом. Он чувствовал, как их тонкие пальцы борются с его шлемом. Он жестом попытался остановить девушку, но поздно. Защитное стекло шлема открылось. Воздух нового мира ударил ему в легкие.

И с первого же вдоха он понял, что опасности нет. Воздух был чистым, свежим, он дарил почти пьянящее, легкое чувство радости. Голубые глаза смеялись Эстерлингу в лицо.

— Дрн са аст'неесо.— Смысла слов он не понял, но жест, сопровождающий их, был вполне красноречив.

Эстерлинг замешкался. Валькирия скользнула мимо него и сложила крылья наподобие плаща.

— Льян са! — Она направилась в глубину туннеля.

Он двинулся за ней. Вторая девушка шла следом. Перед ним распахнулась штора, и Эстерлинг оказался в комнате — наверное, в спальне, хотя и не предназначенной для людей. Стены комнаты были прозрачны, как стекло.

Очевидно, он находился в самой высокой башне. Под ним простирался город. А за городскими строениями — пышный радужный лес, и еще дальше — сияющее море света. Крылатые люди парили между башнями.

Валькирия, которую Эстерлинг увидел первой, подошла ближе. Она прожурчала несколько текучих щебечущих звуков, и ее подруга исчезла. Потом, бесстрашно улыбаясь в лицо Эстерлингу, девушка постучала по скафандру и вопросительно взмахнула рукой.

— Да.— Его голос казался грубым в тишине.— Думаю, мне это ни к чему.

Он с радостью стянул с себя громоздкий скафандр и шлем.

— Норан.— Девушка прикоснулась к своей груди. И повторила: — Норан.

— Норан,— откликнулся Эстерлинг. Может, ее так зовут? Он повторил ее жест.— Нильс.

За ними послышался шум борьбы. Из-за штор появилась группа валькирий, а среди них две отбивающиеся фигуры — Биль и Деймон. Увидев Эстерлинга, они сдались. Деймон резко открыл стекло шлема.

— Что такое? Они и твой пистолет забрали?

— Успокойтесь,— ответил Эстерлинг.— Они дружелюбны. И то, что мы сейчас живы,— лучшее тому доказательство.

Деймон фыркнул и начал снимать скафандр. Биль, что-то беззвучно бормочущий, последовал его примеру. Валькирии отошли, как будто чего-то ожидая.

— Норан...— В голосе Эстерлинга звучала едва ли не беспомощность.

Девушка улыбнулась ему.

— Ванальса инто.

Она указала на дверь. Вошла валькирия с корзиной фруктов, неизвестных землянам. Норан выбрала алый круглый плод, откусила от него и затем протянула плод Эстерлингу. Вкус оказался странным — кислым и одновременно приятным. Деймон что-то буркнул в ответ на приношение валькирий, сплюнул на пол и начал есть. Биль был более нерешительным, он осторожно принюхивался к каждому плоду, прежде чем пробовать его. Тем не менее вскоре все трое уплетали еду за обе щеки. Увлекшись инопланетной пищей, земляне даже не заметили, что валькирии выскользнули из комнаты.

Осталась только Норан. Она прикоснулась к алому фрукту, который ел Эстерлинг, и произнесла:

— Кхар. Кхар.

— Кхар. Норан,— ответил Эстерлинг.

— Это добрый знак,— с набитым ртом пробормотал Биль.— Они готовы научить нас своему языку. О боже, до сих пор не могу поверить. Целая раса летающих людей.

— Кхар, Нильс. Кхар.

В мире валькирий времени не существовало. Кочующие острова передвигались со светящимися потоками, рожденными неизменным, опоясывающим всю планету течением. Природу этого странного океана Эстерлинг так и не узнал. Это была не вода, хотя в ней можно было купаться. Крылатые люди устремлялись вниз, уходили под воду и всплывали с мерцающими каплями-звездами на теле. Возможно, причиной такого явления являлась радиоактивность. Или еще менее понятный источник энергии, чужеродная сила, которая и делала Черную планету отличной от всей Системы.

Планета сама оказалась пришельцем. Это рассказала им Норан, когда они выучили ее язык. Давным-давно, за пределами памяти крылатого народа, планета вращалась вокруг иного солнца, расположенного за много световых лет отсюда. Это был век науки. Сейчас им не нужно было никакой науки, хотя все технологии, все механизмы, все продукты ее остались.

У Биля засияли глаза.

— У нас нет ни записей, ни документов,— рассказывала Норан.— Слишком давно это было. Думаю, была война, и наш народ спасся бегством, используя этот мир как корабль. И мы поплыли сквозь космос. Давным-давно мы посетили планеты этой Системы. На них была жизнь, но жизнь неразумная. А мы боялись, что наши враги поспешат за нами в погоню и всех убьют. Так мы создали негасферу, чтобы скрыться от преследователей. Мы ждали. Годы шли. Шли века, эпохи. И мы изменились.— Норан расправила крылья.— О науке забыли. Она нам уже была не нужна. Мы же летаем. *Летаем!* — В ее глазах вспыхнул восторг.— Может, это и упадок, но

мы ничего больше не хотим от мира. Уже много лет никто не покидал пределов негасферы. На самом деле это запрещено. На тех, кто уйдет из этого мира, падет проклятие.

— Проклятие? Какое?

— Я не знаю. Некоторые отважились строить корабли, но никто не вернулся. Здесь хорошо жить. У нас есть крылья, есть города. Когда мы приближаемся к Тьме, то переселяемся.

Эстерлинг перебил ее:

— Не понимаю, к какой тьме?

— Ты скоро увидишь. Сейчас течение несет нас к ней, и вскоре придется искать новый остров. Ты увидишь...

Она оказалась стеной темноты на горизонте. Жутким столпом дымчатой мглы, зловеще освещенной красным пламенем, которое иногда прорывалось сквозь темноту. Остров несло туда, и люди-птицы готовились к отлету.

— Жизнь не может существовать во Тьме,— сказала Норан.— Острова — это единственная суша на нашей планете, но они подвластны течению. Пока они на солнечной стороне, мы можем жить на них. Когда они входят во тьму, мы находим новый остров. И так, пока они не обойдут полпланеты и не покажутся снова.

Эстерлинг вглядывался в огромную стену тьмы.

— А ваши города? С ними все в порядке?

— Да, мы находим их на тех же местах, где и оставляли. Мудрецы говорят, что во Тьме скрыто какое-то особое излучение, которое убивает жизнь. Точно так же, как есть излучения в море, которые дают нам силу и делают нас крылатыми.

— Как...

— Не знаю. Просто ходят легенды.— Норан передернула плечами.— Не важно. Через пару часов мы должны покинуть остров. Будьте наготове.

Никогда в жизни Эстерлингу не забыть это странное переселение над сияющим морем. Подобно облаку, крылатые люди поднялись в небо. В руках они несли свои немногочисленные пожитки. Две валькирии подхватили Эстерлинга. Другие позаботились о Биле и Деймоне. Огромные крылья легко несли их через океан.

За ними опустевший остров вплывал во Тьму.

Эстерлинг оглянулся и почувствовал легкий холодок. Его скандинавская кровь предупреждала об опасности. Он подумал о Ётунхейме, замке ночи, где ледяные великаны ждут своего часа, чтобы вырваться оттуда и сразиться с асами...

Новый остров был похож на предыдущий, разве что чуть покрупнее и с большим лесом. Но сама жизнь не изменилась.

Трое землян не принимали в ней почти никакого участия: без крыльев они были отрезаны от других. Жизнь крылатого народа проходила, не касаясь пришельцев, хотя Эстерлинг был не так отстранен от нее, как другие. Он не сетовал. Ему было достаточно наблюдать и говорить с Норан, смотреть, как она парит над сияющим морем.

Норан сообщила ему, что они пленники.

— Если это слово подходит вам, обладающим полной свободой в нашем мире. Но вы не можете покинуть его. В прошлом бывали крушения кораблей, прилетевших из вашей Системы, и некоторые люди выживали. Но их жизнь была недолгой. Мы хорошо с ними обращались. Переносили их в безопасное место, когда острова приближались к Тьме, но со временем они умирали. Вы тоже останетесь здесь.

— Почему? — спросил Деймон.

— Вы можете привести к нам свой народ. Мы счастливы, мы оставили в прошлом век науки. Наука нам больше не нужна. Мы идеально приспособлены к нашей среде. Но в нашем мире есть мощные источники энер-

гии. Ваша раса захочет завладеть ими. И планета погибнет для нас. Вы заберете наши острова и построите на них огромные уродливые машины. А мы даже не можем сражаться. Мы забыли войну.

— Но у вас должно быть какое-то оружие,— вставил Биль.

— Возможно, но нам оно ни к чему. Мы скрыли наш мир. Мы охраняем его от вторжения — вот и вся безопасность. Мы не можем и не желаем сражаться. Много лет назад наша раса потеряла эту способность — вскоре после того, как наука достигла вершины и перестала развиваться. Все, что нам нужно,— у нас в руках. Нам не обязательно что-либо для этого делать.

— Но машины...— настаивал Биль.— Разве они никогда не ломаются? Разве их не надо чинить?

Норан взмахнула сверкающими крыльями.

— Они так просты, что починить их может и ребенок. По легенде, это было последнее, что еще пробуждало интерес наших ученых. Они работали, пока не отпала нужда в новых изобретениях, а потом они упрощали созданное. Даже кто-нибудь из вас, никогда не видевших наших энергетических установок, нойай-лум, может починить их в считаные минуты. Нет, нам больше не надо ни оружия, ни новой техники, ничего, кроме... полета.— Ее широкие крылья раскрылись и слегка задрожали.— Мне тяжело стоять просто так и говорить, даже с тобой, Нильс. Я вернусь...

Она спрыгнула с башни и исчезла в прохладном перламутровом свете.

— Итак, у них есть корабли,— заявил Биль. В его голосе звучало возбуждение.— Это же очевидно, иначе бы Норан даже не стала нам говорить, что мы пленники. И мы можем на них улететь, если отыщем. Интересно где.

— Мы их найдем...— сказал Деймон.

А потом произошло невероятное. Уже давно Эстерлинг ощущал какой-то странный зуд возле лопаток. Он не понимал, что бы это могло быть, пока однажды не разделся до пояса и не начал бриться перед импровизированным зеркалом. Деймон, развалившийся на балконе, что-то удивленно произнес.

— Да? — Эстерлинг водил бритвой по щеке.— Что такое?

Не отвечая, Деймон позвал Биля. Ученый вышел из соседней комнаты, протирая глаза.

— Полюбуйся на спину Эстерлинга,— сказал капитан.— Ты...

Биль охнул:

— О боже! Не поворачивайся, парень, дай-ка взглянуть.

— Что там? — Эстерлинг изгибался перед зеркалом.

— Что-то растет у тебя из лопаток. Будь я проклят! — Деймон присвистнул.— Норан!

Стройная фигурка появилась над балконом.

— Эс-тан'ха? Ой! — Она проворно соскочила на пол и подбежала к Эстерлингу.— Не шевелись, Нильс.

Он почувствовал, как ее прохладная ладонь прикоснулась к его спине.

В нем поднималось странное, пьянящее волнение. Норан еще не начала говорить, а он уже знал правду.

— Крылья,— сообщила она.— Да, так они и растут. Из зародышей, медленно развиваясь, пока не достигнут обычного размера.

Деймон стянул рубашку и подскочил к зеркалу.

— Смешно,— отметил он.— А у меня не растут. А у тебя, Биль?

Ученый заморгал.

— Конечно нет. У меня нет рецессивных генов. Как и у тебя.

— Вы о чем? — Эстерлинг посмотрел на них.

— Ответ очевиден, не так ли? А я удивлялся, как же браслет с рунической записью о Черной планете попал к тебе. Он принадлежал твоей прабабке, верно?

— Гудрун. Да. Но...

— Что ты о ней знаешь?

— Почти ничего. Она вроде была со светлыми волосами, голубыми глазами и очень красивой. В ней была какая-то тайна. Прожила она недолго, а браслет передали ее сыну.

— Во времена твоей прабабки уже были космические путешествия,— произнес Биль.— А Норан сказала, что некоторые из ее народа улетали из этого мира на кораблях. И не возвращались. Нет сомнений, откуда прилетела Гудрун.

— Но... у нее не было крыльев.

— Крылья можно и ампутировать. Очевидно, это рецессивный признак, который тебе передался от твоей прабабушки.

— Так почему они начали расти сейчас? — Эстерлинга слегка трясло.— Почему я не был рожден с ними?

Биль кивнул в сторону окна, за которым кипело сияющее море.

— На этой планете есть какие-то особые излучения, которых больше нет нигде в Системе. Ты был рожден с зародышами крыльев на спине. Но для развития им нужна была особая среда. Здесь существует необходимое излучение. Если б ты не прилетел в этот мир, у тебя бы никогда не выросли крылья.

Норан счастливо смотрела Эстерлингу в глаза.

— Скоро ты полетишь, Нильс! Я покажу тебе как.

Это было похоже на возвращение зрения после врожденной слепоты. Полет открыл Нильсу Эстерлингу новые возможности. Летать он научился на удивление легко. Когда крылья полностью выросли, опорные мышцы стали сильнее. Он никогда не забудет свой первый по-

лет. Полет этот продолжался недолго, но от чувства полной свободы и мгновенного легкого контроля над падением кровь кипела у него в жилах. Полет был похож на абсолютное опьянение. Ни одно вино, которое пробовал Эстерлинг в своей жизни, не могло с ним сравниться.

И Норан научила его летать, как и обещала.

Теперь он понимал чувства крылатых людей.

Земная, человеческая природа оставила Эстерлинга. Он стал одним из них. Полет достался ему по наследству и оказался высоким и острым чувством безграничной свободы, не зависящей от привязанности к земле.

Их остров неумолимо летел во Тьму.

Пришло время для очередного переселения. Крылатый народ поспешил прочь, на поиски нового дома. Биль и Деймон, однако, мешкали. Они решили остаться на острове, когда тот войдет во Тьму.

Норан смотрела на небо сквозь оконный проем — черное облако за ним становилось все более угрожающим.

— Это опасно. Вы погибнете,— убеждала она.

Деймон фыркнул.

— Радиация, возможно, не причинит нам зла. А я хочу узнать, что это за Тьма. Биль считает...

— Не будьте идиотами,— резко оборвал Эстерлинг.— Вы отлично знаете, что не выживете там, где не могут жить крылатые люди. Наверное, мне не удержать вас от самоубийства, но интересно, что вы хотите получить, оставаясь на острове?

В противовес всякой логике Биль и Деймон упорствовали, а Тьма все приближалась. Две спутницы Норан становились все более встревоженными. Наконец они улетели. От чувства близости границы мглы лица девушек совсем побелели.

— Хорошо,— сказал Эстерлинг, наблюдая за их полетом.— Мы с Норан, пожалуй, сможем вас унести. Решайтесь. Ведь мы тоже улетаем — прямо сейчас!

Деймон сдался с неожиданной готовностью:

— Ладно. Думаю, надо улетать. Но может, вы чуть-чуть подождете, пока мы еще немного приблизимся к Тьме?

— Мы и так близко. Вам придется оставить свое любопытство при себе, Биль. Норан, ты сможешь позвать кого-нибудь из своих на помощь?

Она помотала головой.

— Они слишком далеко. Они не останутся на острове, когда он почти приблизился к Тьме. Но я с легкостью унесу того, который поменьше.

— Ясно. Залазь мне на спину, Деймон. Так. Обхвати ногами мою грудь. А теперь...

Их крылья были сильны. Биль был легок, да и Деймон отнюдь не великан. Эстерлинг и Норан упали с балкона, расправили крылья и взмыли в небо. Островок остался позади.

Они летели над сияющим морем. Далеко вдали виднелось облачко — это плотной стайкой летели крылатые люди.

— Послушай,— прошептал Деймон на ухо Эстерлингу,— у них есть космические корабли, да?

— Раньше были.

— Где они?

— Где-то на других островах. Не на тех, где мы жили.

— Но ты их видел?

— Да, сверху.

— Я тоже. Однажды они переносили нас на другой остров в гости. Я знаю, как туда попасть отсюда, учитывая приливы.

Ответом Эстерлинга было молчание. Деймон продолжил:

— Как тебе идея вырваться из этого мира?

Эстерлинг слегка улыбнулся.

— Смешно, я никогда не думал об этом. Мне здесь нравится.

— Да? А мне нет. Как насчет подбросить нас к кораблям?

— К их кораблям? Бессмысленно. Во-первых, вы не можете ими управлять. Во-вторых, вы подумали о горючем? Вспомни, они не использовали корабли многие годы.

— Ну да, конечно. Норан говорила, что некоторые из них улетали в космос и не возвращались. И о том, как легко тут всем управлять. Спорим, что топливо есть? Я считаю, что оно уже там,— так тут устроены все машины. И если этот корабль настолько прост... в общем, я смогу справиться со всем, что летает.

— И ты вернешься с вооруженным отрядом, не так ли? Норан была права, Деймон. Этот мир должен оставаться уединенным. Люди здесь счастливы.

— Счастливы, черт подери! Биль! — В голосе Деймона зазвучала сталь.— Давай!

Эстерлинг увидел, как в дюжине ярдов от него ученый быстро взмахнул рукой. В его руке оказался пистолет. Он приставил оружие к виску Норан. Тут же норвежец почувствовал, как холодное стальное кольцо прикоснулось к его виску.

— Не волнуйся,— тихо сказал Деймон.— И не думай выкинуть что-нибудь. Я успею выстрелить прежде, чем ты меня сбросишь. Как и Биль.

Эстерлинг побледнел.

— Все хорошо,— с запинкой произнес он.— Продолжай лететь, Норан.

— Ага,— подтвердил Деймон,— продолжай лететь. Только немного не туда. Мы хотим забрать один из ваших кораблей. А иначе ты, Эстерлинг, и Норан получите по пуле в лоб.

— Где вы достали пистолеты?

— Из тайника. Мы уже давно планировали это. Я бы не смог справиться со всей вашей компанией, но я просчитал, как можно заполучить тебя с Норан...

— Так,— процедил Эстерлинг.— Понятно.

Это был долгий полет. Крылья уже устали и начали болеть, когда островок вдали вырос из темного пятнышка в широкую полосу. Биль что-то крикнул и показал вперед.

— Я вижу корабли,— зашептал Деймон на ухо Эстерлингу.— И никаких крылатых людей. Наверное, они держатся подальше от всего, что напоминает им науку. Спускаемся — и полегче.

Эстерлинг послушно заскользил вниз по сияющим воздушным потокам. Норан следовала за ним. Ряды серебристых, похожих на торпеды ракет выросли перед ними.

— Наверняка у них хорошая скорость! — присвистнул одобрительно Деймон.

Эстерлинг легко приземлился. Деймон соскочил с него с пистолетом наготове и стал ждать, когда спустятся Норан с Билем.

— Держи их на прицеле,— сказал он ученому.— Я хочу осмотреть корабль.

Затвор на шлюзе был необычайно простым. Деймон мгновенно исчез внутри. Остальные напряженно ждали. Наконец Деймон вернулся. На губах его играла улыбка.

— Я был прав. Простые инструкции и приборы. Любой разберется. И горючего достаточно. Так, Эстерлинг, ты летишь с нами?

Норвежец оглянулся на Норан.

— Нет. Я остаюсь.

— Черт.— Биль прикусил тонкую губу.— Деймон, нам нужно какое-то доказательство.

— У нас есть корабль.

— Конечно. Но когда мы приведем сюда людей, надо будет знать как можно больше о крылатом народе. Если даже они и не могут сражаться, все равно у них оста-

лось оружие. А мы так и не обнаружили его. Норан сможет предоставить нам информацию...

— Норан! Улетай! Скорее! — закричал Эстерлинг.

Он прыгнул на Деймона, кулаком выбив у того пистолет. За спиной Эстерлинга послышались быстрые шаги, и что-то со страшной силой ударило его по голове. По телу норвежца прошла волна слабости. Он едва почувствовал, как кулак Деймона врезается ему в челюсть.

Будто в тумане, он услышал крик Норан. А затем — глухой стук закрывающегося шлюза и рев рассекаемого ракетой воздуха. Эстерлинг, лежавший ничком на земле, слабо застонал и попытался встать. Бесполезно. Черная точка корабля устремилась в небо.

— Норан! — прохрипел он.— Норан...

Эстерлинг с трудом поднялся на четвереньки. Он был ослеплен болью, голова раскалывалась на части. Между деревьями виднелся еще один корабль — и норвежцу нужно было до него добежать.

Каким-то чудом он добрался до корабля. Каким-то чудом прошел по сияющим коридорам и отыскал приборный отсек. Панель управления плыла у него перед глазами. Уже потом Эстерлинг понял, что делал все необходимое рефлекторно — не зря же его обучали управлять любым космическим кораблем. Очевидно, он закрыл шлюзы, упал в кресло и прикоснулся дрожащими пальцами к необходимым приборам. Несомненно, только сила воли его и спасла.

Когда в голове у Нильса прояснилось, за иллюминаторами была звездная пустота космоса. Он уже вышел за пределы негасферы. Мир Норан исчез. У него мелькнула мысль о проклятии, которое, как говорили, падет на всех жителей планеты, покинувших свой дом.

А потом потянулась вечность. Эстерлинг не мог отвлечься от приборов, он едва осмеливался заглядывать

в иллюминатор. Его голову разрывала острая пульсирующая боль.

Деймон летел по направлению к Солнцу. Эстерлинг следовал за ним по пятам. Они долетели до орбиты Плутона. И наконец медленно, очень медленно, корабль-беглец стал увеличиваться в размерах. Эстерлинг машинально переключал приборы. Теперь они были почти что рядом — охотник и дичь. И вот... вот...

На удивление легкий толчок — и его корабль врезался в корабль Деймона. Норвежец даже не подумал взглянуть на результат столкновения, а побежал к шкафу со скафандрами.

Только натягивая скафандр, он в первый раз обратил внимание, что стряслось с крыльями. Широкие сияющие крылья, носившие его над сверкающими морями мира Норан, поблекли и безвольно повисли.

С секунду постояв над бездной, он оттолкнулся и прыгнул ко второму кораблю. Он направился не к главному шлюзу — наверняка там его поджидал Деймон. Вместо этого Эстерлинг стал карабкаться к аварийному носовому шлюзу. Когда он туда попал, там стоял Биль.

Эстерлинг осмотрелся и убедился в том, что носовое отделение достаточно герметично, а дверь, ведущая во внутренние отсеки, плотно закрыта. Норан находилась внутри корабля, а значит, он должен быть предельно осторожен. Но шлюз как раз подходил для задуманного им плана.

Биль выстрелил. Эстерлинг отскочил в сторону, и пуля прорвала норвежцу скафандр и вошла в плечо. К счастью, она не задела костей. Одной рукой Эстерлинг прихватил материю, закрывая дыру, а второй потянулся и открыл люк.

Шлема у Биля не было.

Убийце удалось выстрелить еще раз, прежде чем воздух вылетел из его легких. Гибельный порыв ветра пронесся по помещению шлюза и утянул Биля за собой.

Ученый врезался в Эстерлинга, его пальцы в отчаянии уцепились за скафандр Нильса. Биль осел на пол. Глаза его закатились, язык вывалился. Эстерлинг равнодушно взглянул на труп.

Он задраил люк, открыл дверцу шлюза, ведущую во внутренние отсеки, и освободился от громоздкого скафандра и шлема. Свежий воздух быстро заполнил вакуум. Эстерлинг подобрал пистолет Биля и шагнул через порог.

До следующей двери было четыре шага. Он распахнул ее.

И оказался лицом к лицу с Деймоном. В углу кабины управления лежала связанная Норан. Ее крылья были безжизненно опущены.

Деймон выстрелил. Пуля задела Эстерлинга. Он сделал шаг вперед. Норан плакала, очень тихо, как раненый ребенок.

— Отойди,— процедил Деймон сквозь зубы.— Оставайся на месте. Или я...

Он направил на девушку пистолет, сжал палец на спусковом крючке. Эстерлинг швырнул свое оружие в лицо врагу и прыгнул. Правой рукой он нащупал кисть Деймона, сжимающую пистолет, левой сжал жилистые мышцы шеи противника.

Норан горько и безутешно плакала...

— Я убил Деймона,— сказал мой отец.— Собственными руками. Жаль, умер он всего один раз...

Прибой бился под нами о Громовой фьорд. Небо посветлело. Фрейя спрятала голову под крыло и заснула на плече Нильса Эстерлинга.

Я посмотрел в темное море.

— А вы не можете вернуться?

— Нет. Крылья больше никогда не вырастут. Они и появиться-то могут только на Черной планете. А однажды погибнув...— Он безнадежно махнул рукой.— Мы с

Норан оказались привязаны к земле. Это и было легендарным проклятием покинувших тот мир. А... а она была рождена для полета.

Ободок солнца появился на горизонте. Нильс вглядывался в слепящие лучи.

— Она бы не позволила мне отвезти ее обратно. Черная планета — только для крылатого народа. Не для оставшихся внизу. Я привез ее на Землю, Арн. Она умерла, когда ты родился. Всего через год... Мы были счастливы, но наше счастье было с привкусом горечи. Ведь мы помнили полет.— Он посмотрел на кречета.— Я не могу описать, что ты унаследовал, Арн. И ты никогда не поймешь, пока у тебя не вырастут крылья. И тогда...

Нильс Эстерлинг поднялся и подбросил кречета в воздух. Фрейя хрипло закричала, ее крылья забились, и она взмыла вверх, поднимаясь по воздушным потокам.

Взгляд моего отца отвлеченно блуждал по мне. Я надел на руку золотой браслет, и он откинулся на стуле, как будто силы его оставили.

— Вот, пожалуй, и все,— устало произнес он.— Тебе пора. И... счастливого пути.

Я оставил его там. Он не смотрел мне вслед. Раз я оглянулся, уже далеко пройдя по тропе над Громовым фьордом. Нильс Эстерлинг сидел неподвижно. Его взгляд был прикован к Фрейе, летящей в синем небе.

Когда я оглянулся опять, замок уже скрылся за утесом. Все, что я видел,— это безоблачное небо и кречета, кружащего на прекрасных крыльях.

ПЛЕННИК РАЗУМА

Ему было так холодно и плохо — неясно, невыносимо, не по-человечески плохо. Слабость проникала в кровь и кости, отдавалась в голове и сердце. Очертания окружающих предметов расплывались, будто в тумане. Зато он видел нечто... совсем иное и видел это с головокружительной ясностью, объяснения которой не было. Теперь он различал причины и следствия так же четко, как раньше видел траву и деревья. Но все это словно бы принадлежало иному миру, далекому, равнодушному.

Перед ним выплыли очертания двери. Без единой мысли, машинально он потянулся к звонку.

Звонок отозвался короткой трелью...

Растерянно почесывая затылок, Джон Фаулер таращился на выключатель. Некоторое время назад непонятно почему выключатель вдруг заискрился и перегорел. А десять минут назад Фаулер отключил главный рубильник, отвинтил стенную плиту и принялся ковыряться отверткой в затейливо проложенных проводах. Но тщетные попытки ремонта только укрепили его подозрения: выключатель сломался окончательно

© Перевод О. Зверевой.

и бесповоротно. Выключатель, как и прочая техника в доме, был устроен так, чтобы в случае поломки менялся весь предмет целиком.

В тот день Фаулер вообще был склонен раздражаться по пустякам. Он ждал одну гостью и хотел, чтобы дом выглядел на все сто. Он уже столько времени охотился за Вероникой Вуд, но сегодняшняя встреча должна была сдвинуть дело с мертвой точки. Во всяком случае, Фаулер очень на это надеялся.

Он быстренько черкнул себе напоминание не забыть купить сменные тумблеры. И не успел звонок смолкнуть, как Фаулер был уже в прихожей. С улыбкой на губах он распахнул входную дверь. Но на пороге оказалась вовсе не Вероника Вуд. Там стоял человек без лица.

Именно так подумалось Фаулеру, и во все последующие месяцы эта фраза еще не раз возникала у него в голове. Пока же он просто стоял и смотрел на пустоту. Незнакомец тоже глядел на него, но как-то странно, словно ничего перед собой не видел. Черты лица незваного гостя были настолько обычными, что могли бы служить универсальным слепком среднего человека,— в них не было ничего запоминающегося, ничего создающего индивидуальность. «Даже если бы мы встречались раньше,— вдруг подумалось Фаулеру,— все равно я бы его не узнал». Ведь нельзя узнать человека, которого на самом деле не существует. А этого человека именно что не существовало. Все признаки характера, всякие черты личности были стерты неведомой силой. Абсолютная пустота снаружи...

И судя по всему, внутри тоже, ибо незнакомец вдруг покачнулся и без сил рухнул прямо на руки Фаулеру.

Машинально подхватив падающее тело, Фаулер ужаснулся его легкости.

— Эй!..— окликнул было он, но, осознав неуместность подобных окликов, попытался задать какие-то вопросы.

Ответов, разумеется, не последовало. Незнакомец был в глубоком обмороке.

Фаулер скривился и, выглянув в дверь, оглядел улицу. Никого. Пришлось перетащить гостя через порог и положить на кушетку. «Просто отлично,— пронеслось у Фаулера в голове.— Вероника появится с минуты на минуту, а тут вваливается это чудо бестелесное».

Бренди, влитый в рот незнакомца, оказал магическое воздействие. Щеки неведомого гостя, правда, так и не порозовели, но глаза его распахнулись и уставились на хозяина дома пустым, непонимающим взглядом.

— Вы в порядке? — поинтересовался Фаулер, едва сдержавшись, чтобы не добавить: «Вот и отлично. Тогда вали домой».

Ответом был очередной вопросительный взгляд. Фаулер поднялся, намереваясь вызвать врача, но вдруг вспомнил, что видеофон до сих пор не привезли. Вот оно, будущее: искусственный дефицит пришел на смену реальному. Сырья было навалом, и покупатели стали слишком избалованны. Поэтому их посадили на своего рода диету, чтобы пробудить аппетит и развязать кошельки. Видеофон появится, только когда компания решит, что Фаулер уже достаточно подождал.

К счастью, всегда имелся запасной вариант. Пока есть электричество, он может включить аварийный режим и получить все, что нужно, в том числе и комплект для оказания первой помощи. Домашние средства вроде пошли на пользу нежданному пациенту. Но потом бренди, должно быть, достигло какого-то нервного центра, который отвечал за желудок. Человека вырвало.

Некоторое время спустя Фаулер вывел гостя из ванной и положил на кровать в комнате со сломанным выключателем. Вскоре незнакомцу действительно полегчало. Он сел и с надеждой уставился на Фаулера. И все. На вопросы он просто не отвечал.

Прошло десять минут, а человек без лица продолжал сидеть, глядя перед собой пустым взглядом.

Снова зазвенел звонок. Фаулер, убедившись, что умирать его гость не собирается, почувствовал облегчение. Но вместе с этим проснулось возмущение. Какого черта этот парень вломился в его жизнь именно сейчас? Да и вообще, откуда он взялся? До ближайшего шоссе топать целую милю по грязной дороге, а на туфлях незнакомца нет и следа пыли. К тому же это отсутствие внешности вызывало непонятную, неприятную тревогу. Именно отсутствие, а как еще назвать подобное? Деревенских дурачков частенько называли неполноценными, но тут ни о каком кретинизме не могло быть и речи. Незнакомец скорее походил...

На кого?

По спине Фаулера пробежали мерзкие мурашки. Но тут повторный дверной звонок напомнил ему о Веронике.

— Подожди. Все будет хорошо. Просто подожди тут. Я скоро буду.

В тусклых глазах мелькнул вопрос.

Фаулер обвел взглядом комнату.

— Если хочешь, на полках есть книги. Или можешь разобраться вот с этим.— Он ткнул пальцем в выключатель.— Если что понадобится, зови.

С этими словами Фаулер выскользнул из комнаты и затворил за собой дверь. В конце концов, разве он сторож брату своему? И не для того он столько дней приводил дом в порядок, чтобы сейчас все его планы полетели в тартарары из-за нежданного вторжения.

Вероника ждала на крыльце.

— Привет.— Фаулер постарался принять как можно более гостеприимный вид.— Не заблудилась? Заходи, заходи.

— Твой дом торчит, как порезанный палец,— сообщила она.— Здравствуй. Значит, это и есть жилище твоей мечты?

— Оно самое. А когда я научусь наконец анализировать свои желания и мечты, мой дом станет просто идеальным.

Фаулер помог ей снять плащ, и они прошли в гостиную. Комната по форме своей напоминала жирную запятую, а ее стены были сделаны из трехслойного герметичного стекла. Поцеловать гостью Фаулер так и не решился — Вероника казалась какой-то напряженной. А жаль. Но можно попробовать предложить ей выпить...

— Да, пожалуй,— кивнула она.— А потом ты покажешь мне свое жилье.

Фаулер вступил в отважный бой с многофункциональным баром. По идее, этот бар должен был сам разливать и смешивать коктейли (в него был встроен специальный вертящийся диск), но изнутри донеслось только бряцанье бьющегося стекла. Так что пришлось Фаулеру прибегнуть к более традиционному способу.

— Виски с содовой? Вообще-то в теории механический дом идеален для жизни. Если б только его воплощение на практике было так же идеально... К сожалению, замысел не всегда соответствует реальности.

— А мне нравится эта комната,— призналась Вероника, развалившись в воздушном кресле. С бокалом в руке она разом почувствовала себя увереннее.— Вся такая плавная, изогнутая... И окна очень миленькие.

— Все дело в мелочах. Стоит полететь одному предохранителю, и приходится менять целую систему... А окна — я их сам выбирал.

— Вот только пейзаж не удался.

— К сожалению, тут ничего не поделаешь. Куча правил и запретов в этом строительстве. Я хотел было построить дом на холме в пяти милях отсюда, но, как выяснилось, местные законы это запрещают. А ведь это не обычный дом. Он, конечно, не венец экстравагантности, но все-таки! Однако с таким же успехом я мог бы предложить построить вычурное строение в духе Фрэн-

ка Ллойда Райта в каком-нибудь заскорузлом Вилльямсбурге. Хотя все в моем доме устроено очень удобно и функционально...

— Вот только виски не приготовишь.

— Мелочи жизни,— отмахнулся Фаулер.— Дом — весьма сложный механизм. Конечно, вначале приходится подчищать всякие мелкие неисправности. Я их потихоньку и подправляю. Я тут прямо на все руки мастер. Может, показать дом?

— Ну, давай,— вздохнула Вероника.

Фаулер, разумеется, надеялся услышать в ее голосе больше энтузиазма, но пришлось довольствоваться и этим. Он повел гостью по дому. Изнутри особняк выглядел намного просторнее, чем снаружи. Разумеется, ничего выдающегося, но — в теории — весьма функциональная система, совершенно не похожая на традиционные коттеджи с чердаками, подвальчиками, ваннами и кухнями, в которых пользы не больше, чем в аппендиксе.

— Кстати,— комментировал Фаулер,— по статистике большинство несчастных случаев происходит в ванных комнатах и на кухнях. Но мой дом устроен так, что вероятность подобного абсолютно исключена, и...

— А это что? — поинтересовалась Вероника, открывая дверь.

Фаулер скривился.

— Гостевая комната. Единственный промах. Наверно, будет просто кладовой. Тут нет ни одного окна.

— И свет не работает.

— Ах да, совсем забыл. Это я выключил рубильник. Сейчас все будет!

И он устремился к нише с пультом управления домом, дернул рубильник, после чего стрелой полетел обратно. Вероника тем временем разглядывала комнату, со вкусом убранную под спальню. Несмотря на отсут-

ствие окон, комнатушка благодаря тонированным и умело спрятанным флуоресцентным светильникам казалась просторной и светлой.

— А я тебя звала. Разве ты не слышал?

Фаулер с улыбкой погладил стену.

— Хорошая звукоизоляция. По всему дому. Архитектор постарался на славу, вот только с этой комнатой...

— А что с ней не так?

— Да ничего, но представь себе: ты заходишь сюда, закрываешь дверь — и вдруг заклинивает замок. Терпеть не могу закрытые пространства.

— Со страхами следует бороться.

Эту фразу Вероника явно где-то вычитала. Усилием воли Фаулер подавил зарождающееся раздражение. Иногда эти ее вечные штампы так бесили... но Вероника была настолько красива, что он был готов мириться со всеми ее недостатками.

— Тут даже кондиционер имеется.— Он нажал на другой выключатель.— Правда, похоже на прохладный весенний ветерок? Кстати, о прохладе. И прохладительных напитках. Может, тебе налить еще капельку прохладного виски?

— Давай,— согласилась Вероника, и они вернулись в изогнутую гостиную.

Уже заметно стемнело. Девушка подошла к огромному, во всю стену, окну.

— Будет буря. По радио передавали, что ожидается сильная гроза. Я, пожалуй, поеду, Джонни.

— Так рано? Ты же только пришла.

— У меня назначена встреча. Да и вообще, завтра рано на работу.

Вероника работала моделью в агентстве «Кори» и пользовалась большим успехом. Фаулер отступил от непокорного автоматического бара и взял ее за руку.

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Вдруг в комнате стало тихо. Только свинцовые сумерки распластались за окном, и желтые холмы дрожали под порывами невидимого ветра. Вероника смотрела прямо ему в глаза.

— Я знаю, Джонни... То есть я чувствовала, что ты меня об этом попросишь.

— Ну и?

Девушка поежилась.

— Не сейчас.

— Но почему, Вероника? Мы знаем друг друга уже несколько лет...

— Просто... я не уверена, Джонни. Иногда мне кажется, что я люблю тебя. А иногда ты меня просто бесишь.

Он нахмурился.

— Не понимаю...

— Я не могу этого объяснить. Просто я... так тебя вижу. Ты либо очень милый, либо отвратительный. И сначала я хочу определиться. А сейчас мне пора — вон, дождь уже начинается.

С этими словами она выбежала на улицу. Фаулер поморщился — во рту стоял какой-то кисловатый привкус. Он налил себе еще виски и побрел к чертежной доске, на которой лепилось друг к другу множество набросков. Бред! Он неплохо зарабатывал, делая рекламу на заказ, даже смог обзавестись таким необычным домом...

Взгляд его неожиданно упал на один из эскизов. Незначительная деталька, которая потом станет частью большой композиции. С бумаги на него смотрела горгулья, прорисованная очень тщательно, со скрупулезной точностью, от которой делалось немножко не по себе. Вероника...

Но тут Фаулера озарило: гость! О нем-то он совсем позабыл! Фаулер резко поставил бокал. Во время экс-

курсии по дому он не стал показывать Веронике комнату, где содержался незнакомец, а потому совершенно забыл о своем странном госте. Плохо, очень плохо. Можно ведь было попросить Веронику прислать доктора.

Вот только, как выяснилось, гость совершенно не нуждался в услугах врача. Он увлеченно ковырялся в выключателе, ничуть, похоже, не заботясь о том, что его может стукнуть током.

— Осторожнее! — окликнул его Фаулер.— Эти провода под напряжением!

Незнакомец лишь наградил его пустым, ничего не значащим взглядом и снова потянулся к проводам под выключателем. Свет погас.

И вспыхнул вновь, осветив новый пасс руками.

В центре щитка не было никакого выключателя. Фаулер непонимающе заморгал.

— Что?!

Неуловимый жест. Свет погас. Еще жест.

— Что ты с ним сделал?

Никакого ответа.

Фаулер мчался в машине через шторм, бормоча проклятия в адрес всех радио- и электролюбителей. Рядом с ним с бессмысленной улыбкой сидел гость. Сейчас Фаулер хотел только одного — сбыть парня с рук. Ну, в этом поможет местный доктор. Или полицейский. Вернее, помог бы... Фаулер резко ударил по тормозам — дальнейший путь преграждали несколько камней, упавших на дорогу.

С трудом развернувшись и бормоча ругательства, Фаулер поехал домой.

Человек без лица тихонько сидел рядом.

Целых три дня они были отрезаны от мира. По счастью, в кладовке было достаточно снеди, а подземные линии электропередачи шторм не затронул. Водоочист-

ной фильтр исправно превращал мутный ручей в кристально чистую воду, а радио работало в любую погоду, так что заказов у Фаулера было предостаточно. Но, несмотря на это, он практически не подходил к чертежной доске. Большую часть времени Фаулер посвятил изучению удивительной, просто невероятной конструкции.

Выключатель, созданный гостем, был абсолютно уникальным. Фаулер понял это, когда разобрал устройство. Гость разбил герметичный пластиковый щиток и каким-то хитроумным образом переплел несколько проводов. Подобное соединение не имело никакого смысла, и фотоэлементами, которые могли бы все объяснить, тут даже не пахло. Но факт оставался фактом: свет включался взмахом руки перед панелью выключателя и выключался, стоило махнуть рукой вниз.

Фаулер начал экспериментировать со светом. Похоже, из выключателя исходил некий невидимый луч длиной дюймов четырнадцать. На чуть большем расстоянии даже самые энергичные пассы не давали никакого эффекта.

Порядком заинтригованный, он попросил гостя поменять еще один выключатель. Вскоре свет во всем доме включался и выключался новым способом, но это отнюдь не приблизило Фаулера к пониманию проблемы. Он мог скопировать общую схему, однако сам принцип действия оставался тайной за семью печатями. От этого становилось несколько не по себе.

Так как Фаулер оставался запертым в доме целых три дня, времени на раздумья у него было предостаточно. Накормив гостя (как оказалось, пользоваться ножом и вилкой тот не умел), Фаулер попытался вызвать его на разговор. Почти безуспешно.

Но однажды незнакомец вдруг произнес:

— Забыл... забыл...

— Зато ты не забыл, как чинить проводку,— логично указал Фаулер.— Откуда ты такой взялся?

Незнакомец повернулся к нему.

— Откуда? — Молчание, а затем: — Когда? Время...

А еще как-то раз он взял в руки газету и вопросительно ткнул на год выпуска.

— Ага.— По спине Фаулера побежали мурашки.— Ты знаешь, что это за год?

— Неправильно... Забыл...

Фаулер воззрился на незнакомца. Тут его осенило: можно ведь обыскать карманы гостя! Вот только карманы отсутствовали. Костюм был вполне обычным, разве что немного странноватого фасона, но карманов в нем не было.

— Как тебя зовут?

Молчание.

— Откуда ты? Из другого времени?

Молчание.

Фаулер подумал о роботах. Он представил бездушный мир будущего, населенный автоматическими людьми. Но нет, тут дело в другом. Незнакомец, сидящий перед ним, был до ужаса нормальным. Пустым, как будто опустошенным. Нормальным?

Что такое норма? Что это за несуществующий символ, который, воплотившись в жизнь, обретает поистине чудовищное обличье? Ведь чем ближе человек к норме, тем более он безлик. Точно так же, как прямая, сокращаясь, превращается в точку, у которой нет почти никаких особенностей. Одна точка ничем не отличается от другой. Как и люди, приведенные к общему знаменателю в каком-нибудь невероятном году.

Норма.

— Ладно,— решил Фаулер.— Пока ты не вспомнишь свое имя, я буду звать тебя Норманом. Только я не верю, что ты действительно, э-э... точка. Ты не тупица. Уж по крайней мере в электронике ты мастер.

Скоро Фаулер открыл для себя и другие таланты Нормана. В один прекрасный день ему надоело смотреть на бесконечный серый дождь и унылый пейзаж за окном, но когда он попытался закрыть встроенные венецианские ставни, оказалось, что и они сломались.

— Попробовал бы архитектор пожить в одном из своих домов,— фыркнул Фаулер и, заметив Нормана, показал на окно.

Норман без всяких эмоций улыбнулся.

— Этот вид из окна. Мне уже надоело смотреть на дождь, а ставни не работают. Может, сумеешь их починить? А то за окном сплошная муть...

Некоторое время Фаулер терпеливо объяснял, чего хочет. Норман внимательно слушал его, но потом повернулся и удалился в комнату, номинально считающуюся кухней, хотя куда лучше оборудованную. Фаулеру оставалось только пожать плечами и сесть за чертежную доску. Немного погодя он поднял голову и увидел, как Норман возит по окну несколькими тряпками. Похоже, он решил покрасить окно водой. Фаулер фыркнул.

— Да я же не просил тебя его мыть! Я говорил о ставнях!

Норман поставил почти пустой таз на стол и выжидательно улыбнулся. К Фаулеру вернулась некоторая уверенность в ситуации.

— Ага, путешествия во времени, как же... Сбежал, небось, из сумасшедшего дома. И чем быстрее я тебя туда верну, тем лучше. Пусть только дождь прекратится... Интересно, а ты сможешь настроить видеофон? Черт, совсем забыл. У нас его пока нет. Да и, подозреваю, с ним ты не справишься. С выключателем тебе просто повезло.

Он всмотрелся в дождь и подумал о Веронике. И увидел ее перед собой, смуглую и стройную, со скромной полуулыбкой.

— Что?!

Голос Фаулера сорвался на хрип. Он сморгнул. Галлюцинации? Он снова глянул в окно — настоящая Вероника все еще стояла под домом. Норман улыбнулся, кивнул и ткнул пальцем в девушку.

— Ты тоже ее видишь? — недоуменно уточнил Фаулер.— Но этого не может быть. Она под окном... И она ведь промокнет! В конце концов, что...

В итоге промок только Фаулер, выскочивший без зонта под проливной дождь. Снаружи не было ни души. Заглянув в окно, он увидел знакомую комнату и бродящего по ней Нормана.

Вернувшись, он первым делом спросил:

— Это ты нарисовал Веронику на окне? Но ты же ее никогда не видел. К тому же она была совсем как живая. Да этого не может быть! Я просто потихоньку схожу с ума. Мне нужно спокойствие. Спокойно подумать в спокойной обстановке...

Он попытался взять себя в руки, и постепенно образ Вероники стерся. Теперь окно выходило на тихую, прохладную лесную поляну. Немного поразмыслив, Фаулер понял, в чем дело. В окне отражались его мысли.

Конечно, пришел он к этому выводу не сразу. Сначала он какое-то время экспериментировал с окном, пытаясь понять, что же происходит. На все вопросы Норман, как обычно, отмалчивался. Но в конце концов Фаулер догадался: когда он смотрит на окно и четко представляет себе что-то, на «защитном экране» появляется проекция его мысли.

Как будто бросаешь камушек в воду. Сначала идут круги, а потом водная гладь затихает. Поляна жила: в деревьях пролетал легкий ветерок, покачивая ветви, и листва играла на солнце. В голубом небе плыли облака. Внезапно Фаулер вспомнил, где он все это видел — много лет назад в Вермонте. Только разве в Вермонте растут секвойи?

Значит, это несколько воспоминаний, собранных воедино. И данная сцена изначально была такова в его мыслях. Представляя лес, он знал, что там будет ветерок, будут покачиваться ветки. Вот они и покачивались. Правда, все медленнее и медленнее — как будто внутри картинки заканчивался механизм завода.

Он снова напряг воображение. Пусть сейчас будет берег озера в Чикаго. По дороге заскользили машины. Он хотел было заставить их ехать задом наперед, но только заработал головную боль. Возможно, он и мог изменять нормальный ход событий, но мозг его наотрез отказывался воспринимать происходящее в обратном порядке. Фаулер вновь сконцентрировался и увидел, как на стекле возник берег моря. Хорошо, подумал он, посмотрим, через какое время картинка совсем исчезнет. Где-то через час движение прекратилось, но сама картинка держалась еще около часа.

И только тогда Фаулера озарило, какие возможности это открывает.

Сколько стихов написано об отвергнутой любви, обернувшейся ненавистью! Психология вполне способна объяснить этот феномен — все дело в механизме смещения. Энергия не пропадает бесследно: если блокируется один канал, открывается другой. Нет, не то чтобы Вероника отвергла Фаулера, и уж конечно его чувства не подверглись описанной выше алхимической трансформации (ну, разве что кто-нибудь заглянет в глубины психологии и поймет, что любовь — это второе лицо ненависти, но на таком уровне анализа можно доказать вообще что угодно).

Назовем это переориентацией. Фаулер никогда не допускал мысли, что Вероника может отвергнуть его любовь. И теперь его самолюбие было уязвлено. Разумеется, ему нужно было найти себе извинение, вернуть уверенность в себе. Бедняга Норман оказался единственным доступным козлом отпущения. С той самой мину-

ты, когда Фаулер задумался о коммерческих возможностях, связанных с чудесным окном, Норман был обречен.

Конечно, все случилось не сразу. И узнай Фаулер, к чему приведут его действия, он пришел бы в ужас. Он не был негодяем, поскольку чистых, абсолютных негодяев просто-напросто не существует. В природе и голове правит система равновесия, подобная той, которая существует в политике. Но равновесие это серьезно пошатнулось, когда Фаулер запер Нормана в комнате без окон (от греха подальше) и помчался в Нью-Йорк на встречу с патентным поверенным. Вначале он был осторожен. К тому времени он уже выведал принцип телепатически управляемого окна, но запатентовал лишь выключатель, реагирующий на движение руки. Правда, впоследствии он весьма корил себя за собственные невежество и поспешность, так как тут же последовала череда хитроумных плагиатов. А Фаулер не настолько разбирался в технике, чтобы защитить «свое» изобретение.

И только чудом он не выдал секрет телепатической краски. Так или иначе, время шло, а пока Норман чинил и совершенствовал дом согласно требованиям хозяина. Некоторые из его изобретений ни на что не годились, но другие представляли собой необычайно ценные и удобные устройства — оригинальные решения, стоившие немалых денег на рынке. Логика Нормана была не похожа абсолютно ни на что. Перед ним ставили задачу — он ее решал, но никогда не выказывал ни малейшей инициативы. Похоже, его вполне устраивало сидеть дома. Хотя «устраивало» — это не совсем то слово. Разве медуза думает о том, устраивает ли ее бухточка, в которой она плавает? Если Норман и руководствовался какими-то стремлениями либо порывами, они были слишком слабы. Иногда Фаулер, изучая своего странного гостя, приходил к мысли, что Норман страдает особого рода

психозом, иначе называемым кататоническим ступором. Воля его была полностью подавлена, хотя, может, ее никогда и не было.

Никто никогда не описывал чувства владельца курицы, несущей золотые яйца. Сначала этот человек ломает голову над загадкой, затем предпринимает некие шаги, о которых потом жалеет. У Фаулера был более аналитический склад ума — он догадывался, что Норман способен нести золотые яйца только в том шатком состоянии, в котором сейчас пребывает. Металл податлив, пока не применишь давление, после чего он сразу теряет гибкость. Вот Фаулер и боялся надавить слишком сильно. Но куда больше он боялся не заметить какое-либо особо ценное свойство своей волшебной курочки.

Поэтому он изучал Нормана — краешком глаза, боясь вспугнуть, как будто следил за собственной тенью. Казалось, у Нормана вообще не было высших рефлексов, он вел практически растительную жизнь. Разумеется, он осознавал себя как личность, но... откуда он взялся? Что это за место и время? Или Норман просто урод, псих, мутант? Лишь одно можно было сказать с уверенностью: часть его мозга была парализована. Воля, стремления — все это куда-то подевалось. И все это поставлял ему Фаулер, давая те или иные указания. Когда же указаний не было, Норман просто сидел, время от времени слегка вздрагивая.

Это сбивало с толку. Это увлекало.

А кроме того, таило в себе опасность. Фаулер не собирался отпускать своего пленника, но иногда его одолевали муки совести: кто он такой, как не рабовладелец? Наверно, это противозаконно. Нормана следует поместить в больницу, под наблюдение врачей. Но, с другой стороны, он обладал такими талантами!..

Чтобы несколько успокоить совесть, Фаулер перестал запирать комнату без окон. Все равно в этом не

было нужды. Норман словно находился под глубоким гипнозом, так что без соответствующего приказа он никуда не ушел бы. Фаулер, весьма посредственно разбиравшийся в законах, полагал, что это может стать его будущей лазейкой. Перед его глазами стояла картина, как он, сидя на скамье подсудимых, свидетельствует под присягой, что Норман никогда не был пленником и всегда имел возможность покинуть дом.

Лишь отчаянные муки голода могли заставить Нормана ослушаться хозяина и выйти из комнаты. Да и то, пробираясь на кухню, Норман съедал там первое, что попадалось под руку, после чего послушно возвращался обратно в свою камеру.

Время шло. Фаулер, сам того не осознавая, перестраивался на новую систему ценностей. Он постепенно отказывался от работы, а потом и вовсе перестал принимать заказы. Это случилось после неудачного эксперимента, когда Фаулер попытался получить на бумаге такие же телепатические картинки, как и на стекле. Вот если бы он мог просто придумывать рисунки, а потом они появлялись на бумаге...

Как раз это оказалось для Нормана непосильной задачей.

Фаулеру страшно хотелось поделиться своей потрясающей тайной с Вероникой. Иногда он ловил себя в самый последний момент — еще чуть-чуть, и все раскрылось бы. Однако всякий раз он успевал прикусить язык. Впрочем, теперь он не особо зазывал девушку к себе в гости — по дому туда-сюда слонялся Норман, постоянно что-нибудь подлаживая в той или другой комнате. Зато в голове Фаулера проносились яркие картины прекрасного будущего. Он видел Веронику в норковой шубке и жемчугах, а себя — во главе финансовых империй, построенных на необычных талантах Нормана и на его поистине необычайном послушании.

Вполне возможно, что послушание это объяснялось физической слабостью гостя. Казалось, вся его энергия, без остатка, уходила на дыхание и еду. А после решения какой-либо задачи Норман был вообще ни на что не способен — день или два он буквально с ног валился и, лишь как следует отдохнув, мог взяться за выполнение очередного задания. Но Фаулер ни капельки не возражал. Наоборот, самым страшным стало бы выздоровление Нормана, его приход в норму...

Деньги исправно поступали — даже при том, что Фаулер был начисто лишен какой-либо деловой жилки. Хотя при таком количестве идей это уже не имело значения.

Теперь, когда в кармане начали шуршать купюры, Фаулер почувствовал себя несколько увереннее и начал осторожно выведывать, не пропадал ли кто за последнее время. Ему нужно было убедиться, что на пороге его дома не появится откуда ни возьмись возмущенная родня с требованием вернуть денежки взад. Первым делом он пытался вызнать что-либо у Нормана, но тщетно.

Норман просто не умел говорить. В его голове не существовало понятия связности, там не было места логике. Он мог произносить слова, но не сплетать их воедино. И похоже, это его очень беспокоило. Ему как будто нужно было что-то донести до Фаулера, нечто крайне важное, поэтому всякий раз, набираясь сил, он предпринимал очередную попытку — и всякий раз терпел неудачу.

Да и Фаулер не особо жаждал его слушать. Стоило Норману немножко выкарабкаться из пропасти изнеможения, как ему тут же поручали очередную работу. Порой Фаулер и сам недоумевал: казалось бы, ну что он так боится услышать? Однако потом понял...

Норман мог пытаться рассказать, как его можно вылечить.

А вскоре Фаулер сделал еще одно весьма неприятное открытие. Несмотря ни на что, Норман с каждым днем становился сильнее.

Как-то раз он возился с новым виброшлемофоном, позднее названным «Головотроном», когда вдруг отложил инструменты в сторону и воззрился на Фаулера весьма пронзительным и живым взглядом.

— Больно,— с трудом произнес он.— Я... знаю... работа!

Это прозвучало как вызов. Решительным движением Норман отодвинул инструменты еще дальше.

У Фаулера подступил комок к горлу, и он хмуро уставился на пустоту, что посмела выйти из повиновения.

— Хорошо, Норман,— сказал он примирительно.— Хорошо. Ты закончишь работу и отдохнешь. Но сначала нужно ее закончить. Ты должен закончить работу, Норман. Понимаешь? Ты должен закончить...

Конечно, это была чистая случайность — ну, или почти случайность,— что работа оказалось гораздо сложнее, чем представлял себе Фаулер. Норман, всегда беспрекословно подчинявшийся, если ему медленно повторить приказ несколько раз, проработал допоздна.

И к концу он был так измучен, что не мог ни говорить, ни двигаться три дня кряду.

Собственно говоря, как раз «Головотрон» стал поворотным моментом в карьере Фаулера. Сначала он этого не осознал, но позднее, оглядываясь на прошлые годы, понял: то была его первая серьезная ошибка. Первая, если не считать той, когда — еще в самом начале истории — он перетащил Нормана через порог своего дома.

Фаулеру пришлось отправиться в Вашингтон разбираться с очередным нарушением патента. Некая крупная фирма прослышала о «Головотроне» и решила (по крайней мере так считал Фаулер) украсть новинку. Фаулер был абсолютным профаном в технике, однако в сво-

ей нынешней форме «Головотрон» не мог быть запатентован, вот конкуренты и пытались протолкнуть собственное похожее — или украденное — изобретение.

Надо было как-то выкручиваться, но он, Фаулер, в Вашингтоне, а Норман... И тогда Фаулер позвонил в агентство «Кори». Междугородние видеофоны на рынок еще не выбросили, так что видеть лица Вероники он не мог. Зато он вполне способен был представить себе его выражение.

— Но у меня же работа, Джон! Я не могу все бросить и мчаться к тебе домой.

— Пойми, Вероника, это дело на сто тысяч баксов. Я... просто мне больше некому довериться.

О главной причине своего доверия ей он, разумеется, промолчал. Умом Вероника вовсе не блистала.

В результате Вероника все-таки поддалась на уговоры. Ей всегда нравились тайны, а он тонко намекнул на внутрикорпоративный шпионаж и кровавые разборки на Капитолийском холме. Он объяснил ей, где лежит ключ, и она бросила трубку. От волнения Фаулер грыз ногти и едва удерживался, чтобы не пить больше одного бокала виски с содовой в полчаса. Казалось, прошли годы, прежде чем он услышал звонок.

— Да, Вероника?

— Так, я возле дома. Ключ был на месте. Что теперь?

У Фаулера было время разработать план. Он положил карандаш и блокнот на специальную полочку перед собой и сдвинул брови. Возможно, это рискованно, но...

Но он собирался жениться на Веронике, так что риск не так уж и велик. А до правильных ответов она никогда не додумается.

И он рассказал ей о комнате без окон.

— Там мой слуга Норман. У него не все дома, зато он отлично разбирается в механике. А еще он глуховат, так что тебе придется повторять все раза по три.

— Может, мне лучше убраться отсюда? — хмыкнула Вероника.— А то ты сейчас скажешь, что у него мания убийства.

Фаулер нервно хохотнул и продолжил:

— На кухне ты найдешь коробку. Она лежит в красном буфете с синей ручкой. Коробка тяжеловата, но, думаю, ты справишься. Принеси ее Норману и скажи, чтобы он сделал «Головотрон» с новой схемой.

— Ты что, пьян?

Фаулер чуть было не укусил трубку, однако вовремя взял себя в руки. Внутри он весь кипел.

— Вероника, это не розыгрыш. Я же тебе сказал, это очень важно. Сто тысяч — это не шутка. У тебя есть карандаш? Записывай.— Он продиктовал ей технические указания, которые осторожно выпытал у специалистов.— Передай это Норману. Скажи, что материалы и инструмент в коробке.

— Ну, если ты меня разыгрываешь...— процедила Вероника.— Ладно, не вешай трубку.

Телефон замолчал. Фаулер тщетно пытался уловить хоть что-то из происходящего за много миль от него. Он слышал какие-то звуки, но они были совершенно бессмысленны. А потом до него донесся оживленный спор.

— Вероника! — закричал Фаулер.

Никакого ответа.

Голоса несколько стихли. А потом в трубке раздалось:

— Джонни, если ты еще раз такое выдашь...

— Что стряслось?

— Держать дома полного идиота...— Она тяжело дышала.

— Он... что он натворил? Что произошло?

— Да так, ничего особенного. Просто когда я открыла дверь, твой слуга как выскочит наружу и ну мотать-

ся по дому, будто... будто летучая мышь! И он все время что-то бормочет. Джонни, он меня напугал! — заныла Вероника.

— А где он сейчас?

— В своей комнате. Я... я его боюсь. Но я старалась не показывать этого. Я подумала, если я его заманю обратно и запру дверь... Я пыталась заговорить с ним, но он как накинулся на меня, и, по-моему, я заорала. Он все хотел что-то мне сказать...

— Что?

— Я-то откуда знаю? Он в своей комнате, но я не знаю, куда подевался ключ. Я здесь ни на минуту не останусь. Я... он приближается!

— Вероника! Прикажи ему вернуться к себе. Но говори громко и уверенно!

Она подчинилась. До Фаулера донесся ее голос. Она повторила приказ несколько раз.

— Он меня не слушается. И собирается выйти из дома.

— Останови его!

— И не подумаю! Я с ним уже достаточно наобщалась.

— Тогда дай мне с ним поговорить,— внезапно решил Фаулер.— Меня он послушается. Приставь трубку к его уху, чтобы он слышал мой голос.— И он закричал: — Норман! А ну, иди сюда! Слушай меня!

Прохожие с удивлением оборачивались на странного человека, орущего в телефонной будке, но Фаулеру было все равно.

В трубке послышалось знакомое бормотание.

— Норман,— уже тише, но так же твердо продолжал Фаулер,— делай то, что я тебе говорю. Не выходи из дома. Не выходи из дома. Ты меня слышал?

Невнятное бурчание, а затем:

— Не могу выйти... не могу.

— Не выходи из дома. Сделай новый «Головотрон». Сейчас. Возьми нужные инструменты и собери его в гостиной, на столике с телефоном. Сейчас.

Некоторое время стояла тишина, а потом до Фаулера снова донесся срывающийся голос Вероники:

— Он идет к себе в комнату. Джонни, я... ой, он возвращается! С этой твоей коробкой...

— Дай мне еще с ним поговорить, а пока выпей что-нибудь. Смешай себе парочку коктейлей.

Вероника была его единственной надеждой, а удержать ее в доме можно было, только залив ее страх виски.

— На, тебя спрашивают.

И трубка опять заворчала голосом Нормана.

Фаулер сверился со своими записями и принялся отдавать четкие, резкие, подробные приказы. Он в деталях описал Норману, что требуется, и повторил указания несколько раз подряд.

В конце концов Норман начал паять новую схему «Головотрона», а Вероника следила за ним, описывала происходящее и делала необходимые Фаулеру замеры. К тому времени как она слегка опьянела, процесс уже более-менее наладился. Конечно, ее замерам могло недоставать точности, поэтому Фаулер требовал, чтобы она снова и снова проверяла и перепроверяла размеры каждой детали.

Несколько раз он разговаривал с Норманом, и с каждым разом голос пленника становился все слабее. Норман усердно трудился над «Головотроном», и опасная энергия покидала его вместе с жизненными силами.

Наконец Фаулер собрал всю необходимую информацию, после чего приказал совершенно измученному Норману возвращаться в свою комнату. Вероника сказала, что Норман послушно поплелся туда и упал там прямо на пол.

— С меня норковая шуба. Спасибо и пока.

— Но...

— Мне надо бежать. Все объясню при встрече.

Патент он буквально вырвал зубами, однако предстояла еще судебная тяжба с фирмой, пытавшейся украсть изобретение. Утешало одно — его курочка пока продолжала нести золотые яйца.

И в то же время рисковать было нельзя. Нужно было по горло загрузить Нормана работой. Как только к нему вернутся силы, снова последует всплеск активности. И очень скоро никакие замки не смогут удержать Нормана...

Да, Фаулер мог запереть двери, но если Норман задастся целью, он с легкостью вырвется из своего плена. Как только ему в голову придет мысль «задача — сбежать», его ловкие пальцы мигом соорудят какой-нибудь проникатель сквозь стены или передатчик материи, и тогда все, конец.

Но у Нормана было одно полезное свойство. Если заставить его работать — на благо Фаулера, разумеется,— все его своеволие сойдет на нет.

Розоватое освещение высокой кабинки выгодно оттеняло лицо Вероники. Она передвинула бокал с мартини и произнесла:

— Но, Джон, я не хочу за тебя замуж.

В бокале, который вертели пальчики Вероники, играли отблески света. Как все-таки она была хороша — даже для известной модели известного агентства. И Фаулер так хотел удержать ее.

— Почему же?

Она смущенно пожала плечами. С того самого дня, как она встретилась с Норманом, Вероника вела себя слегка странно. Фаулер дарил ей дорогие подарки, задабривал разговорами, и иногда это действовало, но в общем и целом он чувствовал: с каждым днем Вероника отдалялась от него. Да, умом девушка не блистала, но у

нее неплохо была развита интуиция. Которая и удерживала ее от замужества с Джоном Фаулером.

— Может, мы просто слишком похожи, Джонни? — задумчиво предположила она.— Даже не знаю. Я... кстати, как поживает твой полоумный слуга?

— Тебе он все не дает покоя? — В голосе Фаулера проскользнуло раздражение. Слишком уж она заботилась о Нормане. Похоже, не надо было пускать ее в дом, вот только выбора не было.— Давай забудем о Нормане. С ним все в порядке.

— Джонни, я честно думаю, что ему надо бы обследоваться. В тот день он выглядел каким-то совсем больным. Ты уверен...

— Конечно уверен! За кого ты меня принимаешь? И вообще, он и так находится под наблюдением врача. Норман просто слабоумный. Я тебе это двадцать раз повторял. Может, ты мне все-таки поверишь? Он... регулярно ходит к врачу. Просто он слегка разнервничался, увидев тебя. А сейчас с ним все хорошо. В общем, забудем о Нормане. Мы ведь говорили о свадьбе, а?

— Это ты говорил, не я. Нет, Джонни. Боюсь, ничего из этого не выйдет.

Глаза Вероники слегка блеснули, отражая мягкий свет, и по ее лицу пробежала тень сомнения — или подозрения? От женщин с таким складом ума, как у Вероники, никогда не знаешь, чего ожидать. Фаулер мог найти аргументы на любое ее возражение, но аргументы были для нее пустым звуком, ибо все ее убеждения представляли собой непоколебимый монолит.

— Ты выйдешь за меня замуж,— твердо заявил он.

— Нет.— Она бросила на него тревожный взгляд и глубоко вздохнула.— Пожалуй, Джонни, сейчас я могу тебе об этом сказать. Совсем недавно я решила выйти замуж за другого человека.

— За кого это? — Ему хотелось закричать, и только неимоверным усилием воли он сдержался.

— Ты его не знаешь. Это Рэй Барнаби. Я... окончательно это решила, Джон.

— Мне это имя ничего не говорит,— ровным голосом ответил Фаулер,— но я постараюсь узнать о нем как можно больше.

— Ну, Джон, не будем ссориться. Я...

— Вероника, ты выйдешь замуж за меня, и только за меня.— Даже сам Фаулер поразился жесткости своего голоса.— Поняла?

— Не будь идиотом, Джонни. Я тебе не принадлежу.

— Я не идиот! Я просто ставлю тебя в известность.

— Джон, я буду поступать так, как сама захочу. И не будем ссориться.

До сих пор, до этой вспышки ледяной ярости, Фаулер и не осознавал, что женитьба на Веронике превратилась для него в навязчивую идею. Он отвык от неповиновения — безграничная власть над Норманом позволила ему ощутить сладкий вкус тирании. И сейчас Фаулер долго рассматривал Веронику в розоватом освещении кабинки, пытаясь совладать с голосом и не сорваться на крик.

— Что ж, Вероника, если это твое последнее слово, я позабочусь о том, чтобы ты жалела о своем решении всю жизнь,— наконец процедил он.

Она отодвинула свой недопитый бокал почти с такой же яростью, какая кипела внутри его.

— Не выводи меня из себя, Джон,— гневно заявила Вероника.— У меня тоже есть характер. Меня всегда что-то в тебе отталкивало.

— Ты обо мне еще и не такое узнаешь, если не...

— Хватит, Джон,— отрезала она и поднялась со своего места, поправляя сумочку на плече.

Даже в мягком свете было видно, как заострилось ее лицо — гневные складочки пролегли вдоль носа и рта Вероники. И в этот миг Фаулер ощутил какое-то противоестественное торжество, ведь в своей ярости она

была так безобразна. Но даже эта внезапная уродливость не поколебала его намерений.

— Ты выйдешь за меня замуж,— отрезал он.— Сядь. Ты выйдешь за меня, даже если мне придется...— Вдруг он запнулся.

— Придется что? — В ее голосе кипел гнев.

Он покачал головой. Его угроза должна остаться в тайне.

«Норман поможет мне,— думал он с холодным ликованием.— Норман найдет выход».

Он только ухмыльнулся вслед девушке, гордо вышедшей из бара.

Целую неделю Фаулер ничего о ней не слышал. Он навел справки об этом самом Барнаби и без особого удивления узнал, что Вероника собирается — если это вообще правда — выйти замуж за юного брокера среднего достатка и средних же способностей. Ничтожество! Фаулер был просто в бешенстве. Они одного поля ягоды и, несомненно, заслуживают друг друга! Но он был все еще одержим Вероникой: она достанется только ему, и никому больше!

Однако ничто не могло изменить ее решения. Зато можно было заставить передумать Барнаби, нужно лишь время. А сейчас Норман трудился над хитроумным устройством, позволяющим воспроизводить любое освещение,— тот розоватый свет в баре так «шел» облику Вероники!

Минула целая неделя, а от Вероники не было никаких вестей. Ничего, не страшно, Фаулер мог позволить себе чуточку подождать. У него были способы держать ее на крючке. А пока он лишь наблюдал и терпеливо ждал своего часа.

Кроме того, у него имелись и другие дела. Уже были готовы к подаче на патент два новых устройства — «Волшебный замóк», кодируемый отпечатками паль-

цев, и «Шлем-парикмахер», способный исполнить любую стрижку и, вероятно, грозящий разорением всем цирюльникам планеты. Однако тяжба по поводу «Головотрона» грозила вылиться в дорогостоящую процедуру, да и Фаулер уже привык жить не по средствам. Далеко не по средствам. Это казалось таким глупым — тратить только то, что получаешь, когда не за горами поистине сказочные богатства.

Дважды он отрывал Нормана от создания иллюзорного светильника, поручая ему мелкие задания из других областей. К тому же Норман сам по себе был большой проблемой.

Работа изнуряла его. Должна была изнурять. Это было необходимостью. Неприятной, но необходимостью. Иногда Фаулеру даже становилось немного неловко от жуткой усталости, сквозившей во взгляде Нормана. Норману приходилось несладко. Но поскольку он не мог выразить свои страдания, Фаулер утешался тем, что говорил себе: мол, это все фантазии больной совести. Легче было отмахнуться от того, что не хотелось видеть, оправдывая себя тем, что «на самом деле все это во благо».

К концу второй недели Фаулер решил больше не дожидаться Вероники. Он купил кольцо с огромным бриллиантом, чья стоимость поразила даже его самого, и в придачу к нему небольшое обручальное колечко с кругом ограненных под изумруды бриллиантиков. И, положив в карман драгоценностей на десять тысяч долларов, он отправился в город, к Веронике домой.

Дверь ему открыл Барнаби.

Как будто со стороны, Фаулер услышал свой голос:

— Э-э... Мисс Вуд дома?

Барнаби ухмыльнулся и покачал головой. Фаулер заранее знал, что ему ответят. Можно было не обращать внимания на дурацкое шестое чувство, которое настойчиво шептало на ушко, но эта глупая, довольная ухмыл-

ка может свидетельствовать только об одном. Впрочем, он не дал Барнаби произнести ни слова. Оттолкнув пораженного жениха, Фаулер влетел в квартиру.

— Вероника! — закричал он.— Вероника, ты где?

Она появилась из кухни в фартуке в складочку, на лице ее были написаны одновременно опаска и вызов.

— Кажется, тебя сюда не приглашали, Джон Фаулер,— решительно заявила она.

У него за спиной возник Барнаби и начал было что-то сердито говорить, но девушка, проскользнув мимо Фаулера, успокаивающе взяла Барнаби за руку.

— Мы поженились позавчера, Джон,— сказала она.

С удивлением Фаулер обнаружил, что кровавая пелена ярости — это вовсе не фигуральное выражение. На мгновение эта самая пелена скрыла и комнату, и молодоженов. Он едва мог дышать, настолько сильным было его бешенство.

Он достал из кармана белую бархатную коробочку, открыл и повел ею перед носом Вероники. Жидкое пламя задрожало на мириадах бриллиантовых граней, и на миг зависть проступила на лице Вероники, но потом оно стало твердым под стать алмазу.

— Думаю, тебе лучше уйти, Фаулер,— сказал Барнаби.

И в полной тишине Фаулер вышел.

Теперь в иллюзорном светильнике не было никакой нужды. Для мести понадобится нечто посерьезнее. Норман отложил в сторонку уже готовое устройство и занялся другой проблемой. Ничего страшного, когда-нибудь светильник пригодится. А сейчас в голове Фаулера уже рождались новые идеи.

Воплощение этих идей стоило недешево. Все прикинув и взвесив, Фаулер решил, что настало время выбросить на рынок чудо-окно.

До сих пор он хранил это изобретение про запас. Отчасти, наверное, потому, что опасался последствий. Будучи художником, Фаулер знал, что телепатический проектор может породить новый вид искусства. Здесь таилось столько возможностей...

Но затея с окном провалилась.

Не совсем, конечно. В окне было нечто чудесное, а люди всегда готовы покупать чудеса. Но как далеко это было от мгновенного, невероятного финансового успеха, в котором так уверен был Фаулер!.. Возможно, окно оказалось слишком чудесным. Изобретатели всегда кроются в тени, пока мир не будет готов принять их творение. Мельес* в Париже начал снимать звуковое кино уже в 1890 году, но тогда это казалось волшебством вдвойне, и изобретение никого не затронуло. Так и телепатический экран — он выглядел чересчур роскошно. К тому же волшебное окно оказалось не таким простым или безопасным, как Фаулер думал. Далеко не все люди обладали достаточно дисциплинированным умом, чтобы создавать по своей воле всяческие картинки. А в качестве общедоступного развлечения окно походило на семейный фильм — воспоминания и мечты других людей невыносимо скучны, пока не увидишь в них себя.

Кроме того, данная диковинка слишком попахивала телепатией, чтобы ей доверяли. Фаулер достаточно давно жил один, а потому забыл о том, насколько опасно вы-

---

* Жорж Мельес (1861–1938) — кинопродюсер и режиссер, один из родоначальников французского кино. Работал в кинематографе с 1896-го по 1912 год. Изобретатель стоп-кадра. Картины Мельеса — это по большей части сказки и феерии, изобилующие трюками и тем, что сейчас принято называть спецэффектами. Интересно, что в эпоху черно-белого кино почти все его фильмы были цветными, раскрашенными от руки. А вот о том, чтобы он снимал звуковое кино, киноэнциклопедии не упоминают. Считается, что звуковое кино было изобретено в двадцатых годах двадцатого же века. Либо у Каттнера другие сведения, либо он перепутал звуковое кино с цветным.

давать свои мысли другим. На своем окне он мог представлять все, что угодно. Но в обычной семье это невозможно. Попросту невозможно.

Разумеется, некоторые голливудские компании и несколько миллионеров взяли окна в аренду — продавать свое изобретение Фаулер наотрез отказался. Некая киностудия сделала снимки серии нафантазированных картин и вставила их как череду снов в историю современной Золушки, но спецэффекты достигли в те годы таких высот, что окно не стало никакой сенсацией. Даже студия Диснея могла состряпать куда более внушительные иллюзии. Оставалось лишь ждать, пока не появятся художники, проецирующие свои видения профессионально.

Еще одно окно взяла в аренду группа этнологов, которая пробовала запечатлеть на стекле воспоминания стариков, дабы воссоздать повседневную жизнь недавнего прошлого. Но картинки оказались слишком расплывчатыми и неточными, полными анахронизмов. Они требовали такой тщательной перепроверки, что теряли всякую ценность. Отсюда можно было сделать вывод: средний ум слишком недисциплинирован, чтобы выступать проектором. И волшебное окно на поверку оказалось хоть и дорогой, но всего лишь игрушкой.

Доходов оно не принесло. Правда, для Фаулера окно таило в себе еще одно свойство, куда более важное, чем деньги...

Одним из свадебных подарков Веронике и Барнаби стало именно телепатическое окно. Оно пришло по почте, анонимно. Вероника и Барнаби не могли не заподозрить подвоха. Впрочем, как бы то ни было, молодая пара решила оставить окно себе. Благодаря работе моделью Вероника вращалась в достаточно обеспеченных кругах, да и у Барнаби было несколько богатых друзей. Любой из них мог взять в аренду окно и прислать молодоженам в качестве подарка. Кроме всего прочего, обла-

дание таким окном резко поднимало их вверх по социальной лестнице. Поэтому Вероника и Барнаби решили не заглядывать дареному коню в зубы. И окно осталось у них.

Они не знали, но могли подозревать... Над созданием данного конкретного окна Норман трудился в течение многих изнурительных часов, а Фаулер все это время стоял над ним, подгоняя его постоянными приказами.

Когда новинка провалилась на рынке, Фаулер не больно-то расстроился. Существуют и другие способы заработать денег. Пока в его распоряжении Норман, он свободен от обычных законов спроса и предложения. Привычные рамки уже не ограничивали Фаулера... Да и как они могут удержать человека, в чьем распоряжении находится неограниченный запас денег и ресурсов? От провалов Фаулер никогда по-настоящему не страдал. Страдать приходилось Норману.

К вящему своему сожалению, Фаулер не мог наблюдать за тем эффектом, который оказывал его подарок. Для этого ему бы пришлось стать незаметной тенью в квартире молодоженов. Но, зная Веронику, он мог строить догадки.

Вся задумка строилась на банальном принципе: дай ребенку нож, и он обязательно порежется.

Сначала Фаулер собирался создать окно, которое бы передавало его идеи, замаскированные под мысли влюбленной парочки. Но тут же его осенило: образы, таящиеся в головах несчастных молодоженов, могут быть куда опаснее.

— Впрочем, они ведь и так разбегутся годика через два...— сказал он себе, прокручивая в уме возможности телеокна. Он не искал себе оправданий — он в них уже не нуждался. Теперь Фаулер просто перебирал возможности.— Оба глупы, оба эгоистичны. Из такого материала хорошей семьи не создашь. Это будет совсем просто...

У каждого человека в голове таится необузданный дьявол. Все, что проходит через фильтр бессознательной цензуры, мы держим под контролем. Но на нижних уровнях психики и речи нет о морали.

Норман создал телепатическое окно, на котором иногда всплывали образы, вытащенные прямиком из глубин подсознания.

Разумеется, данным окном можно было управлять — бóльшую часть времени оно ничем не отличалось от обычного телеокна. Но стоило Фаулеру пожелать, и стекло, переключившись в новый режим, становилось в двадцать раз чувствительнее.

Перед тем как задействовать его в первый раз, он позвонил по видеофону Веронике. Вечерело. Телеокно в изысканной рамке было установлено прямо напротив видеофона, чтобы любой позвонивший сразу мог убедиться в достатке семьи Барнаби.

К счастью, на звонок ответила Вероника, хотя за ее спиной был виден и Барнаби. Муж Вероники бросил было любопытный взгляд на видеофон, но, увидев на экране Фаулера, сразу изменился в лице. Да и взгляд Вероники из вежливого превратился в сердитый, когда она узнала звонившего.

— Ну?

Фаулер усмехнулся.

— Да так, просто хотел узнать, как у вас дела.

— Спасибо, отлично. Все?

Фаулер пожал плечами.

— Если хочешь, то все.

— До свидания,— отрезала Вероника и оборвала связь.

Экран погас, и Фаулер ухмыльнулся. Ему всего-то нужно было напомнить Веронике о себе. Затем он нажал на кнопку, включающую чудесное окно, и стал ждать.

Он не знал, что будет дальше. Но что-то определенно должно случиться. Фаулер надеялся, что его звонок

напомнит Веронике о роскошных бриллиантах, которые он принес в последний раз. Еще он надеялся, что на окне появится образ драгоценностей, четкий, как отражение в тихой воде, и мерцающий ярким светом. На первый раз этого хватит, чтобы расстроить Барнаби. А жаркая ссора настраивает на дурное даже самый благородный ум. Молодожены придут в ужас, увидев на окне насилие и сокровенные картины ненависти, кроющейся в подсознании. Может, в огромном стекле Вероника отразится задушенной. Может, Барнаби увидит на своем лице кровь, сочащуюся из глубоких царапин, которые нанесла его ненаглядная...

Фаулер удобно расположился в кресле, наслаждаясь мечтами.

На это может понадобиться время. Возможно, годы. Но Фаулер был готов ждать.

Это заняло куда больше времени, чем он предполагал. Медленно, очень медленно проникал яд в семью Барнаби. Но в то же время по жилам Фаулера также растекалась отрава. Яд просочился настолько глубоко, что Фаулер даже не чувствовал его. Он вплотную подошел к последней черте.

Фаулер так и не смог определить, в какой день и час он возненавидел Нормана лютой ненавистью.

Наверняка владелец курицы, несущей золотые яйца, живет в постоянном страхе. Каждый день он заглядывает в курятник, опасаясь обнаружить там обычное белое яйцо, годное лишь для омлетов или выведения цыплят. Однако от наваждения ему не уйти, ведь он не может покинуть дом, в страхе потерять свое сокровище...

Норман был пленником, но этот пленник сковал своего тюремщика. Они были скованы одной цепью. Если Фаулер уедет надолго, Норман выздоровеет. Эта неминуемая опасность отметала любые поездки. И слуг Фаулер не мог завести — он жил со своим узником один

на один. Иногда он представлял Нормана змеей, чьи ядовитые зубы, как только они отрастут, надо немедленно вырывать, раз за разом. Но сами железы, содержащие яд, удалять нельзя, поскольку это может повлечь за собой смерть золотой курицы. Подобное смешение образов недвусмысленно указывало на состояние ума Фаулера.

Он был таким же пленником в своем доме, как и Норман.

В последнее время Фаулер давал Норману поручения просто в целях безопасности, уже нисколько не думая о коммерческой ценности. А тот постепенно набирался сил. Норман все еще не мог связно излагать свои мысли, но говорил теперь гораздо чаще. И все яснее проглядывало его желание донести до Фаулера какую-то важную информацию.

Конечно, Фаулер догадывался, о чем так хочет поведать ему Норман. О том, как его можно излечить. И похоже, Норман наивно считал, что стоит ему облечь эту информацию в слова, как Фаулер немедленно окажет ему всю необходимую помощь.

Когда-то подобное наивное доверие могло тронуть Фаулера. Когда-то, но не сейчас. Он слишком долго и слишком безжалостно пользовался Норманом, и теперь ему оставалось только ненавидеть — либо Нормана, либо себя. По привычке он переносил свою вину на пленника и наказывал его за это. Таинственное происхождение Нормана, его таинственные возможности — эти загадки уже не беспокоили Фаулера. Наверное, затуманенный мозг пленника где-то замыкает, и отсюда рождаются гениальные идеи. Фаулер просто принимал это и использовал.

Вполне вероятно, существовали какие-то правила, определяющие, что может и что не может сделать Норман, но правила эти Фаулер так и не смог понять. А по-

том и вовсе махнул на них рукой. Норман создавал невероятно сложные механизмы, но пасовал перед простейшими задачами.

Также обнаружилось еще одно умение Нормана — он мог безошибочно находить потерявшиеся в доме вещи. Фаулер выяснил это совершенно случайно и весьма порадовался своему открытию: после таких поисков Норман буквально валился с ног. Когда не удавалось придумать ничего другого, а у Нормана оставалось слишком много сил и ясности рассудка, Фаулер просто говорил ему, что где-то потерял часы, книжку или отвертку, и отправлял Нормана на поиски.

Но потом случилось нечто весьма странное и страшное, после чего Фаулер перестал давать Норману подобные поручения. Как-то раз он приказал Норману найти папку с довольно важными бумагами. Норман прошел к себе и закрыл дверь. Долгое время его не было. Наконец Фаулер, потеряв терпение, крикнул Норману, чтобы тот выходил.

Ответа не последовало. После третьей попытки докричаться до пленника Фаулер открыл дверь и заглянул в комнату. Она была пуста. В комнате не было окон, и выбраться из нее можно было только через дверь. Но Фаулер мог поклясться, что Норман не выходил.

В панике он перерыл всю комнату, тщетно окрикивая пленника. Он обыскал весь дом в спешке и нарастающем ужасе. Нормана не было ни на кухне, ни в гостиной, ни в подвале — нигде.

Фаулер был уже на грани нервного срыва, когда дверь в комнату Нормана распахнулась и оттуда, слегка пошатываясь, появился пропавший. Его лицо было бледным и бессмысленным от усталости, но в руках он держал папку.

После этого Норман проспал три дня кряду. И Фаулер больше никогда не пользовался поиском вещей для усмирения пленника.

Шесть месяцев прошли без каких-либо значительных событий, и Фаулер послал Нормана работать над дополнительным устройством для волшебного окна Барнаби. Подкупленная приходящая служанка снабжала Фаулера новостями, кроме того, он старался быть в курсе всех сплетен от их общих друзей. Было ясно, что семью Барнаби сотрясает больше свар и пререканий, чем обычную супружескую чету, но распадаться она пока не собиралась. Волшебного окна было недостаточно.

Норман придумал незаметное приспособление, испускающее ультразвуковые волны, которые вызывали раздражительность и нервное напряжение. Служанка тайком пронесла его в квартиру. Новости, которые стали поступать после этого, куда больше понравились Фаулеру.

В целом на всю затею ушло три года.

А решила исход дела та самая подсветка, которая пришла в голову Фаулеру после достопамятной встречи, когда Вероника впервые рассказала о Барнаби.

Норман работал над прибором довольно долго. Светильники были сделаны чрезвычайно тонко. Чтобы получить нужный оттенок, пришлось изучить цвет кожи Вероники, обои в квартире, расположение окон. У Нормана была масштабная модель комнат, в которых брак Барнаби катился к разводу. Очень долго он думал, под каким углом должен падать свет, чтобы получился наихудший эффект. И конечно, это все надо было делать очень осторожно, ведь нельзя было допустить, чтобы замену светильников в доме заметили.

Наконец с помощью горничной все было сделано как надо. И теперь Вероника, приходя домой, становилась уродиной.

В новом свете она выглядела осунувшейся и усталой. Он подчеркивал каждую ее морщинку и все несовершенства. Ее кожа казалась землистой. Новый свет

заставил Барнаби гадать, как он раньше мог считать эту женщину красивой.

— Это ты виноват! — заходилась в истерике Вероника.— Это ты во всем виноват и сам это прекрасно знаешь!

— При чем тут я? — надменно ответил Фаулер.

Он с трудом сдерживал улыбку, уголки рта так и норовили приподняться.

Экран видеофона разделял их, словно оконное стекло. Вероника склонилась к аппарату. От крика у нее на шее вздулись вены. Раньше он этого не замечал. Может, это появилось у нее от постоянных скандалов этих трех лет? Еще он впервые увидел тонкие вертикальные бороздки между ее бровями. После замужества Фаулер видел Веронику всего раза два. Когда ему хотелось повидать ее, он пользовался волшебным окном — так было гораздо приятнее и безопаснее.

Сейчас перед ним было почти незнакомое лицо, незнакомая женщина. У Фаулера мелькнула мысль, что во всем виновато обезображивающее освещение. Но потом он заметил людей за спиной Вероники и понял, что она звонит из аптеки. Перед ним была реальность, а не иллюзия. Перед ним была настоящая Вероника, такая, какой ее сделали они с Норманом.

— Ты сделал это! — обвиняла она.— Не знаю как, но ты сделал это...

Когда она позвонила, Фаулер как раз читал газету. Теперь он незаметно заглянул в раздел светской хроники и обнаружил, что накануне вечером известная модель агентства «Кори» и ее муж-брокер вдрызг разругались при большом скоплении народа.

— Так что же все-таки случилось? — мягко спросил Фаулер.

— Не твое дело,— рявкнула Вероника, продемонстрировав типичную женскую логику.— Не прикиды-

вайся, будто не знаешь! Без тебя тут не обошлось, и тебе это отлично известно. Без тебя и твоего полоумного Нормана. Думаешь, я не догадалась? Все эти ваши глупые фокусы... Я знаю, вы что-то смастерили...

— Вероника, у тебя истерика.

Конечно, у нее была истерика. Истерика, приправленная всегдашней убежденностью в том, что никакие неприятности не могут произойти по ее вине. Совершенно случайно со своими истерическими обвинениями Вероника попала в точку, но это не имело значения.

— Он тебя бросил? Да?

В ее взгляде была ненависть. Тем не менее она кивнула.

— Это твоя вина, и ты мне поможешь. Мне нужны деньги. Мне...

— Хорошо, хорошо. Ты несешь бред, но я помогу. Ты сейчас где? Я подъеду, мы выпьем и поговорим. Все не так страшно, как кажется, крошка. Он тебе не пара. Ни о чем не волнуйся. Я буду через полчаса, и мы продолжим разговор, начатый три года назад.

Отключив видеофон, Фаулер отстраненно подумал, что не во всем покривил душой. Как ни странно, он все еще хотел жениться на Веронике. Его отталкивали ее новое лицо с сердитыми морщинами и шея с вздувшимися венами, но отбросить навязчивую идею он не мог. Фаулер три года добивался этого и теперь хотел жениться на Веронике Барнаби не меньше, чем когда-то на Веронике Вуд. А потом... Впрочем, не стоит загадывать на будущее.

Однако кое-что его пугало. Вероника оказалась не так глупа, как он решил в тот день, когда был вынужден позвать ее помочь с Норманом. Она слишком много видела, слишком много поняла, слишком много запомнила. Это было опасно. Нужно было выяснить, что же она думает о нем и Нормане.

Надо заставить ее молчать, так или иначе.

Тут Норман до боли четко произнес:

— Должен сказать тебе... должен...

— Нет, Норман,— поспешно перебил Фаулер.— Надо работать. У нас нет времени на разговоры.

— Не могу работать. Нет, должен тебе сказать...

Норман умолк, поднял трясущуюся руку к глазам и скривился, глядя на собственную ладонь. На лице его отразились отчаянные усилия и мольба. Сила, таинственным образом возвращающаяся к нему временами, сейчас почти вернула Нормана в мир людей. Пустота его лица порой наполнялась почти узнаваемой индивидуальностью.

— Не сейчас, Норман! — Фаулер услышал тревогу в собственном голосе.— Ты мне нужен. Потом мы разберемся, что ты мне хочешь сказать. Но не сейчас. Я... послушай, мы должны исправить систему освещения для Вероники. Я хочу, чтобы свет ее красил. И мне это нужно быстро, Норман. Тебе придется заняться этим прямо сейчас.

Норман смерил его пустым взглядом, и Фаулеру это не понравилось. Он отвел глаза и стал смотреть на лоб Нормана, терпеливым голосом повторяя инструкции.

Там, за этим безликим фасадом чистого лба, должно быть, билось в застенках живое существо, тщетно пытаясь освободиться... Фаулер с отвращением отбросил эту дикую мысль, еще раз повторил приказ и поспешил из дома. Вероника ждет.

Но взгляд Нормана преследовал его весь день, пока Фаулер был в городе. Темный, пустой, отчаянный взгляд... Взгляд узника, запертого в темнице под сводом черепа, в тошнотворно замкнутом пространстве. И сколько он ни кричит, никто его не услышит... Однако пленник становится слишком сильным. В конце концов, загрузить его работой будет только милосердием: от усталости

он снова впадет в оцепенение и забудет о своей жалкой доле.

Вероники на условленном месте не было. Фаулер целый час просидел в баре. Потом позвонил ей домой, но никто не ответил. Он позвонил и себе, но там вроде тоже никого не было. Фаулера охватила тревога, объяснить которую он не мог. Волнуясь все больше, он отправился домой.

Вероника ждала его на пороге.

— Вероника! Я прождал битый час! Что такое?

Она улыбнулась. В ее улыбке читалось торжество, но ни одно слово не слетело с ее губ.

Фаулер ворвался в дом, оставив Веронику на крыльце. Его преследовало ощущение, будто случилось что-то страшное. Почти машинально он позвал Нормана. Похоже, подсознание, опередив разум, первым догадалось, где скрывается самая большая опасность. Возможно, Вероника и глупа, но он забыл, какими хитрыми бывают тупицы. Сложить два и два ей было по силам. И ей вполне хватало ума вычислить причины и действовать логично, когда от этого зависело ее благополучие.

Но сегодня она просто превзошла себя.

Норман лежал на кровати в комнате без окон, и на лице его не отражалось ровным счетом ничего. Какие-то умственные и волевые усилия истощили его так, что он потерял остатки разума. Что послужило тому причиной? Неужели Вероника поставила перед ним какую-то новую задачу — совершенно неразрешимую? Уж Фаулер-то здесь точно был ни при чем. Работа, над которой по его заданию Норман трудился час назад, никак не могла довести его до такого состояния.

Но стал бы Норман подчиняться кому-либо кроме Фаулера? В прошлый раз он проигнорировал приказы Вероники. И не сбежал только потому, что Фаулер твердо велел ему вернуться... Хотя стоп! Она же его угово-

рила. Фаулер начал припоминать. Она не могла командовать, но могла уговорить безликого гостя послушаться ее. Это был действенный способ. И она об этом знала.

Что же за задание она дала Норману?

Фаулер бегом кинулся в гостиную. Вероника по-прежнему стояла в дверях. Она ждала.

— Что ты сделала?

Она улыбнулась и ничего не сказала.

— Что произошло?! — выкрикнул Фаулер.— Отвечай, Вероника! Что ты сделала?

— Я поговорила с Норманом. Я... попросила его сделать для меня кое-что. Вот и все. До свидания, Джон.

— Стой! Ты не можешь так просто уйти! Мне надо знать, что случилось. Я...

— Узнаешь.— Вероника снова растянула губы в тонкой улыбке и закрыла дверь.

Фаулер услышал, как ее каблучки пару раз стукнули по дорожке, и все. Вероника ушла, и он ничего не мог с этим поделать.

Он не знал, что она сделала. Фаулер был в ужасе. Она говорила с Норманом — а сегодня Норман был почти вменяем. Если она задала нужные вопросы, то могла узнать почти все. Все о магическом окне, об ультразвуке, об освещении... О самом Нормане. И даже... И даже о некоем оружии, которое Вероника сможет использовать против Фаулера. Норман его соорудит, если ему прикажут. Он всего лишь механизм. Он не может мыслить, только подчиняться.

Значит, у нее может быть оружие. Но какое? Фаулер никогда не знал, на что способен ум Вероники. И теперь он не мог себе представить, какой способ мести она предпочла бы, получив в свое распоряжение такую всемогущую силу, как изобретательский дар Нормана. Фаулера вообще никогда не интересовал ее ум. Он не догадывался, что за существо скрывается в ее черепной ко-

робке, так же как и что за пленник живет в голове Нормана. Единственное, что он знал наверняка о создании, обитающем в Веронике,— что эта тварь способна гаденько ухмыляться. И эта мысль бесила Фаулера.

«Узнаешь»,— сказала перед уходом Вероника. Но прошло несколько дней, прежде чем он понял, что она имела в виду. Впрочем, даже тогда он не был уверен, что во всем виновата она. Все эти неприятности могли быть и несчастливым совпадением. Найти Веронику в городе он не смог, сколько ни пытался. Однако ему все время чудилось, что она следит за ним, что, если очень быстро обернуться, он успеет увидеть ее.

«Вот так и работает колдовство вуду,— в ярости сказал он себе.— Человек, который знает об угрозе, может сам запугать себя до смерти...»

Нет, в его случае смерти можно было не бояться. Это уж точно не входило в планы Вероники: убить врага, тем самым дав ему уйти. Она знала, чем сразить Фаулера — выставив его на посмешище.

Возможно, все происходящее было всего лишь чередой совпадений. Однажды он споткнулся и шлепнулся, как клоун, до упаду рассмешив очередь за билетами на поезд. При одном воспоминании об этом у Фаулера начинали гореть уши. В другой раз, хлопоча о патенте, он три раза подряд по-дурацки оговорился, когда хотел произвести впечатление на одного конгрессмена и его надутую индюшку-жену. А на обеде у Билтморов он ронял все, к чему притрагивался,— тарелки, вилки, бокалы. В конце концов все в комнате уставились на Фаулера, а метрдотель явно вознамерился выставить его за дверь...

Это было похоже на бомбу замедленного действия. Фаулер никогда не знал, что, когда и где с ним произойдет в следующий раз. И убеждал себя, что чистый, тонкий издевательский смех Вероники, который он слы-

шит каждый раз, когда собственное тело подводит его и выставляет дураком,— это лишь игра воображения.

Фаулер пытался выбить правду из Нормана.

— Что ты сделал? — кричал он в пустое, безмолвное лицо.— Что она велела тебе? Ты что-то намудрил с моими синапсами, да? Чтобы она могла перехватывать управление моим телом, когда ей вздумается? Что ты сделал, Норман?

Норман молчал.

На третий день Вероника позвонила. У Фаулера аж колени ослабли от облегчения, когда на экране видеофона проявились ее черты. Однако, не дав ему и рта раскрыть, она отчеканила:

— Так, Джон. У меня есть только минута на тебя. Я просто хотела сообщить, что со следующей недели я возьмусь за тебя всерьез. Все, Джон. Пока.

Больше лицо Вероники на видеофоне не появлялось, сколько бы Фаулер ни колотил по нему, как бы сильно ни нажимал на кнопки, набирая ее номер. Вскоре он в полном изнеможении упал на стул и уставился в стену. Ему стало по-настоящему страшно...

Уже давненько Фаулер не знал горя, которому не мог бы помочь Норман. А сейчас Норман действительно не мог помочь. Он был не способен или не хотел создавать защиту от неизвестной угрозы. Также не способен он был и намекнуть Фаулеру, что же за оружие он, Норман, вложил в прелестные ручки Вероники.

Это мог быть всего лишь блеф, однако Фаулер не мог рисковать. Он сильно изменился за эти годы, гораздо сильнее, чем сам предполагал до сих пор. Когда-то его мозг был достаточно гибок, чтобы встречать угрозу без паники и находить способ защититься. Но не сейчас. Фаулер слишком долго зависел от Нормана, решающего за него все проблемы. Он оказался беспомощным. Разве что...

Фаулер рассмотрел эту идею, однако тут же отбросил ее как несостоятельную. За последнюю неделю она часто приходила ему в голову, но осуществить ее было совершенно невозможно. Совершенно:..

Он пошел в комнату без окон, где тихо сидел Норман, устремив взгляд в пустоту. Фаулер просунул голову в дверь и посмотрел на пленника. Там, в черепе этого человека, скрывался секрет более ценный, чем все его изобретения. Мозг, разум, исток. Загадочный каприз природы, заставивший курицу нести золотые яйца.

— Ты используешь какую-то часть мозга, не работающую у других,— задумчиво проговорил Фаулер.

Норман не шелохнулся.

— Возможно, ты выродок. Возможно, мутант. Но в твоей голове есть что-то вроде термостата. Включишь его, включается и твой мозг. Мы с тобой используем разные центры мозга. Ты как мотор на холостом ходу. Включается турбонаддув, и твой мозг начинает работать по непонятным мне законам логики. Я вижу результат, но не знаю, как ты его достиг. Если бы я знал...

Он замолчал, уставившись на макушку понурившегося Нормана так пристально, будто мог разглядеть, что у него там внутри.

— Если бы я только узнал твою тайну, Норман! Тебе она только во вред. А я, с твоим секретом и моим разумом, мог бы столько всего сделать...

Даже если Норман и слышал, он не подавал виду. Но Фаулера вдруг обуяла жажда деятельности.

— Я это сделаю! Надо попробовать. Все равно терять нечего! Я заперт в этом доме с тех самых пор, как это началось, а теперь и Норман помочь не может. По крайней мере стоит попробовать.

Он стал трясти молчащего пленника за плечо.

— Норман, проснись. Проснись же! Норман, ты слышишь меня? Проснись, Норман, нас ждет работа.

Очень медленно, как будто из далекого путешествия, пленник вернулся в свою тюрьму, съежился в костяной клетке черепа и уставился на Фаулера бессмысленным взглядом из глубоких глазниц.

И тут Фаулер с ужасом понял, что до нынешней минуты он в упор не замечал самого очевидного решения. Норман мог это сделать. Фаулер почти не сомневался. Мог и даже должен был. К такой развязке они шли с той самой минуты, когда несколько лет назад Норман позвонил в дверь. Чтобы это понять, понадобилась Вероника и вся эта передряга. Но сейчас настало время для последнего чуда.

Фаулер станет самодостаточен.

— Скоро ты славно отдохнешь, Норман,— мягко начал он.— Ты мне поможешь... научиться думать, как ты. Понимаешь, Норман? Ты знаешь, что заставляет твой мозг работать так, как он работает? Я хочу, чтобы ты меня научил, как это делается. А потом ты уйдешь на каникулы, Норман. Долгие, сказочные каникулы. Больше ты мне не будешь нужен, Норман.

Норман работал целые сутки без отдыха. Фаулер наблюдал за ним, сдерживая нарастающее волнение. Ему казалось, что его пленник не меньше его самого захвачен последним и, пожалуй, главным заданием. Он все время что-то бормотал над замысловатой проводкой для какого-то механизма. Эта штука чем-то напоминала незамкнутую многоугольную раму с подвижными сочленениями. Норман обращался с ней предельно осторожно. Время от времени он отрывался от своего занятия и, казалось, хотел что-то сказать, чему-то возразить. Но Фаулер безжалостно приказывал ему вернуться к работе.

В законченном виде конструкция смахивала на тюрбан, как раз впору какому-нибудь султану. На лбу даже сиял драгоценный камень размером с фонарь-на-

лобник, причем он действительно испускал свет. К нему тянулись все провода, и камень, сидящий в сплетении проводов надо лбом, испускал мягкое голубоватое сияние. Что его питало — непонятно. Фаулер подумал, что камень похож на медленно моргающий глаз. Глаз глубокомысленно смотрел на него из рук Нормана.

В последний момент Норман едва не передумал. Его лицо посерело от усталости, но он склонился, не давая Фаулеру тюрбан. Почувствовав себя Карлом Великим, Фаулер нетерпеливо выхватил механизм и водрузил себе на голову. Норман с неохотой нагнулся, чтобы поправить.

Чудесная минута предвкушения...

Тюрбан оказался легким как перышко, но там, где он прикасался к коже головы, она чуть-чуть болела, как будто кто-то тянул за волосы. Боль все росла. Тут Фаулер осознал, что дело не только в волосах...

Не только в волосах, но и в мозге...

Не только...

Сквозь туман, расползшийся по комнате, проступило приближающееся встревоженное лицо Нормана. Он почувствовал, как кто-то поднял электрический венец. Ослепленный дикой болью, Фаулер смущенно смотрел на Нормана. Тот морщился.

— Нет. Нет... неправильно... ты... неправильно.

— Я не прав?

Фаулер качнул головой, и боль отступила. Осталось только сладостное предвкушение и нетерпеливое разочарование от отсрочки. В любой момент что-то могло помешать им: например, Вероника отколет какой-нибудь новый фокус, и все будет потеряно...

— Что неправильно? — Фаулер пытался обуздать свое нетерпение.— Я? В чем я не прав, Норман? Что-нибудь случилось?

— Нет. Неправильно... ты.

— Подожди-ка.— Фаулеру уже приходилось решать такие загадки.— Так, я не прав? В чем? — Он огляделся по сторонам.— Неправильная комната? — наугад выпалил он.— Неправильный стул? Неправильное подключение? Я должен чем-то помочь? — Последний вопрос вроде бы вызвал какой-то отклик.— Как помочь? С проводами? Я должен делать что-то, когда надену шлем?

— Думать! — выпалил Норман.

— Я должен думать?

— Нет, неправильно. Думать неправильно.

— Я неправильно думаю?

Норман в отчаянии отмахнулся и двинулся в комнату, захватив с собой тюрбан.

Фаулер потер лоб, где надавили провода, и задумался о случившемся. Думать неправильно. Чушь какая-то! Он посмотрел на свое отражение в экране видеофона, отлично замещающем зеркало, потрогал красный след от проводов и тихо сказал себе: «Мышление. Что-то зависит от мышления. Что же?» Очевидно, тюрбан изменял ход его мыслей, приоткрывал дверцу, за которой таились иные законы, управляющие разумом Нормана.

Фаулер подумал, что, возможно, это как-то связано с тем, что сначала шлем стал как будто тянуть волосы, потом череп, а потом и мысли — словно кто-то гладил против шерсти. Но разгадать эту загадку Фаулер не мог. Он так устал. Все эмоциональное напряжение последних дней, угроза, по-прежнему висящая над ним, трепет перед недалеким будущим... Нет, сейчас он не в силах ни в чем разобраться. Оставим это Норману. Норман и решит эту задачу — им обоим во благо.

Так и произошло. Через несколько минут Норман вышел из своей каморки с новым, более высоким и круглым тюрбаном, светящаяся точка на нем стала более насыщенно-синей. Твердой походкой он направился к Фаулеру.

— Ты... думаешь неправильно,— с поразительной четкостью произнес он.— Очень... очень стар. Не измениться. Думаешь неправильно!

Он тревожно посмотрел на Фаулера, и тот в ответ уставился на Нормана, ища в его глубоко посаженных глазах ключ к смыслу, скрытому в запертых камерах черепа.

— Думаю неправильно,— откликнулся Фаулер.— Очень... стар? Не понимаю. Или понимаю? Ты хочешь сказать, что мой разум утратил гибкость? — Он вспомнил мучительный момент, когда все процессы в мозгу будто пытались повернуть вспять.— Но тогда же он вообще не будет работать!

— Ага,— уверенно заявил Норман.

— Но если я слишком стар...

К возрасту это не имело никакого отношения. Не так уж стар был Фаулер. Просто все его мысли остановились, когда появился Норман. Он глубоко увяз в потворстве своим прихотям, и сейчас его мозг отказался принимать ответ, предлагаемый тюрбаном.

— Я не могу измениться,— в отчаянии выкрикнул он Норману.— Если бы я додумался до этого, когда ты только пришел, до того, как закостенел мой мозг...

Норман протянул тюрбан светящейся точкой к себе, и синеватый блик затанцевал на его лице.

— Этот будет работать,— сообщил он уверенно.

С запоздалой осторожностью Фаулер отодвинулся.

— Подожди-ка. Мне надо сначала узнать побольше... Как он действует? Ты не можешь сделать меня моложе, а я не хочу, чтобы над моим мозгом ставили эксперименты. Я...

Норман не слушал. Быстрым, уверенным движением он натянул электронный венец на Фаулера.

И вновь ощущение, будто какая-то сила рвет волосы, разрывает кожу, череп и мозг... А потом — на полу мгновенно сгустились тени, на секунду в восточных ок-

нах блеснуло солнце — и мир погрузился во тьму. Тьма подмигнула, стала лиловой, багрово-красной, обернулась светом...

Фаулер не мог шевельнуться. Он отчаянно пытался сбросить тюрбан, но что бы ни приказывал мозг, это не вызывало ни малейшего отклика в скованном теле. Он все так же стоял перед зеркалом, и синий свет все так же многозначительно подмигивал ему. Но все двигалось так быстро, что он не успевал понять, свет это или тень, ни расплывчатых движений, отражающихся в зеркале, ни того, что с ним происходит.

Это было вчера, и неделю назад, и год назад — Фаулер точно не знал. «Ты не можешь меня сделать моложе». Он смутно помнил, как когда-то сказал эти слова Норману. Мысли лениво ворочались где-то в глубине разума, верхние слои которого что-то срезало один за другим, час за часом, день за днем. Норман *мог* сделать Фаулера моложе. Мог сделать и делал. Норман тянул его назад в то время, когда мозг Фаулера был достаточно гибким, чтобы магический тюрбан открыл ему дорогу к гениальности.

Расплывшиеся пятна в зеркале — это люди, двигающиеся с нормальной скоростью — он сам, Норман, Вероника — вперед во времени. А Фаулер возвращался в прошлое, никем не замеченный. Однако дважды он видел, как по комнате проходил Норман, нормальным шагом. Похоже, что-то искал. На глазах у Фаулера Норман залез рукой за подушку на стуле и вытянул помятую папку для бумаг — ту самую, за которой Фаулер когда-то послал своего пленника, и тот исчез из запертой комнаты.

Значит, Норман и раньше путешествовал во времени. То есть его способности еще более велики и невероятны, чем думал Фаулер раньше. И теперь он, Фаулер, станет таким же могущественным, когда в голове у него

снова прояснится и прекратится это слепящее мерцание.

Ночь и день мелькали, словно взмахи черного крыла. В точности как описывал Уэллс. Взмахи, которые гипнотизировали крыла. Взмахи, которые оставляли Фаулера ослепленным и оглушенным...

Норман с папкой в руках поднял голову, и на мгновение Фаулер встретился взглядом с его отражением в зеркале. Потом Норман отвернулся и ушел в другое время, к новой встрече, которая затем приведет к этой же, и так раз за разом по сужающейся спирали, суть которой не понять никому...

Это не имело значения. Важно было только одно. На мгновение ясность мысли почти вернулась к Фаулеру, и он уставился на свое отражение в зеркале. Его лицо было так похоже на лицо Нормана...

Ночь и день взмахами крыла проносились мимо, а Фаулер стоял в этом безвременье беспомощный, неподвижный. С ужасом глядя на свое отражение в серой дымке утекающего времени, он знал, кто такой Норман.

Но потом его одолел милосердный сон, и больше Фаулер ничего не знал.

В мозге есть центры, которые для человека, каков он сейчас, бесполезны. Только в далеком будущем мы возмужаем настолько, чтобы совладать с этим могуществом. Человек из нашего времени может разгадать, как включить эти центры. И если он достаточно глуп, он повернет ключ и откроет дверцу к ним.

Но затем он уже ничего не сможет сделать.

Ведь современный человек недостаточно силен, чтобы справиться с необъятной энергией, необходимой для включения этих центров. Перегруженные цепи головного мозга и психика не продержатся и секунды. А потом энергия захлестнет активированные центры мозга, которые не должны использоваться еще лет тысячу, пока не появится новое человечество. И как только рас-

пахнутся врата мозга, эта энергия разрушит каналы, сожжет соединения, разорвет связи между нейронами.

Тюрбан на голове Фаулера накалился добела и исчез. То, что когда-то случилось с Норманом, происходило и с ним. Ослепительное открытие, осушение, истощение...

Он распознал лицо Нормана, отразившееся в зеркале рядом с его — оба бледные от истощения, оба оглушенные и опустошенные. Фаулер знал, кто такой Норман, что им двигало, по какой жестокой иронии он имел полное право эксплуатировать Нормана. Но теперь было уже слишком поздно менять будущее и прошлое.

Время все медленнее взмахивало крылами. И минувшее возвращалось — круг вот-вот замкнется. Воспоминания мерцали в голове Фаулера все более размыто, как день и ночь, как туманный, бесформенный мир, что только и оставался для него.

Ему было так холодно и плохо — неясно, невыносимо, не по-человечески плохо. Слабость проникала в кровь и кости, отдавалась в голове и сердце. Очертания окружающих предметов расплывались, будто в тумане. Зато он видел нечто... совсем иное и видел это с головокружительной ясностью, объяснения которой не было. Теперь он различал причины и следствия так же четко, как раньше видел траву и деревья. Но все это словно бы принадлежало иному миру, далекому, равнодушному.

Ему нужна помощь. Ему необходимо что-то вспомнить. Что-то очень важное. Он должен найти помощь, сконцентрироваться на том, что может его излечить. Излечиться можно, он знал это, чувствовал сердцем. Но ему нужна была помощь.

Перед ним выплыли очертания двери. Без единой мысли он полез в карман. Но у него не было кармана. На нем был новый костюм из блестящей ткани и без карманов. Нужно постучать, позвонить. Он вспомнил...

Лицо в зеркале. Его лицо? Но и тогда оно менялось, так облако, заслоняя солнце, отнимает жизнь, цвет и душу пейзажа. Как амнезия стерла его разум, так и физическая усталость сковала его тело — травматический шок от путешествия во времени, сквозь взмахи черных крыльев, стер черты его лица, оставив только матрицу, основу, лишенную всякой индивидуальности. Это было не его лицо. У него вообще не было лица, как и не было памяти. Он знал только, что за знакомой дверью, перед которой он стоит, ему помогут. Он должен спасти себя из замкнувшейся вечности.

На этом последние обрывки памяти и сил оставили его.

Снова звонок отозвался короткой трелью... Снова круг замкнулся.

Снова безликий человек ждал, когда Джон Фаулер откроет дверь.

НЕКУДА ОТСТУПАТЬ

Генерал открыл дверь и тихо вошел в большое и ярко освещенное помещение подземной базы. У стены, под мигающими контрольными панелями, особняком лежал ящик девять футов длиной, четыре шириной. Лежал там же, где и прежде, там же, где генерал видел его всегда: ночью и днем, во сне и наяву, с открытыми или закрытыми глазами. Ящик по форме напоминал гроб. Однако на самом деле, если повезет, ему суждено будет стать колыбелью.

Генерал был высоким и сухопарым. Он давно перестал смотреться в зеркало, потому что собственное изможденное лицо пугало его и ему становилось не по себе, когда он встречал взгляд своих запавших глаз. Он стоял в подземелье, ощущая биение невидимых механизмов, пульсирующее в каменных стенах вокруг. Его нервы тайком превращали каждый ритмичный удар в некий мощный взрыв, новый реактивный снаряд, от которого не спасут никакие оборонительные системы.

— Брум! — хрипло крикнул генерал в пустой лаборатории.

Никакого ответа. Он шагнул вперед и навис над ящиком. Индикаторы тускло подмигивали, временами по-

---

© Перевод Е. Секисовой.

драгивала стрелка на приборной шкале. Внезапно генерал сжал руку в кулак и со всего размаха ударил костяшками по зеркальному металлу ящика. Послышался звук, похожий на гулкий гром.

— Полегче, полегче,— сказал кто-то.

В дверях стоял Абрахам Брум, глубокий старик, низенький и морщинистый, с ясными глазами. Он проворно зашаркал по полу и ласково погладил ящик рукой, будто младенца успокаивал, будто ящик улавливал все мысли старика.

— Где, черт возьми, тебя носило? — спросил генерал.

— Я отдыхал,— ответил Брум.— Вынашивал кое-какие идеи. А что?

— Отдыхал, говоришь? — проговорил генерал так, словно и слова-то такого никогда не слышал.

Он и сам почувствовал, насколько странно это прозвучало. Он указательными и большими пальцами помассировал веки: казалось, комната вокруг него уменьшилась в размерах и лицо Брума опасливо попятилось в бесцветный сумрак. Но даже с закрытыми глазами генерал все равно видел ящик и стального гиганта, который дремлет внутри, терпеливо дожидаясь своего рождения. Не открывая глаз, генерал произнес:

— Разбуди его, Брум.

— Но я не зако...— надломившимся голосом начал Брум.

— Разбуди его.

— Что-то не так, генерал?

Генерал Конвей давил себе на глазные яблоки, пока чернота под веками не покраснела. Вот так же покраснеет тьма подземелья, когда произойдет последний взрыв. Может, даже завтра. Самое позднее — послезавтра. Он почти не сомневался в этом. Генерал быстро открыл глаза. Брум смотрел на него ясным, полным сомнения взгля-

дом. Внешние уголки стариковских глаз за его бесконечно долгую жизнь опустились книзу.

— Не могу больше ждать,— произнес Конвей, тщательно подбирая слова.— Мы все не можем. Эта война невыносима для человечества...

Он помедлил, переводя дыхание, и шумно вздохнул. У него не было желания — или смелости? — говорить вслух то, что рокотало у него в голове, как неуклонно приближающаяся гроза. Завтра или послезавтра — вот последний срок. В ближайшие сорок восемь часов враг начнет последнюю, сокрушительную атаку на тихоокеанском участке фронта.

Так предсказывают компьютеры. Компьютеры переварили все полезные и доступные факторы — от погодных условий до обстановки, в которой прошло детство вражеского военачальника,— и выдали прогноз. Они могут ошибаться — такое происходило то и дело, если данные оказывались неполными. Но нельзя полагаться на допущение их неправоты. Надо исходить из того, что атака произойдет в ближайшие сутки.

Генерал Конвей не спал, как ему казалось, с последнего столкновения, произошедшего неделю назад. Но по сравнению с тем, что предсказывали компьютеры, тот эпизод было сущим пустяком. Порой он отстраненно и равнодушно удивлялся тому, что его предшественник на этом посту продержался так долго. И с мрачным злорадством думал о том, кто скоро сменит его самого. Однако и эта мысль не очень-то утешала. Его ближайший подчиненный был некомпетентным идиотом. Конвей взял на себя ответственность уже давно и переложить ее на кого-то другого не мог: разве что снять с плеч больную голову да на время поставить осторожно куда-нибудь на полочку — пусть отдохнет. Э, нет, придется нести свою голову и ответственность на плечах, пока не...

— Или робот может справиться с задачей, или нет,— сказал он.— Но выяснить это нам придется сейчас.

Тут он наклонился, одним мощным рывком вскрыл ящик и отшвырнул крышку в сторону. Брум подошел к нему вплотную, и оба заглянули внутрь, где лицом вверх мирно лежало безмятежно спокойное существо. Его единственный глаз не горел и был столь же пустым и блеклым, как глаза Адама до того, как он отведал запретного плода. Передняя панель его груди была открыта, под ней виднелось хитросплетение транзисторов, почти микроскопических деталей и серебряной паутины печатных схем. Робот был оплетен множеством тончайших проводов, но большинство из них уже отсоединили. Робот был почти готов к появлению на свет.

— Чего мы ждем? — рявкнул Конвей.— Я же сказал: разбуди его!

— Еще рано, генерал. Это небезопасно — пока. Я не могу предугадать последствия...

— Он не будет работать?

Брум взглянул на стальную маску, на которой отражались мигающие лампочки приборной панели. Старик колебался, и от этого морщины еще глубже врезались в кожу его лица. Склонившись над ящиком, он тронул пальцем провод, тянущийся в широкую распахнутую грудь робота к схеме, отмеченной как «Пуск».

— Он запрограммирован,— нерешительно проговорил Брум.— И пока...

— Тогда он готов.— Тон генерала не допускал возражений.— Ты слышал, Брум? Я не могу больше ждать. Разбуди его.

— Я боюсь,— ответил Брум.

Слух генерала, как уже случалось не раз, сыграл с ним злую шутку. «Я боюсь... я боюсь...» — эхом отдавалось у него в голове, и Конвей ничего не мог с этим поделать. Но страх — свойство живой плоти, подумал он. Плоть знает, где кончаются ее возможности. Дальше пусть сталь продолжает ее дело.

«Кнопочная» война раньше казалась пустяковым делом. Человек стал осторожным. Он знает, что слабое звено — это он сам. Плоть и кровь. Задача человека — самая сложная: принимать решения, основываясь на неполных данных. До недавнего времени это было не под силу ни одной машине. Компьютеры служили сердцем и мозгом «кнопочной» войны, но их искусственный интеллект все равно был ограничен. У них имелась безотказная отговорка: «Нет ответа. Недостаточно данных». А уж как накормить их всем необходимым — верной информацией, верными вопросами, верными командами,— это была головная боль человека. Неудивительно, что генералы на командных постах так быстро сменялись.

Потому и был создан электронно-генераторный оператор. Генерал посмотрел на него: оператор спокойно ждал своего рождения. И звали его Эго. Завершенный, он будет обладать свободной волей. Сложность самых действенных компьютеров состоит не в электронике, а в заложенных в них программах. От банков данных мало толку без точных инструкций, как использовать эти данные. А разработать инструкции чертовски сложно.

Теперь эту работу возьмет на себя Эго. Он сконструирован, чтобы работать как человеческий мозг и действовать на основании неполной информации, чего до сих пор не могла ни одна машина. Плоть и кровь исчерпали свои возможности, думал Конвей. Пришло время стали. И вот Эго лежал, готовый отведать первый кусочек плода от древа познания. Неутомимый, как и положено стали, изобретательный, как живое существо, он будет грызть яблоко, пережевывать которое человечество больше не в силах...

— Что значит боишься? — спросил Конвей.

— Он наделен свободой воли,— ответил Брум.— Разве не видите? Невозможно дать машине свободу воли, оставив за собой возможность ею управлять. Я могу лишь

сформулировать Эго основную задачу: «Выиграть войну», но не могу объяснить, как именно он должен это сделать. Я сам этого не знаю. Я даже не могу приказать ему чего-то НЕ делать. Эго проснется совсем как... человек, который возмужал и получил образование за время долгого сна. У Эго появятся свои нужды, и он будет действовать по собственному усмотрению. Я не могу его контролировать. И это меня пугает, генерал.

Конвей стоял неподвижно, удивленно моргая, чувствуя, как в нервных окончаниях резкой дрожью отдается усталость. Он вздохнул и прикоснулся к выключателю маленького микрофона на лацкане.

— Прием, это Конвей. Отправить полковника Гардена на операцию «Рождество». И парочку военных полицейских.

— Нет, генерал! — поспешно выпалил Брум.— Дайте мне еще неделю. Хотя бы два дня...

— У тебя примерно две минуты,— ответил Конвей и подумал: «Посмотрим, как тебе понравится быстро принимать решения. Везунчик — на тебе-то оно всего одно. Мне за пять лет решений хватило по горло. Когда я последний раз спал? А, какая разница, какая разница... Бруму придется сделать выбор. Дадим ему пинка. Отдыхал он, видите ли!»

— Я не стану этого делать,— заявил Брум.— Ни за что. Я не могу взять такую ответственность на себя. Мне нужно больше времени, чтобы все проверить...

— Ты до Судного дня проверять будешь и никогда не активируешь Эго! — сказал Конвей.

Открылась дверь. В лабораторию вслед за полковником Гарденом вошли двое военных полицейских. Форма на Гардене была мятой и грязноватой, как обычно. Этот человек не создан для того, чтобы носить форму. Однако, заметив темные круги под глазами полковника, Конвей смягчился. Гардену последнее время тоже редко удавалось поспать. Впрочем, теперь это, можно

сказать, в прошлом: с этого дня Эго возьмет бремя ответственности на себя и оправдает свое имя.

— Арестовать Брума,— приказал Конвей, проигнорировав перепуганные взгляды.— Полковник, вы можете разбудить этого робота?

— Разбудить, сэр?

Конвей сделал нетерпеливый жест.

— Включите его, запустите.

— Э... да, сэр, я знаю как, но...

Конвей не стал утруждать себя его отговорками. Он ткнул пальцем в робота. Все возражения Гардена генералу казались бессмысленным лепетом. Сорок восемь часов, думал он. Достаточно времени, чтобы протестировать робота перед тем, как начнется атака. Если повезет. Пусть эта железяка только попробует не включиться! Генерал снова помассировал глазные яблоки, чтобы комната вокруг него перестала медленно и плавно кружиться.

— Стойте, генерал! — раздался голос Брума из глубин пустоты вокруг.— Дайте мне всего один день! Он не...

Конвей махнул рукой, не открывая глаз. Он услышал, как один из полицейских что-то сказал, а потом завязалась короткая потасовка. Затем дверь захлопнулась. Генерал вздохнул и открыл глаза.

Гарден смотрел на него с тем же сомнением, что прежде светилось в глазах Брума. Конвей сердито сдвинул брови, и полковник торопливо повернулся к ящику с роботом. Он наклонился над ним, совсем как Брум, и коснулся пальцем провода, ведшего к участку схемы с пометкой «Пуск».

— Как только мы его отсоединим, Эго начнет действовать по своему разумению,— предупредил полковник.

— Он получил приказы,— коротко ответил генерал.— Ну же, делай что-нибудь.

Раздался тихий гудок: Гарден аккуратно отсоединил провод и закрыл стальную пластину, которая изо-

лировала внутренности Эго. Затем он пробежал пальцами по стальным конечностям, дабы убедиться, что ни один из многочисленных проводов не подсоединен к роботу, встал и перешел к пульту управления.

— Сэр,— сказал он.

Конвей ответил не сразу. Он долго покачивался взад-вперед, перекатываясь с пятки на носок, словно башня, вот-вот готовая рухнуть, потом сказал:

— Не говорите мне того, что я не хочу услышать.

— Просто я не знаю, чего ожидать, сэр,— сдержанно ответил Гарден.— Вы скажете мне, когда робот начнет реагировать? Подаст хотя бы малейший сигнал...

— Скажу.— Конвей опустил глаза на безмятежное незрячее лицо машины.

«Ну же, просыпайся,— думал он.— Или спи себе... Разницы в принципе никакой. Потому что так больше не может продолжаться. Проснись. Тогда я смогу поспать. Или не просыпайся. Тогда я смогу умереть».

Круглые линзы в единственном глазу робота тускло вспыхнули. Одновременно загудело электричество в контрольной панели, индикаторы на ней потухли, их отражения на стальной поверхности Эго померкли и вновь загорелись с новой силой, когда за дело взялись вспомогательные переключатели. Одна за другой лампочки на панели погасли. Стрелки приборов, подрожав возле нулевой отметки, замерли.

Робот обратил пустой взгляд в потолок, но не шелохнулся.

«Теперь твой черед,— думал, глядя на него, Конвей.— Я сделал все, на что способен человек. Дерзай, робот. Шевелись!»

По механическому телу прошла едва уловимая волна дрожи. Глаз разгорался все ярче, и наконец в потолок уперся конус света. Без всякого предупреждения робот поднял обе руки и с лязгом ударил в металлические ладоши, отчего оба военных подскочили. Конвей от неожиданности разинул рот и обмяк.

— Гарден! — окликнул он зачем-то.

Полковник повернул рычаг, и жужжащее пение проводов умолкло. Робот снова замер, но теперь он лежал, крепко сжав ладони, словно ангел на надгробии. По его телу снова прокатилась дрожь. Из недр большого стального цилиндра — туловища Эго — доносились едва слышные ритмичные щелчки, словно множество часов тикало там вразнобой.

— Что происходит? — спросил Конвей почему-то шепотом.— Почему он так дергается?

— Запуск,— ответил Гарден тоже шепотом.— Он...

Полковник помедлил, смущенно кашлянул и заговорил громче.

— Я не очень-то сведущ в этом, сэр. Полагаю, растет основное напряжение. Оно спадет после того или иного преобразования энергии, что зависит от гомеостатического принципа, который Брум...

Из ящика, из лежащего навзничь робота раздался голос — странное ровное гудение.

— *Хочу*...— мучительно произнес он, но тут же оборвал себя.— *Хочу*...— повторил он и вновь замолк.

— В чем дело? — Конвей сам не знал, к кому обращается: к Эго или к Гардену.

Голос робота его напугал — он был неживой, бессмысленный, как у привидения, монотонный и невыразительный.

— У него в груди микрофон,— отозвался Гарден, который тоже был заметно напуган.— Я совсем забыл. Но оно должно говорить лучше. Оно... он... Эго...— Полковник беспомощно развел руками.— Думаю, ему что-то мешает.

Он подошел к ящику и склонился, заглянув внутрь.

— Тебе... тебе что-нибудь нужно? — заикаясь спросил он. Получилось как-то глупо.

Что за неудачник, подумал Конвей. Но по крайней мере, робот ожил. Пройдет немного времени, он придет в себя и займется делом...

Быть может, теперь они все смогут немного расслабиться. И Конвей, возможно, даже поспит. Он вдруг испугался до дрожи: «А что, если я забыл, как спать?» Изнеможение захлестывало его с головой, грозя уничтожить,— так волна смывает с пляжа слепленного из песка человечка. Под наплывом усталости руки и ноги становились вялыми и, казалось, вот-вот рассыплются. Еще немного, и я буду свободен, думал Конвей. Когда Эго возьмет мою ношу. Я его создал. Я не выжил из ума и не покончил с собой. И больше мне не придется думать. Буду стоять здесь, просто стоять не шевелясь. Даже ложиться не стану. Если силе тяжести захочется притянуть меня к земле, то пусть сама старается...

Гарден, склонившись над ящиком, снова спросил:

— Чего ты хочешь?

— *Хочу*...— произнес Эго.

И тут сложенные в молитвенном жесте ладони раскрылись, и четырехфутовые руки взмыли вверх сверкающими цепами. Затем они снова легли неподвижно, но кое-что изменилось: полковник Гарден больше не стоял, склонившись над ящиком. Сквозь дымку отчужденности Конвей увидел, что Гарден рухнул, стукнувшись о стену. Цеп ударил его по шее, и теперь полковник лежал, нелепо, словно марионетка, вывернув голову, еще более неподвижный, чем робот.

Конвей медленно прикоснулся к выключателю микрофона на лацкане. Тишина чутко загудела. Генералу понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить собственное имя.

— Прием,— произнес он, когда это удалось ему.— Говорит генерал Конвей. Вернуть Брума на операцию «Рождество».

Он бросил взгляд на робота.

— Подожди,— сказал он,— Брум все знает.

Робот согнул руки. Стальные ладони сомкнулись на стенках ящика и со скрипом дерева, оторванного от металла, разломали ящик.

Теперь он родился. Родился? «До срока,— подумал Конвей.— До срока... Наверное, я совершил ошибку. И что дальше?»

Эго выпрямился (а было в нем восемь футов роста) и двинулся, как ходячая башня, через лабораторию. Он шагал прямо вперед, пока не уперся в стену. Тогда робот медленно повернулся, ощупывая зрячим конусом света комнату. Его движения поначалу были резкими и неуклюжими, но постепенно становились более плавными и уверенными: запущенный механизм разогревался. Он по-прежнему едва заметно вибрировал, тиканье внутри то становилось громче, то затихало, выстраивалось в медленный ритм, ускорялось, начинало бурно трепетать, снова замедлялось. Сортируя, принимая или отвергая, оценивая вновь обретенный мир, который отныне взвален на плечи робота...

Эго увидел стену с приборными панелями, которые активировали его. Луч его зрения быстро окинул панели «взглядом», и тут робот с неожиданной прытью зашагал через комнату к панелям. Его руки заплясали на штекерной панели, на рычагах и кнопках...

Ничего не произошло. Панели заглохли.

— *Хочу*...— раздался из груди Эго раскатистый, монотонный, нечеловеческий вой.

И двумя движениями стальных ладоней он напрочь срубил с панели все выступающие шары, кнопки и рычаги. Робот сунул стальные пальцы в пазы и сорвал металлический кожух. Запустив обе руки в цветной клубок проволоки, он в каком-то математически выверенном бешенстве вырвал из недр управляющей панели огромные пучки проводов.

— Эго! — крикнул Конвей.

Робот услышал его и обернулся, очень быстро. На мгновение генерала окутал яркий взгляд, и он почувствовал пронизывающий холод, будто разум с температурой стали подключился к его собственному. Конвей

почти ощущал прикосновение едва оперившегося мозга, наделенного безграничными ресурсами.

Луч миновал генерала и упал на дверь. Не обратив на Конвея никакого внимания, Эго ринулся вперед, словно танк, и ударил в дверь плоской грудью, расколов створки надвое. Одним движением он отшвырнул обломки в стороны и вразвалку протиснулся мимо треснувшего дверного косяка.

Когда Конвей дошел до двери, робот уже далеко ушел по подземному коридору, двигаясь все быстрее и быстрее, уменьшаясь с расстоянием до исчезающей точки, как тающая капля ртути. Он уходил — куда-то.

— Генерал Конвей, сэр,— раздался чей-то голос.

Он обернулся. Двое полицейских вели под руки Абрахама Брума, который, вытянув шею, пытался разглядеть разбитую приборную панель.

— Можете идти,— скомандовал полицейским Конвей.— Входите, Брум.

Старик рассеянно прошел мимо него, склонился над телом Гардена и покачал головой.

— Я боялся чего-то подобного,— сказал он.

Конвея на секунду охватила дикая зависть по отношению к недвижимому Гардену.

— Да,— ответил он.— Мне жаль. Одна жертва. Мы все станем жертвами, если Эго не заработает как нужно. Как мы теперь узнаем, чем занимается враг? Может, у них тоже есть такой Эго. Я совершил ошибку, Брум. Мне стоило быть дальновиднее и проницательнее. Как мы поступим?

— А что произошло? — Брум таращился на разрушенную стену, где раньше была приборная панель, словно не в силах поверить своим глазам.— Куда делся робот? Мне нужны подробности.

Динамик под потолком кашлянул и назвал имя генерала. Медленно и с трудом разум Конвея пытался переварить новые требования. Но звуки, доносившиеся

из коммуникатора, оставались полной бессмыслицей, пока наконец генералу не удалось выловить из нее одно слово: «Тревога».

Нападение? У него в голове пронзительно завопила сирена.

— Повторите,— устало сказал он.

— Генерал Конвей, робот разрушает оборудование в подсекторе пять. Попытка обезвредить не принесла результатов. Генерал Конвей, робот разрушает...

— Понял,— ответил Конвей.

Хорошо хоть, что не нападение. То есть не со стороны противника...

— Конвей на связи. Приказываю: не причинять вреда роботу. Следовать дальнейшим инструкциям. Ничего не предпринимать.

Он вопросительно перевел взгляд на Брума и тут только заметил, что старик взволнованно болбочет какую-то бессмыслицу:

— Генерал, генерал, мне нужно точно знать, что случилось...

— Заткнись, тогда скажу,— ответил Конвей.— Подожди-ка.

Он подошел к раковине у стены, налил из крана воды с химическим привкусом и выудил из кармана пузырек бензедрина*. Вряд ли поможет. Он уже давно подсел на эту дрянь. Но предстоит последний рывок (он обязан быть последним!), и каждая лишняя унция стимула на вес золота. Скоро генерал будет свободен, но этот момент еще не настал.

Он сжато, за тридцать секунд рассказал о случившемся, стараясь, чтобы голос звучал бодро. Старик слушал молча, покусывая губу и пристально глядя на Конвея. Его лицо ничего не выражало, а мысли, очевидно, блуждали по абстрактным закоулкам его разума.

---

* Средство, оказывающее стимулирующее воздействие на нервную систему. *(Примеч. перев.)*

— Ну и? — наконец спросил Конвей.— Что вы думаете? Он взбесился или как?

Ему хотелось встряхнуть Брума за плечи, чтобы тот наконец очнулся, но генерал взял себя в руки. Он уже однажды поторопил события наперекор Бруму и допустил ошибку. Возможно, даже фатальную. Теперь придется дать старику подумать.

— Полагаю, он взялся за дело,— с досадной медлительностью ответил Брум.— Я боялся чего-то подобного — неконтролируемой реакции. Но в него встроена программа, и мне кажется, он движется к поставленной перед ним цели. Кое-что, конечно, не так. У него проблемы с коммуникацией. Этой речевой блокировки быть не должно. Нам придется выяснить, чего он хочет и почему не может нам сказать.— Он помолчал и удивленно поднял глаза на коммуникатор под потолком.— Пятый подсектор, они сказали? А что там?

— Библиотека,— ответил Конвей, и они молча переглянулись.

Потом генерал в очередной раз глубоко и сокрушенно вздохнул и сказал:

— Что ж, придется нам его как-то остановить, причем быстро. Это самое ценное, что у нас имеется, но если он разгромит всю базу...

— Это не самое ценное,— возразил Брум.— А вы подумали, что он может натворить дальше? Что, если библиотека — только начало?

— И что? Не заставляйте меня гадать.

— Он, похоже, охотится за информацией. И вам не кажется, что после библиотеки возьмется за компьютеры?

— Боже правый,— устало и без выражения выдохнул Конвей и беззвучно рассмеялся.

Надо было что-то решать, переходить к действиям, а он не был уверен, что сможет. Он, конечно, поступил по-идиотски, разбудив робота до срока и не приняв меры предосторожности. Он рискнул и, возможно, про-

играл. Но генерал знал, что если бы мог повернуть время вспять, то вновь сделал бы тот же выбор. Риск еще оправдает себя. Другого выхода все равно нет.

— Да,— сказал Конвей.— Компьютеры. Вы правы. Если он отправится к ним, то придется его уничтожить.

— Если удастся,— рассудительно ответил Брум.— Он быстро соображает.

Конвей устало расправил плечи: интересно, подействовал ли бензедрин? Он еще не чувствовал эффекта стимулятора, но дожидаться не было времени.

— Ладно,— сказал он,— за дело. Что должен делать каждый из нас, мне ясно. Я нейтрализую Эго, если он пойдет к компьютерам, а вы узнайте, чего он хочет. Выясните это, пока он не размозжил нам и себе головы. Вперед. Мы и так много времени потеряли.

Генерал схватил Брума за худощавую руку и потащил к двери. По пути он коснулся микрофона на лацкане и проговорил в гудящий приемник на плече:

— Конвей на связи. Я иду. Где робот?

— Покидает подсектор пять, сэр... через стену. Мы...— начал слабый голосок из передатчика.

Тут динамик в лаборатории громко кашлянул и завопил:

— Робот проломил стену и прорвался в подсектор семнадцать! — В голосе слышалось звенящее изумление.— Крушит оборудование в архиве...

Тот же крик раздался и в центре связи, почти одновременно отзвуки его донеслись туда через микрофон на генеральском лацкане, звуки наложились друг на друга, образовав в эфире кашу.

Конвей несколько раз включил и выключил микрофон.

— Центр связи! — прокричал он в беспорядочный шум.— Выяснить, куда направляется робот!

Последовала короткая пауза. Настенный динамик за спиной Конвея и Брума разрывался от сообщений об ущербе, которые становились все короче.

— Направляется внутрь, сэр,— едва слышно проговорил передатчик на лацкане.— К подсектору тридцать.

Конвей глянул на Брума, тот кивнул и одними губами произнес: «Компьютеры». Конвей скрипнул зубами.

— Пошлите бронероботов, пусть выгонят его оттуда,— хрипло произнес он в микрофон.— Нейтрализовать робота, если возможно, но наносить ему вред запрещается до моего особого приказания.

Он прикрыл рукой передатчик, однако шум пробивался и сквозь ладонь. Конвей толкнул Брума, и тот потрусил по длинному коридору туда, где так недавно робот уменьшился до блестящей точки и исчез. А генерал слышал в голове эхо собственных слов, которое никак не хотело утихать: «Моего приказания... моего приказания... моего приказания...»

Он надеялся, что сможет и дальше отдавать приказы. Он и теперь не потерял этой надежды. Он будет отдавать приказы так долго, как потребуется, чтобы приструнить Эго. Дольше не выйдет.

— Брум,— внезапно позвал он,— а робот вообще-то справится?

Он затаил дыхание, дожидаясь ответа и размышляя над тем, что будет делать, если ответ окажется отрицательным.

— Я в этом никогда не сомневался,— ответил Брум.

Конвей с наслаждением выдохнул. Но старик, как оказалось, еще не все сказал.

— Если мы выясним, что пошло не так, конечно. У меня есть одна мысль, но я не вижу способа ее проверить...

— В чем дело?

— Возможно, итерационный цикл. Замкнутая серия шагов, которая повторяется бесконечно. Но я не имею представления, что в него включено. Он говорит «хочу» и тут же блокируется. Не знаю почему. Какое-то принуждение толкает его с такой силой, что он даже не утруж-

дает себя тем, чтобы открывать двери. Лишь бы добыть то, чего он хочет. Я не знаю чего. И должен это выяснить.

«Кажется, я знаю, чего хочет Эго»,— подумал Конвей, однако вслух ничего не сказал. Догадка леденила душу и в то же время была так проста, что генерал не понимал, почему она не пришла в голову Бруму. А может, и пришла...

Целью Эго было выиграть войну. Но что, если сделать это невозможно?

Конвей резко мотнул головой и отбросил эту мысль.

— Ладно, вы знаете, что делать,— сказал он.— А теперь — как я могу остановить его, не причинив ему вреда?

Мельком он отметил, что относится к роботу как к живому существу и говорит о нем «он». Эго становится личностью.

Брум удрученно покачал головой, семеня рядом с Конвеем.

— Это одна из причин, по которой я и боялся его запускать. Он сложное устройство, генерал,— сказал старик. Очевидно, он тоже считал Эго «мужчиной».— Я хорошо защитил его от обычных ударов, однако искусственный мозг все-таки не то, что человеческий. Одно повреждение — и он выйдет из строя. К тому же он такой прыткий, что его было бы не так-то просто остановить, даже если бы он не нужен был нам в целости.

— Все равно за такое короткое время я мало что смогу предпринять,— ответил Конвей.— А если использовать ультразвук?

— Дайте-ка подумать. Ультразвук на таком близком расстоянии может нарушить настройки,— пропыхтел Брум, задыхаясь от быстрой ходьбы.

Конвей опустил руку, которой все это время прикрывал микрофон.

— Центр связи! Взвод с ультразвуковыми пушками в коридор, ведущий к вычислительному центру, срoч-

но. Ничего не предпринимать до моего приказа. Если появится робот, не открывать огонь, пока...

Генерал резко замолчал, только тут заметив, что использовать передатчик уже нет нужды. Он стоял в дверях центра связи, и его собственный голос с треском доносился из динамика, висевшего в зеленоватом сумраке над креслом офицера связи в десяти футах впереди.

Конвей с размаху захлопнул за собой дверь, и его поглотили шум и полутьма. Большие стеклянные информационные панели и цветные круги компьютерных мониторов ярко светились, лица людей парили в темноте тускло светящимися пятнами, вспышки экранов выхватывали скулы и лбы, высвечивая их золотым и красным, зеленым и бледно-голубым. Генерал Конвей машинально окинул взглядом панели и экраны, которые сообщали о происходящем на всем тихоокеанском фронте. Он увидел на радарах тени флотилий, осведомился о ветре и вообще о погоде, прочитав символы на одном табло, о летных заданиях — на другом. Но эта информация ничего не значила для него теперь. Мозг отказывался от дополнительной нагрузки. Сейчас у генерала Конвея была только одна проблема.

— Где робот? — спросил он.

Ему пришлось кричать, чтобы его услышали, потому что к обычному многоголосию зала добавился невыносимый грохот разрушения, источник которого Конвей не сразу определил.

Офицер-связист кивнул в сторону голубого телеэкрана слева, одного из целого ряда таких же. Он показывал маленького и яркого робота. Робот был размером с куклу, он яростно метался по архиву игрушечного размера. Зато шум, им создаваемый, был вполне реальным. Казалось, робот что-то ищет, лихорадочно и бессистемно. Он не открывал ящики, а просто отрывал целые стенки шкафчиков, вываливая наружу содержимое мощ-

ными ритмичными и резкими движениями, разбрасывая бумаги в воздух. То и дело яркий конус его взгляда отклонялся мельком проследить за падением какого-то предмета, и дважды робот остановился, чтобы подхватить что-то, перевернуть и осмотреть. И все же было ясно: Эго так и не нашел искомого. И так же ясно было то, что роботом двигал чистый эгоизм: все бесполезное безжалостно уничтожалось. Он признавал только свое сиюминутное желание, все прочее было не важно.

«А может, он и прав,— подумал Конвей.— Может, если мы не можем дать ему то, что он хочет, то все это просто ненужный мусор».

За спиной он услышал, как Брум переговаривается с офицером связи, с трудом перекрикивая гвалт.

— Я не знаю,— кричал офицер.— Он перевернул библиотеку так быстро, что мы не смогли понять, что он прочитал, а что нет. Теперь вы видите, что он делает. Он такой проворный...

Брум перегнулся через плечо офицера и включил интерком в подсекторе семнадцать, где бушевал робот.

— Эго,— позвал он в микрофон,— ты меня слышишь?

Робот отодрал стенку последнего шкафчика и равномерным ворохом высыпал содержимое. Голос Брума, усиленный динамиками интеркома, вернулся в центр связи из зеленоватой компьютерной комнаты на мониторе. Робот на миг остановился, выпрямился и быстро повернулся вокруг своей оси, обводя стены комнаты конусом света.

— *Хочу*...— провыл его невыразительный голос и тут же замолк.

Робот ударил ладонью о ладонь, словно испытывал глубочайшее отчаяние, и направился прямо к стене в углу комнаты.

Стена прогнулась, треснула и открылась. Робот широкими шагами вышел прочь и скрылся из виду.

Конвею показалось, что все глаза в зале обратились к нему и бледные овалы лиц заблестели во мраке золотыми, красными и зеленоватыми капельками пота. Теперь все зависело от него. Люди ждали приказаний.

Ему хотелось разбушеваться, как это сделал робот, разгромить светящиеся экраны, а вместе с ними и мерцающие табло, заглушить чепуху, несущуюся из настенных динамиков. Ответственность, невыносимая для него, гудела в голове роем разъяренных пчел. Это уже чересчур... чересчур... Генерала Конвея вновь волной захлестнуло изнеможение, и одновременно — истерическая веселость, однако обе волны были такими призрачными и далекими, что как будто и не коснулись его вовсе. Он был совершенно другим человеком, находился на бесконечном удалении от штаба. И все проблемы вдруг тоже стали призрачными и далекими, они не имели никакого отношения к вакууму пространства и времени, в котором он существовал...

— Генерал! — послышался голос Брума.— Генерал?

Конвей закашлялся.

— Робот,— резко проговорил он.— Его нужно остановить. Это вы высчитывали его курс, сержант?

— Да, сэр. Экран номер двенадцать.

Двенадцатый был свисающей с потолка панелью, прозрачной в темноте. Сеть светящихся золотых линий на нем отображала коридоры, а секторы обозначались бледно-голубыми цифрами.

— Красные точки — это робот, сэр,— сказал сержант.

На глазах у них бестелесная рука добавляла жирные флуоресцентные точки к красной линии, которая начиналась в лаборатории Брума, пересекала библиотеку и архив и, выйдя сквозь прочную стену, потянулась через три следующих сектора, по пути преодолев несколько стен. Красная пунктирная линия все удлинялась...

Теперь цель этих точек стала очевидна. Примерно семью дюймами выше в центре карты находилась круглая комната с ярко-зелеными квадратами, сияющими на стенах. Они все знали, что это за зеленые квадраты. Все служащие знали, как сильно зависят их жизни от снежной ряби электронных импульсов, бушующих в компьютерах, когда те заняты невообразимо сложными расчетами. И с синхронностью, достойной компьютеров, каждый мозг в зале нашел ответ на вопрос, что случится, если робот доберется до вычислительного центра.

— Ультразвуковые пушки,— хрипло проговорил Конвей.— Бронероботы. Где они?

— Ультразвуковики идут с шестого уровня, сэр. Им нужно еще минут пять. Роботы перехватят его через три минуты. Вот, видите их?.. Вот эти фиолетовые... Вон там, на схеме.

Цепочка лиловых точек медленно двигалась по золотой нити коридора от внешней границы схемы.

— Слишком медленно,— сказал Конвей, наблюдая за красными точками, которые помечали шаги разумного робота.

Или он уже не рассуждал, как рассуждает разумное существо.

— Кто-нибудь может мне сказать, эти стены гипсовые или каменные?

Ответом было молчание. Никто не знал. На глазах у наблюдателей красные точки остановились у золотой линии, дважды отскочили, развернулись в обратном направлении и с разбегу прорвали линию, обозначавшую дверь.

— Каменные,— заключил Конвей.— По крайней мере эта. Надеюсь, он ничего не повредил себе, когда бился о нее.

— Может, стоило бы надеяться на обратное? — заметил Брум.

Конвей посмотрел на ученого.

— Я его остановлю,— заявил он.— Ясно? На металлолом Эго не пойдет, он нам слишком нужен. Мне жаль, что мы не смогли лучше подготовиться и теперь не можем его контролировать, но даже если бы все повторилось, я бы поступил так же. У нас нет времени.

— Он быстро движется, сэр,— сообщил офицер-связист.

Конвей посмотрел на экран и, чуть не прокусив губу, ответил:

— Добровольцы. Мне нужен кто-то, кто быстро вскочит туда и задержит его. Мне плевать как. Хоть подножку ему поставьте. Помашите красной тряпкой перед ним. Все, что угодно, лишь бы выиграть время. На счету каждая секунда. Хорошо, капрал. Лейтенант? Так, уже двое...

— Больше людей отсюда мы отправить не можем,— сказал офицер связи.

— Ладно, тогда вперед,— бросил Конвей.— Выведите его на экран, сержант.

Три круглых телевизионных экрана с щелчком ожили и показали оставленный роботом след из разломанных столов и разбитого оборудования. На третьем экране Эго, на вид очень маленький, слабый и невинный, упорно ломился в слишком узкую дверь. В конце концов дверной косяк не выдержал, Эго ввалился внутрь и зашагал прочь по короткому коридору, с каждым его шагом становящемуся все короче. На светящейся схеме красные точки были всего в пяти дюймах от вычислительного зала.

— Что тебе нужно от счетных машин? — бормотал Брум, не отрывая глаз от исчезающей фигурки на экране.

Старик нервно постукивал ногтями по металлическому столу.

— Может...— начал он, но остановился и перевел взгляд на Конвея.— От меня здесь никакого толку, ге-

нерал. Я иду в вычислительный центр. У меня есть кое-какие мысли, но аналоговый компьютер думает гораздо быстрее меня. Эго движется слишком быстро. Чтобы понять машину понадобятся машины. Как бы то ни было, я попытаюсь.

— Идите, идите,— согласился Конвей.— У вас от пяти до десяти минут. А потом...— Он не договорил, но про себя закончил: «Потом я смогу отдохнуть. Так или иначе. Я смогу отдохнуть».

Связист переключал телевизионные экраны, ища картинку. Наконец он воскликнул:

— Взгляните, сэр! Команда добровольцев... Боже, какой он высокий!

Последнее замечание вырвалось у него против воли: до этого момента никто в центре связи не видел Эго рядом с человеком.

Эго двигался гигантскими шагами по тускло освещенному коридору на экране. Добровольцы как раз выскочили из двери коридора в десяти шагах впереди него, и он теперь возвышался над ними громадной башней. Их крошечные перепуганные лица выглядели горошинами рядом с шагающим великаном, даже не сознающим, что он делает. Он просто следовал за вспышкой своего единственного глаза-прожектора, освещавшего коридор.

Двое мужчин, должно быть, примчались туда стремглав, нигде не задерживаясь. В спешке у них не было времени привередничать, точных указаний никто не дал, однако они все же прихватили по пути крепкую стальную балку, и теперь она яркой нитью перечеркивала коридор. Один человек кинулся наперерез роботу, добровольцы встали в расположенных по разные стороны коридора дверях, держа балку на высоте плеч, тем самым преградив дорогу роботу.

Робот даже не взглянул на преграду. Он врезался в балку грудью, и по коридору разнесся звон, тут же под-

хваченный динамиками в центре связи. Эго слегка отшатнулся, восстановил равновесие, оценил ситуацию и наклонился, чтобы пройти под балкой. Двое мужчин торопливо опустили свой груз. Еще один звон, и снова отступление, но на этот раз балка сильно прогнулась в месте удара. Из динамиков в центре связи раздался вопль одного из добровольцев, которого ушиб конец балки. Эго обеими руками толкнул преграду вверх, прошел под балкой и зашагал дальше по коридору.

— Выиграли тридцать секунд,— с горькой усмешкой констатировал Конвей.— И потеряли одного человека. Куда подевались эти бронероботы?

— Им нужно еще полторы минуты, сэр. Двигаются по восьмому коридору. Они должны как раз перехватить его у дверей вычислительного центра. Видите, вот, на экране?

Медленно и тяжело, как казалось Конвею, багровые точки тащились по темноте. Лишенная тела рука материализовалась и добавила еще две красные точки к цепочке шагов Эго, который двигался в самое сердце цитадели. Красные точки опережали. Они явно обгоняли фиолетовые.

— Я проиграю,— самому себе сказал Конвей.

Он подумал о жизнях служащих подземной базы, всецело зависящих от него, обо всех жизнях наверху, уверенных в том, что тихоокеанский фронт в надежных руках. И он спрашивал себя: что сейчас делает вражеский главнокомандующий и что бы он сделал, если бы узнал...

— Взгляните, сэр,— окликнул связист.

Один из добровольцев все еще оставался на ногах. Он пока не сдался. Последний удар Эго, очевидно, оторвал кусок погнутой балки, и оставшийся в руках человека обломок был похож на клюшку. Он наверняка был очень тяжелым, но доброволец в пылу охоты, похо-

же, не замечал веса своего орудия. С «клюшкой» на плече он во всю прыть мчался следом за Эго по коридору.

Они увидели, как он быстро покрыл расстояние. Они увидели, как он едва не наступил роботу на пятки. И они услышали его далекий крик.

— Эго! — позвал доброволец.

Должно быть, он слышал имя от Брума.

Эго ответил так же, как и всегда. Он остановился, обернулся и окатил человека холодным одноглазым лучом своего прожектора.

— *Хочу...*— произнес голодный, сдавленный, металлический голос — и замолк.

И тогда человек с клюшкой высоко подпрыгнул и ударил по единственному яркому глазу на лбу робота!

— Это безопасно? — спросил Конвей.— Это ему не навредит, Брум?

Но ответа генерал не получил. Брум давно испарился.

А на экране руки робота яростно взметнулись вверх и успели отразить удар. От оглушительного шума монитор завибрировал. У человека были время и силы для еще одной атаки, однако на этот раз Эго перехватил клюшку в верхней точке замаха и почти небрежно вырвал ее из рук противника. После чего швырнул ее через свое великанское плечо, и клюшка загремела по коридору.

Конвей мельком глянул на схему. Багровые точки догоняли. Красная точка в конце цепочки Эго качнулась влево-вправо, когда Эго ловко увернулся от ударов клюшки. Конвей снова обратил взор на экран.

Обезоруженный человек колебался всего мгновение. Собравшись с духом, он бросился прямо на пустое стальное лицо. Каким-то чудом он миновал смыкающиеся руки и замкнул свои в замок вокруг стальной шеи. Ослепив телом линзы-прожекторы в глазу робота, он повис на нем, крепко обхватив ногами и руками пошатывающуюся стальную башню под названием Эго.

Из темноты позади сцепившихся в схватке человека и робота послышался тяжелый ритмичный топот, от которого телевизионный экран слегка завибрировал.

— Бронероботы,— выдохнул Конвей и снова глянул на схему, хотя и без нее знал, что линия багровых точек уже почти на пересечении коридоров, а красная точка Эго неравномерно раскачивается.

Робот полагался не только на свое зрение. Это становилось ясно из его движений. Однако человек мешал ему. Тяжелая ноша лишала робота равновесия. Эго тщетно попытался сбросить противника, качнувшись к стене слева. Потом стальные руки вцепились в человека, робот легко оторвал его от себя, словно рубашку снял, и небрежно швырнул о стену.

В дальнем конце коридора виднелись высокие двустворчатые двери в вычислительный зал. Эго постоял немного, как будто приходя в себя. Экран в центре связи словно бы подрагивал, и Конвей решительно шагнул к нему ближе, но это не помогло. Вибрация была настолько сильной, что из-за нее зарябило изображение.

— В чем дело? — раздраженно спросил Конвей.— Он что, вышел из фокуса или...

— Смотрите, сэр,— сказал офицер сообщения,— вот и они.

Ходячей стеной тяжелые роботы выкатились из темноты на краю экрана, и вся картинка задрожала от их топота. Они остановились прямо перед Эго, плечом к плечу, перегородив коридор и закрыв спинами двери вычислительного центра.

Несколько мгновений Эго стоял неподвижно, только корпус его вибрировал. Его единственный глаз раз за разом скользил по стене роботов. Зрелище себе подобных по какой-то причине вызвало в нем новую вспышку ярости. Эго собрался с силами, слегка наклонил голову, чуть опустил плечи и ринулся вперед. Казалось, ему

не терпится в бой. Роботы сомкнули ряды непоколебимой баррикадой и приготовились держаться до конца.

От удара все экраны в центре связи разом мигнули, будто события в далеком коридоре напугали их. Из роботов посыпались искры, броня жалобно загудела. На миг Эго замер, распластавшись по стальной стене противников, потом отшатнулся, неровной походкой отошел чуть назад и собрался для новой атаки.

Однако почему-то передумал. Он просто стоял, обводя ряд своим ярким сканером, а щелчки в его груди то ускорялись, то замедлялись. Они звучали так громко, что их было отчетливо слышно даже в центре связи. Похоже, в электронном разуме мыслящего робота бушевал ураган альтернатив.

Пока Эго колебался, стальная стена, на которую он наткнулся, двинулась и изогнулась с обоих краев навстречу одиночке. Стало ясно, какова цель операции. Если этим тяжеловесам удастся окружить Эго, они нейтрализуют его одной своей массой. Так прирученные слоны могут остановить дикого.

Но Эго заметил ловушку за мгновение до того, как стена пришла в движение. Он быстро шагнул назад и развернулся. Конвею показалось даже, что глаз робота разгорелся ярче, а его пируэт был неуместно легкомысленным. По сравнению с бронероботами Эго двигался проворно и грациозно, как стальной танцор. Он сделал ловкий выпад к одному краю ряда, и роботы неуклюже сгрудились, чтобы принять удар. При этом в стене открылась брешь, и Эго метнулся в нее. Но вместо того чтобы проломиться к цели, он расставил руки и с грациозной беспощадностью толкнул роботов, между которыми образовался просвет. Он точно рассчитал, куда приложить усилие. Два громоздких робота покачнулись в разные стороны, потеряв равновесие. Они все клонились и клонились набок, пока наконец не рухнули. Каж-

дый при этом повалил своего соседа. Коридор содрогнулся от грохота.

Однако бронероботы сомкнули строй, растоптав упавших собратьев, и стена машин снова двинулась в наступление. Эго кинулся на нее с ребяческим восторгом (так по крайней мере показалось). Пригнувшись, он ударил сразу по двум роботам одним выверенным и безошибочным движением. Он совершенно точно знал, куда бить, чтобы вывести роботов из равновесия. Тяжеловесы упали, и коридор вновь содрогнулся. Когда ряд попытался сомкнуться над павшими воинами, руки Эго взметнулись и изрядно помогли им в этом, с невиданной силищей столкнув еще двух роботов лбами. На этот раз он нанес резкие точечные удары, под которыми прочная броня прогнулась, как консервная жестянка.

Меньше чем через две минуты ходячая стена превратилась в груду шатающихся гигантов, половина из которых вышла из строя, а остальные неуклюже спотыкались о поверженных товарищей, пытаясь восстановить строй, но их было слишком мало, чтобы перекрыть дорогу.

Чересчур, подумал Конвей. Теперь осталась последняя надежда — ультразвук. Придумать и осуществить что-то еще времени не будет. Возможно, даже этот план уже опоздал...

— Где ультразвуковой взвод? — спросил он и сам поразился бойкости своего голоса.

Офицер связи поднял голову на светящуюся схему.

— Почти на месте, генерал. В полуминуте оттуда.

Конвей снова взглянул на телевизионный экран, где Эго стоял над распластавшимся на полу железным великаном и как-то странно покачивался, глядя вниз. Его модель поведения не предполагала таких сомнений. Он явно о чем-то раздумывал. Что бы это ни было, это дает хотя бы секундную отсрочку.

— Я сам отправляюсь туда, сержант,— заявил Конвей.— Я... я хочу быть на месте событий, когда...

Он помедлил, сообразив, что начал произносить вслух то, что было лишь внутренним диалогом Конвея и Конвея, разговором с самим собой с глазу на глаз. Он имел в виду, что хочет быть там, все закончится — так или иначе. Раньше он завидовал роботу, надеялся на его бесконечные возможности. Генерал начал отождествлять себя с могущественной и непоколебимой сталью. Победа или поражение его ждет, но он хотел быть там, когда судьба решится.

Он бежал по коридору точно во сне, буквально плыл на оцепенелых ногах под звук собственных шагов, отражавшихся хриплым эхом где-то вдалеке. На каждом шаге в сердце Конвея зарождалась непрошеная надежда: а вдруг колено не выдержит, подломится и даст ему упасть, даст ему лечь здесь и отдохнуть... Но нет, он хотел стоять рядом с Эго и видеть его стальное лицо, слышать бездушный голос в тот миг, когда люди уничтожат робота или робот уничтожит их. Третья возможность — что все сложится хорошо — казалась слишком эфемерной, чтобы всерьез задумываться о ней.

Генерал даже не сразу осознал, что добрался до цели. Сквозь пелену, окутывавшую его рассудок, он понял, что больше не бежит. Следовательно, на это есть причина. Он стоял, взявшись за ручку двери, упираясь спиной в панели и хватая ртом воздух. Слева тянулся узкий коридор, по которому он бежал. Впереди был просторный зал. Здесь добровольцы пытались остановить Эго и проиграли, здесь машины бились с ним и теперь лежали почти неподвижно или бесцельно ковыляли по залу, потеряв управление.

Какой бы четкой ни была картинка на экране, увидеть все воочию — это совсем другое. За то короткое время, пока не видел его, Конвей успел забыть, какой Эго огромный. В воздухе пахло машинным маслом и го-

рячим металлом, пылинки плясали в конусе прожектора Эго, склонившегося над поверженными роботами. Он собирался что-то сделать. Что — Конвей не представлял.

Слева в коридоре послышался топот бегущих ног и лязг оборудования. Конвей чуть-чуть повернул голову и увидел ультразвуковой взвод, приближавшийся тяжелыми шагами. Генерал подумал, что шанс, возможно, еще есть. Если Эго задержится еще на две минуты...

Павшие роботы на полу все еще корчились и шевелились в ответ на далекие команды своих операторов. Но поставить на ноги упавшего бронеробота совсем не просто. Эго склонился над ближайшим. Казалось, он был озадачен.

И тут, с внезапной и ужасающей жестокостью он вытянул руку и одним резким движением оторвал переднюю пластину с корпуса жертвы. Его горящий взгляд впился в потроха машины, яркими бликами заплясал на трубах и проводах слишком грубой работы по сравнению с его собственными транзисторами и печатными схемами. Он протянул стальную руку, запустив пальцы в разверстую дыру, и снова что-то рванул, завороженный, поглощенный процессом разрушения. В этом акте убийства было нечто жуткое: один робот намеренно потрошил другого по собственному желанию, с самым хладнокровным научным любопытством.

Но что бы там ни искал Эго, он этого не нашел. Робот выпрямился и перешел к следующему поверженному противнику, вырвал провода, наклонился и начал с недюжинным интересом разглядывать тикающие и вспыхивающие механизмы. Пощелкивания внутри его корпуса стали очень громкими, как будто он что-то бормотал себе под нос.

Конвей жестом велел ультразвуковикам подойти ближе, а про себя подумал: «В стародавние времена по внутренностям жертв предсказывали будущее. Может,

этим он и занимается...» И снова леденящая кровь мысль всплыла в его мозгу: генерал догадывался, что привело робота в такое отчаяние. Возможно, Эго тоже видел будущее, и это знание, как и груз ответственности, роднило их. «Выиграй войну»,— приказывало Эго его тикающее нутро, и то же самое велели Конвею гораздо более сложные нейроны мозга. Но что, если победа невозможна и Эго знает...

Стремительный отряд ультразвуковиков вырвался из бокового коридора и остановился, едва увидев Эго во...— нет, не во плоти. В сиянии стали. Увидев этого исполина, циклопа со свирепым глазом... Сержант, задыхающийся после бега, что-то доложил Конвею и попытался отдать честь, позабыв, что обе его руки заняты снаряжением.

Конвей указательным пальцем начертил в воздухе полукруг перед собой, у дверей зала.

— Быстро, пушки на изготовку и встаньте там. Нам придется остановить его, если он попытается ворваться.

Оставив в покое вторую жертву, Эго двинулся к третьей и застыл над ней, словно бы в нерешительности.

Это дало взводу всего тридцать секунд форы. Оружие солдаты привели в состояние готовности, еще когда бежали сюда, и теперь со скоростью механизмов занимали позиции вдоль линии, намеченной Конвеем. Сам генерал встал в дверях, за спинами опустившихся на одно колено рядовых. Взвод солдат с ультразвуковыми пушками стал последним рубежом обороны вычислительного центра. «Нет,— подумал Конвей.— Последний — это я». Потому что какая-то расплывчатая и отчаянная мысль зародилась в его голове, когда генерал взглянул на Эго...

В ту самую секунду, когда ствол первой ультразвуковой пушки уставился в коридор, робот выпрямился и повернулся к двустворчатым дверям и полукругу солдат, замерших на коленях позади орудий. Конвею ка-

залось, что поверх их голов он и Эго с вызовом переглянулись.

— Сержант,— напряженным голосом сказал Конвей,— отрубите ему ногу, посредине голени. И цельтесь ТОЧНО. Он битком набит хрупкими механизмами и стоит гораздо больше, чем вы и я.

Эго окатил их своим холодным электрическим взглядом. Конвей, не зная наверняка, понимает ли робот его слова, быстро скомандовал:

— Огонь.

В полной тишине можно было лишь с большим трудом расслышать легкое шипение. Больше ничего не произошло. Однако на левой ноге Эго чуть ниже колена жарко вспыхнула точка вишневого цвета.

Конвей подумал: «Безнадежно. Если он сейчас ударит, то прорвется прежде, чем мы сможем...»

Но у Эго была другая защита. Глаз-прожектор мигнул разок, а потом Конвей почувствовал внезапную странную слабость, причину которой не мог определить. Тепловая точка снова покраснела и погасла. Сержант уронил сопло орудия и выругался, тряся рукой.

— Шестое орудие, огонь,— приказал он.— Восьмое, приготовиться.

Эго остался недвижим, и слабость, которую испытывал Конвей, размеренно росла по мере того, как усиливалась едва различимая глазом вибрация стальной башни, возвышающейся перед генералом.

Второе ультразвуковое орудие зашипело. На ноге робота вспыхнула красная точка. Вибрация усилилась, слабость стала почти невыносимой. Красная точка угасла и исчезла.

— Интерференция, сэр,— доложил сержант.— Он полностью блокирует ультразвук собственными волнами. Чувствуете?

«Но почему он не нападает?» — задавался вопросом Конвей. Он не говорил вслух, боясь, что робот и правда

поймет его слова. «Может, он не может напасть, одновременно излучая защитные вибрации? Или еще не додумался, что может пробиться, пока мы не причинили ему значительный вред?» — гадал генерал. Он попытался представить себе мир таким, каким его видит Эго, которому от роду меньше часа и у которого в электронных лабиринтах груди бушуют невероятные противоречия.

— Восьмое орудие на другой частоте? — спросил Конвей.— Продолжайте, сержант. Может, он не может заглушить все сразу. Держитесь, пока можете.

Он быстро и тихо открыл дверь и вошел в вычислительный центр.

Это был иной мир. На миг генерал выбросил из головы все, что осталось позади за двустворчатыми дверями. Он просто стоял, наслаждаясь запахами и видом этого зала, его атмосферой. Это было хорошее место. Генералу всегда нравилось тут бывать. Он даже забыл о восьмифутовом гиганте, стоящем за дверью и грозящем уничтожить все, о том, что ждало их всех в ближайшем будущем, не далее как послезавтра. Он поднял взгляд на высокие плоские лицевые панели компьютеров. Мигание лампочек, шелест перфоленты, размеренный, текучий стук клавиш клавиатуры, спокойный дух сокровенных знаний, царящий здесь,— все это проливалось бальзамом на душу.

Брум, стоявший у принтера аналогового компьютера вместе с остальными техниками, поднял глаза. Все люди в зале побросали работу и сгрудились там, где широкая лента выплывала из-под клавиш, где колонки символов плавно, точно вода, лились на бумагу.

— Что-то есть? — спросил Конвей.

Брум с трудом выпрямил уставшую спину.

— Не уверен.

— Говори же,— потребовал Конвей.— Скорее. Эго вот-вот вломится сюда.

— Он установил блок, случайно. Это точно. Но как и почему, мы до сих пор не...

— Тогда вы ничего не знаете,— бесстрастно ответил Конвей.— Что ж, думаю, у меня есть...

По ту сторону двери раздался шум. Послышались топот стальных ног, крики людей, хруст и шипение орудий. Крики превратились в отчаянные вопли и оборвались. Двустворчатые двери с грохотом распахнулись, и на пороге возник Эго. Его взгляд мгновенно нашел вычислительные машины. Стальной корпус его тут и там тускло светился красным, остывая. Перемазанный в масле и крови робот обвел зал лучом глаза-прожектора. Луч двигался целеустремленно и в то же время лихорадочно. Под взглядом Эго вычислители продолжали преспокойно тикать, пасти перфораторов изрыгали никем не замеченные данные. Все люди в зале не сводили глаз с робота.

В открытых дверях позади Эго, спотыкаясь, показался сержант. По его лицу текла кровь, но он так и не выпустил из рук ствол ультразвуковой пушки.

— Нет,— произнес Конвей.— Стоять. Отойди, Брум. Пусть Эго подойдет к машинам.

Люди потрясенно загомонили, но генерал не обратил на них никакого внимания. Будто загипнотизированный, он смотрел на Эго, пытаясь заставить собственные извилины шевелиться быстрее. Шанс еще оставался. Весьма призрачный, конечно. Однако если они подпустят Эго к компьютерам, а у того ничего не выйдет, Конвей понимал, что может и не успеть вмешаться и тогда погибнет все. Но попытаться было необходимо. В памяти всплыла строчка из какого-то книжного диалога: «И все же я сделаю еще одну, последнюю попытку». Очередной отчаянный командир идет в последний бой, без страха глядя в лицо поражению. Конвей едва заметно ухмыльнулся, зная, что уж его-то точно нельзя назвать бесстрашным. И тем не менее: «Я сделаю еще одну, последнюю попытку».

Эго по-прежнему неподвижно стоял в дверях. Время летит не так быстро, как мысли. Робот все еще изучал компьютеры и размышлял, выщелкивая сложный рваный ритм. Конвей отошел в сторону, освободив ему дорогу. Двинувшись, генерал мельком заметил собственное отражение в испачканном корпусе робота: его вытянутое и мрачное лицо, пустые глаза проплыли в кривом зеркале, замаранном кровью и маслом, словно генерал скрывался в теле робота и повелевал им изнутри.

Эго медлил на пороге всего долю секунды. С невероятной быстротой он оценивающе оглядывал один вычислитель за другим и отвергал их. А потом, в точности как Брум чуть раньше, робот развернулся к аналоговому вычислителю и пересек зал в три гигантских шага. Презрительно, даже не взглянув дважды, он вырвал ленту с программным кодом. Вставив чистую ленту в перфоратор, он принялся набивать запросы так быстро, что за его пальцами невозможно было уследить. Через несколько секунд робот снова повернулся к компьютеру.

Люди будто окаменели. Пытаясь уследить за роботом, человеческие разумы впали в ступор. Только компьютер, похоже, поспевал за роботом, напряженно склонившимся над клавиатурой. Машина общалась со своим кровным сородичем, и оба они были настолько быстрее плоти и крови, что людям оставалось лишь наблюдать за ними.

Никто не дышал. Лишь потому что мысль опережает время, Конвей успел сказать себе, исполнившись великой надежды: «Он найдет ответ. Теперь он возьмет все в свои руки. Когда начнется новая атака, он справится с ней и победит, а я смогу бросить эти попытки...»

Из перфоратора заструились ответы, и Эго наклонился их прочесть. Яркий конус его зрения окатил бумагу. А потом, с чисто человеческим раздражением, робот оторвал ленту, словно вырывал язык, который нес

непотребный бред. И генерал понял, что вычислитель их подвел, Эго ничего не удалось. Конвей рискнул — и проиграл.

Робот выпрямился и повернулся к машинам. Его стальные руки взметнулись в яростном, карающем замахе, готовые растерзать компьютеры в клочья, как он уже сделал с теми машинами, которые ему не угодили.

— Эго, подожди. Все нормально,— с безграничным разочарованием произнес Конвей.

Как и всегда при звуке своего имени, робот замер и обернулся. И быстрее, чем поток данных в вычислителях, в мозгу генерала промчались связные и четкие мысли. Он увидел собственное отражение в теле робота — себя, заточенного в нем, так же как Эго был пленником невыполнимого задания.

И Конвей осознал, что понимает робота, как никто другой, потому что лишь ему знакомо это бремя. Генерал знал то, что не способны были вычислить компьютеры. Конвей почти догадался об этом уже давно, но не признавался себе, пока не были исчерпаны все прочие альтернативы и не остался единственный выход: полагаться только на себя.

«Выиграть войну» — такова была основная задача робота. Но ему пришлось довольствоваться неполной информацией, как и самому Конвею, а значит, Эго был вынужден взять на себя ответственность за принятие неверных решений, из-за которых война могла быть проиграна. А ошибаться ему было запрещено. И он не мог использовать отговорку компьютеров: «Нет ответа — недостаточно данных». Не было у него и возможности прикрыться неврозом или сумасшествием или капитулировать. Или передать свои обязанности кому-нибудь другому, как это пытался сделать Конвей, свалив все на Эго. Поэтому роботу оставалось только искать больше информации — жадно, яростно, почти наобум, и хотел он лишь одного...

— Я знаю, чего ты хочешь,— сказал Конвей.— Ты можешь это получить. Я возьму все на себя, Эго. Можешь перестать хотеть.

— *Хочу...*— провыл робот нечеловеческим голосом и, как обычно, замолчал, но потом вдруг выпалил окончание фразы: — *Перестать хотеть!*

— Да,— ответил Конвей,— я знаю. Я тоже хочу. Но теперь ты можешь перестать, Эго. Выключайся. Ты сделал все, что мог.

Пустой голос произнес гораздо тише:

— Хочу перестать...— а потом, почти неслышно: — Перестать хотеть.— И замолчал.

Дрожь прекратилась. Ощущение мощи, которым был наполнен воздух вокруг робота, исчезло, словно внутри его наконец-то разрешилось невыносимое напряжение. Из стальной груди послышалось несколько отчетливых и неторопливых щелчков: одно за другим были приняты металлические решения, и возврата уже нет. Что-то как будто покинуло Эго. Робот стал иным. Это снова была машина. Машина, и ничего более.

Конвей смотрел на собственное лицо в неподвижном отражении и думал: «Робот не выдержал. Неудивительно. Он даже не мог нормально заговорить, чтобы попросить об освобождении, потому что едва он произносил первое слово "хочу", его отрицание "не хочу" заставляло его замолчать, ведь он же не хотел хотеть. Нет, мы потребовали от него слишком многого. Он не выдержал».

Встретив свой взгляд в отражении, генерал спросил себя: к кому он мысленно обращается? К тому Конвею, который существовал долгую минуту назад? Возможно. Тот Конвей тоже не выдержал. Но этому придется, и он выдержит.

Эго не мог действовать при недостатке информации. Ни одна машина не может. Глупо было рассчитывать на то, что машина способна справиться с неизвестностью. Это по силам только человеку. Сталь для этого слишком

хрупка. Только плоть и кровь могут сделать это и не сломаться.

«Что ж, теперь я знаю»,— подумал генерал. Как ни странно, он больше не чувствовал прежней усталости. Раньше был Эго, на которого можно было положиться, но только тогда, когда генерал Конвей будет на последнем издыхании. Что ж, генерал Конвей достиг этого предела. И Эго не смог взять на себя его ношу.

Генерал усмехнулся без горечи. Леденящая кровь мысль вернулась, и он принял ее как должное. Быть может, выиграть войну невозможно. Быть может, именно этот парадокс и остановил Эго. Но Конвей был человеком. И его это не останавливало. Он мог принять жуткую мысль и отбросить ее, зная, что иногда люди действительно добиваются невозможного. Должно быть, лишь благодаря этому он продержался так долго.

Конвей медленно повернул голову и посмотрел на Брума.

— Знаете, что я собираюсь сделать? — спросил он.

Брум мотнул головой, и его ясные глаза насторожились.

— Я лягу в постель,— сказал Конвей,— и посплю. Теперь я знаю свой предел. На той стороне тоже только люди из плоти и крови. У них те же трудности. Им тоже нужен сон. Разбудите меня, когда начнется новая атака. И тогда я ее остановлю — или не остановлю. Но я сделаю все, что в моих силах. Нам больше ничего не остается.

На негнущихся ногах он прошел мимо Эго к двери, задержавшись на секунду, чтобы приложить ладонь к неподвижной стальной груди. Она была холодной, но еще не остыла.

— Почему я решил, что на той стороне только люди? — спросил он.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Мелтон с угрюмым видом вошел в гостиную, остановился возле окна и, сцепив руки за спиной, погрузился в мрачные раздумья. Микаэла, его жена, подняла голову. Жужжание швейной машинки смолкло.

— Ты заслоняешь мне свет, Боб.

— Правда? Прости,— буркнул Мелтон.

Он чуть отступил сторону и остался стоять в прежней позе, все так же нервно перебирая пальцами.

Микаэла нахмурилась, медленно обвела недоуменным взглядом комнату и поднялась со стула.

— Выпьем чего-нибудь? — предложила она.— Мне кажется, ты слишком напряжен. Как насчет хорошего крепкого коктейля?

— Лучше уж хороший глоток виски,— слегка оживился Мелтон.— Сейчас налью. Гм-м-м...

Он шагнул было к двери, но вдруг остановился, будто в нерешительности.

Микаэла тут же вспомнила о холодильнике.

— Я все сделаю,— быстро сказала она.

Однако Мелтон что-то пробубнил и твердым шагом вышел из комнаты.

© Перевод О. Зверевой.

Микаэла села на диван у окна и свернулась калачиком, закусив губу и ловя каждый звук. Как она и предполагала, Боб не торопился открывать холодильник. Слышалось дребезжание стаканов, звон бутылок и бульканье. В последний раз, когда мужу что-то понадобилось в холодильнике, до Микаэлы донесся резкий вскрик, а потом приглушенные ругательства. Боб так и не рассказал тогда, что произошло. Микаэле вспомнились и другие происшествия, случившиеся в доме за последние три дня, и она беспокойно поежилась. Но отнюдь не от холода. В доме было тепло, пожалуй, даже жарко, что само по себе вселяло беспокойство и служило лишним поводом для тревоги. Дело в том, что угольная печь в подвале работала чересчур эффективно.

Мелтон вернулся в комнату, держа в руках два стакана виски с содовой. Он протянул один Микаэле и плюхнулся в кресло рядом с ней.

В комнате надолго воцарилась тишина.

— Если ты заметила,— наконец нарушил молчание Мелтон,— я не положил лед.

— Ну и что?

— А то, что сегодня лед у нас есть. Вчера его не было. А сегодня формочки полны. Да вот только лед красный.

— Красный лед? — переспросила Микаэла.— Ну, я тут ни при чем.

Муж бросил на нее мрачный взгляд:

— А я тебя и не обвиняю. Не думаю, что ты вскрыла вены и налила кровь в формочки для льда, просто чтобы подразнить меня. Я только сказал, что лед красный.

— Ничего страшного, обойдемся без льда. А где бутылка?

Мелтон опустил руку за спинку кресла и достал бутылку.

— Я подумал, что одной порцией мы не обойдемся. Кстати, Микки, ты звонила сегодня агенту?

— Звонила. Да что толку? Он вбил себе в голову, что у нас завелись термиты.

— Хотелось бы в это верить. Лучше уж термиты, чем... Ну а что с предыдущим владельцем? Неужели о нем так и не удалось хоть что-нибудь узнать?

— Нет. И вообще, агент считает, что мы лезем не в свое дело.

— Какая разница, что он считает? — Мелтон припал к стакану — Мы купили этот дом при условии, что он не будет...— Он запнулся и, обменявшись с женой долгим взглядом, кивнул: — Да, все правильно. Нам нечего сказать.

— Хармон упорно твердил об электриках и сантехниках. И даже порекомендовал нескольких.

— Да уж, от них-то будет много проку.

— Ты неизлечимый пессимист,— заявила Микаэла.— Налей мне еще виски. Спасибо. В конце концов, мы экономим на угле.

— Ценой моего рассудка.

— Может, ты просто не разбираешься в таких печах?

Мелтон поставил стакан и воззрился на жену.

— Я взял в офисе схему ее устройства.

Мелтон работал в нью-йоркском рекламном агентстве, что и стало одной из причин покупки этого дома, расположенного всего в получасе езды от Манхэттена, на тихой окраине маленького городка на берегу реки Гудзон.

— Мне пришлось выяснить, как работает наша печь. Вот место для тяги, вот дымоход, а вот это встроенный котел. Сюда закладывается уголь, который, по идее, сгорает, нагревая в котле воду, которая затем поступает в радиаторы. Есть еще воздухозаборник. Он не работает. Вот, смотри. Если ты зажигаешь спичку, она же сгорает?

— Конечно сгорает.

— Вот видишь, а уголь не сгорает,— заявил Мелтон.— Три дня назад я положил в печь пару лопат угля. Так вот, слой его лежит там до сих пор и светится красным. А в доме тепло. Это ненормально.— Он потянулся на другой край стола и полистал бумаги.— Я даже подсчитал, за сколько уголь должен сгореть. Максимум за четыре часа. Но не за три дня.

— Может, там есть стокер и уголь подается механически? — предположила Микаэла.— Ты смотрел?

— Ну, рентген я не использовал... Но смотреть смотрел. Пойдем, я тебе покажу.

Он поднялся, взял Микаэлу за руку и повел ее к подвалу. По пути они прошли мимо свихнувшегося холодильника.

Подвал был просторный, с цементным полом и двенадцатью вертикальными опорными балками. В одном из углов, возле угольного бункера, стояла печь — грязно-белое, округлой формы сооружение, из которого торчали изолированные одна от другой трубы, уходящие вверх перпендикулярно потолочным балкам. Все отверстия для тяги были закрыты, но гидростатический термометр вверху котла показывал 150 градусов. Мелтон открыл металлическую дверцу. Лежащий внутри слой угля светился красным, и по его поверхности бегали алые язычки жара.

— Так где, по-твоему, стокер? Откуда здесь может идти механическая подача? — спросил Мелтон.

— Где-нибудь внутри? — В голосе Микаэлы не было уверенности.— Печь-то большая.

— Котел трещит по швам. Того и гляди, рванет.

— Почему бы не дать огню погаснуть, а потом зажечь его заново?

— Дать погаснуть? Я не могу заставить его погаснуть! Я даже не могу вытрясти уголь через решетку! — В подтверждение своих слов Мелтон схватил железный крюк и пошевелил им слой угля.— Жара в доме ужас-

ная, даже при том, что все окна раскрыты настежь. Не знаю, что мы будем делать, когда выпадет снег.

Микаэла вдруг повернулась к лестнице.

— Что там? — спросил Мелтон.

— Звонок.

— Я ничего не слышал.

На лестничной площадке Микаэла обернулась и посмотрела на мужа.

— Да, ты никогда не слышишь,— задумчиво произнесла она.— Разве ты не заметил?

Она в отчаянии взмахнула рукой и ушла.

Мелтон молча проводил жену взглядом и только теперь, пораскинув мозгами, вдруг сообразил, что за три дня ни разу не слышал звонка. А ведь он точно помнил, что к ним кто-то заходил — в основном коммивояжеры, пытающиеся навязать новым хозяевам изоляцию, краску, средства против крыс и подписки на журналы. Почему-то дверь всегда открывала Микаэла. Мелтон считал, что в те моменты просто находился в глубине дома, куда звонок не доносился.

Он сердито посмотрел на печь, и на его худом угрюмом лице проступили глубокие морщины. Легко сказать: «Не обращай внимания». А как не обращать? И дело не в одной только печке. Есть и другие странности. Да что же такое с домом?

Ничего, что бросалось бы в глаза. Уж точно ничего, что мог бы заметить покупатель, пришедший осмотреть дом. Именной поиск не обнаружил ничего подозрительного, архитектор тоже одобрил решение Мелтона приобрести дом. Так они и вселились в него, счастливые, что нашли пристанище и после многомесячных поисков обрели наконец крышу над головой.

Дом номер шестнадцать по Пайнхост-драйв казался воплощением мечты. Сверхсовременный и как будто излучающий уверенность, уже пятнадцать лет он стоял

на берегу Гудзона, прямо напротив парка «Пэлисейдс»*, как чопорная вдова, строго подбирающая серые каменные юбки. Фундамент и нижний этаж здания были каменными, а два верхних этажа — деревянными. Расположение комнат тоже как нельзя лучше устраивало их семью: Мелтона, Микаэлу и ее брата Фила, который жил с ними в перерывах между загулами. Сейчас он, вероятно, как раз укатил на очередную пьянку.

Но едва они вселились в новый дом и расставили мебель, как начались неприятности. Мелтон страстно желал, чтобы с ними был Фил. Несмотря на все свои причуды, парень обладал замечательной способностью относиться ко всему здраво и не теряться в любых обстоятельствах. Он буквально источал уверенность и душевное равновесие. Однако Фил еще даже не видел нового дома.

Посему он ничего не знал о лампе в холле, которую после нескольких попыток Мелтон решил вообще не включать. Странная какая-то лампа: ее неестественное свечение меняло цвет кожи. Ну, не то чтобы этот свет обезображивал, но ни Микаэле, ни Мелтону не хотелось видеть друг друга в таком свете. Решив, что все дело в лампочке, они купили несколько новых, но это ничего не изменило.

А как отнестись к еще одной чертовщине?

Вчера, когда Мелтон полез в холодильник за льдом, он страшно перепугался. Наверняка все дело было в каких-то неполадках с проводкой, но увидеть в собственном холодильнике северное сияние — кто ж тут не испугается?

Происходили в доме и другие странности, но их невозможно описать словами — они осознавались скорее

---

* Парк, расположенный в штатах Нью-Джерси и Нью-Йорк, по правому берегу реки Гудзон. Популярное место отдыха жителей Нью-Йорка и окрестностей. *(Примеч. перев.)*

на уровне смутных ощущений. Нет, здесь не было привидений. Дело в другом. Дом казался Мелтону чересчур комфортным, слишком рационально устроенным — до такой степени, что эта рациональность приняла извращенную форму.

В первое время им никак не удавалось открыть окна — рамы не желали поддаваться их усилиям. А потом без какой-либо видимой причины окна вдруг распахнулись, как будто их кто-то смазал. И как раз вовремя, надо сказать: Мелтоны уже готовы были сломя голову бежать из перегретого дома на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Мелтон решил сходить к приятелю, с которым познакомился, когда заключал контракт с «Инстар Электрик». Тот кое-что смыслил в технике и, возможно, сумел бы объяснить некоторые загадки.

Например, откуда взялись мыши. Если, конечно, это действительно мыши. Кто-то скребся по ночам, но все ловушки, расставленные Мелтоном, оказывались пустыми. Микаэла успокаивала, что это кто-то совсем маленький и уж явно не домовой.

— Не поймаешь ты этих мышей,— авторитетно заявляла Микаэла.— Они чересчур умные. Когда-нибудь ты спустишься в подвал и найдешь заправленную мышеловку со стаканом виски на крючке. Тут тебе и придет конец.

Мелтону было не до шуток...

Неожиданно на лестнице, ведущей в подвал, возник сморщенный человечишка в мешковатых штанах и замшевой куртке и уставился на Мелтона. Хозяин ответил ему озадаченным взглядом.

— Проблемы с печкой, да? — спросил незнакомец.— Хозяйка сказала, что вы не можете понять, в чем там дело.

Следом за человечишкой появилась Микаэла.

— Это мистер Гарр. Я ему звонила сегодня.

Морщинистое лицо Гарра расплылось в улыбке.

— В телефонном справочнике мое имя найдешь почти во всех разделах. Электропроводка, прокладка труб, покраска — у многих если что-то ломается, то уж капитально. Вот как ваша печь.— Он подошел поближе и принялся внимательно осматривать агрегат.— Чтобы с ней разобраться, надо быть и лудильщиком, и печником, и электриком. Ну, так что с ней?

— Воздухозаборник не работает,— пояснил Мелтон, старательно избегая укоризненного взгляда жены.

Гарр достал фонарик, пощупал провода и покрутил отверткой. Посыпался сноп искр. Наконец он проверил гидростат над котлом, поднял его крышку и прищелкнул языком.

— Утечка,— вынес он вердикт.— Видите, откуда идет дым? Все заржавело. И провода заземлены.

— Вы можете починить?

— Нужен новый гидростат. Я вам его достану, мистер... э-э-э... Мелтон. Но должен сказать, вы прекрасно можете обойтись и без воздухозаборника. Это все?

— Нет, не все,— решительным тоном произнесла Микаэла — Три дня назад мы бросили пару лопат угля в печь, и они до сих пор горят.

Гарр не удивился. Он заглянул в печь, довольно кивнул и спросил.

— И сколько лопат вы бросили?

— Четыре,— ответил Мелтон.

— Этого мало. Надо, чтобы слой угля на несколько дюймов не доходил до двери. Вот так, видите? — вежливо объяснил Гарр.— Так печь будет лучше греть.

— Дома стало слишком жарко. Как выключить печь?

— Она сама перестанет работать. Просто не трогайте ее. Или вытрясите уголь через решетку.

— Не могу. Сами попробуйте.

Гарр попытался вытрясти уголь.

— Ага. Наверное, решетка забилась. Съезжу-ка я, пожалуй, за инструментами и новой решеткой.— Он выпрямился и обвел взглядом подвал.— У вас, скажу я вам, чудный дом. Добротный. Вон балки какие прочные.

— И мыши,— вставил Мелтон.

— Наверное, полевки. Они тут по всей округе. У вас нет кота?

— Нет.

— Лучше заведите,— посоветовал Гарр.— У меня самого есть кошка, но только одна. Зато она без конца приносит уйму котят. Если хотите, оставлю вам какого-нибудь из ближайшего помета. Да-а-а... У вас и вправду отличный дом. Что-нибудь еще починить?

Мелтон хотел было напомнить Гарру, что тот еще ничего не починил, но сдержался и вместо этого сказал:

— Может, посмотрите, что с холодильником? Он плохо работает.

Холодильник, стоявший наверху, в кухне, казалось, был готов поглотить что угодно. Почти без преувеличения. Взглянув на красные кубики льда, Гарр определенно решил, что Мелтоны заморозили клубничный сироп или вишневый сок. Он достал масленку и капнул несколько капель в мотор.

— Никогда не используйте тяжелое масло. Оно выведет холодильник из строя.— Гарр ткнул пальцем на ряд пивных бутылок в холодильнике: — Хорошее пиво. Я всегда его беру.

— Угощайтесь.

Мелтон налил два стакана. Микаэла отказалась от пива и пошла за остатками своего виски с содовой. Мелтон присел на краешек раковины и недобро воззрился на холодильник, лениво постукивая по полу ногой.

— Думаю, в нем произошло короткое замыкание,— сообщил он.— Я... э-э-э... был слегка поражен, когда вчера открыл дверцу.

Гарр поставил стакан.

— Вот как? Давайте поглядим.— Он отвинтил металлическую пластину и даже заморгал от удивления.— Ну и чудеса! Никогда не видел подобной схемы.

Мелтон подался вперед.

— Что там?

— Хм-м... Та-ак, постоянный ток... Знаете, они тут вам сильно напортачили, мистер Мелтон.

— То есть?

— Электрики-любители,— презрительно фыркнул Гарр.— Что тут делает этот провод? А это?.. Что это вообще такое?

— Что-то пластмассовое?

— Может, часть термометра. Не представляю. Хм-м...

Гарр покачал головой и опять потрогал что-то отверткой. Новая порция искр разлетелась во все стороны, а Гарр слегка дернулся.

— Я, пожалуй, отрублю электричество,— сказал он.

— Я сам,— ответил Мелтон.

Он спустился в подвал и остановился в раздумье перед несколькими щитками, но в конце концов определил, какой из рубильников главный, отключил его и крикнул Гарру, что все в порядке.

Через секунду раздался вскрик.

На лестнице послышались шаги.

Показался Гарр, потирающий руку.

— Вы не выключили электричество,— укоризненно проворчал он.

— Ничего подобного,— возразил Мелтон.— Вот, полюбуйтесь.

— Да? Надо же! Ну, может...— промямлил электрик, на этот раз выкручивая пробки.— Идите на кухню. Крикнете мне, когда холодильник перестанет работать. Я его снова включил.

Мелтон повиновался...

— Что-нибудь прояснилось? — спросила его Микаэла, вернувшаяся посмотреть, что происходит.

— Без понятия.— Мелтон прислушивался к ровному гудению мотора.— Похоже, прежний хозяин поменял в доме проводку.

— Кем же он был? — озадаченно проворчала Микаэла.— Эйнштейном? Или марсианином?

— Думаю, всего лишь электриком-любителем, переоценившим свои силы.

Микаэла провела ладонью по гладкой белой эмали холодильника.

— Ему только два года. Это не возраст, Боб. Плохое питание его и сгубило.

— Если бы у меня желудок был набит всем тем, что лежит внутри этого агрегата, я бы замаялся изжогой,— хмыкнул Мелтон.— А вот и мистер Гарр! Все починили?

На загорелом морщинистом лице Гарра читалось беспокойство.

— Так и работает, да? Ни на минуту не останавливался?

— Нет.

— Значит, он не присоединен ни к одному из щитков. Придется ломать стену, чтобы понять, куда идут провода.

Он с сомнением посмотрел на розетку.

— Послушайте,— спохватился Мелтон,— у меня же есть резиновые перчатки. Может быть, пригодятся?

— Ага,— кивнул Гарр.— Несите, а я пока пивка попью. А то оно совсем выдохлось во всей этой суматохе.

— Микки, налей пива мистеру Гарру,— попросил Мелтон и вышел.

— Ага,— обрадовался Гарр.— М-м-м... Спасибо, миз Мелтон. У вас славный домик. Я как раз говорил об этом вашему мужу. Построен на века.

— Пока что он нас устраивает. Позже я планирую переоборудовать кухню. Ну, знаете, сейчас появились плиты и холодильники со стеклами...

Гарр скривился.

— Я видел рекламу. Совсем не практично. Это ваше стекло... Ну что в нем проку? — запричитал он.— Ну, разве только, чтобы пропускать солнце, но... Черт, совсем с ума посходили... Ой, простите мой язык, миз Мелтон.

— Ничего.

— Стеклянная дверь в холодильнике! Она же замерзнет. А в плите закоптится. Уж лучше старый добрый металл. Ишь, придумали! Чтобы видно было то, открыто это... По всей кухне! — Он указал пальцем на металлическое мусорное ведро на полу.— Скоро и мусор выставят на всеобщее обозрение — вот до чего дойдет.

— Ну, без этого-то я смогу обойтись.

— Все эти ваши новшества хороши, конечно. Пусть так, но обычному парню они не нужны. Вот возьмем, скажем, меня. Мой дом выглядит так, как я хочу. У меня все ловко устроено. Лампы подвешены так, что могут спускаться и подниматься по стойкам. Телефон автоматически отключается, так что меня не разбудишь ночью. Мужчины перелопатят весь дом, но сделают его удобным для себя.

— Вот перчатки,— сказал вернувшийся Мелтон.— Наверное, вы можете многое рассказать о хозяине, глядя на его жилище.

Гарр гордо кивнул:

— Это точно. Дом может выглядеть как с обложки журнала по дизайну и казаться уютным, но в нем на стул не сядешь, не рискуя испачкать брюки.

— Ну, когда мы въехали в этот дом, он пустовал,— рассудительно заметила Микаэла.

— Первый раз я попал сюда десять лет назад,— сообщил Гарр.— Здесь жила семья Кортни. Он был подрядчиком. Потом они все переехали в Калифорнию, и в доме поселился парень по фамилии Френч.

— И что это был за тип? — быстро спросил Мелтон.

— Я его никогда не видел. Он носа не высовывал из дому.

— И ни разу вас не вызывал?

— Наверное, чинил все сам.— Гарр презрительно уставился на розетку.— Сейчас все исправлю.

Он быстро и аккуратно привинтил пластину, потом закрепил розетку и распрямился.

— Вот так,— кивнул он.— Что-то еще?

— Звонок.

— И этот не работает?

— Не то чтобы...— Мелтон смущенно запнулся.— Просто...

— Вас не затруднит выйти и позвонить? — попросил Гарр.

— Хорошо.

Микаэла внимательно смотрела на Гарра.

Немного погодя Гарр повернулся и бросил на нее быстрый взгляд.

— Ваш звонок в полном порядке. Во всяком случае, никакого короткого замыкания нет.

— Вы... Вы слышали звонок?

— Конечно. А что? Вы разве нет?

— Я... Да...— нерешительно ответила Микаэла, хотя на самом деле она только подсознательно его ощутила.— Звонок заработал, Боб,— сообщила она, когда Мелтон вернулся на кухню.

— Неужели?

— Все в полном ажуре,— подтвердил Гарр.— Ну, ладно, я, пожалуй, пойду.

— Сколько с меня? — спросил Мелтон.

Сумма оказалась скромной. Мелтон расплатился, и они выпили еще пива.

— Звонят. Простите,— сказала вдруг Микаэла.

Мелтон залпом выпил пиво. Он ничего не слышал.

— Это Фил. Он хочет выпить,— сообщила вернувшаяся в комнату Микаэла и поставила шейкер в раковину.

Гарр обменялся сердечным рукопожатием с хозяином дома и распрощался.

Мелтон вздохнул, задумчиво глянул на звонок и потянул на себя дверцу холодильника. Призрачное голубое сияние озарило его лицо. Протянутая за льдом левая рука задрожала. Кожа и плоть с нее словно испарились.

Он захлопнул дверцу и судорожно взглянул на руку. Она вновь выглядела как обычно.

Мелтон взял бутылку и несколько стаканов и направился в гостиную, где, развалившись на кушетке, его ждал шурин, Фил Баркли,— невысокий стройный мужчина лет сорока, по обыкновению безупречно одетый, с круглым, слегка обрюзгшим лицом, хранящим невозмутимое выражение.

Приветствуя Мелтона, Фил чуть приподнял светлую бровь.

— Неразбавленное, Боб?

— Угу,— мрачно подтвердил Мелтон.— Попробуй, тебе понравится.

— Мне всегда нравится,— сообщил Фил. Он влил в себя виски, горло его при этом на мгновение напряглось и тут же расслабилось.— Ох, хорошо. Фу-у-ух.

— Похмелье? — сочувственно спросила Микаэла.

— Еще какое! — с достоинством ответил Фил, роясь в кармане. Он протянул сестре сложенную бумажку.— Чек за «Секрет нимфы». Уэсли дал его мне в галерее «Фрайди».

— Совсем неплохо,— взглянула на чек Микаэла.

— Неплохо за неделю корпения над этой картиной. Ну что ж, положите в семейный бюджет. И больше никакой работы хотя бы на месяц. Пожалуйста, налей мне еще виски.

— Кажется, ты уже и так основательно набрался,— возразил Мелтон.

Фил смерил его долгим, внимательным взглядом.

— Да ты и сам выглядишь не лучше. Смотри, даже вспотел.

— Здесь жарко.

— Слишком жарко,— согласился Фил.— У вас за месяц выйдет весь уголь. Или это керосин?

— Уголь,— ответил Мелтон.— Только он не выйдет. По крайней мере в этом доме.

— Мне он тоже не нравится,— внезапно сообщил Фил.

Микаэла, сложив ладони вместе, подалась вперед.

— Что-то не так, Фил?

Тот усмехнулся.

— Да ничего. Знаешь ли, я первый раз в доме. Нет-нет, только не предлагай мне его осмотреть. Я... В общем, я приходил позавчера.

— А нас не было? Но у тебя же есть ключ.

— Есть.— Фил неподвижным взглядом смотрел прямо перед собой.— Но я не стал им пользоваться. Звонок не работал, так что я постучал. А потом...

Мелтон облизал пересохшие губы.

— Что потом?

— Ничего,— отрезал Фил.— Ровным счетом ничего.

— Так почему?..

— Я был слегка под кайфом. И чувствовал себя не в своей тарелке. Нет, это были не привидения. Это было...— Фил запнулся.— Не знаю, Боб, что это было, правда не знаю. Но я решил вернуться в город.

— Ты испугался? — спросила Микаэла.

Фил покачал головой.

— Это было что-то странное, непонятное. Но я не испугался, честное слово. Да и чего, собственно, было бояться? Просто решил не заходить.

— Но все-таки почему? — не сдавалась Микаэла. В ее голосе явственно ощущалось сильное волнение.— Это не причина, ты же понимаешь.

Фил вылил в стакан последние капли виски и поднял бутылку.

— Видишь? Бутылка пуста. Но ты знаешь, что в ней было. И если принюхаешься, то почувствуешь запах виски.

Мелтон стукнул рукой по колену.

— Точно! — выпалил он.— Этот кретин Френч. Кто он? Что он сотворил с домом? Заколдовал его, что ли?

Как гром с ясного неба в отдалении послышался странный звук — печальный пронзительный стон, гулко прозвучавший в пространстве. Мелтон на секунду обмер. Но потом понял: это прогудел буксир на темной реке.

— Ого! Похоже, дела совсем плохи, если даже это заставляет тебя подскакивать...— тихо заметил Фил.

— Надо бы принять успокоительное. Работы было много, вот я и переутомился.

— Что ж, пожалуй, я таки осмотрю дом.— Фил встал с кушетки.— Сиди, Микки,— повернулся он к сестре.— Я сам разберусь.— И, обращаясь уже к Бобу, прибавил: — Ладно, пошли вместе, если хочешь.

Они прошлись по дому. Мелтон почти всю дорогу молчал. Включив свет в верхнем холле, он взглянул на Фила, ожидая его реакции. Тот ничего не сказал. Зато необычайно заинтересовался подвалом и надолго засел в нем, что-то щупая и разглядывая.

— Что ты там ищешь? — удивлялся Мелтон.— Тайную комнату?

— Что? А, нет.— Фил в последний раз оглядел голую стену и пошел к лестнице.— Так ты говоришь, до вас тут жил парень по имени Френч?

— Джон Френч. Так указано в отчете по именному поиску. Как я понял, никто никогда не видел этого Френ-

ча. Продукты и все необходимое ему доставляли на дом. Писем он не получал. И телефона у него не было.

— А как насчет рекомендаций? Прежде чем вселиться, он должен был представить рекомендации.

— Это было десять лет назад. Я проверял. Ничего особенного: банк, нотариус... Все как обычно.

— Чем он занимался?

— К тому времени был уже на пенсии.

Фил на всякий случай покрутил краны.

— Это плохой дом,— решительно заявил он.— Но в нем не обитают призраки, вселенское зло и прочие ужасы в готическом духе. Почему же здесь так жарко?

Мелтон объяснил.

Внезапно что-то заставило его поднять взгляд. И сквозь открытую дверь кухни он увидел, что кто-то неподвижно стоит в гостиной и пристально на него смотрит. С небывалой самокритичностью Мелтон оценил собственную реакцию на это как абсолютно ненормальную.

После секундного замешательства он решил было, что в присутствии постороннего нет ничего необычного. Разум лихорадочно искал хоть какое-нибудь логическое объяснение: курьер, молочник... Но уже в следующее мгновение Мелтона охватило всепоглощающее чувство полнейшей растерянности, и он отчетливо осознал, что человек в соседней комнате не принадлежит этому миру. И сразу вслед за этим ошеломляющим открытием как гром среди ясного неба его пронзила невесть откуда пришедшая уверенность: эта безмолвная фигура принадлежит...

Микаэле!

И что хуже всего, Мелтон ее совершенно не знал. На какой-то исполненный ужаса миг перед ним предстала совершенно незнакомая женщина. В желудке возникла такая тяжесть, будто его набили камнями, сердце неистово билось о ребра.

Все произошло так быстро, что никто ничего не заметил.

Микаэла вошла в кухню, и Мелтон поспешно достал из буфета новую бутылку.

— Ну, как тебе дом? — спросила Микаэла.

Фил криво усмехнулся.

— Вполне подходящий.

Мелтон судорожно сглотнул.

— Ты веришь в одушевление неживого? — бросил Фил через два дня, сворачиваясь на диване и засовывая подушку под голову.

— Что? — переспросил Мелтон.

Было еще рано, он пил кофе и поглядывал на часы. Семья сейчас пользовалась маленьким будильником, так как электрические часы шли как им вздумается.

— О, этой теории уже немеряно лет,— лениво протянул Фил.— Если человек долго живет на одном месте, его психические флюиды впитываются в стены и портят обои. Что-то в этом духе. Ну, ты знаешь.

— Нет,— отрезал Мелтон.— Заткнись. У меня голова болит.

— У меня тоже. Да еще и похмелье. Хм-м-м. Я так понимаю, что гроб тоже не чужд психических флюидов, но просто потому что он функционален. Смотришь на гроб — и сразу понимаешь, зачем он.

— С удовольствием посмотрю на твой гроб,— беззлобно поддел Мелтон.— И на тебя в нем.

— Ладно. Да будет тебе известно, что я тоже не верю во всю эту чушь. Думается, вся загвоздка в том, что мистер Френч переделал дом под себя. Вот уж точно человек с причудами. Человек ли? Ну да хватит о нем. Скажи лучше, ты обратил внимание на деревянные панели?

— Они покрыты смолой, если ты об этом.

— Да, покрыты чем-то, но не смолой. Я проверял. Странный состав — ничем не отодрать. И такое покры-

тие по всем стенам, потолку, полу, на каждой двери в доме. Как изоляция.

— Да ладно тебе. Даже на чердаке нет никакой изоляции. Я подумываю о том, чтобы уложить повсюду шпаковату.

— Тогда мы изжаримся.

— Ремонт — вот что требуется.— Мелтон продолжал развивать свою мысль.— И еще. Надо будет пригласить крысоловов.

— Зачем?

— Мыши. В стенах.

— Мыши? О нет! Только не мыши!

— А кто же? Гремучие змеи?

— Это что-то механическое.

— Да ты с ума сошел! Я поднимался на чердак и проверял стены.

— И что, видел мышей?

— Нет, но, возможно, они видели меня. И предпочли со мной не встречаться.

— Ты меня совсем запутал,— несчастным голосом сообщил Фил.— К тому же мы говорим о разных вещах. Я имею в виду не турбины или динамо-машины и не всякие там ускорители ядерных частиц. Механические устройства могут быть так просты, что их и не распознаешь. Ну вот, например, как этот выключатель.

— Это не механизм.

— А что? Рычаг передачи?

Мелтон фыркнул:

— Хорошо, пусть в стенах прячутся рычаги. Но кто их дергает? Выключатель сам не сработает и...

Он вдруг замолчал и посмотрел на выключатель. Потом перевел взгляд на Фила. Тот улыбался.

— Вот-вот,— таинственно произнес он.

Мелтон бросил салфетку на стол и встал.

— Механизмы в стене! Отлично, черт возьми!

— Очень простые и чрезвычайно хитроумные. И незаметные. Краска — это всего-навсего краска, но ею можно написать «Мону Лизу».

— Ты хочешь сказать, что Френч покрыл стены краской, которая действует как некое механическое устройство?

— Невидимое и неосязаемое... Да я-то почем знаю? А что до шума по ночам...

Фил не закончил фразу.

— Ну? — нетерпеливо воззрился на него Мелтон.

— Думаю, дом просто перезаряжается.

Мелтон стремительно бросился к двери, бормоча что-то себе под нос.

Он пообедал с Томом Гарретом, техником из «Инстар электрик» — маленьким, заплывшим жиром человечком с сияющей лысиной и в очках с толстыми стеклами, за которыми моргали близорукие глазки.

Гаррет, однако, не смог посоветовать ничего путного относительно дома.

— Ну ты сам подумай, что у тебя за проблемы,— наконец изрек он.— Нестандартная проводка. И... если ты позволишь мне быть откровенным...

— Все равно же скажешь. Валяй.

— И невроз.

— У всех троих?

— Ну да. Дом может так влиять. Наш образ жизни способен расшатать самые крепкие нервы. Бр-р-р. Прости, но мне кажется, что тебе нужен отпуск или врач — но не электрик.

— Да я уже заменил проводку. Без толку.

— Успокойся. Я ж не говорю, что ты чокнулся,— попытался утешить Мелтона Гаррет.— Во всяком случае, пока. А весь этот рентген в холодильнике... Тебе ведь известно, что в очень ярком свете рука может казаться

полупрозрачной, вплоть до проступающих очертаний костей.

— Пусть так. Но каждый раз, выглядывая в окно, я жду, что там появится что-нибудь новое.

— Что?

— Без понятия. Что-нибудь этакое.

— Ну и как, появляется?

— Нет,— после короткой паузы ответил Мелтон.

— Интересно...— Пристально глядя на него, протянул Гаррет.— Послушай, может, мне стоит заехать и посмотреть на эту твою проводку?

— Отлично. А когда?

Гаррет полистал блокнот.

— У меня запарка, но... Вот что, давай я тебе позвоню.

— Чем скорее, тем лучше. Хотя я, пожалуй, все равно перееду.

— Да где еще ты найдешь такую печь?

— Ну, знаешь, мне не до смеха,— мрачно проворчал Мелтон.— Было бы и впрямь хорошо, если бы ты проверил проводку. Держу пари, она тебя удивит. Мой шурин строит еще более дикие догадки, чем я, так что...

— И что он говорит?

Мелтон принялся рассказывать.

Как ни странно, Гаррет слушал его с интересом.

— Знаешь, его идея о механизмах не лишена здравого смысла. Схемы их устройства становятся все менее замысловатыми. Взять, например, клистрон* — ведь он значительно проще обычного электровакуумного прибора. А когда мы имеем дело с электромагнитным полем, нейтронами и всем прочим в том же духе, то подчас оказывается, что самым эффективным прибором оказывается... обычный металлический брусок.

— Но речь идет о краске!

— Я видел краску, которую вполне можно назвать механизмом,— светящуюся. Днем она накапливает сол-

---

* Электронно-вакуумный прибор сверхвысокой частоты.

нечный свет, а ночью его излучает. Не подумай, что я всерьез принимаю и поддерживаю теории твоего шурина. Просто перспективы развития техники — это мой конек. И я уверен, что победа останется отнюдь не за громоздкими сложными устройствами. Техника будет — или будет казаться — такой простой, что человек двадцатого века почувствует себя с ней, что называется, «на ты». Разумеется, пока дело не дойдет до результатов.

— Да-а-а...— протянул Мелтон.— Они будут отличаться от нас, правда?

— Думаю, не так уж сильно. Ладно, мне пора. Я тебе позвоню, Мелтон. Но все-таки послушайся моего совета — загляни к врачу.

— Только не говори мне, что я здоров как бык,— ответил Мелтон.— Ты, наверно, имеешь в виду быков на корриде. Так они там все бешеные.

Доктор Фарр прикоснулся к усам. Ощущение, очевидно, ему понравилось, и он машинально продолжал их поглаживать.

— Откуда мне знать, Боб? — спросил он.— У половины моих пациентов не все дома, но пока они об этом не подозревают, с ними все в порядке. Тут главное — вовремя оказать психологическую помощь и скорректировать состояние.

— А можно попроще?

Фарр бегло сверился с результатами обследования.

— Судя по тестам, у тебя слабо выраженный психотический синдром. Особенно он проявляется в ориентации. Это очень значимый симптом. Но я знаю тебя уже много лет и голову даю на отсечение, на это есть объективные, а не субъективные причины.

— Ты имеешь в виду дом?

— Возможно, он послужил толчком. Стал навязчивой идеей. Такую роль может сыграть что угодно. И в твоем случае это дом. Переезжать надо.

— Это я и собираюсь сделать.

Фарр откинулся в кресле и принялся рассматривать свой диплом, висящий в рамочке на стене.

— Твой друг прав насчет окружающей обстановки. Запри ребенка в темном чулане — и он потом всю жизнь будет бояться темноты. А почему? Потому что это неподходящая для него обстановка. Если дом тебя беспокоит, собирай вещи и уезжай.

— А как насчет Микки и Фила?

— Он могли подхватить эту идею от тебя. А быть может, наоборот. Тем более что Фил алкоголик и стремительно катится к белой горячке. А жаль, он талантливый художник.

Мелтон попытался защитить шурина:

— Ты же знаешь, что случилось бы с Филом, не живи он вместе с нами. К тому же он сам себя содержит.

— Это пока он работает. Пара картин в год... Ладно, что о нем говорить. Я врач, а не воспитатель. Он все еще в запое?

— Уже несколько дней не прикасается к спиртному,— бросив неодобрительный взгляд на Фара, ответил Мелтон.— Что само по себе интересно. Ведь он почти все время навеселе. Уж я-то вижу.

— Может, он где-нибудь припрятал бутылку.

— Только не Фил. Он пьет в открытую и не стыдится этого. Может нализаться, когда ему только вздумается, не нуждаясь в оправданиях. Если задуматься, все это и впрямь забавно.

— А как он себя ведет?

— Как всегда. Подолгу пропадает в подвале.

— Может, там у него и припасено спиртное? — предположил Фарр.— Смотрите, чтобы у него не развился комплекс вины. Пусть пьет вместе с вами, если ему это необходимо. Психологический аспект тоже важен. Он полностью доверяет тебе и Микки, но... Хорошо, скажи ему, чтобы он зашел ко мне. В любом случае, я хочу про-

верить его сердце. И, пользуясь случаем, я угощу его выпивкой.

— Ничего себе врач,— хихикнул Мелтон.— Ладно, мне пора. Надо кое-что проверить по поводу одного человека. До скорого.

— Уезжайте из этого дома! — крикнул Фарр вслед удаляющейся фигуре.— Может, в нем живут привидения?

Нет, привидений в доме не было. Однако когда вечером Мелтон остановился на пороге и достал ключ, он точно знал, что входить ему не хочется. Вспоминались строчки из де ла Мара: «Есть тут хоть кто-нибудь? — путник спросил / У дверей, освещенных луной...»* Как там дальше? Невидимые и неосязаемые, как пылинки в лунном свете... Проведи рукой — и не встретишь сопротивления... взлетают и оседают обратно... Что-то в этом роде.

Мелтон поморщился и открыл дверь.

В гостиной, полулежа на кушетке, дремал Фил.

Микаэла, уронив на пол шитье, встала навстречу мужу.

— Что-нибудь случилось? — спросил Мелтон.

— Ничего нового. Дай я повешу пальто.

Микаэла вышла. Мелтон поднял упавшую ткань — работа у Микаэлы почти не продвинулась — и перевел взгляд на Фила.

— Есть что добавить?

— Я счастлив! — сообщил Фил.— Комментарии излишни.

— Ты пил?

— Нет.

— Доктор Фарр просил тебя зайти, когда будешь в городе.

---

* Перевод Н. Мухортова.

— Почему бы и нет? Узнал что-нибудь о Джоне Френче?

— Да, кстати, есть что-нибудь о нем? — спросила Микаэла, спускаясь по лестнице.— Ты собирался поискать информацию.

Мелтон плюхнулся на стул.

— Я искал. Через агентство. Без толку. Такого человека не существовало. Его никто не видел.

— Естественно,— отозвался Фил.

Мелтон вздохнул:

— Хорошо. И кто же это был? Санта-Клаус?

— «Бойся данайцев...» А печь так и кочегарит во всю мочь.

— И по-прежнему невыносимо жарко. Почему вы не открыли окно?

— Рамы снова заело,— ответила Микаэла.— Теперь их вообще не открыть.

Внезапно вспыхнул свет.

Мелтон повернулся к Филу.

— Твоя работа?

— Нет.

Мелтон подошел к выключателю и внимательно его осмотрел. Но сколько бы он им ни щелкал, свет продолжал гореть.

— Старина Джон Френч,— пробормотал себе под нос Фил.— Старина Джек. «Вот дом, который построил Джек...» И как!

Он встал и направился на кухню. Вскоре Мелтон услышал его шаги на лестнице, ведущей в подвал.

— Вот, опять. Весь день ходит туда и ходит,— сообщила Микаэла.

— Ты заметила, что он пьян как сапожник?

— Конечно заметила. И... это не обычный запой.

— Вижу, что не обычный. А может, у него в подвале выпивка? Может, Джек... Может, Френч оставил там несколько бутылок?

— А в них... Ох, лучше об этом не думать.

— Чем сегодня занималась?

— Ничем. Буквально ничем. Я пыталась шить, но здесь время летит слишком быстро. Не успела оглянуться — уже шесть.

— И вечно время пить чай. Что с обедом?

Микаэла всплеснула руками.

— Ой! Убей меня, Боб, я совсем забыла об обеде!

— Ты, наверное, тоже побывала в подвале,— улыбнулся Мелтон.

— Нет, Боб.— Во взгляде Микаэлы были боль и страдание.— И близко не подходила.

Мелтон некоторое время смотрел на нее, потом встал, прошел в кухню и открыл дверь в подвал.

Свет был включен, и в углу неподвижно стоял Фил.

— Поднимайся. Придется заменить обед выпивкой.

— Секунду,— отозвался Фил.

Мелтон вернулся в гостиную.

Вскоре появился и Фил. Он вошел в комнату, пошатываясь.

Мелтон мрачно кивнул:

— «А это веселая птица-синица, которая часто ворует пшеницу...»

— Не начинай,— оборвала его Микаэла.— Я все думаю об этом человеке, оборванном и грязном...

— А я все думаю о Джеке,— вставил Фил.— Маленьком человечке, которого не было. Явившемся из неведомых далей. Слушай, Боб, если бы ты провел лет десять в племени убанги, что бы ты делал?

— Не валяй дурака.

— Нет, я серьезно. Если бы тебе пришлось поселиться в хижине убанги и там жить. Ведь у тебя все равно бы не было ничего общего с аборигенами, правда?

— Да.

— Ну?

— Что — ну? А что бы ты сделал?

— Слегка переделал бы хижину. Особенно если бы хотел притвориться, что тоже принадлежу к племени убанги. Я не стал бы менять что-либо снаружи, но внутри устроил бы все так, чтобы мне было удобно. Ну, стулья, например, вместо травяных циновок. И никого бы туда не пускал. Интересно, как выглядела мебель Френча?

— И кем, по-твоему, был Френч? — спросил Мелтон.

— Не знаю. Даже представить себе не могу. Зато я знаю, кем он не был.

— И кем же?

— Человеком.

Микаэла вздрогнула и закусила губу. Фил кивнул в ее сторону.

— Мы с Микки проводим в доме больше времени, чем ты. Дом живой. Разумеется, он одновременно и механизм. Как киборг.

Мелтон недоверчиво скривился.

— Ну да, скажи еще, что он с тобой разговаривает.

— Нет, конечно. На это он не способен. Джек не строил этот дом, он сюда переехал и наладил все по своему вкусу. Чтобы дом полностью удовлетворял его запросам. Какими бы они ни были. Он любил — или нуждался — в жаре. Это не так уж необычно. Но другие вещи... Вот как холодильник. На линолеуме нет никаких следов, а за десять лет они должны были появиться. Я посмотрел. В розетку подключалось что-то другое. Новая проводка ничего не исправит, Боб. Джеку не нужны были провода. Может, они тут и были, для удобства, но я считаю, что он просто менял пару элементов — и механизм готов.

— Живой дом? Прекрасно. Ну и бред!

— Может, дом-робот. Не обязательно же роботу походить на человека. У нас сейчас используют роботов, и они выглядят соответственно своим функциям.

— Хорошо,— отрезал Мелтон.— Можем переехать.

— Мы должны переехать. Этот дом построен для Джека, а не для нас. Здесь все работает не так, как надо. Холодильник проделывает всякие фокусы из-за того, что подключен к розетке, предназначенной для чего-то другого.

— Я подключал его к разным розеткам.

— И что?

Мелтон покачал головой.

— Везде то же самое.— Он поежился.— Но почему Френч?.. Почему он хотел, чтобы...

— А зачем белому жить в деревне убанги? Чтобы заниматься этнологией. Или энтомологией. Или из-за климата. Или чтобы просто отдохнуть — провести зиму в теплых краях. Но откуда бы ни появился в свое время Джек, теперь он вернулся обратно, не позаботившись навести порядок в доме. Вот так.

Фил поднялся и вышел. Дверь в подвал закрылась почти беззвучно.

Мелтон подошел к Микаэле, опустился на колени и обнял жену за тонкие плечи, чувствуя, как исходящее от нее тепло окутывает его душу покоем.

— Мы переедем, милая.

Микаэла неотрывно смотрела в окно.

— Было бы здорово, если... Да, конечно... Какой чудесный вид. Мне не хочется уезжать отсюда. Но другого выхода у нас нет. Так когда, Боб?

— Хочешь, начнем искать новый дом завтра? Или, может, городскую квартиру?

— Хорошо. День-два роли не играют, правда?

В темноте он слышал легкое дыхание сидящей рядом жены. Но слышал и другие звуки. Нет, это были не мыши. В стенах происходило какое-то медленное, едва ощутимое движение, воспринимаемое на грани слуха и сознания. Дом перезаряжался. Робот готовился к новому дню.

Он не обладал способностью мыслить и не был живым, он не имел ни разума, ни каких-либо личностных качеств. Механизм. Но механизм столь поразительно универсальный, что может существовать только благодаря своей невероятной простоте. Так что же это? Может, все дело в изменении орбит вращения электронов? Или в чем-то еще более невообразимом...

«С помощью электронного микроскопа мы имеем возможность изучать микрокосм,— подумалось Мелтону.— Но мы видим далеко не все. Там, за пределами...»

Движение внутри стен подчинялось какому-то необычному, диковинному ритму.

Вот дом, который построил Джек,
А это пшеница,
Которая в темном чулане хранится,
В доме, который построил Джек...*

Мелтон вспомнил весь детский стишок, нанизывая строку за строкой, и постепенно в душе его неумолимо росло чувство ужаса. Но он не мог остановиться. А дойдя до конца, начал снова.

Кем был Джон Френч?

Или чем?

Внезапно Мелтону стало нехорошо, и он полностью утратил ориентацию. Не глядя на Микаэлу, он соскочил с кровати, шатаясь и спотыкаясь спустился вниз и остановился в холле, будто в ожидании чего-то.

Но ничего не происходило.

Вот дом, который построил Джек.
А это веселая птица-синица...

Мелтон направился в кухню. Дверь в подвал была открыта. Он не видел Фила, но знал, что тот стоит под лестницей.

---

* Перевод С. Маршака.

— Фил,— тихо позвал он.

— Я здесь, Боб.

— Выходи.

Фил поднялся по ступеням. В проеме двери возникла его пошатывающаяся фигура в пижаме.

— Что там? — спросил Мелтон.

— Ничего.

— Виски?

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего.— Глаза Фила неестественно блестели — словно остекленевшие.— Я стою в углу, прижимаясь лбом к стене, и... рисую...— Он вдруг замолчал, замедлил шаг и остановился.— Нет,— после паузы сказал он.— Это не рисование. Но я думал...

— Что?

— Этот дом во всем устраивал Джека — так? Но мы же не знаем, кем был Джек и чего он хотел. Может, он явился к нам из будущего. Или с другой планеты. Не приходится сомневаться только в одном: то место, откуда он пришел, очень необычно.

— Мы переезжаем,— сказал Мелтон.— Как только найдем что-нибудь подходящее.

— Хорошо.

— Пошли спать.

— Конечно. Почему бы и нет? Спокойной ночи, Боб.

— Спокойной ночи, Фил.

Мелтон еще долго лежал с открытыми глазами, не в состоянии заснуть.

Вот дом, который построил Джек...

Интересно, а вернется ли Джек когда-нибудь?

Дом подходил Джеку.

Дом живой.

Нет, не так. Он — механизм.

Каждый дом может стать таким вот механизмом — стоит только немного его изменить. Джеку это по силам.

Механизм во всем устраивал Джека. Конечно. Но как он повлияет на людей? Приведет к мутации?

Или в конечном итоге переместит их в другой мир? В любом случае результат будет совершенно неожиданным.

Мелтону не хотелось знать, каким именно.

«Завтра я найду квартиру»,— твердо сказал он себе.

Принятое решение немного успокоило нервы, и Мелтон наконец провалился в сон.

На следующий вечер он вернулся пораньше и без колебаний вошел в дом.

Микаэла и Фил сидели в гостиной. Они обернулись на звук его шагов, но не произнесли ни слова.

— Есть квартира! — победно заявил Мелтон.— Можем собирать вещи. Ну что, довольны?

— Еще бы,— отозвалась Микаэла.— Можем выехать прямо завтра утром?

— Конечно. И Джек получит свой дом обратно.

Вспыхнул свет.

Мелтон бросил быстрый взгляд на лампу.

— Все то же, да? Ладно, нас это больше не касается. Хотите что-нибудь выпить? Как насчет коктейля, Микки? Сегодня я даже положу в него лед.

— Нет, спасибо.

— Хм-м-м... Фил?

— Нет. Не хочу.

— Как хотите. А я выпью.

Мелтон прошел в кухню, но, поколебавшись, отказался от льда и вернулся в гостиную со стаканом неразбавленного виски в руке.

— Где мы сегодня обедаем?

— Да что же это! — расстроенно воскликнула Микаэла.— Я снова забыла о еде.

— Думаю, нам лучше переехать завтра,— решил Мелтон.— Если не сегодня вечером.— Он сел.— Есть пока рановато, но мы можем скоротать время за стаканом-другим.

Мелтон посмотрел на часы. Они показывали 4:20.

Он посмотрел снова.

10:40.

Ничего не изменилось. Только небо за окном потемнело. И все. Микаэла и Фил сидели в тех же позах, и стакан с виски в руке Мелтона оставался нетронутым.

На секунду мелькнула нелепая мысль об амнезии. Но уже в следующий миг Мелтон пришел к выводу, что все гораздо проще: он задумался и позволил мыслям течь как им вздумается (он даже помнил, в какой момент это произошло) — вот время каким-то образом и пролетело до...

10:40.

И вновь, но теперь уже не столь внезапно его охватило ощущение полной дезориентации. Оно прошло и кануло в небытие.

Микаэла и Фил продолжали неподвижно сидеть.

Мелтон опять бросил взгляд на часы. И тут же почувствовал, как его разум поглощает свинцовая, давящая пустота. «Это похоже на зимнюю спячку,— подумалось ему,— серую, бесформенную, лишенную...»

8:12.

Небо стало голубым. Голубой же была и речка. Утренний свет сверкал на зеленых узорах листвы.

— Микки,— позвал Мелтон.

3:35.

Но Мелтон знал, что меняется отнюдь не время. Все дело было в доме.

Ночь.

9:20.

Зазвонил телефон. Мелтон протянул руку и поднял трубку.

— Алло.

Далекий голос доктора Фарра отчетливо слышался в застывшем безмолвии раскаленной комнаты. Микаэла и Фил походили на залитые ярким светом деревянные статуи.

— Нет-нет,— произнес в трубку Мелтон,— мы передумали. Мы не переезжаем.

И опустил трубку на рычаг.

«Да, спячка,— подумал он.— Процесс ускоряется. Ведь это дом, который построил Джек. Созданное им убежище. Возможно, каким-то разумным существам, устроенным иначе, чем мы, необходимо на определенный период впадать в спячку. И они создают роботов — невероятно простые механизмы, чтобы те заботились о них во время сна».

Машины, которые легко настраивать. Машины, которые способны адаптироваться к нуждам других организмов — людей, например.

И все же есть один нюанс. Спячка — состояние, естественное для Джека. Но не для Мелтона, Микаэлы и Фила. У них процесс будет проходить совсем по-другому. Ибо они принадлежат к другой расе, не похожей на расу Джека.

— Мы никогда не переедем,— тихо пробормотал Мелтон.

Часы показывали 1:03.

Стены дома чуть подрагивали. Механизм перезаряжался. В окна, странным образом преломляясь в совершенно чистых стеклах, лился лунный свет.

В доме, который построил Джек, застыли в неподвижности три фигуры.

Три человека, которые больше ничего не ждали.

АЛЫЙ КАМЕНЬ С МЕРКУРИЯ

/1/

Шум погони нарастал. Легкие Стива Вэйна разрывались, как от ударов ножом, когда он хватал ртом ледяной воздух. Серая тюремная роба совсем не защищала от зимнего ветра, а прохудившиеся ботинки уже промокли от снега и начали покрываться льдом.

Идти было тяжело. Не лучше ли отказаться от безумной затеи, остановиться и с поднятыми руками подождать, пока подбегут стражники и водворят его обратно — под защиту голых серых стен камеры. Но... Вэйн бросил взгляд на мрачное лицо человека, упорно трусящего рядом: уж если коротышка Тони Аполлон может продолжать бег, то такой здоровый детина, как он, Стив Вэйн, просто обязан стиснуть зубы и шагать дальше. Но где и чем закончится эта авантюра, с самого начала обреченная на провал. Только железная воля Тони Аполлона и сжигающее душу самого Вэйна чувство несправедливости не позволяли ему сдаться.

— Паскаль засудил нас обоих,— как-то заявил Аполлон, и его лицо потемнело от ненависти.— Я тут проторчал больше, чем ты, и теперь твердо решил выбраться.

© Перевод О. Зверевой.

Если у тебя мозги на месте, уходи со мной. Кто-нибудь из нас успеет найти Паскаля, прежде чем мы снова попадем в лапы копов.

Итак, они составили план действий и сбежали. А теперь, посиневшие и трясущиеся от холода, неслись вдоль ущелья к лачуге, где, по словам Аполлона, можно будет отсидеться.

— Далеко еще? — выжал из себя Вэйн и тут же пожалел, что выдал свою слабость.

Аполлон растянул губы в усмешке.

— Сразу за хребтом, парень. Уже не знаю, доберусь ли я туда. Эти чертовы охранники прострелили мне легкое. Стив, если я тут окочурюсь, доберись до Паскаля. Ради меня. Когда он отправил меня за решетку, я пообещал, что вернусь, а он знает, что я всегда держу слово. Я...

Аполлон скривился, закашлялся кровью и пошатнулся. Вэйн крепко схватил его за руку и потащил за собой. Но через несколько шагов Аполлон вырвался и потрусил вперед, на ходу глотая летящий снег.

Это точно, подумал Вэйн, Аполлон всегда держит слово. Все происшедшее казалось страшным сном. Два года назад Аполлон был подпольным королем криминального мира Кентонвилля и пытался подкупить Вэйна. Однако тот — адвокат-идеалист, мечтавший покончить с преступностью в трущобах,— отказался от денег. А потом этот мерзкий хвастливый болтун Майк Паскаль — подручный Аполлона — с необычайным хитроумием подставил своего босса. Аполлон попал в тюрьму, а Паскаль занял его место и без колебаний расправился со всеми, кто стоял на его пути. В эту мясорубку угодил и Стив Вэйн. Его лишили практики, надолго засадили в тюрьму — за бумаги, подброшенные Паскалем. И вот теперь двое обреченных в зловещей серой полутьме бежали по заснеженному краю ущелья под обжигающе ледяным ветром. А по их следам неслась свора вооруженных охранников.

Они почти достигли вершины, когда Аполлон вдруг резко вскрикнул, схватился за бок и зашатался. Вэйн обернулся и бросился на помощь.

Поздно!..

Вероломный снег, скрывавший край пропасти, обвалился под ногой Тони Аполлона, и... Вэйн даже не успел понять, что произошло, а его напарник уже сорвался со скалы. Побелев от ужаса, адвокат подошел к расселине и далеко внизу увидел тело, исчезающее в бушующей реке.

Тони Аполлон погиб, так и не выполнив последнего обещания.

Вдалеке раздался злорадный крик. Вэйн услышал выстрел, вой и чей-то резкий рапорт. Оглянувшись, он уловил очертания трех темных фигур и затаил дыхание. Что же делать? До сих пор он не осознавал, что полностью попал под влияние железной, несгибаемой воли Аполлона, во всем полагался на него и шел за ним. Но теперь Аполлон мертв...

Убежище! Оно где-то там, за перевалом! Может, там найдется оружие.

Вэйн побежал спотыкаясь и наконец, перевалив за хребет горы, увидел чуть ниже широкую равнину, а на ней, невдалеке, маленькую лачугу, на крыше которой лежала толстая шапка снега. На фоне белой земли отчетливо выделялись черные стволы сосен. Аполлон сказал, что ключ лежит в полом бревне.

Вместе с вихрем снега Вэйн залетел в хижину, захлопнул и забаррикадировал дверь. Первое, что он увидел,— это ряд блестящих, отлично смазанных ружей на широкой полке. Пальцы с облегчением сжались на гладком металле.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Преследователи как раз показались на гребне горы. Сейчас не составило бы труда перестрелять их по одному. Вэйн прижал ружье к плечу и нащупал курок. Но стрелять не

стал. Никогда прежде ему не доводилось убивать людей. Хотя после многомесячной пытки тюремного заключения идеалистические представления Вэйна о жизни потерпели полный крах и сменились невыразимой обидой и сжигающей все нутро ненавистью, он понимал, что вся его ярость направлена только на одного человека: на Паскаля, толстого, жирного бандита — виновника всех бед. Что же до тюремных охранников... Да, они, конечно, без колебаний пристрелят его на месте, но такова их работа. Вэйн выругался и прострелил воздух над их головами. Преследователи замерли и тут же залегли в укрытиях. Вскоре Вэйн увидел, как они, прячась за каждым камнем, подползают к хижине. Он снова выстрелил.

Один из стражников крикнул:

— Выходи! Тебе не уйти!

— У меня достаточно оружия,— гаркнул в ответ Вэйн.— И я остаюсь здесь.

А потом... Все произошло неожиданно. Свист, возникший на самой границе слуха, постепенно усиливался. В недоумении Вэйн поднял голову. Над верхушками сосен он увидел серое пасмурное небо...

С воплем отбросив ружье, он закрыл лицо руками и рухнул навзничь. Прямо на него с неба падала точка... круг... огромная черная штуковина... И она росла с каждой секундой. Как будто стоишь на рельсах и смотришь, как на тебя несется локомотив. Перед глазами стоит только общий образ чего-то летящего — быть может, метеорита? — приближающегося, растущего...

Прогремел оглушительный взрыв — и земля вздрогнула. Вэйн почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Его швырнуло в воздух, а барабанные перепонки едва не порвались от невыносимой силы грохота.

Вспышка ослепляющего света, а за ней — темнота, полная и безмолвная...

Похоже, он недолго пролежал без сознания.

Вэйн очнулся на снегу с раскалывающейся от боли головой. И словно откуда-то издалека услышал голос:

— Что, живой? А я уж было подумал, что ты не выкарабкаешься.

Вэйн сел и осмотрелся. Его запястья были скованы наручниками. Над ним высилась сосна, а немного поодаль он разглядел то, что осталось от хижины: руины карточного домика. Только чудом Вэйн остался в живых.

Он поднял глаза и увидел бульдожье лицо охранника, с сизым от пробивающейся щетины подбородком. Охранник хмыкнул и ткнул пальцем в сторону склона:

— Там. Эта штуковина угодила туда. Не то космический корабль, не то еще что-то.

Вэйн послушно посмотрел, и глаза его расширились от изумления. Какой там космический корабль! Ничего общего с земными ракетами. Конструкция в форме слезы упала футах в тридцати от хижины, проделав кратер в промерзлой земле. Корпус при ударе раскололся, и его обломки разбросало далеко вокруг. Земля, снег и сосны на многие ярды вокруг были покрыты слоем кристаллического зеленого порошка.

Сам корабль, сделанный из темного, отливающего синевой металла, был около двадцати футов в длину.

Двое охранников вытягивали что-то через зияющую в боковой части корабля дыру.

А тот, который стоял над Вэйном, рывком поднял пленника на ноги.

— Там кто-то был,— нехотя бросил он.— Он ранен, а может, и погиб. Пошли.

Вэйн безропотно последовал за ним к обломкам. Несмотря на горькое чувство безнадежности, переполняющее его после пленения, он понимал всю необычность происшествия. Ведь, наверное, впервые в истории че-

ловечества на Землю прилетел космический корабль! А его пассажир... Интересно, как он выглядит?

Один из охранников, склонившихся над пришельцем, пытался влить бренди ему в рот. Стражник Вэйна остановился за ними, не выпуская руки адвоката. И от удивления аж присвистнул:

— Черт побери! Ну и уродец!

«Уж точно, уродец,— подумал Вэйн.— По крайней мере с нашей точки зрения».

Пришелец, ростом около восьми футов, имел две руки, две ноги и голову, но бочкообразная грудная клетка была несоразмерно огромной, а толстые ноги смыкались между собой в нескольких местах. Плотно прилегающая к телу одежда была вся изодрана, сквозь прорехи поблескивала зеленоватая кожа. Казалось даже, что от этой кожи исходит странное бледное сияние.

Крупные мясистые губы пришельца были цвета индиго, а из двух глаз уцелел только один — на месте второго осталось лишь жуткое месиво, схожее по цвету с красным камнем, горевшим во лбу чужака.

Вэйн уставился на странный, крупнее куриного яйца камень и почувствовал исходящее от него необъяснимое притяжение. Создавалось впечатление, что самоцвет прочно врос в выпуклую кость зеленоватого лба.

А главное... Главное, камень был живым!

/2/

Один из охранников отнял бутылку от синеватых губ.

— Все, покойник,— неспешно констатировал он.— Я не...

Тут монстр застонал. Огромная голова повернулась. Единственный глаз оглядел четверку. Вэйн почувствовал странное гнетущее ощущение, когда взгляд инопланетянина остановился на нем. В то же мгновение разум Вэйна словно сковало ледяным холодом. Голова за-

кружилась, тело охватила внезапная слабость, перед глазами потемнело. По стонам стражников рядом с ним Вэйн догадался, что они испытывают то же самое.

Но помрачение прошло.

И тогда адвокат услышал голос, звучащий у него в голове,— беззвучный, но четкий и вполне различимый.

— О боже! — потрясенно прошептал охранник.— Я... Я что-то слышу...

Он умолк.

«Молчать!» — приказал Вэйну тот же голос. Непонятно как, но значение слова дошло до Вэйна так же ясно, как если бы оно прозвучало наяву, на родном английском.

«Меня зовут Заравин,— продолжал голос.— Я должен передать вам послание, но у меня мало времени. Я прилетел с... с планеты, которую вы зовете Меркурием. С планеты, ближайшей к Солнцу».

Вэйн хотел отодвинуться, но не смог: его будто парализовало. От необъяснимого ужаса перед неизведанным желудок подкатил к горлу, лоб покрылся холодным потом.

А телепатический голос по-прежнему звучал в его голове:

«Слушайте... Через два месяца после вылета с Меркурия я заболел... сонной болезнью. А когда проснулся, было уже слишком поздно. За кораблем надо постоянно следить. У меня не было возможности взять на борт достаточное количество горючего, поэтому нужно было производить его в ходе полета и пополнять запас. Но я из-за болезни не сделал этого вовремя и потому не смог избежать аварии».

Самоцвет на лбу Заравина зловеще полыхнул красным огнем. Вэйн не мог оторвать от него взгляд.

А пришлец с Меркурия все говорил:

«Это Звездный самоцвет — вместилище всей силы. Он был внутри метеорита, упавшего много лет тому на-

зад. Возможно, камень принадлежит иной вселенной. Он живой. И хранит в себе все знания, всю силу. Я вижу, вы не верите мне... Джекел, Бестер, Хэнли... Стивен Вэйн... Я правильно назвал ваши имена?»

Ответом было молчание.

Зеленая пыль жутковато поблескивала, осыпаясь с деревьев. Холодный ветер взметал с земли снежные вихри. В царящей вокруг полной тишине далекий шум бурной реки казался оглушительным.

«Звездный самоцвет дарит силу,— безмолвно сообщил Заравин.— Он представляет собой... Как же вы это называете? Симбиоз? Он действительно живой, правда не в привычном для вас понимании этого слова. Его жизнь — это жизнь минерала. Быть может, в неведомой нам космической дали, из которой прилетел этот камень, он питался лучами... чужих солнц. Я не знаю. На Меркурии он черпал энергию своего хозяина. Сейчас его хозяин — я».

Синие полные губы скривились от боли. Вокруг головы, по форме напоминающей луковицу, расплылась блестящая лужа крови. Но пришелец заговорил снова:

«Он паразитирует, выпивая наши силы. Но взамен делится удивительными способностями: безмерным могуществом, даром телепатии и силой воли. Его дары нельзя использовать безоглядно, так как они могут иссякнуть. Иногда самоцвет отдыхает и восстанавливает силы, а его хозяин на это время впадает в оцепенение. Провожая меня в это первое межпланетное путешествие и зная, что кораблю предстоит преодолеть огромное расстояние, наш правитель передал камень мне, зная, что только с его помощью я мог рассчитывать на успех. Ради этого ему пришлось убить себя, ибо лишь таким образом можно избавиться от камня, который переходит к другому хозяину не раньше чем умрет прежний».

Сверхъестественный беззвучный голос зазвучал тверже, в нем появились настойчивые нотки:

«Сила камня не должна умереть! Да, он потерян для Меркурия, но может помочь людям на Земле. Пусть один из вас возьмет его и использует! А когда ваши соплеменники получат возможность летать в межзвездном пространстве, верните Звездный самоцвет моему народу. И помните: он дает владельцу невероятную силу!»

Тело меркурианина конвульсивно дернулось. Изо рта его вытекла струйка крови, следом вырвался прерывистый стон — и огромное тело забилось в агонии. Большая голова запрокинулась, единственный глаз сделался безжизненным и остекленел.

И в то же мгновение Звездный самоцвет соскочил с головы Заравина.

Вэйн понял, что пришелец мертв, и с ужасом наблюдал за катящимся прочь камнем. А тот, стремительно соскользнув с невысокого сугроба, вдруг остановился и замер, мелко подрагивая.

Никто не проронил ни звука. Казалось, будто даже время остановилось. И лишь отдаленное ворчание реки отдавалось в ушах невыносимым грохотом.

Наконец один из охранников охнул, и этот звук разрушил чары. Вэйн прерывисто вздохнул, с трудом втягивая в себя воздух. Его трясло. А потом, не дав стражникам опомниться, он вырвался из цепкой хватки стражника и прыгнул вперед.

Он упал на колени, больно ударившись скованными руками. Но пальцы нащупали и схватили камень.

Самоцвет лежал на его ладони — ярко-алый на фоне зачерпнутого вместе с ним снега.

— Вэйн! — рявкнул охранник.— Брось это... этот...

Камень сиял, отбрасывая неземные алые блики на снег и окоченевшую руку, и неумолимо притягивал Вэйна. Адвокат поднял ладонь ко лбу. Тяжелая рука упала ему на плечо, потянула назад... Но было поздно.

Звездный самоцвет соскользнул с ладони Вэйна, и тот вдруг почувствовал жуткую, невыносимую боль в

голове. Однако мучительное ощущение длилось недолго, и через секунду-другую боль ушла.

Вэйн поднялся с коленей и решительно сбросил с плеча вцепившуюся в него руку. Охранник — тот самый, с бульдожьим лицом, по имени Хэнли — потянулся к кобуре.

Когда он прицелился, что-то заставило Вэйна резко крикнуть:

— Брось! Брось оружие, Хэнли! Немедленно!

— Черта с два! — огрызнулся стражник.

У его ног раздался мягкий хлопок. Автоматический пистолет упал на снег.

Хэнли издал нечленораздельный звук и наклонился, чтобы поднять оружие.

— Не смей! — рявкнул Вэйн.

Хэнли замер.

Адвокат повернулся к остальным.

— Никому не двигаться!

Охранники застыли. Джекела приказ застал в неудобной позе: с чуть приподнятой от земли ногой. Мгновение постояв так, он покачнулся и ничком упал в снег.

Некоторое время Вэйн стоял не шевелясь. Потом поднял руку, боязливо коснулся камня и беспокойно ощупал лоб.

Самоцвет засел намертво: врос в кость и теперь отчетливо выделялся между бровями наподобие метки какой-нибудь индийской касты...

Необъяснимый ужас охватил Вэйна. Он вцепился в самоцвет и попытался вырвать его из гнезда. Куда там! Ногти скользили по гладкой холодной поверхности. А камень даже не шелохнулся. Туго перехваченные наручниками запястья начали кровоточить.

Все было словно в страшном сне: неподвижно застывшие охранники, самоцвет, сияющий во лбу, мертвая тишина, нарушаемая лишь рокотом реки...

Вэйн медленно опустил руки и уставился на наручники. Заравин не солгал: Звездный самоцвет действительно наделял владельца неведомой силой.

А значит...

Вдруг Вэйн вспомнил о Паскале — о раздувшемся от важности Майке Паскале, всемогущем и беспощадном короле преступного мира Кентонвилля. О Паскале, который хитрее закона. И сильнее врагов. О великом Паскале...

Черта с два!

Вэйн осклабился. Он живо представил Паскаля, застывшего, подобно стражникам, молящего о пощаде, глядящего в лицо смерти, на которую он обрек стольких неугодных.

Адвокат повернулся к Хэнли. Лицо Вэйна с пролегшими по нему за долгие месяцы тюремного заключения глубокими горькими складками выражало суровую решимость.

— Кто-нибудь, снимите с меня наручники,— ровным тоном приказал он.

— А больше ничего не хочешь? — Голос Хэнли дрожал, но в нем все равно звучала издевка.— Уж не знаю, что ты со мной сотворил, но я не собираюсь снимать наручники. Не собираюсь... не...

Голос вдруг сорвался на визг: во время своей тирады Хэнли залез рукой в карман, достал связку ключей, выбрал один из них, подошел к Вэйну и потянулся к скованным наручниками запястьям...

— Благодарю,— сказал Вэйн, когда щелкнул замок. Он сбросил наручники и осторожно размял кисти.— Так-с, что тут у нас имеется? Тюремная роба. Не лучший наряд. Но форма охранника тоже...— Он задумчиво покачал головой.— Да и не могу я вас здесь бросить. Вы же непременно замерзнете. Сам не знаю, почему мне не все равно, но... В общем... Решено. Слушайте все. Через десять минут к вам вернется способность двигаться,

и вы отправитесь прямиком в тюрьму. Вы забудете обо всем, что произошло в долине. Я и Тони Аполлон мертвы. Вы видели, как мы свалились в ущелье и погибли. Понятно?

— Понятно,— хором отозвались стражники.

Голос Джекела, по-прежнему лежащего лицом в снегу, звучал приглушенно.

Вэйн улыбнулся:

— Отлично, ребята. Удачи!

Он повернулся и поспешил по склону к вершине гряды. К свободе.

В голове проносились тысячи мыслей: «Что теперь? Во-первых, чтобы не вызывать лишних подозрений, надо избавиться от этой одежды и раздобыть что-нибудь более подходящее. А как насчет охранников?..»

На секунду Вэйн почувствовал необъяснимое беспокойство, но тут же его прогнал. В конце концов, у него есть волшебный самоцвет, наделяющий владельца безграничным могуществом и пока что действовавший безотказно.

Камень подействовал и на остановленного Вэйном водителя седана, медленно двигавшегося по горной дороге. Вэйн просто встал на пути машины и безмолвно приказал:

— Затормози и остановись. Будь осторожен.

Вэйн не хотел, чтобы его жертва свалилась в пропасть, тянущуюся вдоль дороги.

Седан остановился. Вышедший из него человек воззрился на Вэйна и охнул:

— Ты сбежавший преступник! Не стреляй...

Вэйн не дал ему договорить.

— Снимай одежду!

— Еще чего! — заявил пораженный турист, сбрасывая куртку и развязывая галстук.— Отдать вам одежду? Прямо здесь? Да как только такое может в голову

прийти?! — Он стянул штаны.— Не буду раздеваться, и все.

— Белье можешь оставить,— разрешил Вэйн, с улыбкой глядя на мужчину. Они были примерно одной комплекции.— Отлично. А теперь полезай обратно в машину и накройся пледом. Я видел его на заднем сиденье.

— Не буду,— пробормотал человек, в точности выполняя распоряжение.— Не буду.

— Заткнись.

Ответа не последовало. Вэйн переоделся и поудобнее устроился на водительском месте. В одном из карманов он нащупал расческу и тщательно пригладил волосы — так, чтобы прядь закрывала сияющий во лбу камень. Но это его не удовлетворило. Он опустил поля черной фетровой шляпы, лежавшей на соседнем сиденье, и надел ее, надвинув как можно ниже. Взглянув на свое отражение в зеркале заднего вида, адвокат довольно улыбнулся: «Сойдет». Камень надежно скрыт от посторонних глаз. Тихонько насвистывая, Вэйн завел мотор...

Долгое путешествие в Кентонвилль началось.

/3/

Шесть часов спустя, в половине шестого, Вэйн добрался до города. Он остановился на окраине и купил газету у взволнованного мальчика-торговца.

— Удивительное и таинственное происшествие, мистер! — восклицал мальчишка.— Марсиане... побег из тюрьмы... Здорово!

— Да, конечно,— кивнул Вэйн и протянул парнишке доллар, обнаружившийся в кармане.

Немного погодя он припарковался у светофора, пробежал глазами заголовки и обеспокоенно нахмурился.

Кое-чего он не учел — и весь план провалился. Действительно, через десять минут после его ухода охран-

ники очнулись и побрели в тюрьму, но, едва успев подняться на гребень, встретились с подкреплением. Новоприбывшие видели корабль и, что еще хуже, видели его следы на снегу.

Охранники из подкрепления все поняли: один из преступников свалился в ущелье, но второму удалось скрыться. Следы его обрывались у горной трассы — очевидно, там он сел в машину. Поиски продолжались. Ни Хэнли, ни Джекел, ни Бестер не смогли сообщить, кто же из преступников уцелел. Вопреки всякой логике и очевидным фактам они продолжали твердить, что и Аполлон, и Вэйн погибли в ущелье.

Космический корабль стал настоящей сенсацией. Все, кому не лень, пытались угадать, откуда же все-таки он прилетел. Естественно, трое непосредственных участников событий не могли пролить свет и на эту тайну и упорно повторяли, что в глаза не видели никакого корабля. Ясное дело, лгали, ведь их следы на снегу утверждали обратное. Теперь появилась иная забота: добиться своего освобождения из камеры предварительного заключения.

Вэйн скривил губы в усмешке.

В кармане куртки обнаружились часы. Пять тридцать пять. Если верить газете, четверг. Адвокат завел машину.

«Надеюсь, со времени моего заключения Паскаль не изменил порядки и его ребята сейчас работают на Третьей восточной улице,— размышлял он.— Интересно, дядюшка Тоби еще не отошел от дел?»

Вэйн составил четкий план действий. На полной скорости он пролетел по знакомым улочкам Кентонвилля, ощущая странную радость от встречи с привычными местами: мэрия, дом старого Мэттингли, парк Келью... А вот наконец и окраина: детвора, нагишом носящаяся под струями воды из шлангов, старые сгорбленные торговцы, экономящие на каждой копейке, чтобы отпра-

вить детей в школу, иссушенные тяготами жизни женщины с усталыми глазами, даже в самое жаркое лето не отходящие от раскаленных плит... Район многоэтажек — то самое дно, где Вэйн родился и откуда начинал свой трудный путь к нормальной жизни. Трущобы были частью его самого. Но за нищетой и грязью он всегда видел и нечто другое: стойкое и благородное мужество, чудом сохранившееся среди полной разрухи.

Вэйн припарковал машину и обернулся к лежащему под пледом пленнику:

— Через две минуты ты проснешься и поедешь домой. Ты не будешь помнить ничего о том, что произошло с момента нашей встречи и до твоего пробуждения.

Никакого ответа. Вэйн выбрался из машины и перешел улицу, любуясь вечерним небом. Вокруг высились ветхие многоэтажки. То тут, то там на глаза попадались крошечные грязные магазинчики, нагруженные чем-то тележки...

Вэйн вошел в бакалейную лавчонку, в окне которой красовалась гордая надпись: «Лучшие в мире бакалейные товары».

Колокольчик на двери звякнул, сообщая о приходе посетителя. Вэйн переступил порог и остановился, осматривая мрачное помещение. Слева от себя он увидел стенд с дешевыми конфетами. Вся обстановка казалась до боли знакомой: обычная бакалейная лавка в обычных трущобах.

Из двери, ведущей в подсобку, вышел мальчик — болезненный ребенок с желтыми волосами и усыпанным веснушками лицом — и вопросительно воззрился на Вэйна.

— Стив! Ух ты...— Он резко повернулся назад.— Дед! Скорей! Стив вернулся!

— Что? Кто?..

В магазине появился дядя Тоби. Он сильно смахивал на гнома, только без бороды. Выцветшие голубые глаза

на коричневом и морщинистом, как скорлупа грецкого ореха, лице близоруко смотрели на пришельца.

Вдруг он неуклюже метнулся к выходу, сжал сухими пальцами ладонь Вэйна и потянул его в магазин.

— Стив! Заходи немедленно. Тут все про тебя вынюхивают. Тебя никто не видел?

Вэйн усмехнулся, но позволил увлечь себя за обветшалые занавески — в комнатку, где жил дядя Тоби с приемным внуком. Он сел на колченогую кушетку и натянул шляпу на глаза: незачем пугать хозяев.

— Успокойтесь, дядя Тоби. Никакой опасности нет. Правда. Я... Полиция меня не тронет.

— Тебя освободили? Они поняли, что это была подстава?

— Нет... пока нет...— Вэйн на мгновение задумался, но тут же встрепенулся: — Послушайте, мне надо кое-что узнать. Паскаль по-прежнему требует мзду?

— Ага,— встрял мальчик.— А как же. Еще и поднял плату. Один из его амбалов влепил дяде Тоби затрещину, когда у нас не набралось достаточно денег. Мы всю кассу выгребли, а все равно мало.

Глаза старика бегали по лицу Вэйна.

— С тобой что-то произошло, Стив.— Он сдвинул брови.— В чем все-таки дело?

— Все в порядке. Когда придет сборщик?

— Сегодня! — взорвался подросток.— Я в этого гада нож всажу!..

— Микки! — оборвал его дядя Тоби.— Ты хочешь тоже стать бандитом? Прекрати немедленно!

— Так, понятно. Я подожду здесь,— решительно заявил Вэйн.— Мне нужно кое-что узнать от шестерки Паскаля. Только, пожалуйста, заплатите ему, как обычно.

Губы дяди Тоби задрожали.

— У меня нет денег, Стив. Мне не хватает пяти долларов. Я пытался их одолжить, но все соседи в таком же положении.

— Ладно, не переживайте. Все хорошо...

Вэйн замолчал, услышав рев машины на улице, и едва заметно ухмыльнулся. Он все еще обладал странной властью. Молодой адвокат поднялся и положил руку на сутулое плечо старика.

— Не волнуйтесь, дядя Тоби,— шепнул он, поднимаясь, и коснулся плеча старика.— Помните, когда в детстве я заглядывал в магазин, вы каждый раз угощали меня конфеткой? Помните почему?

Старик кивнул.

— Конечно помню, Стив. Как-то раз ты стащил из коробки мятный леденец, и я это увидел. Больше такого не повторялось.

— Да нет, я не о том. Вы тогда сказали, что желаемое можно получить как по-хорошему, так и по-плохому. А раз так, зачем поступать плохо? Вы сказали, что если я хочу леденец, то вы мне его дадите. Я вам за них уже столько задолжал, дядя Тоби... Я часто вспоминал ваши слова. И...

В дверь позвонили. Микки выглянул из-за занавески и побледнел.

— Это Стоум. Дядюшка Тоби, не выходите. Я сам...

Старик улыбнулся, ласково покачал головой и вышел в магазин. Микки побежал следом. Вэйн, слегка раздвинув занавески, наблюдал.

Дядя Тоби подошел к небритому верзиле, похожему на боксера. Подтверждением его участия в жесточайших боях на ринге могли служить и порванные уши. Из ворота торчала красная бычья шея. Черные, глубоко запавшие глазки оглядывали старика-бакалейщика.

Стоум положил руку ладонью вверх на прилавок. Потом поднял ее и резко ударил по дереву.

— Ничем не могу помочь,— грубо заявил он.— Мне нужны бабки. Сейчас.

— Я отдам тебе все, что есть. А на следующей неделе выплачу долг.

Стоум промолчал, но не сдвинулся с места. Микки стоял у прилавка, не сводя взгляда с громилы. На бледной от ярости коже четко выделялись веснушки.

Старик медленно положил все засаленные купюры и монетки на мясистую ладонь. Стоум, не глядя, бросил деньги в карман.

— А теперь, чтобы ты не забыл вернуть деньги в следующий раз...

Огромная нога толкнула стенд с конфетами, и тот с грохотом рухнул. Леденцы разлетелись по полу.

Бандит направился к другому стенду, дядя Тоби кинулся следом. Узловатые старческие пальцы вцепились в мускулистую руку. Стоум презрительно ухмыльнулся и ударом кулака сбил бакалейщика с ног.

Вэйн следил за происходящим из своего укрытия и чувствовал, как внутри его вскипает гнев. Но не успел он пошевелиться, как вперед выскочил Микки и вонзил крепкий кулачок в живот Стоума. Головорез усмехнулся и приподнял Микки за рубашку.

— Не серди меня, щенок. А то я откручу тебе уши...

Вэйн вскинул руку. Шляпа слетела с его головы, и Звездный самоцвет засиял неземным кроваво-красным светом.

Губы адвоката беззвучно шевельнулись — и Стоум беспомощно застыл, так и выпустив Микки...

— Не шевелись, Стоум,— чуть слышно прошептал Вэйн.— Ты не можешь пошевелить даже пальцем. Просто стой, как стоишь...

Бандит вытаращил глаза и уставился на Микки. Его лицо скривилось от изумления. Мальчик извернулся и пустил в дело кулачки, ставшие быстрыми и сильными от переполнявшего его гнева. Костяшки согнутых пальцев вновь и вновь вонзались в лицо бандита. Они расплющили мясистый нос, разбили губы, оставили черные синяки вокруг глаз и красные разводы на щеках...

— Отпусти меня! — вопил Микки.— Отпусти, говорю!

Но Стоум не ослабил хватку. Он не мог это сделать. Не мог даже позвать на помощь. В глазах громилы застыл невыразимый ужас, из носа текла кровь и заливала подбородок, но он все так же держал мальчика перед собой. Дядя Тоби с трудом поднялся на ноги, проковылял к ним и, схватив Микки за талию, вырвал рубашку мальчика из железных тисков.

— Микки, прекрати! — Дядя Тоби пытался удержать паренька.— Ну все, хватит! Не трогай его, Стоум. Если ты...

Он вдруг запнулся и устремил взгляд на нового участника драмы.

Вэйн натянул шляпу на лоб, выступил из-за занавески и похлопал бакалейщика по плечу:

— Все в порядке, дядя Тоби. Я же говорил, что все будет хорошо. Отлично дерешься, Микки. А теперь помолчи чуток.— Он повернулся к Стоуму: — Где Паскаль?

На лице бандита не дрогнул ни один мускул.

— Не знаю,— пробормотал он невнятно.

— Когда ты должен был с ним встретиться?

— Вечером. В восемь. Он устраивает у себя праздник — отмечает смерть Тони Аполлона.

— Ага,— задумчиво изрек Вэйн.— Так и есть. Паскаль всегда опасался Аполлона. Теперь слушай меня, Стоум. Ты идешь в полицию и рассказываешь... честно отвечаешь на все вопросы. Ясно?

— Да,— пробубнил Стоум.

— Боже мой! — Дядю Тоби всего трясло.— Что ты с ним сотворил, Стив? Это гипноз?

— Считайте, что да. До встречи.

Вэйн направился к двери.

— Тебе нельзя выходить! Тебя опознают!

Адвокат поглубже натянул шляпу.

— Да бросьте. Но даже если и опознают, то вряд ли арестуют.— Он улыбнулся старику.— Вы мне очень помогли, дядя Тоби. И ты, Микки. Кулаки лучше ножей — правда?

— Угу.— Мальчик с восторгом посмотрел на свои руки.— Уж это как пить дать, Стив.

— Идем,— приказал Стив Стоуму.

Громила безропотно последовал за адвокатом к выходу из магазина. Вэйн понимал, что разбитое лицо бандита будет привлекать внимание, поэтому решил поймать такси. Водитель, похоже, что-то заподозрил, но после короткого приказа Вэйна благополучно выкинул из головы все подозрения.

— В полицейский участок,— бросил таксисту Вэйн, садясь на заднее сиденье рядом с неподвижным Стоумом.

Разносчики газет настойчиво предлагали спецвыпуски, наперебой выкрикивая громкие заголовки: «Корабль с Марса!», «Самые полные сведения о крушении!», «Преступник все еще на свободе!»

«Забавно: с чего это люди решили, что жизнь есть только на Марсе? — удивился про себя Вэйн. Потом мысли его вновь вернулись к Паскалю: — Та-ак... Значит, в восемь». В восемь у него встреча с королем «дна»... Вэйн вдруг почувствовал, что страшно голоден. Как там говорил меркурианин? Звездный самоцвет высасывает жизнь и энергию, что, разумеется, ускоряет обмен веществ его хозяина. Но было что-то еще... Заравин предупреждал... Что же... Ладно, не важно. Ничто не заденет Вэйна, пока во лбу у него сияет алый самоцвет.

Вскоре, однако, Вэйну предстояло осознать, как сильно он ошибался.

Начальник полиции Ланкершим устало воззрился на дверь. И вдруг охнул, едва не подскочив на стуле, и уставился на человека, возникшего на пороге. Его во-

левое, упрямое, осунувшееся от работы лицо исказила нелепая гримаса удивления.

— К-как?..— Он запнулся.— Вэйн!

— Здравствуйте,— улыбнулся вошедший.— Как поживаете, сэр?

Взгляд Ланкершима скользнул по рукам Вэйна, спокойно опущенным по бокам. Не обнаружив и намека на оружие, полицейский снова посмотрел адвокату в лицо.

— Не за того меня принимаете. Я не вооружен,— усмехнулся Вэйн.

— Какого черта ты здесь делаешь? Я...

Полицейский рывком дотянулся до телефона на столе.

— Замри! — приказал Вэйн.

Палец Ланкершима коснулся звонка, но нажать на кнопку не успел. Полицейский так и замер с лежащей на столе левой рукой и протянутой к звонку правой. Его взгляд медленно пополз по Вэйну, губы приоткрылись, словно он пытался позвать на помощь, но изо рта не вылетело ни звука.

— Вот так-то,— удовлетворенно кивнул адвокат.— Не дергайтесь и ничего не говорите. Просто слушайте. У меня для вас подарок. Я оставил его за дверью. Это Стоум, человек Паскаля. Он готов говорить. Все, что от вас требуется, это задавать вопросы.

Вэйн посмотрел на часы.

— У меня назначена встреча. До скорого. Вы честный коп, Ланкершим, и я помню те времена, когда вы патрулировали Восточный берег. Так что передаю вам Стоума — готовенького, на него даже не придется давить. Что же до меня...— Вэйн секунду помолчал,— я не вернусь в тюрьму. И вам лучше не пытаться поймать меня.

Он направился к двери.

— Через три минуты вы будете в норме. До скорой встречи, сэр.

Он вышел, оставив Ланкершима все в том же положении. В холле было людно. Вэйн поглубже натянул шляпу и быстро пошел к выходу. Полицейские бегло взглянули на него и отвернулись.

Но не все. Вэйн увидел, как на лице одного из них промелькнуло узнавание и тот уже открыл было рот и быстро выставил руку.

В этой позе он и застыл — парализованный, обездвиженный, с приподнятой над полом ногой и вытянутой в сторону Вэйна рукой. Еще миг — и коп, потеряв равновесие, рухнул на пол. Стоявший рядом офицер бросился ему на помощь.

Больше никем не узнанный, Вэйн спокойно покинул здание полиции и поймал такси. Теперь ему предстояло встретиться с Паскалем.

Паскаль жил в старинном особняке, одиноко стоящем посреди обширных угодий. Вэйн заметил неподалеку несколько машин и вспомнил, что сегодня Большой Майк устраивает праздник.

Уже оказавшись перед привратником, забавно смахивающим на лягушку, он вдруг снова почувствовал мучительный голод и странную, необъяснимую усталость, однако сумел быстро побороть неприятные ощущения.

— Что вам угодно? — спросил привратник.

— Скажите Паскалю, что пришел Стив Вэйн,— жестким тоном произнес адвокат.

Привратник шагнул назад и полез в карман.

Вэйн слегка развел руками.

— Проходите,— разрешил громила.

Человек-лягушка закрыл дверь за адвокатом. Ловко обыскав гостя, он кивнул в сторону стула у стены и быстро ушел.

Вэйн сел и осмотрелся. Когда-то это был роскошный особняк эпохи короля Георга, но Паскаль его перестроил под себя. Кричаще яркая мебель, стоявшая в свет-

лом холле, свидетельствовала о дурном вкусе хозяина. Вэйн сонно моргнул: усталость давала о себе знать.

— Проходите,— негромко произнес вернувшийся привратник.

Проводив Вэйна наверх, он остановился напротив одной из дверей, распахнул ее и жестом пригласил гостя войти. Адвокат переступил порог и тут же услышал за спиной щелчок замка. Он оказался в пустой комнате, единственным украшением которой служили закрывавшие стену портьеры. Окон не было.

Из-за драпировки выступили двое и решительно направили на Вэйна пистолеты.

— Паскаль занят,— язвительно заявил один из громил.— Он послал нас...

Перед столь явной угрозой смерти Вэйн моментально забыл об усталости и рявкнул:

— Бросить оружие! Живо!

— Иди ты...

Оружие со звоном упало на пол. Убийцы проводили его взглядами, потом воззрились на Вэйна — и одновременно бросились вперед. Но добежать не успели...

— Идите и скажите Паскалю, что я его жду,— приказал адвокат.

Бандиты скрылись за портьерами. Дверь автоматически закрылась. Вэйн трясущейся рукой потер лоб, морщась от прикосновения к холодному камню. Он чувствовал себя совершенно разбитым. И уставшим. В голове хаотично крутились мысли...

Комната закружилась. Нет, это не простое головокружение. Вэйн почувствовал незнакомый острый запах. Слегка пошатываясь, он подошел к шторам и резко их раздвинул.

За ними обнаружилась металлическая дверь. Запертая на ключ.

Вэйна стал бить озноб. Голова раскалывалась.

Двигаться было невыносимо тяжело. Он повернулся, не удержался и упал на голый пол.

Тело как будто заледенело. Он не мог шевельнуться — словно парализованный...

Газ! Паскаль запустил в комнату усыпляющий газ. Теперь Вэйн понял, что это был за запах. Но какой же газ так действует? Голова была ясной, но тело застыло. Оставалось неподвижно лежать и ждать.

Время шло. Из-за портьер показался крепкий человек в защитной маске и с пистолетом. Он остановился, разглядывая фигуру на полу. Потом убрал оружие, наклонился, поднял Вэйна и потащил его в соседнюю комнату, тщательно затворив за собой дверь.

Вэйн, лежащий навзничь, мог видеть только потолок. Потом в поле его зрения возникло новое лицо — смуглое, толстогубое и жестокое. Оно принадлежало Паскалю.

Коренастый бандит стоял и смотрел на Вэйна.

— Мертв? — прохрипел он.

— Угу.— Его подручный снимал маску.

Паскаль положил ладонь на грудь Вэйна. Потом достал зеркальце и поднес к губам адвоката.

— Сдох,— вынес он вердикт, вставая на ноги.— Не так уж и много газа потребовалось, чтобы его вырубить. Не понимаю, что стряслось с Джимом и Оскаром: они заявили, что он их заколдовал. Да уж...— Паскаль ухмыльнулся, и во рту у него блеснули золотые зубы.— По крайней мере одно мы теперь знаем наверняка: в пропасть свалился именно Тони Аполлон. Так что пора праздновать.

Паскаль слегка подергал нижнюю губу.

— Не хочу, чтобы тело обнаружили здесь. Скажи парням, чтобы его сбросили в реку.

Лоб Вэйна все еще скрывала шляпа. Паскаль нагнулся, хотел было ее снять, но вдруг передумал.

— Ладно, пусть так и сделают,— выпрямившись, негромко приказал он.— Как вернутся, могут поучаствовать в празднике. Я потратил целую тысячу долларов на шампанское.

Он ушел. Вэйн отчаянно пытался пошевелиться, заговорить. Бесполезно. Но он не умер. Он все видел и слышал. Только не дышал. И сердце его перестало биться. Отрава... но разве так она действует?

Вдруг Вэйн вспомнил слова Заравина, пришельца с Меркурия: «Иногда самоцвет отдыхает и восстанавливает силы, а его хозяин на это время впадает в оцепенение».

«Оцепенение! Вот оно что! Интересно, и долго это продлится? — крутилось в голове Вэйна.— Уж не приду ли я в себя на дне реки с камнем на ногах? Долго ли...»

Его грубо подхватили чьи-то руки, завернули в мешок и куда-то понесли. Судя по всему, вниз. Вэйн услышал, как завелся мотор.

— К реке,— приказал приглушенный голос.

Машина с ревом рванула с места. Вэйн услышал рев машины.

— Быстрее! Копов черт несет,— сдавленным шепотом произнесли рядом.

Неподалеку грозно завыла сирена.

Что же происходит? Вэйн выругался про себя. Только бы суметь хоть чуть-чуть пошевелиться! Нет, не получается — он так и будет беспомощно валяться в бешено несущейся вперед машине.

— Нас догоняют...

— Выбрось труп,— предложил кто-то.— Прямо им под колеса. Это должно их остановить. Если мы не...

Хлопнула дверца. Вэйн почувствовал, что куда-то сползает. Последовал удар о землю, Вэйн несколько раз перевернулся и замер.

Взвизгнули тормоза. Кто-то протопал по тротуару. Чья-то рука сорвала дерюгу с головы адвоката.

Остекленевшим взглядом Вэйн разглядел склонившегося над ним полицейского в форме. На фоне звездного неба фигура копа казалась размытой.

— Это Вэйн! — охнул офицер.— Ну, тот, который сбежал.

Он повернулся и прокричал:

— Продолжайте погоню. Свяжитесь с участком — пусть высылают машину. Скажите, у меня тут Вэйн — мертвый.

/4/

Вэйн лежал на операционном столе, накрытый простыней, и, не в силах пошевелиться, бесстрастно смотрел в белый потолок. Не мог он и сказать следователю или врачу, что жив, что вскрытие будет настоящим убийством, что он с мучительной ясностью ощущает, как скальпель рассекает руку, хотя из бледной раны не пролилось ни капли крови.

Следователь, чье лицо наполовину скрывала марлевая повязка, подошел с зондом к столу, склонился над Вэйном и осторожно пощупал кожу вокруг камня.

— Любопытно,— бросил он через плечо.— Никогда не видел ничего подобного. По идее, камень, пробив кость, должен был убить человека. Может, он и впрямь стал причиной смерти. На теле не заметно никаких ран.

— Черт, плохо, что убийцы скрылись,— пробасил кто-то в ответ.— Я знаю, что это работа Паскаля, но без улик не могу повесить на него это дело.

Вэйн догадался, что голос принадлежит начальнику полиции Ланкершиму.

— Все-таки во всей этой истории есть еще что-то, док,— продолжал офицер.— Когда Вэйн пришел ко мне в кабинет часа два назад... Ну, я же вам рассказывал об этом — помните?

Следователь нахмурил седые брови.

Не отрывая взгляда от камня во лбу Вэйна, врач кивнул.

— Вы имеете в виду Стоума? Он признался, не так ли?

Ланкершим с силой выдохнул:

— Он... начал отвечать на мои вопросы. Откровенно. Но был так избит, что я отправил его в больницу, чтобы хоть как-то привести в порядок. А он там умер.

— Умер?

— Его отравили. Хотя понятия не имею как. Мы тщательно проверяем всех, вплоть до попечителей и стажеров. Уверен, кто-то из них связан с Паскалем и помог убить Стоума, прежде чем тот подпишет признание. А теперь еще и Вэйн...

Ланкершим наконец оказался в пределах видимости адвоката. Его суровое морщинистое лицо осунулось.

— Жаль парня. Может, его подставили... А может, и нет... Ну уж точно кто-то подтасовал бумаги, чтобы избавиться от неудобного адвоката. И вот он стынет на столе...— Полицейский сжал губы.— Так выясните же, кто его убил, док. Если в этом можно обвинить Паскаля, помогите доказать — и бандит попадет на электрический стул.

В режущем глаза свете блеснул скальпель... Отчаяние волной захлестнуло Вэйна, он резко вздрогнул, заранее представляя острую боль от глубоких порезов...

Стоп! Он вздрогнул! И тут же почувствовал, как в конечности будто вонзились сотни иголок... Это восстанавливалось его кровообращение — слабыми пульсирующими толчками, слишком короткими, чтобы их можно было назвать движением...

Сердце! Его сердце снова забилось! Но коронер уже поднес скальпель к грудине, готовясь сделать надрез.

Вэйн изо всех сил пытался пошевелиться. Он смог мигнуть, но этого не увидели ни врач, ни Ланкершим.

Адвокат собрал всю свою волю для безумного безмолвного приказа.

Коронер на мгновение остановился, но тут же снова взялся за работу.

Вдруг его рука конвульсивно дернулась. Скальпель отлетел к стенке и звякнул об пол.

— Какого черта?..— рявкнул Ланкершим.

— Я... Странно... Это вышло совершенно непроизвольно. Видно, какой-то рефлекс...

Это был не рефлекс. Жизнь возвращалась к Вэйну — уже было ясно слышно, как стучит его сердце,— и сила Звездного самоцвета росла.

Коронер подобрал скальпель, посмотрел на него и бросил в стерилизатор. Потом, натянув новые перчатки, он взял другой скальпель и снова направился к телу и...

И остановился как вкопанный, раскрыв от удивления рот. Глаза его едва не вылезли из орбит, а с губ слетел какой-то нечленораздельный звук, больше походивший на бульканье.

— Боже, ты только посмотри! — ахнул Ланкершим.

Труп сел.

Вэйн моргнул, зевнул и потянулся, после чего сбросил ноги со стола и уселся, разглядывая пораженную публику.

— Ты же мертв, мертв! — будто заведенный повторял коронер.

Ланкершим первым вышел из оцепенения и подался вперед.

Вэйн нахмурился.

— Не двигайтесь, вы, оба!

В горле пересохло, и потому голос адвоката звучал хрипло.

Воды! Вот что ему нужно! Завернувшись в простыню, он пошел к стоявшему в углу кулеру и выпил целую кварту ледяной влаги. Вмиг почувствовав себя луч-

ше, адвокат повернулся и оглядел неподвижные статуи полицейских.

Что-то теплое на руке привлекло его внимание. Конечно! Кровь, вновь побежавшая по артериям, полилась из сделанной при вскрытии раны. По счастью, разрез был неглубоким, а рядом в стеклянном шкафчике обнаружился лейкопластырь. Вэйн осторожно пощупал самоцвет. Камень все еще прочно сидел во лбу — холодный, гладкий, чуждый этому миру.

Мысли в голове сменяли одна другую. Паскаль был жестоким и беспощадным противником, а сам Вэйн, как выяснилось, не так уж силен. Кто знает, когда он снова впадет в подобный транс? Его желудок опять сдавил голодный спазм. Необходимо срочно подкрепиться, а то он вымотался, как мартовский кот.

Еда и одежда. Ни коронер, ни Ланкершим не помогут: их вещи не придутся впору ширококостному Вэйну. Так, решено!

— Вы оба проснетесь через полчаса,— приказал он.— Ланкершим, я собираюсь выяснить отношения с Паскалем завтра утром. В шесть. Отправлюсь к нему в офис на Восточном берегу. И хочу, чтобы вы там были. А еще я хочу, чтобы вы обеспечили присутствие там Паскаля. Мне плевать, как вы это сделаете, но это приказ. Ясно?

— Ясно,— бесцветным голосом откликнулся Ланкершим.

— Черт. Теперь... мне нужна приличная одежда...

На востоке забрезжил серый рассвет. Над дымоходами курился дымок. В трущобах люди привыкли вставать рано. По дороге ползли дребезжащие мусоровозы и цистерны с молоком. Торговцы нагружали тележки. Впереди их ждал обычный рабочий день.

В глубине бакалейной лавки дядюшки Тоби Стив Вэйн поднялся из-за стола. Микки взирал на него влюбленными глазами. Адвокат улыбнулся.

— Господи, ну ты и обжора! — восхищенно заметил парнишка.— Никогда не видел, чтобы столько ели.

Вэйн натянул шляпу на глаза.

— Я проголодался. Только не буди дядюшку Тоби. Еще увидимся.

Вэйн откинул занавеску, прошел через магазин и отворил входную дверь. На улице он осмотрелся и быстро пошагал на юг. На часах было около шести. Час встречи приближался.

Офис Паскаля находился в жалком грязном домишке, втиснувшемся между многоэтажками. Заглянув в окно, Вэйн увидел жирного гангстера, который нервно ерзал за столом и время от времени бросал беспокойные взгляды куда-то через плечо,— там, несомненно, стоял Ланкершим.

«Интересно,— подумалось Вэйну,— какими методами полицейский заставил Паскаля прийти на встречу? Да ладно, не важно». Адвокат сурово сжал губы и переступил порог офиса.

Паскаль соскочил со стула. Руку он прятал в кармане.

Вэйн улыбнулся.

— Я не вооружен.

Бандит в ответ молча скривил мясистые губы.

— Ланкершим! Давай! — позвал он.

Из дальнего конца помещения послышался быстрый топот, и перед Вэйном появился начальник полиции в сопровождении четверых полицейских в форме.

— Сам не знаю, почему так поступил,— заговорил Ланкершим, приближаясь к адвокату.— Но что-то заставило меня это сделать. Стив Вэйн, вы арестованы. Поднимите руки.

— Ладно,— кивнул Вэйн, повинуясь приказу.

Мозг его тем временем продолжал лихорадочно работать. «Достаточно одного лишь моего слова — и Пас-

каль тут же покончит с собой. Спору нет, гангстер заслуживает смерти... Нет, не пойдет. Остается еще один вариант... Но...»

Ланкершим направился к нему, позвякивая наручниками.

— Ну же, Вэйн.

— Подождите.

Офицер остановился.

Вэйн посмотрел на Паскаля. Толстый бандит все еще прятал руку в кармане аляповатой спортивной куртки. Заплывшие жиром глазки таращились на адвоката.

— Да ради бога, наденьте же на него наручники! — проревел гангстер.

— Я просто хотел тебе кое-что сказать, Паскаль,— тихо, едва слышно заговорил Вэйн.— Помнишь Тони Аполлона? Помнишь, как он колотил тебя в детстве? Помнишь, как ты его боялся и ненавидел? Тони поклялся добраться до тебя, а он всегда держит слово.

— Аполлон мертв! — огрызнулся главарь бандитов.

— А вот мне он сказал, что до тех пор, пока Тони Аполлон не выполнит свое последнее обещание, ничто не способно его убить.

Паскаль собрался было огрызнуться, но... Слова замерли у него на губах. Взгляд гангстера был прикован к двери, которая начала медленно отворяться...

На пороге возник Тони Аполлон.

Паскаль резко вдохнул воздух и вскрикнул.

Ланкершим охнул и схватился за пистолет.

— Аполлон!

— Не двигайтесь, сэр,— приказал Вэйн и бросил взгляд на патрульных.— И вы тоже. Это дело касается только Паскаля и Тони Аполлона.

Бандит в панике оглядывался вокруг. Лицо его сделалось желтым от страха.

Тони Аполлон неспешно подходил к нему все ближе и ближе.

Паскаль взвыл, судорожно выдернул из кармана пистолет и в упор выстрелил в пришельца.

Из груди Аполлона хлынула кровь. Но он, словно не замечая этого, упорно продолжал двигаться вперед — к Большому Майку Паскалю.

Вот только Большой Майк Паскаль перестал вдруг быть большим. Он как-то весь сжался и теперь скорее походил на перепуганную крысу. С диким воплем схватив со стола телефонный аппарат, Паскаль запустил им в Аполлона. Аппарат угодил Тони в лицо и сломал ему нос. Но и это не остановило мстителя, не стерло с его лица застывшую стеклянную улыбку.

Тони Аполлон все шел и шел вперед.

Паскаль замахнулся стулом и обрушил его на голову противника.

— Не подходи ко мне! — завопил он.— Черт побери, оставь меня в покое! Я тебя не подставлял! Пожалуйста, Тони!..

Подняв со стола тяжелую лампу, он принялся орудовать ею как дубинкой, со всей силы нанося удар за ударом по лицу бывшего компаньона. Тот даже не пытался защищаться или уворачиваться, и лицо его постепенно превращалось в алое месиво.

И несмотря ни на что, Аполлон шаг за шагом приближался к обезумевшему гангстеру...

Собравшаяся на улице толпа испуганно шумела.

Паскаль резко повернулся и рванулся к двери. Он остервенело расталкивал зевак, и те с ужасом отскакивали от главаря бандитов, который совершенно утратил человеческий облик и превратился в трясущееся и визжащее нечто.

В очередной раз бросив взгляд через плечо, Паскаль, к ужасу своему, увидел, что Тони Аполлон преследует его по пятам.

— Все за мной,— приказным тоном бросил Вэйн Ланкершиму и полицейским.

Те против воли поплелись за ним на улицу и, затесавшись в толпу, стали наблюдать за происходящим.

Гангстер карабкался по пожарной лестнице, отчаянно пытаясь сбежать от преследователя. Он поднимался все выше — к крыше пятиэтажного дома. В окнах виднелись бледные от потрясения лица жильцов. Уже на самом верху Паскаль на миг скрылся из виду, но вскоре появился вновь — у края крыши. В руках у него был зажат кирпич от старого дымохода.

Тони Аполлон взбирался по пожарной лестнице.

Теперь в нем не осталось ничего человеческого — казалось, за Паскалем гонится жуткое багровое чудище, из тела которого хлещет кровь.

Возле здания собралась огромная толпа; сотни глаз были устремлены на крышу.

— Уйди от меня! Я тебя не подставлял! Проваливай!

Кирпич полетел вниз — стремительно, как пуля, и угодил Аполлону в плечо. От толчка преследователь потерял равновесие и мешком свалился на землю.

Шум тяжелого падения — и затем тишина... Но внезапно воздух прорезал дикий крик Паскаля: Тони Аполлон медленно и осторожно поднялся на ноги и снова полез наверх.

Паскаль выдрал еще несколько кирпичей и в исступлении принялся метать их в противника. Одни кирпичи попадали, другие — нет, но Аполлон неумолимо продвигался вверх. Вот он на третьем этаже... на четвертом... на пятом... Жильцы дома, затаив дыхание, ожидали развязки. Аполлон их абсолютно не замечал.

У него больше не было лица, кровь ручьями стекала на землю, но все с той же жуткой безмолвной улыбкой он продолжал неумолимо преследовать врага.

— Подожди, Тони! — Голос Паскаля внезапно сорвался на визг.— Да, я подставил тебя! Подставил! Но я все отдам — все! Только не подходи ко мне...

Тони Аполлон перелез через карниз и выпрямился.

Паскаль попятился назад, хватаясь за воздух и истерически всхлипывая, пока в конце концов не перевалился через парапет.

Едва Паскаль скрылся из глаз, Тони Аполлон нырнул следом за ним.

Вэйн повернулся к Ланкершиму:

— Вам бы лучше послать людей на крышу. Думаю, наш друг Паскаль готов заговорить. Если, конечно, он еще не окончательно свихнулся.

Офицер отдал приказ, и двое полицейских побежали к пожарной лестнице. Один из них вернулся уже через минуту, а его напарник медленно спускался, волоча за собой обмякшее тело Паскаля.

Первый полицейский вытянулся перед Ланкершимом и озадаченно отрапортовал:

— Аполлона там не было.

— Он сбежал?

Его подчиненный конвульсивно сглотнул.

— Я... да, думаю, да. На крыше не было крови...

Ланкершим едва не задохнулся от удивления.

— Не было крови? Но она же текла по всей улице! Полюбуйся! — Он указал на асфальт и...

И замер, вытаращив глаза...

Крови нигде не было. Она исчезла.

Прошел месяц. Вэйн сидел в задней комнате магазинчика дяди Тоби и с аппетитом поглощал тушеного кролика. Старик курил видавшую виды трубку и задумчиво покачивал головой.

— С тех пор как распалась шайка Паскаля, дела у всех пошли в гору. Это правда, что он во всем сознался? И в том, что тебя подставил, и много в чем еще...

— Правда.

Вдруг дядя Тоби перегнулся через стол.

— Я тут подумал, Стив... Ведь никто так и не нашел Тони Аполлона после того, как он исчез с крыши.

— Думаю, он мертв,— тихо откликнулся Вэйн.— Непонятно, как он вообще смог так долго продержаться.

Бакалейщик усмехнулся.

— Я многое передумал...— Было видно, что он далеко не сразу решился это сказать.— Помнишь, как ты загипнотизировал Стоума, когда он начал бить стенды в лавке? И тот красный камень у тебя во лбу...

Вэйн резко вскинул глаза. На секунду лицо его напряглось, но тут же вновь расплылось в улыбке.

— Та-ак... Значит, вы видели камень?

— Мельком. А сейчас в центре лба у тебя шрамик...

— Я сделал операцию. Раньше я думал, что мне, как и прежнему владельцу, придется таскать его до самой смерти. Но тот... прежний хозяин камня... был... не совсем человеком.— Вэйн задумался.— Возможно, его соплеменники не знали хирургии. Или у них более чувствительная нервная система. Кто знает? Но я после удаления камня выжил.

— Понятно. Так что же с Тони Аполлоном?

— Он погиб в день нашего побега. А незадолго до смерти попросил меня, если с ним самим вдруг что-то случится, непременно расквитаться с Паскалем. Тони Аполлон был мошенником и бандитом, но вел честную игру, пусть и по-своему. И всегда держал слово.

— Но не Аполлон преследовал Паскаля на пожарной лестнице.

Вэйн мрачно усмехнулся.

— Паскаль видел его. И Ланкершим. И все остальные. Да и вы тоже.

— Да, видел,— согласно кивнул дядя Тоби.— А как насчет тебя? Ты его видел?

Вэйн помолчал, а потом покачал головой.

— Нет. Он существовал только в воображении — Паскаля, полицейских и всех вас. Я... скажем так... вас загипнотизировал.

Пальцы адвоката непроизвольно коснулись шрама.

Дядя Тоби закусил губу.

— А этот красный самоцвет? Он все еще у тебя? Что ты с ним сделал?

— Он в надежном месте. Кто знает, вдруг когда-нибудь мне снова придется им воспользоваться? Не знаю как...— Вэйн вновь взял со стола вилку.— Ваша кроль-чатина просто чудо. Можно добавки?

ОБРЯД ПЕРЕХОДА

Фрейтер Стивен Рэбб отчаянно делал вид, что не боится. Он сидел напротив меня, хмурый мужчина с черными бровями, и пытался не обращать внимания на разнообразные предметы культа, собранные у меня в кабинете. Впустую: тотем Орла в нише над моей головой упорно притягивал его взгляд. А всякий раз, взглянув на него, Рэбб содрогался. На что и было рассчитано. Я притворялся, будто роюсь в бумагах на столе.

Наконец посетитель набрался смелости:

— Вы — мистер Коул?

— Это так,— любезно ответил я и стал ждать продолжения.

Мне стоило труда не улыбаться, не показывать, как я рад его появлению. Я ведь уже довольно давно ждал прихода фрейтера Рэбба. Или любого другого человека с похожими намерениями.

— Черный президент?

— Черный президент «Корпорации коммуникаций», тотем Орла.

— Я хочу...— Он покосился на тотем.— Ну, вы знаете, чего я хочу.

— Да.

© Перевод О. Зверевой.

Я любовно поглаживал документы. Я вполне мог бы добавить: «Я и сам хочу того же самого, фрейтер Рэбб. И гораздо сильнее вас, чтоб вы знали». Но вслух я, конечно, этого не сказал.

— Все значится в вашем заявлении, Рэбб. Я знаю, что вам нужно. Но вы этого не получите — за такую-то цену.

— Шесть лет службы? — Он выглядел потрясенным.— И этого мало? Шесть лет жить почти без средств к существованию, чуть ли не задаром работать на корпорацию — и этого мало, чтобы избавиться от Джейка Халиайи?

— Кража души стоит дорого,— торжественно провозгласил я.— А стоимость ваших услуг зависит от того, насколько хорошо вы владеете ремеслом. Вы значитесь пятьдесят седьмым в своей сфере. Что за сфера? Электротехника? По моим данным, сейчас у нас переизбыток электротехников. Да вам придется лет двадцать работать на нас, не получая ни гроша, чтобы только покрыть наши убытки. Если для вас это так много значит...

Рэбб выпалил в негодовании:

— Да я сам мог бы убить его намного дешевле!

— Разумеется, могли бы. И что потом? Один из его фрейтеров обратится к Черному президенту своего клана, чтобы тот наложил на вас заклятие. Возможно, это будет болезнь или несчастный случай. С этим мы бы справились. Но они могут пойти и на кражу души. Думаю, это они и сделают. Вы готовы умереть так быстро?

Рэбб упрямо надул губы и снова взглянул на орла в маленькой позолоченной нише. Он колебался.

— А чем вам-то насолил этот Халиайа? — спросил я и тут же прикусил язык: ударением на слове «вам» я невольно выдал себя.

Я отлично знал, что этот мерзавец сделал *мне*. Но он спал спокойно — знал, что мне до него не добраться. Черные президенты, вступая в должность, обязаны отбро-

сить личные обиды. Или по крайней мере держать себя в руках.

— Он лишил меня наследства, которое по праву было моим. Это мой кузен.— Рэбб дважды стукнул себя кулаком по колену.— Двадцать лет рабства, чтобы избавиться от такого ничтожества. Это несправедливо...

— Вы всегда можете обратиться в суд,— предложил я, и мы рассмеялись.

Чтобы оплатить все взятки в суде, не хватило бы и ста лет службы. В наше время суды уже не имеют ничего общего со справедливостью. Раз нет зарплат, чиновники живут на взятки. Теперь суды не более чем атавизм, вроде обычая решать спор поединком, и когда-нибудь они изживут себя. Сейчас общественный контроль основан на корпоративной магии, а каждая корпорация состоит из людей, подобранных по способностям, образованию и интересам. Рэбб был гораздо больше похож на меня, своего фрейтера в «Корпорации коммуникаций», чем на собственного родственника Халиайю, этого красивого загорелого здоровяка, наполовину полинезийца, который наивно считал, что может выйти сухим из воды после... нет, конечно, не убийства. Но украсть чужую жену — это еще хуже.

Рэбб никак не мог решиться.

— Двадцать лет — слишком долго. Я не могу пожертвовать ими, даже чтобы расквитаться с Джейком. Шесть лет — это предел. Что вы можете предложить за такую плату?

— Болезнь или ранение. Если брать душевный аспект, могу сделать его очень несчастным. Конечно, никаких гарантий. Все зависит от силы Белого президента его клана. Если Белый президент достаточно могуществен, он может помочь любой беде, кроме кражи души.

— Я слышал, что о вас говорят, мистер Коул,— сказал Рэбб.— Вы один из лучших. Я знаю, что вы сделаете все возможное. И это будет стоить мне шесть лет.

— Не больше?

Он медленно покачал головой.

— Хорошо, Рэбб. Тогда подпишитесь здесь...— я подтолкнул к нему контракт и ручку,— ...и здесь, это ваша страховка. Мы не можем себе позволить, чтобы вы умерли до истечения срока службы.

Он два раза нацарапал свое имя.

— Все,— заявил я.

— Но как я?..

— Вас будут держать в курсе всех событий. Свидетельства очевидцев будут присылаться вам еженедельно по почте. Это входит в пакет услуг. Все в порядке, Рэбб? До свидания.

Рэбб неуклюже, бочком двинулся к выходу, боясь повернуться спиной к орлу, на могучих священных крыльях которого парила над миром «Корпорация коммуникаций» — теоретически, разумеется. Я не глядя собрал его бумаги и засунул их через щелку в стол. Оттуда они автоматически направятся в администрацию.

Не сдержавшись, я пробормотал:

— Ну и дурак!

Но я не мог просто так передать документы. Я еще не решил. С одной стороны, могут объявиться и более богатые враги Джейка Халиайи. Но все же Рэбб был синицей в руках. Целых полгода я не мог решиться. Конечно, враги у Халиайи появлялись как грибы. Но кража души стоит дорого. Оставалось лишь ждать, чтобы Халиайа перешел дорогу спецу такого высокого полета, что тому понадобится отработать всего лишь год-другой, чтобы оплатить месть. В идеале рано или поздно появится кто-нибудь, кто захочет того же, что и я,— смерти Халиайи. Но надежды на это мало. Придется подделать документы, чтобы заполучить такого заказчика. Заявление Рэбба отлично подходило, однако риск был слишком велик. Он всегда велик, если вмешиваться в корпоративную магию.

Я б с удовольствием заплатил за Рэбба из своего кармана, если бы решился. Был ли я к этому готов? Месяц за месяцем я уговаривал себя, что ничего мне не грозит. Я знал, как действует эта так называемая магия. Я знал правду. Магия не причинит тебе вреда, раз ее не существует. Или, точнее, если ты в нее не веришь. Разумеется, моя магия отлично работает. Но не потому, что она — реальная сила.

Хотя, конечно, сорок лет практики дают о себе знать. Слыхано ли, чтобы Черный президент использовал власть в эгоистичных целях? Готов поспорить, что такое случалось, но виновники были достаточно умны, чтобы замести следы. В худшем случае я мог лишиться работы (а ведь я потратил пятнадцать лет на обучение), престижа (обладать которым вообще-то весьма неплохо) и зарплаты (одной из самых больших в корпорации). Разумеется, в худшем, с моей просвещенной точки зрения, случае. Для прочих нет ничего хуже, чем кража души, но я уж точно смогу с ней справиться. А когда они поймут, что их чары меня не берут,— то что дальше? Президент — белый ли, черный — неуязвим для магии, пока находится под защитой своего тотема. То есть пока он не нарушает каких-либо основополагающих запретов, особенно публично. Предположим, я нарушу такое табу, и об этом станет известно. Тогда можно украсть мою душу. И все будут ждать, что я не стану сопротивляться и умру. А если я не умру в положенный срок? Попытаются ли меня убить более приземленными способами — застрелить или отравить? По-моему, это целиком зависит от степени суеверия моих потенциальных палачей. Если они настроены достаточно скептично, то не будут полагаться только на магию. Тем более когда увидят, что ее недостаточно. Но если они не настолько скептичны, то просто решат, что моя магия сильнее их. А значит, мой престиж и власть достигнут небывалых высот.

Неужели только я из всех президентов не ослеплен суеверной боязнью магии?

Ну ладно, есть один быстрый способ это узнать. Я положил стопку бумаг Рэбба на стол и нажал на кнопку, блокирующую дверь в мой кабинет. Мне не хотелось, чтобы чей-нибудь любопытный взгляд увидел их до того, как я окончательно решусь. Я щелкнул по рычагу селектора и сказал секретарю:

— Ян, я буду в офисе Торнвальда. Не беспокойте нас без необходимости.

Наши с Торнвальдом двери открывались на застекленную галерею, мостом связывающую башни. Мне всегда нравился этот путь. Главное управление корпорации занимает две квадратные мили. Над прочими его постройками гордо возвышаются наши башни-близнецы. Официально я и Карл Торнвальд, Белый президент, возглавляем корпорацию. Проходя по мосту, всегда слышишь тонкое завывание ветра в металлических конструкциях. А изредка пролетающая птица бросит на тебя сквозь стекло удивленный взгляд. Раньше мне было интересно, как мы выпутаемся, если вдруг мимо будет пролетать орел и врежется в наш мост. Наверное, никто и не заметит. Просто диву даешься способности людей закрывать глаза на неудачи их божества.

Проход по мосту напоминает полет. Ты просто идешь в голубом небе, а далеко внизу на целую милю вокруг простираются крыши, окаймленные зелеными полями. На какой-то миг я вспомнил иллюзию полета во время отправления ритуала Орла.

Индикатор на двери показывал, что Торнвальд один. Я постучал и вошел к нему в кабинет. Его стол был похож на мой, такой же тотем Орла висел на стене, только вся комната была яркой и радостной, не то что мой кабинет со всеми атрибутами черной магии.

Карл — полный мужчина с круглым лицом, которому он при необходимости придает выражение внушитель-

ной торжественности. Сейчас, увидев открывающуюся дверь, он машинально надел эту маску, но тут же пожал плечами и улыбнулся.

— Привет, Ллойд. Что такое?

— Перерыв на кофе.

Он покачал головой поверх своих бумаг, положил их на стол, снова пожал плечами и нажал на кнопку. Из стола тут же выскочили два стаканчика кофе.

— Это правильно,— одобрил Карл и принялся стаскивать крышечку зубами — меня всегда раздражала эта негигиеничность.— Я тут ломаю голову над одной проблемой. Главный гидроакустик. Он действительно необходим клану.

Я открыл кофе одной рукой, а другой потянулся за его бумагой.

— Кто-то из «Корпорации пропитания» наслал на него заклятие, да?

— Точно. И знаешь... Это Мамм. Он умен и становится все умнее.

Я знал его. Мамм был новым Черным президентом «Корпорации пропитания». Он был молод, обладал недюжинным умом и намеревался в скорейшие сроки обрести репутацию.

— Никак не могу определить, что же с ним такое,— грустно произнес Торнвальд.— Я думал, что в организм проникло постороннее тело, но флюороскоп этого не подтвердил. А парень-то думает, что умирает.

— Заклятие пневмонии?

— Вероятно, но...

— При воспалении легких любой почувствует себя несчастным. А ты не думал, что твой пациент страдает не от магии, а от бактерий?

Торнвальд непонимающе заморгал.

— Э-э, минутку, Ллойд. Конечно, от бактерий. Естественно, при заклятии-то пневмонии. Но кто насылает бактерии? Кто закладывает в них столько магии, что-

бы они поглощали ману моего пациента? Говорю тебе, Мамм может сделать бактерии более опасными, чем любой Черный президент на моей памяти. Я использовал пять разных благословений на ауреомицине, но так и не смог одолеть магию Мамма.

— Может, твой пациент — маловер.

— Что ты, Ллойд.— Он опять нацепил серьезное выражение.

— Брось, Карл. Ты же знаешь, скептики порой встречаются.

— Да, наверное. Бедняги. Я рад, что никогда их не видел. Иногда я пытаюсь представить, как бы я выкручивался, если б встретился с неверующим...

Я тоже никогда не встречал таких людей (сам я не в счет), но одарил коллегу сведущей улыбкой и произнес:

— А я знаю одного. Он тоже умен. У некоторых скептиков есть своя сила, Карл. Ты никогда не думал, что скептик может излечить человека, даже если твоя магия бессильна?

Он был поражен. Его розовое лицо побледнело.

— Остерегись, Ллойд. Это почти богохульство.

— Я просто говорю то, что есть.

— Если ты видел маловера, сам знаешь, что в таких случаях надлежит делать,— чопорно заявил он.— Что до спасения пациента ценой его души, я лучше позволю ему умереть в благодати. Так же как и ты, Ллойд.

— Даже если речь идет о ценном сотруднике? Которого корпорация не может лишиться?

— Именно так, Ллойд.

— Даже если Мамм победит и наша репутация пошатнется?

— Ллойд, когда ты в таком настроении, ты ставишь меня в тупик.— Торнвальд посмотрел на тотем Орла, и губы его шевельнулись.

Я вздохнул и поднялся, допивая кофе.

— Брось, Карл. Я пошутил.

— Надеюсь,— сухо ответил он.— Я-то тебя понимаю, но другие могут и не понять. Если ты и правду знаком с убежденным скептиком, то обязан доложить о нем. Ради его же блага.

— Я же сказал, что пошутил. Прости, Карл. У меня тоже сейчас не все ладится.

— Какие-то проблемы? Я могу помочь?

Я наблюдал за ним. Торнвальд и правда побледнел при мысли о богохульстве. Похоже, он не притворялся — так притворяться невозможно. Я глубоко вздохнул и бросился головой в омут:

— Да ничего такого. Сегодня я получил заказ на кражу души, неприятная работа, только и всего.

Карл наградил меня одним из своих пронзительных взглядов — и показал, что действительно по праву занимает должность Белого президента, хоть я порой и склонен был его недооценивать.

— Халиайа? — спросил он.

Меня аж передернуло. Он просто невероятно догадлив. Но я уже не мог отступить, ведь другого шанса может не представиться еще много месяцев.

— Именно. Халиайа.

Некоторое время Торнвальд изучал свои руки, потом снова поднял глаза. Его тонкие губы были плотно сжаты.

— Я понимаю, каково тебе, Ллойд. Пойдут пересуды. Но тебе придется пройти через это. Ты знаешь свой долг. А так как мы с тобой знаем правду, то сплетни для нас не имеют никакого значения.

Я, Черный президент, ответил ему, Белому, решительным взглядом: мир может лететь в тартарары, но долг должен быть исполнен.

— Ты прав, Карл. Абсолютно прав.

— Я знаю. А теперь успокойся и передавай документы с чистой совестью. Быть президентом не всегда легко.

Я подумал: «Нет ничего легче, Карл», но вслух сказал:

— Хорошо, раз ты мне советуешь, так и сделаю. Вот прямо сейчас и передам.

Я вернулся по мосту, чувствуя возбуждение и легкий испуг. Я подправил заявление Рэбба, занес Джейка Халиайю над щелью, отпустил и проследил, как он полетел по черной пустоте в бесконечность.

Затем я повернулся и посмотрел на тотем Орла. Просто чучело. И все.

Больше не было нужды хранить тайну. Я сел и позвонил во Флориду. Сообщение «Корпорации коммуникаций» перелетело через весь континент на крыльях чучела орла, и на экране высветилось лицо женщины. Она казалась красивее, чем когда-либо. Ее взгляд пока рассеянно блуждал: наверное, я еще не проявился на экране. Или в ее жизни, если подойти с другой стороны.

Механический голос произнес:

— Мистер Коул? Майами на связи. Миссис Коул у аппарата.

Взгляд жены прояснился. Мы смотрели друг на друга через многие мили и огромную эмоциональную пропасть, которая никогда больше не исчезнет.

— Здравствуй, Лайла.

— Что тебе нужно?

— Две вещи. Во-первых, хотел тебя поздравить. Если не ошибаюсь, на этой неделе развод будет окончательно оформлен.

Она не отвечала.

Я улыбнулся:

— Ах, да. Вот еще что. Халиайа умрет.

Следующим пунктом были ритуальные видения. Конечно, абсолютно ненужные галлюцинации — всего лишь наркотические сны, обычно принимающие ожидаемую форму. Торнвальд отправляет такие же ритуалы, работая с белой магией, и искренне верит, что Орел прихо-

дит и говорит с ним. Я не так наивен, но тоже не уклоняюсь от общепринятой процедуры. Если я вдруг пренебрегаю этой традицией, мне становится не по себе. Наверно, виной тому опасение, что, позволив себе один шаг в сторону, я могу расслабиться и отступить от традиций в чем-то более значимом, а это непременно будет замечено.

Но на сей раз я решил пропустить ритуал. Теперь, когда я нарушил главное табу нашего офиса, в ритуале не было никакого смысла — он не мог укрепить мою веру. Однако потом я обнаружил, что не способен сосредоточиться на работе. Привычка оказалась сильнее. Я все время ошибался, путал кнопки и в конце концов так разозлился, что все бросил и вернулся к привычному фетишизму. Войдя в комнату для ритуала, я неожиданно ощутил облегчение. Воскурил нужные травы, сделал укол священного наркотика и пробормотал традиционную молитву Орлу. И увидел все ту же галлюцинацию, которую уже успел выучить наизусть.

Я спал. Орел перенес меня на Майами. Я обнаружил Халиайю в казино, играющим в кости. Он был крепким, загорелым и красивым. Я знал, что с годами, как и большинство полинезийцев, он ужасно разжиреет. Я избавлю Лайлу от этого зрелища. Джейку не придется страдать от ожирения. Однако они не испытают ко мне благодарности.

Я оглушил Халиайю священным копьем и оттащил в тень. Острием копья я начертал круг у него на лбу. Затем пронзил сердце Джейка и окропил тремя каплями крови тотем Орла, который я нес с собой. Я прикоснулся Орлом к жертве, и рана затянулась. После этого описал тотемом несколько быстрых кругов вокруг головы Джейка. Он открыл глаза и увидел меня.

— Ты проживешь две недели,— сказал я.— День ты будешь здоров. Потом заболеешь. На четырнадцатый день ты умрешь. Тотем Орла поглотит твою душу.

И сон закончился.

На самом деле все было намного более приземленно. Документы по делу Халиайи, переданные в администрацию, прошли по разным кабинетам, получили необходимые печати. Потом их распределили, назначили ответственного и отправили обратно ко мне. Большую часть работы с черной магией выполняли мои помощники, но почетная обязанность кражи души выпадает Черному президенту.

Так что я изучил досье на Халиайю, собранное несколько месяцев назад нашими шпионами в его корпорации. Он был важной персоной в «Корпорации пропитания», а на таких людей мы на всякий случай заводим досье. Я должен был выбрать нужный момент, чтобы наслать заклятие, которое убьет Джейка прямо в его доме.

В обычной магии — во всех этих банальных чарах неудачи, болезни или несчастного случая — нет ничего сложного. Как правило, ими можно управлять на духовном уровне, но это не обязательно. Часто человеку нужен просто толчок. Предположим, ты решил заразить его вирусом. Все, что надо,— это отправить своих людей в ресторан, чтобы они подбросили что-нибудь не слишком ядовитое в его тарелку. Но ты хочешь, чтобы он об этом узнал. И, показывая, что антибиотики тут не помогут, ты накладываешь на вирус какое-нибудь заклятие — так, чтобы слышали все. Если жертва знает о чарах, магия наверняка сработает. Человек боится, и этот страх помогает болезни. А если болезнь не развилась или антибиотики и прочие лекарства спасли больного, все, конечно, начинают твердить, что белая магия победила черную — стараниями Белого президента клана.

Но сначала надо тщательно изучить жертву, ее биоритмы и психологический портрет, прочитать доклады опытных наблюдателей, незаметно работающих у

нее в офисе или дома. (Не сомневаюсь, за мной тоже постоянно наблюдают, а результаты заносят в мое досье для других Черных президентов. Ничего не попишешь. На этом зиждется весь общественный строй.)

Так вот, ты изучаешь биоритмы жертвы, ее эмоциональные циклы и находишь самое подходящее время, чтобы объявить о своем заклятии. Это должен быть день, когда бедняге и так плохо,— когда он печалится, или приболел, или чем-то замучен. Ты просто усиливаешь стресс, делаешь так, чтобы о чарах наверняка прознали и объект, и его коллеги,— и вот он уже помимо воли готов помогать твоей магии.

Но в случае с магией высокого уровня, с кражей души, надо быть осторожнее. Сколько смертей были объявлены кражей души, когда это был простой аппендицит, или тромбоз, или какая-то неизлечимая болезнь. Белый президент из клана жертвы не хочет признавать бессилие своей магии. Вот он и заявляет, что противник наслал на жертву заклятие кражи души. От такого нет спасения.

На самом деле очень мало Черных президентов занимаются кражей душ. Потому что слишком мало людей способны оплатить такие услуги. Но раз большинство смертей объявляется результатом кражи души, люди и думают, что, если у тебя украли душу, ты непременно умрешь. Конечно, подобные утверждения лишены всякой логики, но им верят. Ты заявляешь: «Если он умер, значит, у него украли душу», а из этого естественным образом следует: если украли душу, то человек умрет. Вот и вся магия.

Итак, я тщательно изучил биоритмы Халиайи. Я хотел все проверить. У каждого есть циклы тревожности и депрессии. Зачастую достаточно вычислить подходящий момент, чтобы выбить жертву из колеи одним толчком. Все, что ты делаешь,— это играешь на его подавленных стрессах, на тайных страхах. Пятнадцать лет

я изучал механизмы магии. И теперь я тщательно выбрал момент...

По всем программам пролетело экстренное сообщение. Все померкло по сравнению с объявлением о краже души Джейкоба Халиайи из «Корпорации пропитания». Это значило, что одной ногой он уже в могиле.

Интереснее всего было представлять его реакцию. Он так долго гадал, что же я сделаю. Не важно, насколько уверенно он себя чувствовал, я-то оставался Черным президентом. Разумеется, он волновался. Все графики говорили о его крайней внушаемости. Мне не пришлось дожидаться болезни или травмы. Я просто назначил дату и ударил.

А потом запер кабинет и отправился в короткий отпуск. В какой-то степени это был трусливый поступок, подпортивший мою репутацию. Мамм, юный Черный президент «Корпорации пропитания», теперь будет думать, что я его боюсь. Не сомневаюсь, если бы он мог, то нанес бы ответный удар. Меня это не слишком волновало, хотя и было бы интересно посмотреть, что же он придумает.

На самом деле у меня существовало целых две причины для отпуска. Во-первых, я должен был увидеть собственными глазами, как Джейк Халиайа умрет. Я хотел провести две чудесных недели как можно ближе к нему, смотреть, как чары берут власть над ним, как от него отворачиваются, как он копошится в вакууме, который постепенно, по мере приближения дня смерти, сгущается во тьму забвения. Какую бы цену мне потом ни пришлось заплатить за нарушение самого страшного табу Черных президентов — оно того стоило.

А еще одной — незначительной — причиной был фрейтор Рэбб. Самое слабое звено в моем замысле. И я практически никак не мог замести следы. Следовало взглянуть правде в глаза: я подделал документы, лишил корпорацию четырнадцатилетней прибыли и на-

рушил собственные священные клятвы — и это все для того, чтобы из мести погубить личного врага. Тем не менее я сделал все возможное, чтобы скрыть преступление.

А именно: написал Рэббу письмо, в котором сообщалось, что Черный президент был вызван в длительную командировку до одобрения его заявления о краже души. И в мое отсутствие заявлением занимается мой помощник. Пожалуйста, пусть Рэбб сообщит компании, если в его дело закралась ошибка. Если же все в порядке, кража души Джейкоба Халиайи будет выполнена согласно расписанию и Рэббу будут поступать доклады очевидцев о ходе дела.

Я точно знал, что Рэбб не сообщит корпорации об ошибке. Я скрупулезно изучал его биоритмы и личностные черты, прежде чем сделать свой ход. Рэбба действительно обманом лишили наследства, правда, сейчас этим никого не удивишь. Удивительной была как раз его реакция. Он хотел мести, потому что его ударили в самое чувствительное место. Его графики четко указывали: *доминантная черта — патологическая жажда наживы.* Говоря простым языком, Рэббу настолько нравилось получать что-либо даром, что он не упустит такого шанса. Человек ведет себя согласно своей природе. Рэбб ничего не скажет.

Мой план был обречен на успех.

Флоридская «Корпорация пропитания» блестела на солнце. Благодаря резервуарам с солнечной водой крыши были само сияние. Город расположился по всему Мексиканскому заливу на островах и плавучих платформах. Движущиеся дороги, заставленные автомобилями, катились по воде. Голубые блики, отражаясь от воды в каналах, плясали на поверхности, которая казалась земной твердью. Я поймал такси и поехал в корпорацию. Я совершенно не скрывался. И Мамм, и Халиайа отлич-

но знали, кто наслал заклятие, отрезавшее Джейка от всего мира. Узнав о моем присутствии, Мамм поймет, что я не боюсь. А если кому-то взбредет в голову спросить, что я здесь делаю... В этом же нет ничего необычного. Черный президент не может отомстить своему недоброжелателю, но не существует законов, которые запрещали бы ему наслаждаться падением врага, сраженного по чьему-то приказу. Я оставил такси перед входом в здание, где находился кабинет Халиайи, и поднялся на этаж, который Джейк вскоре должен был покинуть навсегда. Я не пошел к нему в кабинет. В этом не было нужды. Я просто сел на подоконник, закурил и минут десять смотрел на дверь, на которой уже не было таблички с его именем. Я думал о том, что же могло случиться.

Где он был, когда услышал новости? Как он узнал о них? Смотрел ли телевизор, когда на экране возникло его широкое смуглое лицо и ведущий объявил о скорой смерти Джейка Халиайи? Была ли тогда с ним Лайла? И бросила ли она его, как остальные, в испуге и трепете перед магией, зная, что с этого момента Халиайа мертвец?

Это давно вошло в традицию — предавать остракизму живого покойника. Бедняга перестает быть членом общества. Жертва оказывается совершенно одна. Нити общественных связей опадают с приговоренного, и с этой минуты он уходит из мира живых.

Наверняка Джейк первым делом ринулся в кабинет, сюда, в это здание, к этой двери, чтобы просить о помощи своих союзников из корпорации. Почему-то вначале никто не верит, что это может произойти с ним. И всегда ждет помощи от друзей...

Итак, он прибежал сюда, и что же он увидел? Чужое имя на двери, другого человека за своим столом. Люди в испуге и смущении прячут глаза, отворачиваются от него, как от зачумленного.

Это первый этап. Общество признает человека мертвым. Он может двигаться, говорить, приставать с истеричными просьбами, но все знают, что он уже не жилец.

На втором этапе общество, подобно волне, вновь подхватывает жертву — на этот раз с вполне определенной целью. Этот человек мертв — он еще дышит, но уже не живет, значит, его надо удалить, отправить в потустороннний мир его тотема, где ему отныне и место. Живой мертвец неприкосновенен, но опасен. Поэтому второй этап — это обряд оплакивания. Это похороны, которые препровождают жертву в потусторонний мир. Несчастный присутствует на своих похоронах, находясь на почетном месте, в гробу. Теперь он уже не сопротивляется, он делает все, чтобы помочь обществу совершить необходимый обряд. Никогда не видел, чтобы было иначе. Необъятную принуждающую мощь ритуала не побороть. Жертва ей верит и умирает. В финале видно, как личность меняется на глазах. Иногда люди начинают действовать подобно своим тотемам. И все равно умирают — ведь они искренне верят в ритуал.

Потом я поехал на такси к дому Халиайи. Это оказался роскошный особняк с высокими резными стенами из прозрачной пластмассы с прожилками. Привез ли он сюда Лайлу? Теперь ее наверняка здесь больше нет. Стены и окна темны, а на двери весит большой черный венок. Я заметил возле двери в черных мисках какую-то еду. В доме никого, кроме Халиайи.

Я перешел улицу и встал в тени дверного проема. Прошло немало времени, прежде чем черный венок вздрогнул и дверь открылась. Халиайа выглянул наружу.

Он был по-прежнему высок и крепок, но весь будто бы съежился. Он был по-прежнему смуглым, но сквозь загар пробивалась бледность. Халиайа осмотрелся, не заметив меня, и подхватил поминальную еду. На нем было священное одеяние клана с тотемом Рыбы на гру-

ди. Понятно, всю остальную одежду либо продали, либо раздали. На похоронах это облачение заменят белым саваном с изображением тотемного животного.

О да, Халиайа верил. Он позволил надеть на себя священное облачение и до сих пор его не снял. Он не боролся с заклятием. Он сдался под напором внушения.

Я почувствовал глупое облегчение от этого зрелища. От понимания, что это значит. Внезапно я осознал, зачем на самом деле приехал во Флориду. Я больше не верил ни в свою, ни в чужую магию. А следовательно, не мог быть уверен в вере других. Особенно в вере Джейка Халиайи. Он тоже вполне мог оказаться скептиком, хотя у него никогда не было доступа к запрещенным и забытым микрофильмам, которые подарили мне новые знания.

Ради этого я и приехал. Я хотел убедиться, что Халиайа все еще верит. Нет, он никогда не видел этих микрофильмов, но я думал, что он знает их содержимое так же точно, как если бы он воочию видел их на светящемся экране. Ведь Лайла знала, и Лайла бы ему рассказала...

Потому что я сам рассказал Лайле.

Я открыл ей правду. Рассказал ей, что не существует никакой магии, рассказал, что происходит на самом деле и почему оно так происходит. А потом, освободившись от страха перед магией, она сделала то, чего давно хотела: бросила меня и ушла к Халиайе. Против этого не было законов. Не было даже табу, что гораздо сильнее любого закона. Но раньше такого почти не случалось, почему-то никто не разводился с президентом, с магом. Никто, кто верил в магию.

А ведь это я сам разогнал тьму предрассудков в голове Лайлы и показал ей истину.

Я сделал это — а теперь я могу все вернуть на круги своя. Могу заставить Лайлу вновь поверить в магию.

Мне это было необходимо. Я ей рассказал так много, что она станет опасной, если будет много говорить, долго говорить, говорить со многими людьми. Пойдут сплетни. А если все узнают, что я, Черный президент клана Орла, не верю в корпоративную магию, где я окажусь?

Надо полагать, в могиле.

Ладно, допустим, Лайла меня никогда не любила, хотя раньше я был убежден в обратном. Она вышла за меня против воли отчасти по настоянию родителей, отчасти не решившись отказать Черному президенту. Зато она любила Халиайю.

Когда она увидит смерть любовника — смерть, вызванную магическим путем,— могущественные бессознательные силы в ее мозгу и страшное невидимое давление общества снова увлекут ее во тьму предрассудков, откуда я ее вытащил. Помимо воли она уступит, ведь разум слабее эмоций, а удар будет достаточно силен. Если бы я направил магию на Лайлу, то наверняка бы потерпел поражение. Но Халиайа был ее уязвимым местом, вот я по нему и ударил. А сейчас он уже следует навязанному ритуалу, который завершится обрядом ухода и смертью.

О да, Лайла снова поверит в магию. И вернется ко мне...

По улице, стоя на движущейся ленте тротуара, медленно проехал человек. Халиайа закричал:

— Эд! Эд! — и отчаянно замахал рукой.

Когда же он повернул голову, я увидел на загорелом лбу красный круг — метка моего священного копья из галлюцинации. Клановые гробовщики ставят это нестираемое клеймо одновременно со сменой одежды.

Человек на дорожке слегка дернулся, услышав зов, но не обернулся. Я увидел, как Халиайа рванулся вперед, будто хотел выбежать из дому и выбить, вытрясти из своего знакомого ответ. Он почти решился... По-

чти. Вот он спустился на ступеньку ниже... И тут что-то его остановило. Он замер, попятился, снова открыл рот, но не издал ни звука.

Я обвел взглядом улицу. Далеко в Мексиканском заливе виднелась рыболовецкая флотилия. Над ней висел вертолет, загоняющий косяки рыб в сети. В голове мелькнула странная мысль: когда-то в примитивных сообществах тотемные животные были табу — так я вывел из исследований в библиотеке микрофильмов. Но сейчас мы едим наши тотемы. Возможно, вся наша жизнь — сплошной ритуал. Не только тотемы, но и вся жизнь...

Я понял, что стараюсь не смотреть на Халиайю, и заставил себя вернуться к наблюдению. Он больше не показывался на улице, но черные миски с едой исчезли.

Должно быть, до смерти Халиайи пройдет дней десять. Я собирался продолжать слежку. Тем паче я был рад отпуску — первому за пять лет. Отчасти он действительно был мне необходим, а отчасти я хотел поменьше встречаться с другими людьми, пока Халиайа не будет окончательно и бесповоротно мертв. У меня было неприятное чувство, что Черный президент Мамм меня ищет. Не то чтобы он мне как-то мог навредить, но я бы предпочел избегать встреч с ним до окончания этой авантюры.

Кроме всего прочего, я нашел время снова заглянуть в архив микрофильмов, где впервые узнал правду о магии и прошлом. Не важно, где он находится. Не важно, как я туда добрался. Я зашел в дверь, спустился на самый нижний этаж, и там, в темном углу, обнаружил все ту же запыленную дверь. Никто не входил в нее с тех пор, как я впервые обнаружил тайную комнату. Возможно, я единственный, кто вообще перешагивал ее порог. Забавно: в библиотеку и так не просто попасть, а вход на нижние этажи закрыт для всех, кроме глав корпораций. Я рассовал по карманам старые киноленты,

спокойно прошел в кабинку и запер дверь. И на час с головой погрузился в старые и страшные времена двадцатого века.

Некоторые пленки были книгами по социальной психологии, антропологии, медицине. Другие — газетами восьмидесятых. За зеленоватым наклонным стеклом экрана менялись расплывчатые статьи и картинки, а я нажимал кнопки, проматывая их и наводя фокус. Все-таки было жутковато читать колонки давно забытых новостей, увидевшие свет во время разрушительных войн двадцатого столетия. Сейчас весь уклад той жизни казался невероятным.

Тогда наших предков разделяли не принадлежность к той или иной корпорации, а государственные границы. И войны между тоталитарными режимами и монополиями еще не привели к объединению корпораций и появлению компаний-гигантов, поддерживающих общество на плаву в наши дни. С современной точки зрения образ жизни пращуров кажется немыслимым, но все же в чем-то они были правы.

В те времена только дикие народы и необразованные люди верили в магию. Я прочел это в книгах по антропологии. В принципе это вполне правдоподобно. Так можно проследить рост влияния магии. Вера в чудеса возникает, когда человек не может противостоять миру вокруг. Конечно, если жизнь поддается контролю и так, нет нужды в волшебстве. Но нецивилизованные народы, чья жизнь зависела от милости природы, верили в магические силы, потому что у них не было иного способа противостоять отчаянию. Вместе с тем в магию верили некоторые группы в развитых государствах — те, кому постоянно приходилось иметь дело с непредсказуемыми явлениями. Например, рыбаки, в их противостоянии с морем, верили в удачу и талисманы. Охотники, спортсмены, актеры — все эти люди верили. Все,

кто зависел от капризов природы и общества, цеплялись за суеверия в отчаянной попытке убедить себя, что силой удачи или магии они смогут управлять своей жизнью, раз уж их собственных сил не хватает. И потому совершенно логично, что после мировых войн, когда общество было разрушено, человечество ударилось в магию. И официальные магические предприятия стали управлять обществом, которое выкарабкивалось из пропасти, куда скатилось в результате мировых войн. Только некоторые науки получили возможность развиться заново. Не все. Ни одно учение, способное ослабить веру в магию, нынешние корпорации не поддерживают.

Просто дух захватывает от того, насколько велика может быть вера, если ты с молоком матери впитал убежденность в существовании магии. Даже я верил, пусть и не до конца, во многое, что, как я теперь знал, было обманом. Я выучил всю эту чушь. Я проводил ритуалы. Люди болели и умирали, когда я насылал на них чары. Иногда заболевали люди, о которых я слыхом не слыхивал, но я брал на себя ответственность. А ведь я понимал, что лгу, и задавался вопросом: не обманываю ли я самого себя? Я действовал так, как будто все было правдой, и со временем заразился всеобщей верой в то, что на самом деле творю чудеса.

Но где-то глубоко в моем сердце всегда шевелился мятежный дух сомнения. Поэтому я и был так счастлив, узнав правду. Оказывается, мои сомнения не были ни безумием, ни богохульством. Можно было забыть о долгой внутренней борьбе, когда я пытался заставить себя поверить в невозможное. Я чуть не ополоумел от облегчения, впервые увидев микрофильмы за зеленым стеклом и прочитав факты, о верности которых подсознательно знал всегда.

В тот день я обрел свободу. Точнее, свободу в рамках дозволенного обществом. Внешне меня все еще связыва-

ла неодолимая сила общественной веры, но в собственных мыслях я был волен. Я мог действовать по своему усмотрению, соблюдая, однако, необходимую осторожность. Я мог наслать заклятие, которое прикончит Джейка Халиайю, и никто не в силах был меня остановить, ибо правда даровала мне свободу...

Но в одиночестве свобода не сладка.

Я смотрел на колонки забытых новостей на экране и жаждал жить в те времена, в мире, казавшемся мне гораздо более реальным, чем мой собственный. Я родился в мире заблуждений, в мире беспорядка. Я был скептиком, кривым в царстве слепых. Похоже, только я один видел впереди огромную шатающуюся скалу, что накренилась над нами и вот-вот упадет и погребет нас всех под собой. Люди вокруг были слепцами, творящими никому не нужные чудеса и не видящими реальной опасности.

Да я и сам ее не видел. Хотя, казалось бы, какая угроза может быть более ощутимой, чем падающая скала? Но я, одноглазый калека, видел лишь тень, чувствовал неуверенность, ощущал смутную и неявную тревогу. Я по-прежнему не знал, где скрыта опасность. Это не Орел — тотемы всего-навсего предрассудки. Магия? Ее попросту не существует. Но что-то откуда-то бросало тень страха — чудовище, которое я всю жизнь пытался разглядеть и поймать. Возможно, именно это и толкнуло меня на поиски запрещенных микрофильмов. Наверное, я надеялся, что в прошлом отыщутся следы монстра и я узнаю его имя.

Однако мне это не удалось. Я узнал правду, превратился в атеиста, понял, почему корпоративная магия лежит в основе моей культуры. В двадцатом веке все тревоги, стрессы и опасности стали множиться и множиться, пока не слились в один большой страх — страх смерти, который вытеснил все остальные чувства. Конеч-

но, существовали и настоящие опасности. Общество могло самоуничтожиться. И ему это почти удалось. И тогда страх смерти вырос настолько, что люди больше не могли смотреть правде в глаза. Люди боялись людей. А обществу нуждалось в защите от самого себя. Такой защитой и стала магия. Вернее, вера в магию, своевременно внушенная людям, поддерживающая мир, пока общество не почувствует себя в безопасности — в зловещей тени какого-то неназванного чудовища.

Какого же?

Я не знал. Я был одинок в стране слепых и потому решил открыть ослепленные предрассудками глаза Лайлы. Я надеялся, что вдвоем нам будет не так одиноко. И вот я открыл ей глаза и потерял ее. Но в конечном счете она снова станет моей — и снова ослепнет. Она вернется ко мне после смерти Халиайи, после того, как могущественные силы ритуала вернут ей слепоту,— не важно, насколько отчаянно будет бороться ее разум. Она уже начинала понимать, что, хотя магии и не существует, я все еще далеко не бессилен.

Она ослепнет. Если это единственный способ вернуть ее — да будет так.

Я сидел и смотрел на мерцающий экран, окно в прошлое. Долгое время я провел перед проектором, думая о Лайле.

На четырнадцатый день я пошел посмотреть на смерть Халиайи. Я уже выходил из своего номера, когда зазвонил видеофон и высветилось лицо, появления которого я ждал уже две недели. Моя рука, протянутая к двери, затряслась. Сердце забилось в груди. Я чувствовал себя школьником, пойманным на месте преступления. Моя первая мысль была — бежать. Но я собрался с духом, вспомнил, кто я такой и как хорошо я замел следы. Я повернулся к экрану и нажал на кнопку, которая высветит мое изображение перед Маммом из «Корпорации пропитания».

У него было юношеское лицо с резкими чертами, не особо честное и открытое, на котором было написано устрашающее нахальство, каковое возникает из-за самоуверенности молодости, еще не познавшей серьезных поражений. Я его смутно помнил по университету — он только поступал к нам, когда я выпускался. Мамм быстро сфокусировал на мне взгляд, увидев, что мое лицо проявилось на экране.

— Добрый день. Это Мамм. Мы встречались в университете, не так ли, Коул?

— Да, я тебя узнал. Добрый день, Мамм.

Я коснулся угла экрана тремя пальцами, он сделал то же самое одновременно со мной — жест, заменяющий при видеосвязи рукопожатие.

— Я слышал, ты приехал в наш город,— сдержанно произнес Мамм.

— Еще бы ты не слышал,— пробурчал я себе под нос, а вслух спросил: — Чем могу быть полезен?

Мамм смотрел на меня цепким пристальным взглядом.

— Сегодня мы потеряем хорошего человека.

Я не притворялся, что не понял.

— Ты же не думаешь, что я сожалею.

— Разумеется.— Он помолчал.— Простое совпадение.— Его глаза продолжали рассматривать мое лицо.— Очень удобное для тебя.

Я подпустил в голос холода:

— Может, с тех пор как я окончил университет, правила изменились? Раньше считалось недопустимым задавать такие вопросы.

— Я не задаю вопросов. В них нет необходимости. Я лишь говорю, что для тебя очень удобна смерть Халиайи вскоре после твоего... провала. Чистое совпадение, этот твой приезд на похороны... Ты ему родственник, Коул?

Я ответил не сразу — не раньше чем взял себя в руки, чтобы полностью контролировать свой голос. Меня так и подмывало швырнуть видеофон в лицо этому мальчишке.

— Не совсем,— сказал я, когда ко мне вернулось самообладание.— Я хотел посмотреть на его смерть. Это тебя удивляет?

— Я знаю, что это ты,— сказал Мамм ровным тоном.— Я не спрашиваю. Знаю. Мне просто интересно: у тебя был реальный клиент или ты действовал только для себя?

— За такое я могу подать на тебя в универсальный суд.

— Ты этого не сделаешь.

— Не знаю. Я поговорю об этом с Торнвальдом. Если ты сомневаешься в моей этике, тебе лучше все обсудить с ним, а не со мной. Неужели ты думаешь, что я бы появился здесь, если бы нарушил табу?

Он слегка скривился:

— Почему бы и нет? Если ты украл душу Хадиайи по той причине, что я предполагаю, ты не остановишься ни перед чем. Я переговорю с Торнвальдом.

— Тогда переговори и отстань от меня.— Я глубоко вздохнул.— Ты ведешь себя как маловер, Мамм, так легко нарушая обеты. Мне придется обсудить это с нашим Белым президентом после похорон. С тобой нам не о чем говорить.

Я нажал на выключатель, оборвав его на полуслове. Звук пропал, изображение сжалось в светлую точку и погасло.

Слегка вздрагивая, я резко обернулся, схватил траурное платье и вылетел на улицу. Не важно, что там решил Мамм, ведь я замел все следы. Даже если он ударит меня нелегально, я не боюсь его магии. Но вот если он поговорит с Торнвальдом...

Внезапно меня осенило: какой же я дурак! Необходимо избавиться от Рэбба. Как можно было так долго не понимать очевидного! Если Рэбб замолчит навеки, исчезнет единственная улика против меня. Нельзя больше испытывать судьбу.

Размышляя о подходящих вирусах в нашей лаборатории, я поймал такси и назвал адрес Халиайи. В доме негде было яблоку упасть. Впервые после объявления о заклятии, наложенном на Халиайю, родственники и друзья вернулись к нему. Общество обратилось к живому мертвецу, чтобы проводить его в последний путь и отметить получение его души тотемом клана. Когда я приехал, пели уже второй погребальный гимн. Я натянул поверх повседневной одежды траурное платье и присоединился к толпе, продвигающейся по дому. Вряд ли кто-то узнает меня в лицо, да и не все ли равно.

Я поднялся за остальными на лифте в спальню, где Халиайа лежал на черных простынях. Тотем Рыбы был поставлен на виду у обреченного. Полузакрытые глаза Халиайи смотрели на чучело рыбы на золотой подставке. Веки медленно опускались и поднимались, словно умирающий видел перед собой вечность. Может, это на самом деле было так. Вера может заставить даже могучий разум видеть что угодно.

У стены на надувных подушках стояли на коленях его родственники, принадлежащие к тому же клану, и пели песнь смерти. Лайлы не было видно, но две другие жены Халиайи присутствовали. Мне раньше не приходило в голову, как часто он женился и разводился. Интересно, как относилась Лайла к тому, что она уже третья.

Вокруг кровати ходил человек, сжимавший в руках зеленую пластмассовую фигурку рыбы. Я знал, что это отец Халиайи, его ближайший родственник. Он пел глубоким мягким голосом.

На кровати лежал Халиайа, завернутый в белый саван с тотемом Рыбы. Его полузакрытые глаза были тусклы. Я подумал, что он не видит ничего, кроме чучела над кроватью. Губы его то сжимались, то разжимались. Руки были прижаты к бокам. Он лежал, сам похожий на тотем своего клана, прямой и неподвижный. Вдруг его тело выгнулось в конвульсивную дугу, и тут же он упал обратно. Три раза он выгибался и оседал.

Песнь звучала все громче, все торжественней.

Вот Халиайа дернулся в четвертый раз. Он подражал своему тотему. Потом замер. Но ступни его медленно шевелились, как будто он двигался сквозь воду...

Неудачи настигли меня два месяца спустя. В этом не было ничего магического. Так со всеми бывает — просто началась полоса невезения.

Я пристально следил за Маммом и собственной безопасностью. И за моим Белым президентом — на случай, если Мамм все же выдвинет против меня обвинения. Ничего такого не случилось. Торнвальд держался совершенно обычно. Я попытался поставить себя на место Мамма, но не смог предугадать его действия. На что же он способен? Допустим, подбросит пару вирусов: вдруг да поможет. Я тщательно проверил свое самочувствие. Он мог даже нанять убийцу или подстроить аварию. За этим я тоже зорко следил. В нашем мире всегда приходится рисковать, ничто не проходит даром. Я убил Халиайю, и это стоило риска.

Как-то раз я позвонил Лайле. Она не захотела со мной говорить. Но это ничего. У меня еще будет время повторить попытку. Пока что со мной поселилась девушка с театральным именем Флейм, Огневушка. Пока что я не собирался снова жениться, но должен же кто-то вести хозяйство. Дома работы был непочатый край, кроме того, положение в обществе не позволяло мне оставаться

холостяком. Флейм принадлежала к гетерам, то есть могла быть мне женой во всем, кроме духовных связей, составляющих часть магической системы. Как и у наших предков, у нас была последовательная полигамия, значит, после развода я мог жениться во второй раз. Но на духовном уровне полигамии не существовало. Там развод был невозможен. Так что в мире магии я все еще был женат на Лайле. А она не хотела со мной даже разговаривать... По крайней мере пока.

Через неделю после смерти Халиайи с Рэббом случилось несчастье. Это произошло в больнице: передозировка успокоительного привела к летальному исходу. Клан устроил ему пышные похороны. Кроме этого, поначалу не происходило ничего необычного — если не считать того, что у меня появилось совершенно дурацкое, бессмысленное затруднение, которого я нисколько не ждал. Я мог побороть все сознательное, рациональное и контролируемое. Но проблемы начались с ритуальными видениями.

Попробую объяснить механизм этих видений. Сжигаешь травы, колешь себе так называемый священный наркотик, а потом ритуальная молитва и галлюцинации. Галлюцинации укрепляют веру в себя среднего мага. Но даже лишившись веры, я прибегал к ритуальной показухе. Я чувствовал, что, стоит мне отойти от традиций в малом, и я могу потерять бдительность и стану отличаться слишком сильно, что станет заметным. Так что я был как все. Ко мне приходили, чтобы наслать чары на врагов из других кланов, ставили свою подпись на контракте, и все средства массовой информации разносили вести о могуществе магии. Никаких проблем, пока мне на голову не свалился новый заказ на кражу души.

Мой заказчик был исполнительным директором нашей корпорации, а враг его принадлежал к «Корпорации развлечений», тотему Льва. Уровень мастерства ди-

ректора был достаточно высок, так что ему пришлось бы провести только девять лет службы на грани нищеты. Я проследил, чтобы он подписал договор, выставил за дверь и поджег травы. Затем сделал укол и произнес молитву тотему Орла. Галлюцинации начались.

Я увидел жертву во сне и только замахнулся на нее священным копьем, как... проснулся. Я находился в кабинете, в горелке дымились травы, а рука ныла от укола. Никогда со времен ученичества не случалось подобного. Я сидел на месте, не в силах прийти в себя от удивления. Удивления и тревоги.

Как бы по-идиотски это ни звучало, в голове засела мысль, что, раз ко мне не приходят ритуальные галлюцинации, я не могу больше смотреть запрещенные микрофильмы. Полный бред, лишенный всякой логики. Но я не мог выбросить эту идею из головы. Чем больше я думал, тем больше росла в душе беспричинная тревога.

Наконец меня осенило, что это либо наркотик оказался слабым, либо травы не подействовали... Нет, только не травы — они всего лишь часть показухи. Какая разница. Я послал их вместе с наркотиком на химический анализ и стал ждать результатов. Помнится, один раз я оглянулся на чучело орла на стене. Оно ответило стеклянным взглядом. Результаты анализа показали, что наркотик и травы были вполне обычными.

Конечно, это не имело значения. Я в любое время мог объявить по телевидению о краже души, и магия подействует независимо от моих галлюцинаций, ведь эта магия рождается в голове самой жертвы, а не в моих ритуальных пассах. Но меня произошедшее настораживало. Это был симптом, вот только какой болезни? В конце концов я решил, что у меня просто выработался иммунитет к наркотику и мне нужна большая доза. Ну, в какой-то степени я оказался прав. Удвоив дозу, я увидел больше. Но все равно проснулся, так и не окончив ритуала. И на сей раз я очнулся чуть ли не в пани-

ке, понимая, что происходит нечто странное и надо что-то делать. Немедленно.

То, что я предпринял, было очень опасно, но волнение затмило мой разум... Тревога все еще сжимала желудок и разливалась по телу... И тогда я еще увеличил дозу и наконец-то довел видение до конца. Проснувшись, я обнаружил над собой двух врачей и Торнвальда, который суетливо расставлял у них за спиной свои глупые фетиши.

— Убирайся к черту, Карл,— заявил я.— Тут нужна медицина, а не магия. Всего лишь передозировка священного наркотика.

— Подожди, Ллойд.— Торнвальд старался напустить на себя внушительный вид — Врачи занимаются своим делом. Не мешай мне заниматься своим.

— Нечего тебе тут делать.

С этими словами я снова упал. Я задыхался, сердце билось так неровно, что я испугался, как бы оно не остановилось вовсе. Один из врачей что-то вколол мне и велел расслабиться. Но, памятуя о Рэббе, я чувствовал невыносимый ужас от погружения в сон помимо воли. Однако проснулся я в гораздо лучшей форме. Торнвальд ушел со словами, что, хотя он и не поставил окончательный диагноз, похоже, вмешательство магии не зафиксировано.

Мне все еще было паршиво, но я сел за письменный стол и закончил работу, по счастью уже только механическую. Затем я отменил все остальные встречи, отправился домой и попросил Флейм позаботиться о тишине в доме. На следующий день лучше мне не стало. Флейм уговаривала остаться дома, но стоит только признаться, что ты болеешь, тут же расходятся слухи о заклятиях. Нет, я не мог позволить, чтобы люди гадали, отчего же Черный президент чувствует себя так плохо. Так что я пошел на работу, несмотря на раскалывающуюся от боли голову и небольшой жар.

Но до работы я так и не добрался. Только я шагнул на движущуюся дорожку, как рассудок у меня помутился, и я сел мимо сиденья. Если б я не попытался удержаться, все было бы нормально. Но нет, надо было мне выставить руки и приземлиться как раз так, чтобы сломать большой палец. После рентгена и осмотра мне наложили гипс на левую руку. Шевелить пальцами я мог, но все равно приятного мало. К тому же перелом заживет только через месяц. Кипя от злости, я вернулся домой, забрался в кровать и крикнул Флейм, чтобы принесла выпить. Наконец, напившись в дым, я достиг счастливого забытья. Я нагрузился так, что забыл принять перед сном антипохмельные таблетки.

Так что проснулся я одновременно от холода и похмелья.

Поспав на сквозняке, я тут же подхватил простуду.

Я помню, как надо мной суетились врачи, как на заднем плане мелькала Флейм, и все время Торнвальд, Торнвальд, Торнвальд... Казалось, он постоянно появлялся, чтобы раздражать меня. Торнвальд, притащивший свои идиотские механизмы для определения магии. Торнвальд, уверяющий: «Я сделаю все возможное, Ллойд. Ты же знаешь. Я разобью заклятие, если смогу...»

А потом внезапно нахлынула тишина, я проснулся без температуры, и ничто, кроме гипса на руке и слабости, не напоминало мне о болезни. Тишина.

Я позвонил в звонок, но никто не появился. Комната казалась чересчур мрачной. Окна были приоткрыты. Я лежал и гадал, что бы это значило.

Интересно, а у меня хватит сил подняться? Судя по всему, придется. Я сердито отбросил одеяло и обнаружил, что у меня вполне хватает сил, чтобы встать. В голове моей уже складывались фразы, с которыми я выставлю за дверь десяток слуг, а может, и Флейм... Тут я свесил ноги с кровати и обнаружил на себе голубую ту-

нику. Откуда у меня голубое белье? Это же священный цвет. Я посмотрел себе на грудь...

Мир замер.

На мне была священная голубая туника с вышитым на груди тотемом Орла с расправленными крыльями. Импульсивно я вскинул руку ко лбу. Казалось, я могу нащупать красный кружок, оставшийся после чьего-то ритуального копья в наркотическом сне.

Но чьего же?

— Флейм! — заорал я.

Ни звука.

Я выскочил из кровати. Никакой слабости. Я выбежал из комнаты и спустился по медленному эскалатору, путаясь в голубой тунике. Я продолжал звать Флейм и слуг. Но ответом мне было только эхо. Я распахнул входную дверь — на крыльце стояли черные блюда с едой, к двери был прибит черный венок.

Я сорвал его, увидел на улице людей и принялся звать их. Ни один не посмотрел на меня. Ни один даже не оглянулся.

Тут я осознал, что на мне надето, быстро заскочил обратно и захлопнул дверь. В прихожей стояло зеркало. Я подошел и посмотрел на себя. Красный кружок на лбу сиял в темной комнате. Я потер его руками. Потом повернулся и побежал к ближайшей ванной. Я тер лоб мылом и щеткой, пока он весь не стал красным, как кружок. Но метка не исчезла. Я знал, что ее ничем не скроешь. Флуоресценция пробьется сквозь любой слой пудры, и ничто на свете не сможет смыть ее.

Но я хотя бы мог снять тунику. Гипс мешал, однако я стянул с себя одежду и бросил ее на кафель. Так, обнаженным, я и отправился осматривать дом.

Он оказался пуст. Все, что напоминало обо мне, пропало. Вся одежда. Сигареты любимого, редкого сорта. Книги. Бумага с моим вензелем — вместо нее лежали

пустые листы с черной рамкой. Все шкафы, ящики, полки — все опустело.

Без одежды, чувствуя себя привидением, я направился к видеофону. Отключен. Телевизор тоже не работает. Дом погружен в тишину и предчувствие смерти.

Нужно бежать. Для этого потребуется одежда. Я попытался завернуться в простыню, на манер этакой тоги. Выглядит абсолютно глупо. Но тунику с тотемом Орла я больше не надену. Ни на людях, ни даже дома.

В доме не было никаких денег.

Я вышел, облаченный в простыню. Никто на меня не смотрел. Красный круг на лбу говорил людям все, что требовалось. Ни одно такси не остановилось, посему пришлось идти на движущуюся дорожку. Возле первого же магазина одежды я остановился, вошел в него и стал снимать все, что понравилось, прямо с полок и вешалок. Никто мне не препятствовал. Я оделся в кабинке и вернулся на движущуюся полосу. Мне стало несколько лучше, но все равно это был самый безумный день в моей жизни.

Я направился прямиком к себе в кабинет. Секретари меня не замечали, даже если я с ними заговаривал. Я решил не терять времени, прошел мимо них и открыл дверь.

За моим столом сидел другой. Над ним, в нише на стене, стоял тотем Орла и взирал на всех стеклянным взглядом.

— Ты кто такой, черт возьми?

— Черный президент.— В его голосе звучала лишь слабая нотка оправдания.

— Убирайся из моего кабинета.

В легкой растерянности он посмотрел на мою одежду.

— Ты не должен носить...— начал он.

Меня охватили гнев и смятение. Я перегнулся через стол, собираясь схватить самозванца за рубашку, вытащить из-за стола и... что-нибудь с ним сделать.

Но он просто отъехал на стуле. Я потерял равновесие и повалился на стол, цепляясь за воздух. Он не проронил ни слова. Он просто смотрел на меня с жалостью и ужасом. Для него я был мертв и должен был оставаться мертвым.

Вся моя ярость испарилась. Я понимал, как глупо выгляжу, лежа на столе, когда имею полное право сидеть за ним и принимать посетителей, которые боялись бы меня и делали вид, что все в порядке.

Я выпрямился, одернул рукава и поправил свою противозаконную одежду. После чего спокойно произнес:

— Черный президент назначается только после смерти предшественника. Вы это знаете. Так как вы можете им быть?

— Вы не живете,— ответил он и добавил: — О священный дух.

— Бросьте! — нетерпеливо отрезал я и чуть погодя сказал: — Судя по всему, новости прошли, пока я валялся без сознания. Кто украл мою душу? Вы?

Он кивнул.

— Кто заказчик?

— Это ни к чему не приведет, о дух. Лучше поговорите с Белым президентом.

Я медленно выдохнул. Ах так! Когда умирает один президент, второй назначает нового. Когда один президент нарушает табу, второй вершит правосудие. Значит, Торнвальд взял все в свои руки, ни слова не говоря мне, у меня за спиной, пока я болел...

— Я поговорю с ним.

Я направился к двери, ведущей на мост. Взявшись за ручку, я оглянулся. Странно. Ничего не изменилось у меня в кабинете, кроме человека за столом. Все оставалось по-прежнему, все эти безделушки, к которым привыкаешь до такой степени, что они со временем становятся частью тебя. Они до сих пор были частью меня. Но сейчас они еще и были связаны с человеком за моим

столом. Как паутина с двумя центрами: то один кажется реальным, то другой.

— Я еще вернусь.— И я зашагал по мосту.

Как всегда, это походило на полет орла над Центром коммуникаций, распростершимся на две квадратные мили. На той стороне у окна стоял Торнвальд и смотрел вниз. При виде его во мне вскипел гнев, а может быть, и страх.

Я со всей силы хлопнул дверью.

Он подскочил и обернулся.

— Что, похоже на привидение, ублюдок?

Брови Торнвальда поползли наверх, рот распахнулся, и он медленно втянул воздух. Я сообщил ему все, что о нем думаю, четко и громко. Я говорил минуты две. Но когда я остановился перевести дух, выражение его лица не изменилось.

Я прошел к его столу, рывком вытащил стул и уселся. Торнвальд наблюдал.

— А теперь давай обсудим еще кое-что. В моем кабинете сидит некто, кто считает себя Черным президентом. Что такое? Как ты мог допустить подобный промах, Карл? Да еще пока я валялся без сознания!

— Это не ошибка, о дух,— ответил Торнвальд.

— Не называй меня так! Ты знаешь, как меня зовут.

Он грустно смотрел на меня.

— Мне жаль видеть в тебе сопротивление, дух. Это говорит о маловерии, что может быть опасным для твоей души. Боюсь...

— Не беспокойся о моей душе. Я собираюсь еще пожить. Я хочу узнать, почему ты обманул меня, когда я был беззащитным.

— Не было никакого обмана, дух. Я получил приказ Орла. Надеюсь, ты не думаешь, что я все сделал по собственной инициативе? Ты нарушил табу клана, и Орел призвал тебя.

— Орел не призывал меня! — закричал я.— Какое такое табу я нарушил? Назови его. Ну же!

— Я с самого начала знал: что-то не так,— туманно начал Торнвальд.— Все это дело с Халиайей. Но даже когда Мамм выдвинул против тебя официальное обвинение, я не мог поверить. Я не мог представить, как человек, настолько осведомленный об опасностях, может рисковать собственной душой ради личной выгоды.

— Я бы и не стал. Я ничего не совершил!

Торнвальд лишь печально покачал головой.

— С чего ты это взял? — орал я. Меня так и подмывало кулаками научить этого догматика уму-разуму.— Ты смотрел бумаги Рэбба? Ты нашел хоть какое-то доказательство, что я нарушил священное табу? Докажи это, Торнвальд! Докажи!

Он указал мне на лоб. Красный круг горел на моей коже, будто ожог.

— Вот доказательство. Разве обратился бы Орел против тебя, будь ты невиновен?

Все заранее заготовленные слова застряли в горле. Но я взял себя в руки.

— Это результат, а не причина, Карл,— выдавил я.— Орел не шел против меня. Это был ты. Ты поверил злословию со стороны моего врага, а потом ты незаметно подкрался и ударил, когда я был слаб и беззащитен. Ты...

— Я поверил своим глазам,— резко парировал Торнвальд.— Я подозревал, что Орел наказывает тебя после того случая со священным наркотиком. И когда ты сломал палец, это тоже наверняка была его кара. А потом Орел наслал на тебя грипп...

— Ничего Орел не насылал! Наверное, это был Мамм, если вообще...

— Мамм? — Он был поражен.— Чтобы Президент намеренно насылал чары на другого Президента? Ты меня удивляешь, дух. Он бы не решился. Его тотем сразил бы его. Нет, это был Орел, дух. И я понял, что, если

Орел позволил всем этим проклятиям обрушиться на тебя, ты виновен. Я понял это даже до того, как Орел пришел ко мне во сне и отдал приказ.

— Значит, ты назначил нового Черного президента и первым его заданием было убить меня?

Торнвальд кивнул.

— Карл, ты никогда не совершал ошибок?

— Часто, дух. Но никогда, если речь шла о священных вещах, потому что я лишь подчинялся приказам Орла. Президент должен забыть о личной выгоде. Тебе бы тоже следовало помнить об этом.

— А ты всегда правильно понимал приказы Орла?

Судя по всему, это Торнвальда несколько смутило. Очевидно, прежде он не задумывался об этом. Но он решительно кивнул.

— Конечно. Как могло быть иначе?

— Могло.— Я криво усмехнулся.— Только что.— Я встал и стукнул кулаком по столу.— Хочешь, я объясню тебе, что произошло, Карл? Ты решил избавиться от меня. Это у *тебя* был личный мотив. У тебя, не у меня. Ты знаешь догму, Карл. Мы обвиняем других в том, что сами хотим совершить. Спроси себя, правда ли это? Не отвечай, Карл, просто задай себе этот вопрос. Послушай меня! Ты слышал сплетни обо мне. И ждал своего часа. А когда у меня началась полоса неудач, ты решил, что дело в магии, ведь тебе было удобно так считать. Ты впрыснул наркотик, или накурился, или загипнотизировал себя, и увидел сон. Простой, а не священный. Но ты принял его за вещий, так как ты этого хотел. В своих эгоистичных целях ты злоупотребил священной властью! И тебе это не сойдет с рук, Торнвальд! Орел заберет тебя!

Его круглое лицо побледнело, он с ужасом смотрел на меня.

— Это не так! Это не может быть правдой!

— Может. Это и есть правда, и я докажу! — Я снова стукнул по столу. Отлично. Теперь он в моей власти.— Магия бессильна надо мной! Греховная магия не может задеть человека, находящегося под защитой Орла. Прошлой ночью Орел пришел ко *мне* и дал священное обещание. Я не умру, Торнвальд. С тем же успехом можешь прямо сейчас снять свое заклятие кражи души, так как оно бессильно. *Я не умру.*

Кровь прилила к жирным щекам Торнвальда. Его всего трясло.

— Ты должен умереть. Как только заклятие начинает действовать, ничто не может остановить его.— Его голос дрожал.

Я пожал плечами. Может, он и прав. Я никогда не слышал, чтобы заклятие снималось после объявления.

— Это твои похороны,— заявил я.— Ты проиграешь в любом случае. Потому что я умирать не собираюсь.

Торнвальд закрыл глаза и сцепил пальцы.

— Орел сказал мне...— В его голосе сквозило отчаяние.— Я знаю! Я не совершал греха! Ты сам это увидишь, дух, когда завершится твой путь в страну духов.

— Ты туда попадешь раньше.

Он прикрыл глаза руками и произнес короткий заговор против сглаза тотема. Не отрывая рук, он сказал:

— Возвращайся к себе, дух. Оставь меня. Ты меня очень встревожил, но я знаю, что ты несчастлив. Я должен все стерпеть. Возвращайся, надень священную тунику и подготовься к похоронам. Все прояснится перед тобой, когда ты полетишь с Орлом.

Я рассмеялся ему в лицо и вышел.

На полпути домой, на движущейся полосе, сказались последствия болезни. Из-за слабости и головокружения все поплыло перед глазами... Очнулся я уже в постели, на черных простынях, в темном и пустом доме. На мне была треклятая туника с Орлом на груди. Новая одежда пропала.

Какое-то время я валялся в кровати, размышляя. Наконец я встал и на нетвердых ногах спустился по эскалатору к входной двери. На пороге стояли черные блюда с едой, на двери снова висел черный венок. Никто не смотрел на меня, пока я стоял на залитом солнцем пороге.

Но прежде чем взять еду и зайти обратно, я сделал то, о чем забыл в прошлый раз. Я нашел на венке дату моих предполагаемых похорон. Все, кто захочет, может найти ее среди украшений, написанную большими буквами. Моя смерть должна была состояться через десять дней.

Формально я пока не был духом. Я направлялся в потусторонний мир, чувствуя себя неприкасаемым, отвергнутым обществом, вбирающим все больше святости своего тотема. Еще целых десять дней никто не заговорит со мной, не услышит моих слов. Мне нечем было занять себя — до похорон. Но потом, когда соберутся гости, и начнется церемония, и тело откажется лечь и умереть...

Какой выход придумает Торнвальд? Что он сделает? На его месте я бы подсыпал что-нибудь в еду. Я представил себе Торнвальда. Нет, на него это не похоже, но все равно лучше не рисковать. Инкубационный период инфекционного заболевания может колебаться, так что, если надо устроить смерть в назначенный срок, вирус не подходит. Отрава, подсыпанная поближе к нужному дню, более действенный способ. Но пожалуй, еще несколько дней можно спокойно питаться едой, которую приносят мертвецу. Пока что у меня не было выбора — я вполне не отошел после болезни.

Потом, почувствовав себя лучше, я снова вышел в свет, надеясь раздобыть новый комплект одежды. Я сел на движущуюся дорожку, ведущую к театру, и продремал все представление в одном из лучших мягких кресел. Все было в порядке, вот только десять рядов вокруг

мигом освободились, когда я занял свое место. Круг на моем лбу светился в темноте, и, казалось, даже актеры чувствовали мое присутствие. Мне было очень неуютно.

По дороге домой я зашел в ресторан. Но официанты не подходили за заказом, посему пришлось искать какую-нибудь забегаловку. Где бы я ни появлялся, везде витал дух удивления: пусть люди ничего не знали обо мне, их пугало нечестивое поведение мертвеца, отказавшегося носить священную тунику и довольствоваться своим домом скорби и священной едой. День совершенно не удался. Но меня грела мысль о грядущих похоронах и трепете, который охватит клан, когда произойдет нечто неслыханное.

Спал я, как... Просто хорошо спал. И проснулся, чувствуя себя окрепшим и почти выздоровевшим. Как всегда, я оказался одетым в голубую тунику, а повседневная одежда пропала. Холодок пробегал по коже при мысли о безмолвных, невидимых гробовщиках, которые самоуверенно расхаживали по дому, пока я спал. Раньше меня не интересовало, как же они это делают: наверняка пускают какой-то снотворный газ, чтобы я невзначай не проснулся, пока они будут менять одежду. Зарождающаяся тревога стихла, как только я решил, что они не могут быть настолько продажными, чтобы отравить меня во сне. Даже если Торнвальд не боится Орла, он не решится на явный подкуп... Но что может помешать ему пробраться в дом, пока я сплю, и сделать все самостоятельно? Ничего. Вообще ничего, только его собственные суеверия. Все зависит лишь от веры мага в свое волшебство.

Я поднялся и отмахнулся от этой проблемы. Я сделаю все возможное, чтобы защитить себя. Остальное — на крыльях Орла. В конце концов, я могу радоваться последним девяти дням.

Это оказались очень долгие девять дней. Вы когда-нибудь задумывались, как мало может сделать человек

в одиночку? Я читал, что Робинзон Крузо не был личностью, пока не появился Пятница. А теперь я чувствовал, что теряю собственную личность. Я больше не был Черным президентом, само мое имя стало табу; по мнению окружающих, я даже не был живым. Я был духом, пусть и не очень послушным — уж конечно, не таким послушным, как Халиайа.

В одиночку человек много не сделает. Он слишком много размышляет. Тревожится. И его тревога порождает страх.

Сначала я решил отыскать Флейм. Это заняло довольно много времени. Видеофонная справочная служба отпадала: увидев мое лицо с красным кружком на лбу, оператор тут же отключился. Я попытался обратиться в автоматическую справку, но там тоже повесили трубку. Должно быть, электронные приборы определили, что мой серийный номер больше не является собственностью живущего. Наконец я раздобыл подложный номер и узнал новый адрес Флейм.

Она вернулась в модельный бизнес.

...Лучше об этом и не вспоминать. Разумеется, я нашел ее. Она прошла мимо, не слыша моих слов. Я пошел за ней за угол и схватил за плечо. Она повернулась и почти высвободилась — у меня была только одна здоровая рука, и мне было тяжело удержать ее.

— Я жив! — сказал я.— Подожди, Флейм. Посмотри. Я жив. Это была ошибка. После похорон все это поймут. Флейм, я...

Ее глаза закатились, и она упала. Флейм была довольно крепкой девушкой, и упала она с таким шумом, что я понял: обморок настоящий. Никто не смотрел на меня, пока ее приводили в чувство. Но кто-то, наверное, послал за Торнвальдом, потому что он быстро прикатил вместе со своими шаманскими артефактами.

— Сглаз, да? — Он кивнул в мою сторону.

Он тоже старался не смотреть на меня, но тем не менее был намерен играть свою роль до трагической развязки. Никто из нас не обмолвился о разговоре в его кабинете.

Он обратился ко мне обвиняющим официальным голосом:

— Ты не должен так поступать, дух. Думаю, я могу изгнать дьявола из бедной девушки. Но только Орел способен изгнать злых духов из тебя. Возвращайся домой, надень священную тунику. Не питайся едой живых. Зачем ты борешься с Орлом?

— Не будь идиотом, Торнвальд,— отчетливо произнес я.— Я не умру.

Окружающие охнули, услышав мои слова, но тут же притворились, что ничего не было. Я не видел смысла продолжать. Так что я повернулся и пошел прочь, и толпа расступалась передо мной.

Вечером дома я лег на диване в гостиной подумать, и, когда мне захотелось спать, я понял, что ненавижу черные простыни в спальне. Я решил больше там не спать. Но я понял, что не могу сразу же побороть все былые привычки. Так что я заснул прямо на диванчике.

Среди ночи я сквозь сон почувствовал, что ворочаюсь на жесткой обивке. Очень смутно я помню, как поднялся и пошел в темноте в привычную спальню. Поездка на эскалаторе была похожа на ночной полет. Когда же я проснулся, то обнаружил, что лежу, вытянувшись на спине, как труп, в своей постели на черных простынях.

Конечно, я снова был в голубой тунике, то есть гробовщики опять приходили в темноте. Может, именно они провели меня наверх? Или им это не потребовалось?

Дни медленно текли своей чередой. Было трудно поверить, что прошла лишь неделя с небольшим. В оди-

ночку ничего не сделаешь. Что хуже всего, мне было не с кем поговорить. Я даже решил еще раз сходить к себе в кабинет, зная, что по крайней мере Торнвальд должен меня узнать. Но на этот раз меня засекли еще на подходе, и Торнвальда в кабинете не оказалось.

Как-то раз я поговорил с ребенком. Он был слишком мал и попросту не понимал, что меня не существует. Это был очень интересный разговор, хотя он и напоминал больше монолог. Но тут подбежала мама и оттащила ребенка от меня. Мальчик не хотел уходить. Возражал, что разговаривает с хорошим дядей.

— Нет, сынок,— подталкивала его мать, пока он оглядывался через плечо.— Это был не дядя. Это был дух. Больше никогда не разговаривай с духами.

— Ой. Но он был похож на дядю.

— Нет, это был дух.

— Ой...— Ребенок наконец поверил.

Наверняка она повела его к Торнвальду, чтобы снять сглаз.

Читать в доме было нечего. Я вышел в город и набрал всяких книг и журналов, однако наутро они исчезли. Я принес еды, но гробовщики забрали и ее, как только я заснул. Я ложился спать в разных кроватях по всему дому, но все равно просыпался в своей спальне.

Вскоре я обнаружил, что большую часть времени провожу в постели, натянув священную голубую тунику. Она оказалась гораздо удобнее одежды, за которой надо было еще куда-то идти. Почти все дни и ночи напролет я дремал, временами просыпался, как ночное животное, и начинал бродить по дому, но тут же снова отключался. Я снова стал есть пищу мертвеца, которую мне приносили каждое утро. Если бы Торнвальд хотел, он мог найти множество способов избавиться от меня, так зачем волноваться из-за какой-то еды?

Нужно было дожидаться общества. Больше мне ничего не оставалось.

Как-то раз я глянул в зеркало и поразился, каким осунувшимся и заросшим стало мое лицо с горящим красным кругом на лбу. Мне было страшно.

— Ты почти в их власти, Ллойд,— вслух сказал я, и мой голос эхом пролетел по всему дому.— Ллойд, возьми себя в руки!

Я обхватил зеркало обеими руками и посмотрел себе в глаза. За все это бесконечно долгое время это были единственные человеческие глаза, которые я видел. Я прикоснулся тремя пальцами к зеркальной поверхности — так в видеофоне выглядит подобие рукопожатия. Но я был слишком далеко от своего мира, чтобы пожать собственную руку, даже прикоснуться к собственному отражению в зеркале. Мои пальцы ощутили лишь холодное стекло.

Я встряхнулся. Это становится опасно. Я что было сил сжал руки — пусть боль в загипсованной кисти напомнит мне, что я пока жив. Потом поднялся наверх и в первый раз за все дни побрился. Принял душ и выбросил голубую тунику в стирку. Завернувшись в простыню, я спустился на первый этаж.

Затем открыл дверь и выглянул наружу. Улица была пуста. Общество отказалось от меня, вся материя мироздания отделялась от частицы, которая была мной. Но скоро общество вернется. Я должен быть наготове. Единственной моей защитой были знания. Я знал, что магия — вымысел. Сила объективного и логичного разума оберегала меня от безрассудных эмоций моего мира. Но разум может быть подорван одержимостью.

Одержимость — навязчивая идея, и пусть я знаю, что для нее нет никаких оснований, но я не могу от нее избавиться. Итак, я понимал, что значит это слово. А его ближайший сосед, принуждение, стоит ступенькой выше. Неодолимое желание что-либо сделать против собственной воли. Магия возможна благодаря этим механизмам, работающим в голове и теле ее адептов. Это

сгубило Джейка Халиайю. Я помнил, как он дергался, подобно рыбе, на погребальной кровати. Он корчился, как тотем Рыбы, который, по его мнению, входил в него.

Одержимость — это вера в магию.

Принуждение — это имитация тотема Рыбы.

Это смерть.

Но Халиайа сотрудничал с обществом, принимая смерть от магии. А я не собираюсь им помогать. Они могут изолировать меня. Метка на лбу говорила, что я человек без души, идущий в земли тотема Орла и мертвых. Но, вернувшись для погребального ритуала, общество не увидит верующего, покорно принимающего свою участь.

Я стал думать, что сделаю, когда придет этот день. Наверное, лучше всего будет до поры до времени соглашаться с ними. Весь эффект пропадет, если люди обнаружат меня шатающимся по дому. Нет, пусть они видят обыкновенного будущего мертвеца, лежащего в постели,— пока Торнвальд не произнесет свою речь.

И вот тогда...

Я раз за разом прокручивал в голове знакомый наговор, который учил каждый Черный президент. Этот наговор накладывал на самого черного грешника самое страшное проклятие Тотема. Торнвальд ближе к смерти, чем он думает. А может, он об этом и не думает вовсе. Но я надеялся, что все же думает. Мне было приятно представлять, как он тревожится и боится.

Я был вправе сместить Белого президента, допустившего такую грубую ошибку, как и Торнвальд был вправе навлечь на меня удар. Я мог назначить нового президента, как он пытался назначить замену мне. Я представлял, кто подойдет на эту должность, вспоминал всех подающих надежды молодых специалистов. Я чувствовал себя бодрым и счастливым — почти счастливым.

Мне никак не удавалось вспомнить наговор. Было бы неплохо иметь под рукой книги, чтобы освежить в голо-

ве его текст. Не важно. Подойдут любые пафосные слова. Важен эффект, производимый на слушателя, ведь в самих фразах нет никакой магии. Разработав подробный план, я ощутил не только усталость, но и покой. Я знал, что делать. Я представлял себе лица людей, когда я сяду в погребальной постели и брошу проклятие в лицо Белому президенту...

Я долго-долго стоял на пороге и смотрел на улицу. Наконец на движущейся дорожке появился человек. Я подумал, что я его знаю. Когда он подъехал ближе, я окончательно уверился в этом. Я не мог вспомнить его имени, но он был членом моего клуба. Я распахнул дверь и высунулся наружу, окликая его.

Сначала я решил, что меня не услышали. Но потом понял. Как это ни смешно, я совсем забыл о своем положении.

Ужас, и ярость, и безграничное одиночество нахлынули на меня. Какая разница, есть ли на мне одежда, решил я, я заставлю его услышать. Я догоню его и заставлю слушать...

Мне казалось, что я спускаюсь по ступенькам и бегу за ним, но весь мир был как в перевернутом телескопе — сколько ни беги, все равно до цели далеко. А потом я увидел, что стою на месте.

Я посмотрел на свои неподвижные ноги, и тут в моем сознании прояснилось нечто. Оно было ближе ко мне, чем мои ноги. Оно было частью меня. Сначала я не мог понять, что это. Но потом понял. Странно. Очень странно. Я увидел тотем Орла на груди. Я четко видел его на ткани, вплоть до мельчайшего стежка.

Но на мне была вовсе не священная туника. Я был завернут в простую простыню...

И я был совершенно один.

Я лег в кровать и попытался сосредоточиться. Это было трудно — мешало чувство синевы, растекшейся

вокруг меня, невесомости, полета, ветра, бьющего мне в лицо... Наверное, я просто заснул.

Я подумал: «Подожди. Ты должен дождаться их. Они...»

Тотем Орла.

Они увидят, что магия не действует, если в нее не верить. А я не...

Орел.

А я не верю. Пусть веру вбивали в меня с детства, мне твердили это, когда я даже ребенком не мог называться, когда я был более живым, чем сейчас...

Орел.

Брось. Это одержимость. Здесь, в полутьме, в пустой погребальной комнате, откуда слезла вся ткань общества, больше ничего его не держит. Нет ничего, кроме...

Орел.

Я более не одинок, больше не так одинок, ведь здесь, в синеве, в полете, присутствует... Прекрати!

Мысль перетекает в действие. Одержимость перетекает в принуждение. Но этому не бывать. Я не мог управлять мыслями, но по крайней мере я каким-то образом знал, что мое тело меня не подведет. Я мог управлять своим телом. Если я этого не смогу, то больше не буду собой. Мной будет управлять... нет, не магия. Не тотем. А страшная сила общества, частью которого я был рожден.

А теперь здесь, паря в синеве...

Надо остановиться. Надо подумать. Надо встать с кровати.

Двигайся!

Это легко. Подними руку. Совсем чуть-чуть.

Подними!

Орел. Орел. Орел.

Раздалось пение. По комнате задвигались фигуры в платьях. Я почувствовал, что дом наполнился людьми.

Шевелись. Пошевели кистью, рукой. Если ты сможешь пошевелиться, то сможешь и сесть, бросить проклятие, разбить чары.

Вдоль стены на коленях стояли поющие. В ногах у меня был тотем Орла. Я не мог оторвать от него взгляда.

Кто-то ходил вокруг кровати и пел. Я знал этот голос. Лайла.

Она вернулась. Она снова верила. Она верила в магию, как и до того, как я открыл ей правду. А сейчас, как я и предсказывал, когда крал душу Халиайи, невыносимая власть общества задует робкий огонек разума, который я зажег в ее голове. Я убил ее любовника с помощью магии. Сейчас она в это верила. И она верила во все прочие ритуалы — в духовный брак, который не может быть расторгнут, несмотря на развод. Вот она и стояла здесь как моя ближайшая родственница и пела погребальный плач обряда ухода.

Она действовала как марионетка, без воли, огонек истины навсегда потух в ее мозгу.

Я не мог говорить. Но я должен был двигаться. Я должен был вернуть Лайлу. Но теперь наконец я понял, что не хочу заполучить ее обратно без души. Я пытался сказать ей, чтобы она уходила. Я пытался сказать ей, что нет никакой магии — ни здесь, ни где бы то ни было. Были только внушение и страх, убивающие реальность и правду.

Я не мог ни заговорить, ни пошевелиться.

Я должен двигаться. Чтобы спасти себя и Лайлу. Не от смерти — она не страшна. Людям свойственно умирать. Но жить в темноте — пробираться на ощупь сквозь иллюзорный мир мнимых идолов...

Я должен двигаться. Тогда я смогу разбить чары. Тогда смогу бросить проклятие, и эти глупцы поверят, что моя магия оказалась сильнее. Я снова буду жить и на этот раз скажу всю правду. Пусть я и умру потом. Я снова зажгу огонек разума и знания в голове Лайлы и буду

передавать этот огонек прочим, если будет на то Божья воля, если будет угодно, пока он не охватит весь мир и не сожжет фальшивых идолов, чьи тени бросили землю во тьму.

Но сначала мне нужно пошевелиться.

Почему я не могу шевельнуться? Я не верю... Я знаю правду...

И все же через меня проходили волны силы. Они исходили от женщины, марионеткой ходящей вокруг кровати, от плакальщиков, стоящих вокруг стены, от всех и каждого в моем доме... во всем мире.

Они верили.

Я не верил, но они верили.

Нет, я не верил. Однако какая-то часть меня была согласна с ними — глубинная, бессознательная, древняя память. Крепкая, словно гранит, она была во мне еще до того, как я начал ходить и говорить. Но в ней не было тотема Орла... никаких тотемов... никакой магии. Я знал это. Но все равно не мог шелохнуться: каждый раз, когда я пытался пошевелиться, черный парализующий страх нагонял на меня слабость и оцепенение. Как будто я смотрел на Орла. Как будто я верил в Орла.

Лайла была марионеткой, двигающейся по комнате. Плакальщики выли и раскачивались. Безликие фигуры в траурных балахонах ходили по дому. Я видел стены, которые стали прозрачными, как стекло, видел каждого в доме, четко и ясно, наверху и на первом этаже. Я видел и сквозь дом, сквозь весь город, в котором тысячи мужчин и женщин смотрели на меня и бросали меня во тьму силой своей веры. И за городом и кланом, в других городах и кланах... миллионы мужчин и женщин, слившихся в один живой организм, более могущественный и страшный, чем любой бог. Это и есть то чудовище. Монстр — это общество. Общество, свернувшее немного не там и теперь приведшее нас в этот мир и в это время. Нами всеми управляет страх. Страх за-

крывает нам глаза на истину и открывает нам внутреннее зрение. Этим внутренним зрением мы видим ложь, в которой только и находим спасение.

Я был сильнее прочих. Нет, я был слабее, ведь, зная правду, я позволил страху завладеть собой. Страху, что я потеряю Лайлу. Страху перед тем, что сделает со мной общество, если я открою всем то, что знаю. Да что я знал? Что нет никакого Орла, никакой магии, только страх и слепая вера в великую силу чудовища. И вот я, неподвижный, лежал перед этим чудовищем, во власти многовекового страха.

Больше ничего не существовало. Все исчезло. Остался только монстр. Сама реальность менялась, пока ложь не стала реальностью. И в своей слепой вере общество летит в пропасть и стирает с лица земли Лайлу и меня, как некогда стерло правду.

Итак...

Я Орел.

Правда? Неужели все кончено? Нет... Лайла, мы не марионетки! Мы можем бороться... Я буду бороться за тебя! Я спасу тебя... и себя. Монстр нематериален. Истина может победить его. Если бы я только мог сказать правду... если бы я смог пошевелиться!

Монстр приближается, склоняется надо мной. Обрядовые песнопения разносятся по комнате, городу, по всему миру. Отпевают меня, отпевают все человечество. Где-то гаснет свет.

Лайла...

Я могу двигаться.

Теперь — могу.

Мои руки движутся, хлещут сверху вниз, все быстрей и быстрей в пустой синеве...

Хлопанье огромных крыльев.

СОДЕРЖАНИЕ

Рэй Брэдбери.
ГЕНРИ КАТТНЕР: НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ ВЕЛИКИЙ МАСТЕР
(перевод Н. Аллунан) 5

ВЕРНУЛСЯ ОХОТНИК ДОМОЙ
(перевод О. Битова) 16

ТВОНК
(перевод И. Невструева) 32

КРАСАВИЦЫ И ЧУДОВИЩЕ
(перевод Б. Жужунавы) 62

НЕВЕРОЯТНАЯ ДОГАДКА
(перевод Б. Жужунавы) 84

МУЗЫКАЛЬНАЯ МАШИНА
(перевод В. Баканова) 98

ЭЛИКСИР НЕВИДИМОСТИ
(перевод Н. Берденникова) 112

АНДРОИД
(перевод О. Зверевой) 147

ВОСХОД ЧЕРНОГО СОЛНЦА
(перевод Н. Берденникова) 189

ТОЛЬКО НЕ СМОТРИТЕ!
(перевод Б. Жужунавы) 228

МИР БЕЗ ВОЗДУХА
(перевод Н. Берденникова) 248

НИТОЧКА В БУДУЩЕЕ
(перевод О. Зверевой) 271

И ВЕЧНОСТЬ ВПЕРЕДИ...
(перевод О. Зверевой) 289

МЫ — СТРАЖИ ЧЕРНОЙ ПЛАНЕТЫ
(перевод О. Зверевой) 318

ПЛЕННИК РАЗУМА
(перевод О. Зверевой) 359

НЕКУДА ОТСТУПАТЬ
(перевод Е. Секисовой) 412

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК
(перевод О. Зверевой) 450

АЛЫЙ КАМЕНЬ С МЕРКУРИЯ
(перевод О. Зверевой) 483

ОБРЯД ПЕРЕХОДА
(перевод О. Зверевой) 519

Литературно-художественное издание

Генри Каттнер

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Ответственный редактор *Н. Аллунан*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Корректоры *В. Дроздова, Л. Ершова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *R. Hescox*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино»
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 32. Тел./факс (812) 329-55-33.
E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 22.06.2006.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 7100 экз. Заказ № 3913.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

МИР ФАНТАСТИКИ

Единственный отечественный журнал о фэнтези и фантастике

ВСЁ О ФЭНТЕЗИ И ФАНТАСТИКЕ В КНИГАХ, ФИЛЬМАХ И ИГРАХ

Рубрики:

- интервью
- рецензии
- аниме
- врата миров
- бестиарий
- машина времени
- арсенал
- конкурсы с призами

+2 фантастических рассказа в каждом номере

128 полноцветных страниц + постер А2 + диск (CD или DVD)

Журнал комплектуется DVD с фантастическим фильмом!

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

История становления христианства, тайны католической церкви, крестовые походы, мальтийский орден и рыцари-тамплиеры, жизнь средневековой Европы – в одной серии!

Легкая манера написания и уникальная по напряженности интрига от всемирно признанных мастеров бестселлера

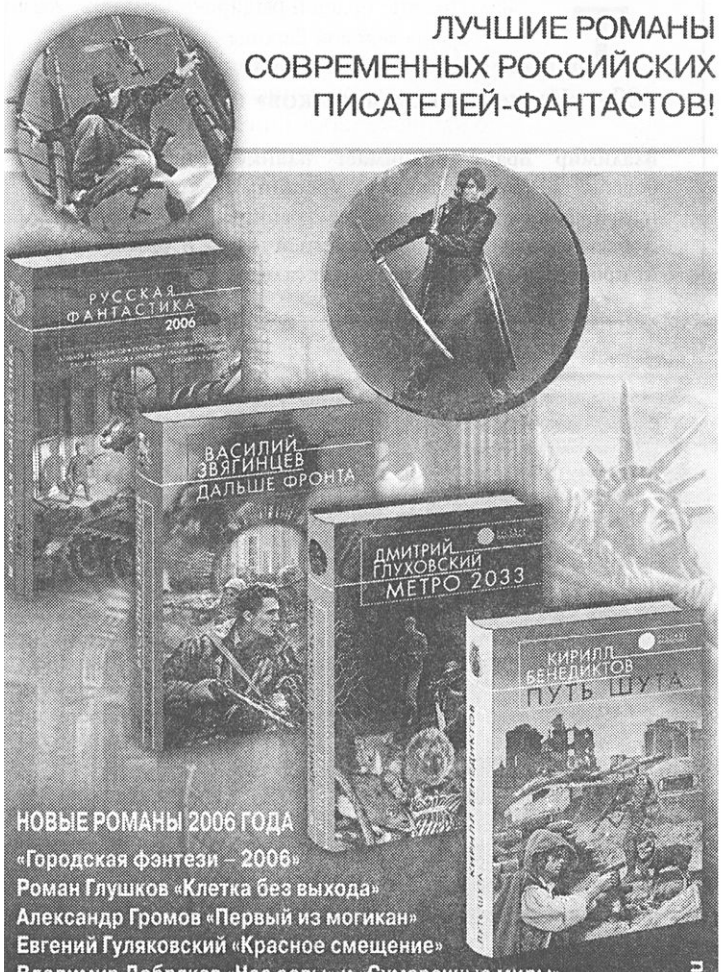
Лучшие загадочные романы, которыми зачитывается весь мир!

Кэтрин Нэвилл «Магический круг», «Восемь»
Ирвин Уоллес «Слово»
Томас Гиффорд «Ассасины»
Марк Фрост «Список семи»
Энн Райс «Мэйфейрские ведьмы», «Лэшер»
Джинн Калогридис «Невеста Борджа»
Пол Кристофер «Тень Микеланджело»
Чарльз Паллисер «Квинанкс»
Филипп Керр «Знак алхимика: загадка Исаака Ньютона»

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

НОВЫЕ РОМАНЫ 2006 ГОДА

«Городская фэнтези – 2006»
Роман Глушков «Клетка без выхода»
Александр Громов «Первый из могикан»
Евгений Гуляковский «Красное смещение»
Владимир Добряков «Час совы» и «Сумеречные миры»
Алексей Евтушенко «Отряд», «Отряд-2» и «Отряд-3»
Михаил Кликин «Личный друг бога»
Олег Макушкин «Иллюзион»
Роман Папсуев «Правитель мертв»
Андрей Плеханов «Бессмертный мятежник» и «Лесные твари»

www.eksmo.ru

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА

ВЛАДИМИР БРАЙТ

Три новые трилогии — три новых фантастических мира: «32», «Империя неудачников» и «Цвет крови».

Владимир Брайт поднимает планку фантастического боевика на новую высоту. Ураганный экшн держит в напряжении в течение каждой страницы, каждого абзаца... Добавьте сюда еще неподражаемый юмор, и удовольствие от прочитанных книг превзойдет самые смелые ожидания.

«Восемь выстрелов разорвали тишину улицы, и два трупа практически синхронно легли на прогретую солнцем мостовую...»

«– Я взял его, – сообщил темный ангел своему напарнику. – Игра окончена».

ИГРА ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ!

ВЛАДИМИР БРАЙТ – новая восходящая звезда фантастического боевика!

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

Генри Каттнер — пожалуй, самый многогранный фантаст двадцатого века. Первый успех пришел к нему в двадцать один год — тогда ему прочили большое будущее как автору мистики в духе Лавкрафта. Потом его раскритиковали за «космические боевики» с лихо закрученным сюжетом, и Каттнер стал прятаться под многочисленными псевдонимами. В 1940 году он женился на писательнице Кэтрин Мур. Супруги практически постоянно работали в соавторстве и печатали плоды совместного труда под псевдонимами или под именем самого Генри Каттнера, так что до сих пор не известно, чьему перу какие рассказы принадлежат. После безвременной кончины в 1958-м за Каттнером закрепился титул классика жанра. Мы с гордостью представляем читателям ранее не издававшиеся в нашей стране рассказы этого великого мастера.

ISBN 5-699-17581-4